Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Институт стран Азии и Африки

На правах рукописи

КАРАМУРЗОВ РЕНАТ БАРАСБИЕВИЧ

Теория и практика международных экономических сопоставлений на основе ППС валют (на примере социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2012 гг.)

Специальность – 08.00.14. – Мировая экономика

Диссертация на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
д.э.н., профессор Л.А. Фридман

Москва – 2015

Содержание

		Стр.
ВВЕДЕНИЕ		**4**
Глава 1. Теоретические основы и практическая реализация методики международных экономических сопоставлений		**19**
1.1	Концепция паритета покупательной способности валют	23
1.2	Из истории развития теории паритета покупательной способности валют	41
1.3	О методике Программы международных экономических сопоставлений и её раунда 2005 г.	54
Глава 2. Проблемы международных экономических сопоставлений		**70**
2.1	Критика результатов раунда ПМС 2005 г. Э. Мэддисоном	70
2.1.1	Различные методы агрегирования и сопоставление полученных результатов	73
2.1.2	Расчеты и оценки ВВП стран мира по ППС валют, полученные Э. Мэддисоном, другими исследователями и международными организациями	82
2.1.3	Некоторые причины расхождений в оценках ВВП по ППС валют	90
2.1.4	Проблема определения величины ВВП Китая по ППС валют	93
2.1.5	Проблема определения темпов роста ВВП в Китае	98
2.1.6	Оценки величины так называемого «прожиточного минимума» или абсолютного минимума средств существования	102
2.1.7	Подушевой ВВП некоторых стран Древнего мира	108
2.1.8	Некоторые аспекты экономического развития мира за последние 2000 лет (опыт количественной оценки)	115
2.2	Ошибки авторов доклада МВФ 2000 г. о результатах мирового экономического развития в XX в.	121

Глава 3. Анализ результатов экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в период независимого развития **129**

3.1 Внутренняя динамика ВВП стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2012 гг. 130
3.2 Страны Центральной Азии и Южного Кавказа в окружающем мире (1990-2012 гг.) 156

Глава 4. Доходы населения и потребление продуктов питания в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2010 гг. **168**

4.1 Динамика реальной заработной платы 168
4.2 Структура расходов домашних хозяйств в странах Центральной Азии и Южного Кавказа 185
4.3 Потребление продуктов питания 198
4.3.1 Потребление продуктов питания в союзных республиках СССР в 1989-1990 гг. 200
4.3.2 Потребление продуктов питания в государствах Южного Кавказа (1991-2010 гг.) 223
4.3.3 Потребление продуктов питания в странах Центральной Азии (1991-2010 гг.) 240

Глава 5. Социальная сфера и условия жизни населения стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990-2010 гг.) **264**

5.1 Жилищные условия 264
5.2 Образование 275
5.3 Состояние системы здравоохранения 283
5.4 Положение науки 301

ЗАКЛЮЧЕНИЕ **317**

БИБЛИОГРАФИЯ **334**

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение траекторий экономического роста и эффективности различных стратегий реформирования народного хозяйства в бывших советских республиках Центральной Азии и Южного Кавказа представляет значительный научный интерес. Получение реалистичных оценок итогов произошедших изменений имеет важное практическое значение, поскольку на основе таких сведений руководители различных национальных ведомств, международных организаций и лидеры разного рода региональных объединений делают выводы о целесообразности принятия тех или иных решений.

При оценке экономического потенциала страны пристальное внимание уделяется величине валового внутреннего продукта (далее – ВВП) в целом и в расчёте на душу населения. Поскольку изначально этот показатель подсчитывается статистическими ведомствами каждой страны в единицах национальной валюты, для международных сопоставлений значения ВВП необходимо привести к единому сопоставимому виду. В последние десятилетия для решения этой задачи всё чаще используется методика, основанная на концепции паритета покупательной способности (далее – ППС) валют, смысл и содержание которой отвечают указанным выше целям в гораздо большей степени, чем применявшиеся ранее обменные курсы валют.

Подсчёт коэффициентов ППС валют с конца 1960-х гг. осуществляется совместными усилиями нескольких международных организаций в тесном сотрудничестве с национальными статистическими ведомствами стран мира в рамках Программы международных сопоставлений (далее – ПМС). Количественные результаты, полученные в ходе проведения раундов ПМС, являются основным источником такого рода данных; они базируются на расчётах, подкрепленных тщательно разработанной методологией, и наиболее полных первичных ценовых сведениях. Международные организации, как правило, принимают новые данные, оставляя за собой

право корректировать их в соответствии с собственными представлениями о положении той или иной страны, территории, региона в геоэкономической картине мира. Поэтому цифры о размерах ВВП по ППС валют в базах данных организаций, предоставляющих такие сведения, могут различаться, порой довольно существенно. Оправданность отдельных корректировок итоговых результатов ПМС остаётся спорной.

Многие авторы работ, посвященных международным экономическим сопоставлениям, ограничиваются использованием данных того или иного источника, как правило, не подвергая серьезному критическому анализу методы, которыми эти сведения были получены, не принимая в расчёт имеющиеся альтернативные оценки. В результате игнорируется проблема **многовариантности** оценок ВВП по ППС валют, что не способствует повышению качества всего исследования и может отразиться (и отражается!) на научной и практической ценности полученных результатов.

По причине интегрального, обобщающего характера показателя ВВП наличие даже самых полных и реалистичных оценок его значений и динамики не может служить основанием для предположений об аналогичных изменениях в условиях жизни людей. Выявить основные тенденции и оценить масштабы изменений уровня благосостояния населения позволяет анализ показателей социальной сферы. Этот подход может осложняться наличием несовпадающих или даже противоречивых сведений по одним и тем же индикаторам, содержащимся в разных базах данных. Для выяснения причин подобных расхождений и определения наиболее близких к действительности оценок необходим максимально полный учёт всех доступных сведений и анализ дополнительных материалов.

Важной особенностью базовых макроэкономических индикаторов и показателей социально-экономического развития в Центральной Азии и на Южном Кавказе является то, что статистические сведения по своей полноте, широте охвата и регулярности появления существенно различаются от страны к стране.

Необходимость получения реалистичной картины итогов самостоятельного развития государств Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двух десятилетий (1990–2012 гг.) в сочетании со слабой изученностью указанных вопросов и сложностью возникающих задач предопределили актуальность темы диссертационной работы.

Степень разработанности научной проблемы представлена широким спектром научных публикаций по вопросам социально-экономического развития бывших советских республик, в том числе стран Центральной Азии и Южного Кавказа в трудах А.И. Бельчука, Л.Б. Вардомского, Л.А. Гордона, С.В. Жукова, Э.В. Клопова, Е.М. Кузьминой, В.А. Мельянцева, Л.А. Фридмана.

Принципы международных сопоставлений, в том числе различные аспекты теории, истории и практического применения концепции ППС валют раскрыты в работах А.А. Афанасьева, С. Бризмана, М. Грайс–Хатчинсон, Г. Касселя, Дж.М. Кейнса, К. Кларка, И. Крэвиса, Э. Мэддисона, Л. фон Мизеса, А. Пигу, Д. Рикардо, К. Рогоффа, Дж. Ротбарта, Р. Де Ровера, Дж. Салерно, Р. Саммерса, А. Смита, П. Студенского, Дж. Уитли, Дж. Френкеля, Э. Хекшера, А. Хестона, Дж. Холмса, Д. Юма.

В процессе работы над диссертацией проанализированы фундаментальные исследования, посвященные вопросам экономического развития, а также освещены конкретные проблемы хозяйственной деятельности отдельных стран и территорий. Имеются в виду разнообразные аспекты материального быта и условий жизни людей, а также социальные структуры в исторической ретроспективе, изученные Ф. Броделем, П. Буассонадом, С.Н. Булгаковым, М. Вебером, Г. Ву, Е.Т. Гайдаром, У. Истерли, Г. Кларком, И.М. Кулишером, Р. Кэмероном, С.А. Нефедовым, Ж. Ле Гоффом, Р. Лукасом, Дж. Мокыр, Б.Н. Мироновым, М. Монтанари, М.И. Ростовцевым, Д. Нортом, Э. Хелпманом, Й. Шумпетером.

Получению собственных количественных оценок уровня развития некоторых территорий способствовало изучение работ по проблемам

квантификации экономической истории Р. Голдсмита, П. Маланимы, Б. Милановича, Э. Ло Кашио, Д. Ратбоуна, У. Скэйдла, К. Хопкинс.

Несмотря на широкое использование в различных работах количественных оценок, полученных на основе концепции ППС валют, многие вопросы её применения при международных сопоставлениях остаются неисследованными. Отметим недостаточное, на наш взгляд, внимание со стороны специалистов к проблеме многовариантности оценок при изучении экономического потенциала и уровня развития стран и регионов мира.

Объект исследования – международные экономические сопоставления на основе ППС валют и социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Предмет исследования – методика и результаты применения международных экономических сопоставлений на основе ППС валют при анализе страновой, региональной и общемировой экономической динамики и геоэкономической структуры современного мира, а также направление и масштабы изменений индикаторов социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Цель диссертационного исследования – определить тенденции экономической динамики стран Центральной Азии и Южного Кавказа на основе анализа теории и практики международных экономических сопоставлений, базирующихся на концепции ППС валют и индикаторов социально-экономического развития.

Для её реализации в диссертационном исследовании были поставлены и решены следующие **задачи:**

– конкретизировать особенности методики международных экономических сопоставлений, в частности, специфику развития и применения на практике элементов теории ППС валют при оценке экономического потенциала и уровней экономического развития отдельных стран в рамках ПМС;

–выявить более реалистичные траектории экономического развития отдельных стран мира в 1990-х – 2000-х гг., в том числе крупнейших по

численности населения (Китай, Индия, Индонезия и др.), и стран с экономикой переходного типа с учётом результатов глобального раунда ПМС 2005 года, а также предшествующих раундов;

– охарактеризовать социально-экономические процессы в Центральной Азии и на Южном Кавказе и выявить наиболее вероятные сценарии изменений величины ВВП (в целом и на душу населения) в изучаемых странах в условиях кризиса переходного типа, а также в период восстановительного и поствосстановительного (там, где он имел место) экономического роста;

– оценить характер и масштабы изменений реальных доходов населения и структуру расходов домашних хозяйств в перечисленных выше странах в период их постсоветского развития вплоть до 2010 г.;

– определить направления, особенности и глубину изменений в сфере потребления основных продуктов питания в условиях отсутствия сопоставимых сведений по ряду стран за большую часть рассматриваемого периода;

– проанализировать изменения жилищных условий населения в изучаемых странах за годы независимости, опираясь на материалы об обеспеченности населения жильем и динамику некоторых показателей жилищного строительства;

– оценить состояние системы здравоохранения на основе анализа ряда количественных показателей, позволяющих судить об эффективности затрат на медицинское обслуживание населения, в частности, о результативности лечения отдельных заболеваний;

– выявить основные тенденции развития народного образования на постсоветском пространстве исходя из динамики числа учебных заведений, учащихся и педагогических кадров.

– установить основные тенденции, направления и масштабы изменений в сфере науки в изучаемых странах в 1990–2010 гг.

Теоретическая и методологическая основа исследования – работы российских и зарубежных учёных, методические руководства Всемирного банка (далее – ВБ), Международного валютного фонда (далее – МВФ), Центра

международных сопоставлений Пенсильванского университета, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (далее – ФАО), Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Национального научного фонда США (National Science Foundation, NSF), межгосударственного статистического комитета СНГ, статистических ведомств РФ, стран Центральной Азии и Южного Кавказа.

Информационная база исследования – справочные издания и базы данных ВБ, МВФ, Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета, Евростата, Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Центрального разведывательного управления (далее – ЦРУ) США, а также ВОЗ, ФАО, Национального научного фонда США, материалы государственных статистических служб стран СНГ, а также межгосударственного Статкомитета СНГ, аналитические материалы и таблицы исторической статистики Энгаса Мэддисона.

Область исследования соответствует паспорту специальности 08.00.14 – Мировая экономика ВАК Минобрнауки РФ.

Научная новизна диссертации заключается в следующем. Анализ имеющихся статистических сведений выявил существенные расхождения в оценках ВВП (полученных на основе ППС валют) многих стран мира, в том числе государств Центральной Азии и Южного Кавказа. Значительные масштабы этих различий имеют принципиальное значение, т.к. в зависимости от выбора того или иного источника (издания, базы данных) меняются место и роль стран и регионов в геоэкономической картине мира. В соответствующих исследованиях, посвященных сопоставлениям базовых макроэкономических показателей на основе ППС валют, в лучшем случае отмечается сам факт расхождений между величинами ВВП (ВНП, ВНД) стран и территорий; гораздо реже рассматриваются масштаб и характер этих различий. Большинство исследователей ограничивается анализом данных какого-либо одного источника статистических сведений, и при этом фактически игнорируются все другие.

Проведенный в работе анализ позволил установить, что появление больших различий между разными оценками соответствующих величин ВВП по ППС валют связано с особенностями организации и процедур проведения ПМС, а также нынешней методикой «продления» данных её отдельных раундов на основе темпов экономического роста. Таким образом, значительные масштабы расхождений между соответствующими данными различных источников не являются следствием случайных ошибок, напротив, их появление, по указанным причинам, закономерно и носит системный характер. Этот вывод может послужить основанием для критического пересмотра современной практики расчётов ППС валют и их применения при международных экономических сопоставлениях.

В процессе анализа было установлено, что сведения ни одного отдельно взятого источника не могут быть признаны однозначно лучшими, соответственно, ни одной из баз данных не может быть отдано предпочтение перед другими. Поэтому в работе обосновывается целесообразность рассмотрения подобной многовариантности оценок величины ВВП по ППС валют в качестве самостоятельной научной проблемы.

Элементами научной новизны отличаются все разделы диссертации, посвящённые изучению социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двух десятилетий, в частности, выводы о характере динамики соответствующих индикаторов.

Отдельные научные результаты исследования представляют собой новые теоретические положения и практические рекомендации, сформулированные и полученные лично автором работы. Наиболее существенные из них:

– сформулирована проблема **многовариантности** оценок макроэкономических показателей при международных экономических сопоставлениях;

– установлено, что специалисты отдельных международных организаций при составлении временных рядов макроэкономических

показателей, рассчитанных на основе концепции ППС валют, используют методы, принципиально противоречащие её смыслу и содержанию;

– дана новая оценка величины абсолютного минимума средств существования (subsistence minimum) в денежном выражении, имеющая принципиально важное значение для исследований, посвященных вопросам квантификации экономической истории;

– предпринята попытка квантификации итогов экономического развития человечества на протяжении 2000 лет;

– установлены причины значительных расхождений в оценках величины ВВП Китая по ППС валют в изданиях и базах данных ведущих международных организаций и исследовательских центров. С учётом особенностей функционирования статистической службы КНР в 1960-х гг. указан источник противоречий между сведениями официальной статистики темпов экономического роста этой страны на протяжении второй половины XX–начале XXI вв. и оценками отдельных исследователей. Обоснована проблема получения реалистичной картины текущего уровня экономического развития Китая;

– определение реалистичных траекторий развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа относительно РФ на протяжении 1990-х – 2010-х гг. позволило оценить перспективы экономической реинтеграции на постсоветском пространстве. С учётом опыта Европейского союза выдвинуты предположения относительно характера взаимодействия между Россией, Белоруссией и Казахстаном, с одной стороны, и Киргизией и Таджикистаном, с другой, в случае вступления последних в Таможенный союз ЕврАзЭС;

– уточнены соотношения уровней экономического развития России и США (а также России и среднемировых показателей) за период с начала XX в. (в том числе в 1913 г.) до начала XXI в. (в том числе в 2013 г.) с учётом итоговых данных международных сопоставлений;

– рассчитана величина реальной заработной платы в странах СНГ (и Грузии), начиная с 1990 г., на основе индекса потребительских цен (далее –

ИПЦ) и дефлятора ВВП. По сравнению с аналогичными сведениями, содержащимися в официальных данных Статкомитета СНГ и национальных ведомствах (рассчитанных на основании ИПЦ, базовым является 1991 г.), полученные расчёты существенно меняют представление о масштабах изменений доходов и условий жизни значительной части населения этих стран;

– проанализирована структура потребительских расходов населения в 1990–2010 гг. стран Центральной Азии и Южного Кавказа;

– предложен комплексный подход к изучению динамики уровня потребления продуктов питания, базирующийся на анализе продовольственных балансов и результатах обследований домашних хозяйств. Для некоторых стран анализ натуральных показателей потребления отдельных продуктов дополнен оценками количества белков, жиров и углеводов в рационе питания. Выявлены сдвиги в структуре рациона питания, характерные для большинства изучаемых стран, в отдельные периоды их независимого развития. Наглядно продемонстрировано, как некритичное отношение к данным о потреблении продуктов питания, без проверки их на непротиворечивость и согласованность с другими аналогичными сведениями, может приводить к существенным искажениям и принципиально неверным выводам;

– выявлены особенности изменений, произошедших в сфере здравоохранения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (а также в РФ, Белоруссии, Молдове и Украине) в период с 1990 по 2010 гг., на основе данных о величине и структуре расходов на медицину, численности медицинских работников различного уровня квалификации. С учётом специфики интерпретации статистических сведений о численности больных некоторыми заболеваниями сделан вывод о результативности мер, направленных на охрану здоровья граждан;

– проанализированы изменения, произошедшие в странах-членах СНГ (и Грузии) в сфере образования за первые два десятилетия их независимого развития; в частности, рассмотрены показатели динамики количества учебных заведений, численности учащихся и педагогов;

– на основе анализа динамики интегральных показателей – общей площади жилищного фонда, обеспеченности населения жильём, объемов жилищного строительства (на примере средней площади и количества введенных квартир) – сделан вывод о характере и основных направлениях изменений, произошедших в жилищной сфере рассматриваемых государств в 1990–2010 гг.;

– обобщены итоги самостоятельного развития стран-членов СНГ в сфере науки. На основе наукометрических показателей сделаны выводы о характере, масштабах и основных тенденциях произошедших изменений.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Применение концепции ППС валют при изучении мирового экономического пространства и его составляющих неизбежно приводит к многовариантности расчетов и оценок интегральных экономических показателей, отражающих экономические размеры и уровни экономического развития различных стран.

2. Изменения в методологии подсчёта коэффициентов ППС валют в ходе раунда ПМС 2005 г. не могут считаться причиной значительных различий его итоговых результатов и прежних оценок. Полученные в ходе раунда ПМС 2005 г. сведения о величине ВВП по ППС валют в 2005 г. не являются абсолютно точными, тем не менее, есть все основания считать их лучшими из имеющихся. Они получены на основе наиболее полных сведений, собранных по единой методике, при участии и под контролем экспертов разных стран и международных организаций.

3. Представление данных о величине ВВП по ППС валют (в целом и в расчёте на душу населения) с мнимой точностью до одной единицы (доллара, евро, рубля и т.п.), широко принятое в практике ведущих международных организаций и исследовательских центров, необоснованно. Одним из доводов в пользу этого утверждения являются масштабы расхождений в оценках уровней экономического развития отдельных стран в разных источниках.

4. Оценка Э. Мэддисона абсолютного минимума средств существования в размере 400 долл. (в постоянных ценах 1990 г. по ППС валют) ошибочна. Проведенный сравнительный анализ с использованием результатов раундов ПМС и сведений базы данных ВБ «PovcalNet» даёт основание утверждать, что величину этого показателя необходимо снизить до 150–200 долл. (в постоянных ценах 1990 г. по ППС валют).

5. Разрыв между уровнями доходов наиболее и наименее развитых стран и регионов мира существенно возрос за последние 2000 лет. В начале н.э. подушевой ВВП самых развитых регионов мира был примерно в 3-4 раза выше, чем в наиболее отсталых уголках планеты, а к концу первого десятилетия XXI в. величина аналогичного разрыва достигает 50 (нередко существенно больше) раз. Доход на душу населения «типично» бедных стран и территорий за 2000 лет вырос (если он вырос) не более чем в 1,5–2 раза, тогда как доходы жителей наиболее развитых (по меркам эпохи) регионов увеличились в 40–50 и более раз. Однако даже в начале третьего тысячелетия потребление (в широком смысле) примерно пятой части мирового населения находится на уровне, более или менее сопоставимом с таковым для отсталых регионов мира в I веке н.э.

6. При появлении результатов очередного раунда ПМС эксперты ВБ производят пересчет величины ВВП за предыдущие годы, преимущественно на основе данных о темпах экономического роста. При таком подходе могут не учитываться или искажаться разного рода структурные и ценовые характеристики ВВП, имеющие ключевое значение при подсчёте коэффициентов ППС валют.

7. За время независимого развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа сформировались две группы государств, различающихся главным образом наличием или отсутствием крупного потенциала энергоносителей:

а) страны, обладающие крупным экспортным потенциалом энергоносителей (Азербайджан, Казахстан, Туркменистан), к настоящему

времени в целом восстановившие масштабы их «экономического расстояния» от России по уровню развития, по сравнению с последними годами существования СССР;

б) страны, не обладающие сколько-нибудь крупными источниками «нефтегазовых» энергоносителей – Киргизия, Таджикистан, Грузия, Армения. Масштабы экономического расстояния между уровнями развития этих государств и России (по сравнению с последними годами существования СССР) увеличились в несколько раз.

Особое место занимает Узбекистан, не располагающий столь же крупными источниками доходов от экспорта энергоносителей, как страны первой группы.

8. Гипотеза о крайне неудовлетворительных результатах экономического развития (измеряемых динамикой подушевого ВВП) России относительно США на протяжении XX века опирается на данные 1913 и 1998 гг. и не учитывает результатов динамики ВВП в 1999–2013 гг. Анализ новейших данных показал, что соотношение подушевых ВВП (в первом приближении – уровней экономического развития) России и США в 2013 г. было в 1,5 раза выше чем в 1913 г.

9. В период кризиса переходного типа во всех изучаемых странах произошло значительное (порой в разы́) снижение величины реальной заработной платы.

10. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа к концу 2000-х гг. величина удельного веса расходов на продукты питания приблизилась к уровню 1990 г., сравнялась или даже оказалась ниже него. Доля расходов на непродовольственные товары ни в одной из стран, в которых наличие соответствующих данных позволяло провести подобное сравнение, не сравнялась с докризисным уровнем. Уменьшение доли расходов на непродовольственные товары обусловлено ростом удельного веса расходов на оплату услуг (в большинстве рассмотренных стран они нередко в 2–3 раза выше докризисных значений). В изучаемых странах (возможное исключение –

Туркменистан) доля расходов на оплату услуг существенно выросла. При этом «вес» услуг в общих расходах домашних хозяйств возрос не в результате повышения их реального потребления, а в значительной степени из-за роста цены.

11. Практически во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа происходило сокращение количества постоянных дошкольных учреждений, численности обучавшихся в них детей и педагогических работников. При этом изменение количества общеобразовательных школ, численности их учеников и учителей, как правило, было разнонаправленным. Характерная особенность послешкольного образования в рассматриваемый период в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа – увеличение количества вузов и средних специальных учебных заведений. Число первых во всех странах обоих регионов (кроме Узбекистана) возрастало быстрее. Другая общая тенденция для всех стран (по которым имелись соответствующие сведения) – увеличение численности студентов вузов в расчёте на одного преподавателя. Аналогичные показатели для средних специальных учебных заведений, напротив, сокращались (исключение – Азербайджан).

12. Во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа в период их независимого развития имел место рост номинального показателя обеспеченности населения жильём. Другой общей тенденцией для всех изучаемых государств был спад в сфере жилищного строительства. Важной структурной особенностью этого процесса было то, что сокращение общего числа строившихся квартир сопровождалось увеличением их средней площади.

13. В сфере науки во всех странах-членах СНГ (и Грузии) имело место снижение численности специалистов-исследователей и значительное сокращение объемов выполненных научно-технических работ.

Практическая значимость диссертации. Методы и подходы, выработанные и использованные в процессе работы над диссертацией, могут применяться в научных исследованиях, посвященных международным сопоставлениям.

Непосредственно результаты диссертационного исследования могут быть полезны для использования в работе различных международных организаций. Межгосударственные экономические объединения (например, таможенный союз ЕврАзЭС) могут применять результаты исследования для оценки уровня социального и экономического развития стран, претендующих на вхождение в их состав.

Результаты и статистические материалы, содержащиеся в диссертации, также могут применяться при разработке общих и специальных курсов лекций, посвященных развитию мирового хозяйства, международным экономическим сопоставлениям, экономической истории России и бывших республик СССР, положению развитых и развивающихся стран, в том числе, и особенно России, а также государств Центральной Азии и Южного Кавказа в конце XX–начале XXI вв.

Выводы и заключения, сделанные в ходе изучения проблемы многовариантности экономических сопоставлений, могут быть полезны специалистам таких международных организаций, как ВБ и МВФ для совершенствования методики оценки и представления данных о ВВП различных стран, при проведении очередных раундов ПМС и подведении их итогов.

Уточнения, количественные оценки и прочие результаты, касающиеся уровня хозяйственного развития древних эпох, могут быть востребованы учёными-экономистами, историками и специалистами в области культурной антропологии.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены и обсуждены на Российском экономическом конгрессе 2009 г., Российском экономическом конгрессе 2013 г., III Международном конгрессе «Глобалистика 2013», конференциях «Ломоносовские чтения» (2009, 2010, 2011, 2012, 2013 гг.), «Ломоносов» (2012), международных научных конгрессах «Перспектива» (2008, 2009, 2010, 2011, 2012 гг.), на кафедрах

экономики и экономической географии и международных экономических отношений ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова.

Публикации. Основные результаты исследования изложены в 26 научных работах, в том числе двух монографиях, 14 статьях в российских журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также журнале Scientometrics, входящем в Топ-25 % журналов по критерию импакт-фактора согласно рейтингу Thomson Reuters. Общий объем публикаций составил 29,66 п.л.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованной литературы, приложений (содержат 155 таблиц), 7 рисунков; работа изложена на 470 страницах.

Глава 1. Теоретические основы и практическая реализация методики международных экономических сопоставлений

В условиях стремительной глобализации и усиления хозяйственных связей между различными регионами мира изучение экономических размеров и общего уровня развития отдельных стран и территорий приобретает особую актуальность. Сравнительный анализ экономических потенциалов государств, позволяет получить сведения, необходимые для разработки наиболее эффективных стратегий развития народного хозяйства, адекватных методов преодоления разного рода экономических трудностей и, как следствие, последовательного роста благосостояния общества в целом.

Получение наиболее полной картины экономической мощи страны или региона, как с научной, так и практической точки зрения, предполагает изучение множества существующих макроэкономических показателей. Однако на практике такой подход по объективным причинам малоприменим (если, вообще, возможен). Поэтому для межстранового анализа обычно применяется один обобщающий, интегральный показатель – ВВП. Абсолютная величина его свидетельствует об экономических размерах (потенциале), а относительная (в расчете на душу населения) позволяет сделать предварительные выводы об общем уровне развития страны (территории).

Очевидные преимущества этого индикатора – понятность и сравнительная «доступность» (подавляющее большинство стран регулярно предоставляет данные о величине ВВП[1] в ООН и другие международные организации). Сведения о ВВП и ВВП на душу населения позволяют делать, по-крайней мере в первом приближении, серьезные геоэкономические выводы.

[1] Сведения о структуре ВВП и величине его отдельных компонентов публикуются реже, но, как правило, также доступны.

При проведении подобного анализа желательно опираться на общепризнанные материалы, не вызывающие возражений у специалистов. Однако даже беглое знакомство с содержанием различных статистических сборников и научной литературой по межстрановым сопоставлениям показывает: специалисты отнюдь не единодушны во взглядах на распределение сил в геоэкономической картине мира. В табл. 1.1[1] приведены данные о ВВП 71 страны (из примерно 200 существующих) в 2005[2] г., по версии четырех, пожалуй, наиболее часто используемых источников. Таковыми являются базы данных следующих организаций: ВБ, МВФ, Центр международных сопоставлений Пенсильванского университета и ЦРУ США. Критерий отбора этих стран – расхождение между наибольшей и наименьшей оценками ВВП (по каждому государству) в разных базах данных не менее 20 %. Величина 20 % выбрана нами достаточно условно. Можно взять и меньшее значение (5, 10 % и т.п.) или большее (25, 30 % и т.д.): в первом случае число стран вырастет, во втором – уменьшится. При составлении табл. 1.1 преследовалась цель продемонстрировать наличие существенных расхождений между расчетами и оценками ВВП разных стран, относящимися к одному и тому же году, но полученными экспертами разных организаций.

По данным табл. 1.1 у трети государств и территорий мира расхождения между разными расчетами и оценками превышают 1/5 величины всего ВВП. Значение данного факта – трудно преувеличить. При изменении величины ВВП у ряда стран в зависимости от выбора той или иной базы данных может измениться и картина распределения сил в мировой экономике, а при классификации стран по уровню доходов (группы государств с низкими,

[1] Все таблицы упоминаемые в тексте представлены в Приложениях.

[2] 2005 г. выбран отнюдь не случайно; именно в этом году были проведены международные экономические сопоставления, которые привели к существенному пересмотру представлений о распределении сил в мировой экономике, а впоследствии, в известной степени, и к унификации различных баз данных. В таблице 1.1 эти изменения не отражены. – *Прим. авт.*

средними и высокими доходами в базе данных ВБ), та или иная страна может переместиться из одной группы в другую.

Разница в оценках текущего положения тех или иных стран отнюдь не ограничивается расхождениями, которые могли бы объясняться случайными погрешностями расчетов. Даже если допустить, что ошибка в 20 % является результатом неточности первичных данных и их последующей обработки, то разница в 63 % (Казахстан), 152 % (Беларусь) или тем более 190 % (Республика Конго), безусловно, носит «качественный» характер.

Повторим, что в табл. 1.1 приведены сведения только широко используемых источников, известных и доступных каждому экономисту-международнику.

Из данных табл. 1.1 следует несколько очевидных выводов.

1. Цифры ВБ, МВФ и ЦРУ имеют больше «сходств» между собой, чем со сведениями Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета.

2. В таблице практически не представлены государства, которые принято относить к числу развитых.

3. В таблице широко представлены бывшие советские республики, а также государства Восточной и Южной Европы, вступившие на путь рыночной экономики.

4. Большинство стран в таблице составляют малые и средние государства Азии, Африки и Латинской Америки.

5. Особенно большие (более 50 %) масштабы расхождений наблюдаются у стран, значительную часть стоимости экспорта которых составляют углеводородные энергоносители (Венесуэла, Казахстан, Кувейт, Нигерия, Объединенные Арабские Эмираты, Саудовская Аравия и др.). Можно предположить, что одной из причин столь больших расхождений были резкие колебания цен на нефть, газ и другие виды энергоносителей в 1970-е – 2000-е гг.

Общий вывод, частным свидетельством которого являются сведения табл. 1.1: **в научной среде одновременно имеют распространение разные варианты оценок ВВП, порой существенно отличающиеся друг от друга.** Исследователи обычно делают выбор в пользу какого-то одного источника и применяют его данные в своих дальнейших оценках, расчетах и сопоставлениях. Однако «игнорирование» остальных баз данных сказывается на конкретных выводах и общей научной ценности таких исследований.

Зачастую анализ сравнительного «качества» тех или иных данных затруднителен для «отдельно взятого» исследователя (или даже группы ученых). Поэтому многие экономисты пользуются необходимой им информацией сообразно «рейтингу» («авторитету») выбранного ими источника сведений. Важную роль в таком выборе играет интуиция или даже симпатия (антипатия) к тем или иным экспертам-составителям баз данных. Подобные «симпатии» обычно формируются по мере накопления личного опыта. В итоге экспертный выбор конкретного исследователя нередко носит субъективный характер. Поэтому в научной литературе нередко встречаются серьезно различающиеся выводы относительно положения той или иной страны в мировом экономическом пространстве. Значительно различаются и многие средне- и долгосрочные прогнозы развития как отдельных стран, так и всей мировой экономики: даже при использовании одних и тех же гипотез относительно траекторий их развития будущие позиции стран окажутся различными, если использованы неодинаковые первоначальные расчеты (оценки) ВВП.

Несмотря на то, что **многовариантность расчётов и оценок ВВП различных стран стала обычным явлением в современных международных сопоставлениях**, такое положение дел едва ли может считаться приемлемым. Необходимость получения адекватных сведений о ВВП очевидна. Поэтому желательно иметь единую и непротиворечивую (насколько это возможно) картину, характеризующую мировую экономику и геоэкономическую структуру мира в статике и динамике.

Решение задачи получения «унифицированных» и вместе с тем точных данных предполагает выяснение причин отмеченных выше расхождений. Последнее, в свою очередь, требует чётких представлений о содержании, по-крайней мере, некоторых методик и процедур, применяемых при международных экономических сопоставлениях.

1.1. Концепция ППС валют

Методика межстрановых сопоставлений ВВП может быть представлена в виде двух крупных блоков: 1) подсчет самого ВВП в каждой стране (как правило, он осуществляется национальными статистическими ведомствами); 2) приведение всех имеющихся сведений о ВВП сравниваемых стран к единому, сопоставимому виду.

В настоящее время значительная часть государств имеет более или менее налаженные статистические службы, которые предоставляют необходимую первичную информацию. Правительства некоторых стран могут быть заинтересованы в завышении или, наоборот, занижении «своего» ВВП, чтобы попасть в группу государств с высокими доходами или, напротив, получив статус наименее развитой страны, иметь право на получение разного рода преференций, льгот, безвозмездной помощи и т.п. со стороны международных финансовых институтов. Однако даже в случае подобных умышленных искажений величины ВВП, гораздо легче корректировать имеющиеся оценки, нежели заново подсчитывать «альтернативный» ВВП (для этого потребовалось бы получить все «альтернативные» исходные данные). Поэтому, оставляя в стороне вопрос о качестве подсчета национального ВВП в **национальной валюте**, выясним, как правильно сравнивать ВВП нескольких стран, выраженные в **разных валютах**. Для решения этой задачи необходим перевод показателей ВВП разных стран в какую-то **одну валюту**. Как его осуществить?

Пожалуй, наиболее известным и распространенным способом перевода индикаторов экономического развития, выраженных в какой-либо

национальной валюте, в денежные единицы других государств, является применение обменных курсов (в специальной экономической литературе этот показатель также называют «номинальным обменным курсом»), формирующихся под влиянием различных факторов на внешних и внутренних валютных рынках. Очевидными преимуществами данного метода являются: 1) его простота (перевод осуществляется «в одно арифметическое действие»: делением или умножением, в зависимости от того, является ли обменный курс прямым или обратным); 2) доступность соответствующих сведений (данные о об обменных курсах валют предоставляет большое число международных организаций и национальных финансовых ведомств различных стран). Однако достаточно обратиться к смысловому содержанию (номинального) обменного курса, чтобы обоснованность его использования при международных сопоставлениях перестала казаться столь очевидной.

Обменный курс – цена одной валюты, выраженная в единицах другой. Эта цена определяется, главным образом, востребованностью тех или иных денежных единиц в качестве платежного средства при международных торговых и финансовых операциях. Даже если допустить, что на уровни обменных курсов не оказывают намеренно влияние национальные и международные финансовые институты (хотя это нередко происходит в действительности) или игнорировать тот факт, что величина соотношений между валютами искажается в результате деятельности международных валютных спекулянтов, то, что величины номинальных обменных курсов выражаются в количестве единиц одной валюты за единицу другой не делает их автоматически пригодными для сравнения различных макроэкономических показателей. Очевидно, что в идеале перевод денежных единиц одной страны в валюту другой при сравнении физических объемов ВВП и их компонентов должен осуществляться с учетом функциональных соответствий валют.

Здесь полезна аналогия с физическими величинами. Как известно, во многих странах мира используется метрическая система мер, в то время как в других принята английская. Перевод единиц одной системы в единицы другой можно произвести с помощью известных коэффициентов их взаимных функциональных соответствий. Так, примерно соответствующие друг другу по величине единицы измерения длины – «метр» метрической системы и «ярд» английской – находятся в следующих соотношениях: 1 метр = 1,09 ярда (а 1 ярд = 0,914 метра). Аналогично, перевод единиц измерения массы – килограмм и фунт – осуществляется в соответствии с их эквивалентностью: 1 кг = 2,204 фунтам (соответственно, 1 фунт = 0,454 кг). Поскольку разные единицы измерения соответствующих величин тождественны функционально (качественно), различия между ними будут только в масштабах измерений. Чтобы определить неизвестные коэффициенты перевода между соответствующими единицами двух систем, достаточно взять какой-либо предмет, измерить (взвесить и т.п.) его в единицах, принятых в каждой из систем, и затем, приравняв оба значения, получить коэффициент соответствия. Аналогичный подход может быть применен и в случае денег: поскольку валюты всех стран выполняют одну и ту же задачу – выступают в качестве средства обмена – теоретически можно считать их единицами измерения одной и той же величины – цены товара, различающимися лишь размерами (масштабом).

На практике расчет переводных коэффициентов валют в соответствии с принципом сопоставления цен на товары и услуги в различных сравниваемых странах, проводится совместными усилиями ООН и ВБ, в рамках ПМС, начиная с последней четверти XX в. В самых общих чертах методика ПМС может быть описана следующим образом.

В соответствии с обязательной для всех участников ПМС методикой, ВВП страны (метод подсчёта по расходам) разбивается на некоторое количество первичных групп (basic headings).

Внутри первичной группы выделяются так называемые товары-представители и в установленном порядке фиксируются среднегодовые цены на эти товары-представители. Одним из методов, основанных на сравнении цен на товары-представители, подсчитываются коэффициенты перевода для отдельных первичных групп. После вычисления коэффициентов перевода валют для каждой первичной группы (так, в раунде ПМС 2005 г. их насчитывалось 155) полученные результаты усредняются в соответствии с их весами в ВВП. Рассчитанные таким образом коэффициенты характеризуют покупательную силу соответствующих валют в каждой из стран. В действительности, содержание ПМС гораздо сложнее и включает разнообразные методики расчётов, а также определения товаров-представителей и сбора цен на них.

Коэффициенты перевода валют, которые получают в ходе мероприятий ПМС, называются паритетами покупательной способности валют. А сама идея сопоставления цен почерпнута из так называемой теории паритета покупательной способности валют, более подробное описание которой будет приведено далее[1].

Исследования, с применением принципов теории ППС валют в практике международных сопоставлений появлялись с 1950-х[2] гг., а начало систематического использования хронологически совпадает с введением очередного стандарта системы национальных счетов – «СНС-68». Тем не менее, несмотря на то, что сведения о ППС валют широко применяются в серьезных исследованиях, отношение к самой теории в научных кругах достаточно неоднозначное. Свидетельство этого – полемика, наиболее яркие этапы которой относятся к 1970-м – 1990-м гг., в ходе которой эмпирически опровергнуто несколько ключевых предположений данной теории. У исследователя, не занятого непосредственно изучением методики

[1] О теории ППС валют см. напр.: Карамурзов Р.Б. О концепции паритета покупательной способности валют // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 3. – СС. 97–106.

[2] См., например, Gilbert M., Kravis I. An international comparison of national products and the purchasing power of currencies / OEEC. – Paris, 1954.

международных сопоставлений, уже после прочтения названий некоторых статей известных специалистов по данной проблеме – «Коллапс паритета покупательной способности в 1970-х гг.» [1], «Дебаты вокруг паритета покупательной способности» [2] и т.п. – могут возникнуть сомнения в обоснованности применения данных о ППС валют для анализа положения тех или иных стран в мировой экономике. Необходимо уточнить: споры касаются, главным образом, причин и обстоятельств, по которым теория ППС валют не всегда справляется на практике с задачами, для решения которых была разработана – предсказанием поведения обменных курсов, что не умаляет ее важности и полезности при международных сопоставлениях.

Концепция ППС валют возникла и развивалась как теория определения обменных курсов [3]. Как правило, ее создателем называют шведского экономиста, профессора Стокгольмского университета Густава Касселя (1866-1945). Теория ППС валют Касселя носила сугубо практический характер. Дело в том, что в условиях новой мировой финансовой системы, появившейся после окончания Первой мировой войны, с отменой золотого стандарта (а соответственно, пропорций обмена основных мировых валют, принятых в его рамках) возникла острая потребность в новых, более «правильных», соотношениях между валютами различных стран вне зависимости от возможности их размена на драгоценные металлы.

---

[1] Frenkel J. The Collapse of Purchasing Power Parity During the 1970s. // European Economic Review. 16:1, 1981. – PP.145–65.

[2] Taylor A., Taylor M. The purchasing power parity debate // Journal of Economic Perspektives – Vol. 18, No. 4, Fall 2004. – PP.135–158.

[3] Поскольку в данной диссертации одновременно используются термины «концепция ППС валют» и «теория ППС валют», необходимо сделать небольшие уточнения. Несмотря на то, что в отдельных случаях понятия «концепция» и «теория» могут иметь схожее содержание, в настоящей работе они, большей частью, не тождественны. Когда идет речь о «концепции ППС валют», то имеются в виду ведущий замысел и основные принципы идеи паритета (равенства) покупательной способности (силы) различных валют. Если же подразумевается систематизированная совокупность знаний (в том числе, сумма допущений, взглядов и суждений), базирующихся на предположении о равенстве покупательных способностей валют всех стран, то используется термин «теория ППС валют».

В раннем варианте разработанной им теории Г. Кассель предложил считать, что величина обменного курса между валютами в условиях свободной торговли (т.е. при минимальных торговых ограничениях) определяется соотношениями между их покупательными силами. Смысл такого определения обменного курса, по-видимому, состоял в том, что в соответствии с основной и первейшей функцией денег – выступать в качестве средства обмена – желание экономических агентов обменять одну валюту на другую должно быть непосредственным образом связано с тем, сколько товаров и услуг можно купить на нее в соответствующей стране (разумеется, тут из анализа полностью исключены ситуации валютных спекуляций). Таким образом, первоначальная идея теории ППС валют состояла в том, что величина обменного курса валют зависит непосредственно от их внутренних покупательных способностей на территории стран-эмитентов. «Коэффициент между покупательными силами валют»[1] получил название паритета покупательной способности.

Покупательная сила (способность) валюты тут понимается не как экономическая абстракция, но как категория, которая определяется величиной, обратно пропорциональной общему уровню цен на все товары и услуги в стране. Следовательно, обменный курс между валютами стран **А** и **Б** (в рамках теории ППС валют) может быть выражен формально следующим образом:

$$e_{А/Б} = \frac{P_А}{P_Б}, \qquad (1)$$

где $e_{А/Б}$ – величина обменного курса между валютами;

$P_А$ – общий уровень цен в стране **А**;

$P_Б$ – общий уровень цен в стране **Б**.

[1] См. Cassel G. Abnormal Deviations in International Exchanges // The Economic Journal. Vol. 28, No. 112 (Dec., 1918). – P. 413.

Г. Кассель допускал, что при нарушении условий свободной торговли (по разным причинам) обменный курс может отклоняться от ППС валют, хотя считалось, что такое отклонение не будет значительным и окажется кратковременным. Этот вариант концепции, получивший название *абсолютного* ППС валют, является хронологически самой ранней версией рассматриваемой теории. Впоследствии Г. Кассель практически не возвращался к этой упрощенной формулировке, и больше внимания уделял концепции так называемого *относительного* ППС валют. Однако именно идея абсолютного ППС валют вызвала наибольшее количество споров и обсуждений[1].

Неудивительно, что в своём первоначальном варианте теория ППС валют вызвала критику современников: помимо прочего, из нее следует, что обменный курс формируется в соответствии с покупательной способностью валюты по отношению ко всем товарам и услугам в стране-эмитенте. Но на величину обменного курса влияет масса факторов. В лучшем случае он может только зависеть (причем, не обязательно линейно) от покупательных способностей валют. С целью «улучшения» абсолютного ППС валют во многих работах его рассмотрение сужают до товаров, являющихся предметами экспорта-импорта. Заметим, что сужение анализа до товаров, являющихся объектами международной торговли, само по себе является отходом от определения абсолютного ППС валют Г. Касселя. Соответственно, выводы, которые делаются впоследствии, не могут считаться справедливыми для его оригинальной версии. На наш взгляд, неверно полностью игнорировать рассмотрение роли цен товаров, не являющихся предметами международной торговли; будучи особым «проблемным» случаем теории, они заслуживают отдельного рассмотрения.

Сужая анализ до круга товаров, торговля которыми ведется между **А** и **Б**, выражение (1) надо скорректировать до вида:

---

[1] Wu Chi-Yuen. An Outline of International Price Theories / George Routledge & Sons. – London, 1939. – PP. 252–260.

$$e_{А/Б} = \frac{P_А^{tr}}{P_Б^{tr}}, \quad (2)$$

где $e_{А/Б}$ – величина обменного курса между валютами;

$P_А^{tr}$ – уровень цен на товары, являющиеся объектами международной торговли в стране **А**,

$P_Б^{tr}$ – уровень цен на товары, являющиеся объектами международной торговли в стране **Б.**

Экономический смысл выражения (2): при ***N*** торгуемых товарах обменный курс определяется комбинацией ***N***-го количества ценовых соответствий (на основе стоимостных весов товаров в общем объеме внешнеторговых операций).

Выражение (2) можно перегруппировать:

$$P_А^{tr} = e_{А/Б} * P_Б^{tr} \quad (3)$$

Из выражения (3) следует, что в рамках теории ППС валют цены всех ***N*** товаров, торговля которыми ведется в обеих странах, окажутся одинаковыми, если их выразить в одной валюте. Если ***N***=1 (т.е., когда объектом международной торговли является один, единственный товар, например, яблоки), выражение (3) принимает вид:

$$P_А^{ябл.} = e_{А/Б} * P_Б^{ябл.}, \quad (4)$$

где $e_{А/Б}$ – величина обменного курса между валютами;

$P_А^{ябл.}$ – цена яблока в стране **А**;

$P_Б^{ябл.}$ – цена яблока в стране **Б**.

Из выражения (4) следует: в рамках теории ППС валют цены товара в обеих странах окажутся одинаковыми, если их выразить в одной валюте. Эта формулировка фактически является развитием фундаментального предположения классической политэкономии, получившего название Закона единой цены (Law of one price). Одним из первых этот Закон сформулировал в XIX в. известный экономист Уильям Стенли Джевонс (поэтому его еще называют Законом Джевонса; сам Джевонс использовал название «закон безразличия» – «the law of indifference»). В оригинале Закон единой цены звучал так: «на открытом рынке в любой данный момент времени не может быть двух цен на один и тот же товар»[1]; иначе говоря, имеется в виду, что если на *эффективном* рынке возникает ситуация, когда один и тот же товар продается по разным ценам, то для потенциальных перекупщиков создаётся возможность осуществления арбитражных операций, которые в результате неизбежно приведут к «выравниванию» цен.

Очевидно, что такое упрощенное понимание действия рыночных механизмов базируется на популярном допущении экономической теории о совершенстве рынка. Совершенным (perfect market) называется такой рынок, на котором, в частности, товар является однородным по своим качествам, может быть легко перемещен из одной точки рынка в другую, все продавцы и покупатели обладают совершенной информацией обо всех событиях и товарах[2], а страны, несмотря на выпуск собственных валют, являются частью единого экономического пространства.

Довольно «искусственный» переход к Закону единой цены осуществлен здесь в соответствии с принятой во многих учебных пособиях и статьях точкой зрения, что этот Закон является своего рода краеугольным камнем всей теории ППС валют[3]. Такое понимание места Закона единой

---

[1] Jevons W. The Theory of Political Economy / Macmillan and Co. – London and New York, 1888, 3rd ed. P. 91.

[2] Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 228.

[3] См., например, Rogoff K. The Purchasing Power Parity Puzzle // Journal of Economic Literature, Vol. XXXIV (June 1996). – P. 649.

цены в методике изложения концепции ППС валют, на наш взгляд, не может считаться верным. Скорее, его надо рассматривать как частный случай теории ППС валют. Тем не менее, обращение к данному Закону полезно, так как помогает лучше понять сущность некоторых положений теории ППС валют.

Универсальность Закона единой цены могут обоснованно оспорить даже люди, далекие от предмета мировой экономики (но бывавшие за рубежом): потребительские товары за границей часто оказываются дороже или дешевле отечественных, если сравнивать цены, полученные с использованием сведений об обменном курсе. Тем не менее, чтобы наглядно продемонстрировать качество «предсказаний» концепции ППС валют как теории определения обменных курсов, имеет смысл рассмотреть действие Закона единой цены на количественных примерах. Это позволяет сделать используемый журналом «The Economist» так называемый «индекс Биг Мака» (Big Mac index). Сэндвич Биг Мак – один из популярных продуктов всемирной ресторанной сети быстрого питания Макдоналдс; он производится в соответствии с требованиями стандартов компании, общими для всей сети и практически идентичен во всех странах. Биг Мак «состоит» из нескольких ингредиентов: булочки, котлеты из говядины, листьев салата, овощей, соуса; так что сравнение цен на него позволяет косвенно сравнивать стоимость сразу нескольких товаров. «The Economist» приводит сведения о цене Биг Мака в разных странах в долларах США; цены рассчитываются на основании сведений о национальных ценах (выраженных, естественно, в национальной валюте) и официальных обменных курсах.

В табл. 1.2 (см. Приложения к главе 1) приведены данные о ценах «Биг Мака» в долларах США (перевод осуществлен на основании сведений об обменных курсах на день наблюдения) и рассчитана разница между его ценой в США и других странах.

Как следует из данных таблицы, колебания цены одного и того же продукта весьма существенны: если в Китае цена Биг Мака почти на 50 %

ниже, чем в США, то в Норвегии – почти в 2 раза выше. Время от времени «The Economist» использует и другие аналогичные индексы. Так, в одном из номеров за 2004 г., в дополнение к популярному сэндвичу были приведены сведения о ценах стаканчика (размера «толл», в соответствии с принятой терминологией) кофейного напитка латте (tall latte) сети кофеен Старбакс (Starbucks) в разных странах. Результаты этих сопоставлений приведены в табл. 1.3 (см. Приложения к главе 1).

Отклонения от цены соответствующего продукта в США оказываются не только количественно различными, но и разнонаправленными в зависимости от того, какой именно товар рассматривается. При этом цены на такой ликвидный товар, как золото, в разных странах, будучи переведенными в одну и ту же валюту по обменному курсу, демонстрируют тенденцию к конвергенции. В табл. 1.4 представлены сведения о ценах на золото на различных товарных биржах мира, из которых следует, что различия между ценами золота в различных странах, по сравнению с двумя предыдущими индексами, несущественны.

В целом, разница в результатах сопоставления цен различных товаров не должна удивлять. В случае Биг Мака и «толл латте» на действие Закона единой цены оказывают влияние такие факторы, как стоимость аренды помещений (в которых находятся рестораны), разного рода налоги (величина и количество которых в различных странах неодинаковы), определяемый правительствами государств уровень минимальной оплаты труда и пр. В то же время товарные биржи (посредством которых обычно и осуществляется международная торговля золотом) практически идеальный пример «совершенного рынка», когда товар достаточно мобилен, а рынок открыт для всех участников. Кроме того, практика электронных биржевых торгов в немалой степени способствует достаточно быстрой и практически синхронной конвергенции цен к единому значению в различных точках мира.

Рассмотренные примеры позволяют предположить: на действие Закона единой цены влияют как качественные характеристики товаров, их

специфические свойства (степень мобильности, доля услуг – «неперемещаемых товаров» – в цене конечного продукта), так и условия торговли этими товарами в различных странах (величина пошлин, налогов и квот, ограничение оборота и т.п.), а также разные структурные, в том числе институциональные, особенности государств.

В «идеальном мире», где любой товар может быть беспрепятственно перевезен (туда, где за него станут платить больше) с минимальными затратами, Закон единой цены будет работать безупречно и, соответственно, утверждения концепции абсолютного ППС будут верны; однако в реальности их выполнение нарушается многими обстоятельствами.

Выше действие Закона единой цены рассматривалось для товаров, международная торговля которыми, по крайней мере теоретически, может быть осуществлена. Из анализа исключались товары, торговля которыми между странами не ведется. Между тем, в первоначальной формулировке абсолютного ППС валют, повторим, речь шла о том, что: а) на величину обменного курса влияют цены всех – и «торгуемых» и «неторгуемых» – товаров; б) согласно Закону единой цены цены соответствующих товаров должны быть одинаковыми во всех странах, если их выразить в одной валюте.

Здесь необходимо сказать об одном статистическом явлении, часто упоминаемом в связи с теорией ППС. Речь идёт о следующем факте: цены на товары, не являющиеся предметами международной торговли в богатых странах, как правило, в принципе выше, чем в странах более бедных, если проводить сравнение на основе номинальных обменных курсов валют. Это явление со временем получило название «Пенсильванский эффект» как признание заслуг открывших его ученых Пенсильванского университета[1]. Различные группы экономистов по-разному объясняют причины его

[1] См. Samuelson P. Facets of Balassa-Samuelson Thirty Years Later // Review of international economics, Vol.2, Issue 3, 1995. – PP. 201–226.

возникновения. Так, в 1964 г. Бела Балашша[1] и Пол Самуэльсон[2] независимо друг от друга высказали мнение, что меньшая цена товаров, международная торговля которыми не ведется в странах экономически менее развитых, главным образом связана с разницей в производительности труда в отраслях, производящих товары для международной торговли. По мнению другой группы исследователей, в частности Д. Бхагвати, различия в ценах товаров и услуг, международная торговля которыми не осуществляется, возникают, прежде всего, из-за разницы в запасах труда и капитала в бедных и богатых странах [3]. Таким образом, хотя в объяснениях причин, по которым «Пенсильванский эффект» имеет место, мнения исследователей расходятся, само различие цен широко известно и не оспаривается, так как является статистическим фактом. «Пенсильванский эффект», таким образом, представляет собой наглядный пример системного нарушения «предписаний» теории ППС валют относительно поведения обменных курсов валют и является своего рода «антизаконом единой цены».

Концепция ППС валют рассмотренная выше, согласно которой обменный курс определяется как отношение уровней цен, называется *абсолютной*. Определение абсолютного ППС валют вызывало споры практически с самого своего появления во второй половине 1910-х гг., однако именно на нём, напомним, основано использование данной теории в практике международных сопоставлений. Несмотря на то, что абсолютная форма ППС валют оказалась более «популярной» (как правило, под теорией ППС валют понимают именно ее), через несколько лет после введения в научный оборот термина «ППС валют», сам профессор Г. Кассель, отошел от первоначальной формулировки и переключился на концепцию *относительного* ППС валют. Смысл ее сводился к тому, что если уровень

[1] См. Balassa B. The purchasing power parity doctrine: a reappraisal // The Journal of Political Economy, Vol. 72, No. 6 (Dec., 1964). – PP. 584–596.
[2] См. Samuelson P. Theoretical notes on trade problems // The Review of Economics and Statistics, Vol. 46, No. 2 (May, 1964). – PP. 145–154.
[3] См. Bhagwati J. Why are services cheaper in the poor countries? // The Economic Journal, Vol. 94, No. 374 (June 1984). – PP. 279–286.

цен в одной или обеих странах изменится, то обменный курс должен измениться в соответствии с конечным результатом изменений цен[1], т.е. если уровень цен в стране **А** вырос на 50 %, а уровень цен в стране **Б** остался прежним, стоимость валюты страны **А**, выраженная в валюте страны **Б,** должна снизиться на 50 %. Если же уровень цен в **А** вырос на 60 %, а в **Б** – на 25 %, то цена валюты **А** снизится по отношению к валюте **Б** лишь на 28 %. Формально относительный ППС между странами может быть представлен так:

$$\hat{e}_{А/Б} = \hat{P}_{А} - \hat{P}_{Б} \qquad (5)$$

где $\hat{e}_{А/Б}$ – процентное изменение обменного курса между странами **А** и **Б**;

$\hat{P}_{А}$ – процентное изменение общего уровня цен (инфляция) в стране **А**;

$\hat{P}_{Б}$ – процентное изменение общего уровня цен (инфляция) в стране **Б**.

По сравнению с абсолютным, теория относительного ППС валют менее категорична. Даже интуитивно с ней легче согласиться: в результате инфляции (вызванной, скажем, дополнительной денежной эмиссией) снижается покупательная способность национальной валюты на все товары и услуги, в том числе и на те, международная торговля которыми не осуществляется. Впрочем, четкая количественная детерминированность этих изменений в том виде, как это предположил Г. Кассель, не подтверждается эмпирически[2].

Спустя почти столетие предпосылки и утверждения теории ППС валют относительно механизма определения и характера поведения обменного курса могут показаться наивными. Предложенная Г. Касселем теория является значительным упрощением реальных процессов, происходящих на

[1] Cassel G. The World's Monetary Problems / Constable and Company. – London, 1921. – P. 37.
[2] См. Taylor A. Taylor M. The purchasing power parity debate // Journal of Economic Perspektives. – Vol. 18, No. 4, Fall 2004. – PP. 135–158.

валютном рынке, и игнорирует большое количество факторов, которые в действительности влияют на валютные курсы.

Несмотря на привлекательность и полезность отдельных положений теории ППС валют, на основе эмпирических наблюдений было установлено, что полного совпадения динамики обменного курса и ППС валют, как правило, в краткосрочном периоде не наблюдается, хотя и имеет место схождение их трендов, когда рассматривается относительно длительный период. Важно особо подчеркнуть, что номинальные обменные курсы и ППС валют имеют принципиально разное смысловое содержание и не могут рассматриваться как взаимозаменяемые.

Обменные курсы, повторим, представляют собой цену одной валюты, выраженную в единицах другой. Поскольку цена эта формируется, помимо прочего, в соответствии с объемами товаро- и услугооборота между странами, то она лишь частично (в зависимости от доли экспорта/импорта в ВВП) отражает покупательные потенциалы каждой из валют. А поскольку при сопоставлении физических объемов ВВП коэффициенты перевода валют должны отражать прежде всего их функциональную эквивалентность, применение обменных курсов в качестве таковых представляется теоретически малообоснованным. В то же время при анализе внешнеторговых балансов отдельных стран использование данных о динамике величин номинальных обменных курсов (в условиях «свободного плавания» валют, без жестких «коридоров» и длительных «интервенций» со стороны центральных банков) не только полезно, но и необходимо, так как они в наилучшей мере отражают характер процессов, связанных с международными торговыми и финансовыми операциями. Таким образом, в международных сопоставлениях применение номинальных обменных курсов вполне оправдано при количественной характеристике внешнеэкономических операций, но оно не может дать корректного результата при сравнении физических объемов ВВП различных (тем более находящихся на разных уровнях развития) стран. В то же время применение

для этих целей ППС валют представляется вполне обоснованным. Несмотря на то, что предположения этой теории относительно причин и характера изменений обменных курсов не получили статистического подтверждения, в самой формулировке (абсолютного) ППС валют содержалась идея, приобретающая особую значимость в контексте международных сопоставлений – принцип расчета переводных коэффициентов валют на основе сравнения цен соответствующих товаров. Такой подход позволяет выяснить покупательную способность каждой из валют на территории стран-эмитентов; он целесообразен и закономерен при сопоставлении физических объемов ВВП, поскольку позволяет определить функциональные соответствия между денежными единицами разных стран.

Одной из причин того, что при выборе переводных коэффициентов предпочтение нередко отдается номинальным обменным курсам, является их видимая понятность; большую роль тут играет и категория «размерности». Здесь, по-видимому, снова будет полезна аналогия с размерностями физических величин. Например, в Международной системе единиц измерения (СИ) такие величины, как «работа» и «момент силы», имеют одну и ту же размерность – «ньютон-метр». Однако физический смысл у них разный: в первом случае это скалярная величина (работа), во втором – векторная величина (момент силы). Чтобы не наделать нелепых ошибок в расчетах, от ученого-физика требуется ясное понимание теоретического содержания и умение четко разграничивать смысл каждой из величин. В случае с обменными курсами нередко имеет место именно такого рода путаница: «подходящая» размерность, а также кажущиеся простота и понятность, по сравнению с более «теоретизированными» ППС валют, вызывают у отдельных экономистов искушение игнорировать применение ППС валют в пользу обменных курсов. В действительности, повторим, **обменные курсы и ППС валют имеют разное смысловое содержание и не являются взаимозаменяемыми.**

Применение ППС валют в качестве переводных коэффициентов существенно меняет геоэкономическую картину мира, главным образом «сближая» развитые и развивающиеся страны и повышая удельный вес последних в общемировом ВВП (см. рис. 1.1).

Рис. 1.1. Вклад в мировой ВВП стран с высокими, средними и низкими доходами, в зависимости от выбора коэффициентов перевода валют

Источник: Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World bank, Washington, 2008, P.10

Сокращение разрывов в объемах ВВП между развитыми и развивающимися странами (подобных тем, что представлены на рис. 1.1) объясняется тем, что применение данных о ППС валют элиминирует разницу в ценах; она, как отмечалось ранее, имеет место для определенных групп товаров и услуг и является статистическим фактом («Пенсильванский эффект»). Таким образом, по сравнению с оценками, сделанными на основании номинальных обменных курсов, использование ППС валют, как правило существенно повышает величину ВВП стран с низкими и средними доходами и одновременно несколько понижает значение этого индикатора

для государств с высокими доходами. Поэтому применение ППС валют приобретает особую значимость для развивающихся стран, помогая получить более реалистичное представление об их удельном весе в мировом ВВП, а также при любых экономических сопоставлениях государств, относящихся к двум указанным группам.

Использование принципов концепции ППС валют для расчёта переводных коэффициентов при международных экономических сопоставлениях не лишено недостатков. К таковым стоит отнести сравнительно длительный период между очередными раундами ПМС. Кроме того, сложность методики сбора и обработки соответствующих данных приводит к тому, что результаты очередного глобального раунда ПМС становятся доступными лишь спустя несколько лет; так, агрегированные сведения (по всем регионам в единой валюте) о результатах раунда 1985 года были опубликованы только в 1994 г. (хотя издания по отдельным регионам появились раньше, например, по Азии – в 1992 г.), а результаты раунда 2005 года стали доступны в начале 2008 г. (самые ранние, предварительные – в конце 2007 г.). Наконец, очередной раунд ПМС, который должен был состояться в 2008 г., был перенесен и проводился в 2011 г., а его сводные результаты, были опубликованы лишь в конце апреля 2014 г.[1]

Тем не менее, несмотря на имеющиеся сложности, а также принимая во внимание, что ВВП остается интегральным показателем системы национальных счетов, сопоставление величин этого индикатора для различных стран и регионов, рассчитанных по ППС валют, позволяет получить, пожалуй, наиболее адекватное представление об их экономических размерах, экономических потенциалах и экономической мощи.

[1] См. http://www.worldbank.org/ru/news/press-release/2014/04/29/2011-international-comparison-program-results-compare-real-size-world-economies

1.2. Из истории развития теории ППС валют

Сведения о ППС валют всё чаще применяются в исследованиях, посвященных межстрановым сопоставлениям, а сама концепция ППС валют стала одной из базовых моделей современной теории обменных курсов. Между тем, вопросы, связанные с возникновением этой концепции, привлекают внимание исследователей гораздо реже и, как правило, исторический экскурс сводится к упоминанию того или иного экономиста, с именем которого связывают её развитие.

На наш взгляд, вопросы эволюции теории ППС валют заслуживают более пристального внимания. Во-первых, освещение этапов развития отдельных научных концепций представляется полезным для их понимания. В случае с рассматриваемой теорией это позволяет, в частности, лучше разобраться с экономическим содержанием и назначением как номинальных обменных курсов, так и ППС валют. Заметим, что взаимоотношения между ними зачастую неверно понимаются как «взаимоисключающие» или «альтернативные»; между тем, эти методы перевода валют, по-видимому, правильнее называть «взаимодополняющими».

Во-вторых, поскольку появление идей, лежащих в основе теории ППС валют, органично связано с ранними вариантами ряда важнейших концепций современной экономической теории (таких как, например, теория субъективной ценности), изучение истории вопроса приобретает особую значимость, так как способствует расширению наших представлений об уровне гуманитарного знания (в широком смысле) прошедших эпох.

Как уже отмечалось, развитие теории ППС валют принято связывать с именем профессора Стокгольмского университета Густава Касселя. Именно Г. Кассель ввел в научный оборот термин «паритет покупательной способности», впервые использовав его в статье «Abnormal deviations in international exchange», опубликованной в Economic Journal в декабре 1918 г.

Однако еще в марте 1916 г. в статье «The present Situation on the Foreign Exchanges» профессор Кассель использовал в значении ППС валют термин «теоретический обменный курс» («theoretical rate»), отличая его от «фактического» («actual rate») – собственно, номинального обменного курса.

В первоначальных версиях своей теории Г. Кассель, предварительно определив покупательную силу национальной валюты внутри страны как величину, обратно пропорциональную общему уровню цен, сделал вывод, что обменный курс между двумя валютами определяется отношением общих уровней цен в этих странах[1].

Новая теория вызвала оживленные дебаты в кругах экономистов. Нельзя сказать, что теория ППС валют была всеми встречена одобрительно. Некоторые известные экономисты – современники профессора Касселя выступили с активной критикой; в частности, А. Пигу считал, что Г. Кассель фактически игнорировал влияние на цены транспортных издержек [2]. Признанный специалист в вопросах международной торговли, Э. Хекшер отмечал, что теория ППС валют «верна лишь при нереалистичном предположении, что все товары и услуги могут быть перемещены из страны в страну без затрат»[3]. Коллеги критиковали Г. Касселя главным образом за использование в теории, претендовавшей на право считаться «сугубо прикладной», не имеющих место в действительности допущений классической политэкономии. Анализ ранних работ Г. Касселя позволяет сделать вывод, что в них имела место скорее некоторая недосказанность (оставлявшая место домыслам), чем логически неверные суждения. По мере развития теории Г. Кассель уточнял отдельные ее положения так, что часть критики просто теряла актуальность. Видимо, с учетом реакции коллег уже после 1918 г. Г. Кассель стал уделять больше внимания относительной

[1] Cassel G. The present Situation on the Foreign Exchanges // The Economic Journal, Vol. 26. No. 101 (Mar., 1916). – P. 62.
[2] Pigou A.C. The Foreign Exchange // The Quarterly Journal of Economics. Vol. 37, No. 1 (Nov., 1922). – PP. 52–74.
[3] Cohn E., Bergendal K., Heckscher E., Keilhau W., Thorsteinsson T. Sweden, Norway, Denmark and Iceland in the World War / Yale University Press. – New Haven, 1930. – P. 151.

версии ППС валют, получившей больше эмпирических подтверждений, чем абсолютная.

Не вдаваясь в подробности дебатов, разгоревшихся вокруг теории Г. Касселя, заметим, что помимо противников, у нее имелось и имеется немало сторонников. По мнению профессора Университета Пардью (США) Джеймса Холмса[1], случай с ППС валют является замечательным примером того, когда автора научной теории критикуют за те положения, которые он собственно никогда и не высказывал. Критические заявления в адрес теории Г. Касселя, условно можно разбить на две группы. К первой относятся замечания относительно ее состоятельности как теории определения обменных курсов (точнее, о степени детерминированности связи номинального обменного курса и внутренних уровней цен в рассматриваемых странах); ко второй – замечания, касающиеся оригинальности «первооткрывательства» Г. Касселя.

По имеющимся сведениям, в краткосрочном периоде величина обменного курса достаточно существенно отклоняется от ППС валют; так что теория ППС в большей степени оказалась полезной для объяснения сущности процессов, происходящих на валютном рынке, нежели для точного прогнозирования будущих изменений.

Относительно дискуссий о том, кто является «первооткрывателем» идей, лежащих в основе теории ППС валют, необходимо заметить, что её современному виду – формулировкам и тем более самому термину «ППС» – мы, бесспорно, обязаны профессору Касселю. Однако замечания некоторых исследователей относительно того, что ряд положений современной теории ППС валют был известен экономистам до Г. Касселя, представляются вполне аргументированными.

[1] Дж. Холмс, также принимая во внимание дебаты вокруг взглядов Г. Касселя на рассматриваемую проблему, опубликовал статью с громким названием «Теория паритета покупательной способности: в защиту Густава Касселя – современного теоретика» (Holmes J. The purchasing-power-parity theory: in defense of Gustav Cassel as a modern theorist // The Journal of Political Economy, Vol. 75, No 5 (Oct., 1967), PP. 686–695), в которой последовательно отвечает наиболее ярым критикам Г. Касселя на их замечания. – *Прим. авт.*

Самые ранние из дошедших до нас версий теории ППС валют относятся к первой половине XVI в. Их появление, очевидно, можно связывать с необычными изменениями обменных курсов некоторых европейских валют в то время. Здесь необходимо отметить, что когда в экономической литературе, относящейся к XII – началу XIX вв., идёт речь об обменном курсе, то в большинстве случаев имеется в виду так называемый вексельный курс. Рассмотрим некоторые особенности вексельного обращения периода Средних веков и Нового времени. Как известно, основным платежным средством Западной Европы в Средние века были металлические деньги. Чеканка монет оказалась прибыльным занятием. Поэтому существовало большое количество денежных единиц различного качества, номинала и т.п. В условиях феодального строя хозяева отдельных территорий – «эмитенты» собственных валют – с переменным успехом пытались ограничить хождение «чужих» монет. Если испанский купец оказывался с большим количеством наличности своей страны на территории, скажем, небольшого немецкого княжества, чеканившего собственные деньги, то для легального осуществления операций купли-продажи ему нередко необходимо было обменять испанские деньги на местные у ярмарочных менял. Последние, как правило, были хорошо осведомлены о качестве (золотом или серебряном содержании) той или иной монеты, о чём, по утверждению И.М. Кулишера, они узнавали «посредством взвешивания или просто на глаз, на основании продолжительной практики»[1]. Кроме того, меняла «должен был знать, сколько монет всякого другого рода равняются по ценности монете того рода, которая разменивалась в каждом отдельном случае»[2]. Условно, отношения, определявшиеся между различными «валютами» на основании содержания в них драгоценных металлов, можно назвать «монетным паритетом». Кавычки тут не случайны, так как

[1] Кулишер И.М., История экономического быта Западной Европы. – 10-е изд., стереотип. – Т. 1–2. – Челябинск: Социум, 2008. – Т. 1. – С. 382.
[2] Там же.

традиционно термин «монетный паритет» (англ. «mint-par») относят к эпохе классического золотого стандарта 1815–1914 гг.

Однако на практике купцы редко прибегали к физическому перемещению средств обращения на дальние расстояния. Транспортировка больших сумм требовала значительных расходов (например, в случае сухопутной перевозки – значительного количества лошадей, поскольку деньги были металлическими) и была сопряжена со значительным риском (одной из форм его снижения были морские конвои и купеческие караваны). Для того, чтобы избежать непосредственной транспортировки монет, использовался финансовый инструмент – **вексель (bill of exchange)**. Вексель, в самом общем виде, представлял собой письмо, в котором одно лицо (**А**) поручало другому лицу (**Б**)) выплатить третьему лицу (**В**) определенную сумму денег, указанную в письме (векселе); причем, как правило, **Б** являлся партнером (компаньоном) **А.**

Рассмотрим работу векселя на примере реального документа, который приводит Раймонд Де Ровер в монографии «Деньги, банковское дело и кредит в Средневековом Брюгге»[1]. В городе Брюгге компания «Джованни Орландини и Пьеро Бениси Ко.», которой необходимы 600 экю[2], обращается к купцу Джакопо Гошио. Он одалживает эти средства, в обмен на письмо (вексель), в котором компания просит своего финансового агента (банкира) в Барселоне уплатить Доменико Санчио (банкиру Джакопо Гошио в Барселоне) предъявителю векселя сумму в 600 экю, которую «Орландини-Бениси Ко» получила в Брюгге. Характерной чертой векселя было то, что в нем указывался курс, по которому следовало оплатить указанные 600 экю. В рассматриваемом случае в векселе был указан курс «10 солидов 5 денариев[3]

[1] De Roover R. Money, Banking and Credit in Medieval Bruges / Mediaevel academy of America. Routledge. – Cambridge (Massachusetts), 1948. – P. 56.

[2] Экю здесь – не известная французская монета, а один из видов так называемых «расчетных денег»; о расчетных деньгах см. например, Ф. Бродель. «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / М.: Издательство «Весь Мир», 2007, СС.429-431. – *Прим. авт.*

[3] В Европе в то время практически повсеместно использовалась единая расчетная система; так, в Англии 1 фунт был равен 20 шиллингам, а 1 шиллинг – 12 пенсам; фунтам

(барселонских) за один экю»[1]. Этот обменный курс, как правило, был завышен относительно «монетного паритета» в пользу заимодавца (иначе для кредитора вся процедура теряла интерес). Описанная выше операция, связанная с обменом одной валюты на другую, называлась *cambium*.

Таким образом, кредитор - Джакопо Гошио - в результате приобретения векселя получит 612,25 экю (процедуры подсчета здесь опущены намеренно). Однако эти деньги пока останутся вне хозяйственного оборота Джакопо Гошио, поскольку будут уплачены в Барселоне его торговому партнеру. Логично, что деньги возвращаются во Фландрию тем же путём, каким они оттуда прибыли – посредством векселя. Предположим упрощенно, что как раз 612,25 экю требуется некоторому лицу в Барселоне, которое обязуется вернуть эти деньги в Брюгге. Доменико Санчио выдаст ему необходимую сумму в обмен на вексель, и при этом, скорее всего, потребует указать завышенный относительно «монетного паритета» курс – как и в случае *cambium* - в качестве платы за услугу. Таким образом, примерно через полгода деньги вернутся в руки Джакопо Гошио, дважды выступив в качестве кредитных средств и, соответственно, приумножившись. Процедура, подобная описанной, когда деньги из Барселоны возвращались Джакопо Гошио, называлась *recambium* (обратный обмен). При проведении подобных двухэтапных кредитных операций типа *cambium-recambium* обменный курс завышался каждый раз в пользу валюты страны первоначального кредитора.

Подобные операции (по утверждению И.М. Кулишера, со ссылкой на Гольдшмита[2]), известны, как минимум, с середины XII в. По-видимому, вексельные курсы оставались относительно стабильными на протяжении

соответствовали итальянские лиры, немецкие талеры и т.п.; шиллингам – солиды, испанские суэльдо, французские су; пенсу – пфенниги, денарии и т.д. Однако наличие схожих систем учета отнюдь не предполагало одинаковых весов «соответствующих» монет. – *Прим. авт.*

[1] De Roover R. Money, Banking and Credit in Medieval Bruges / Mediaevel academy of America. Routledge. – Cambridge (Massachusetts), 1948. – P. 56.

[2] Кулишер И.М., История экономического быта Западной Европы. – 10-е изд., стереотип. – Т. 1–2. – Челябинск: Социум, 2008. – Т. 1. – С. 384.

многих лет и даже десятилетий, не считая колебаний, возникавших из-за изменения качества отдельных видов монет (главным образом – «порчи» денег, реже – восстановления их номинальной стоимости). Так, известны «справочные пособия», относящиеся к XIV в., в которых были описаны курсы обмена, установившиеся между разными городами; например, работа «Libro di divisamenti di paesi e di misuri di mercatanzie e daltre cose bisognevoli di sapere a mercatanti» (автор Франческо Пеголотти), более известная как «La pratica della mercatura».

Однако с конца первой трети XVI в. (по крайней мере, с этого времени имеются документальные свидетельства) стала наблюдаться странная для современников картина: при выдаче ссуды, обеспеченной векселем, выписанным на Испанию, первоначальный кредитор (скажем, фламандский купец, как в приведенном выше примере) нередко либо оставался без прибыли, либо, вообще, терпел убыток [1]. Да и на само́м Иберийском полуострове стали замечать, что при переводе денег из Испании в Германию, за сумму, скажем, 1000 дукатов в стране назначения давали *заметно* меньше (если исходить из усредненных величин процентных ставок и «монетного паритета»). Сейчас нетрудно объяснить подобные явления. Поскольку операция по выдаче ссуды, обеспеченной векселем, являлась кредитной операцией, то имеет смысл оперировать категорией нормы доходности денег. Допустим, в Брюгге она равна 10 % (разумеется, проценты за кредит по-прежнему маскируются под оговариваемый обменный курс, превышающий «монетный паритет»). В условиях, когда в качестве денег повсеместно использовались драгоценные металлы, во всех странах, образовывавших общеевропейский рынок, она должна быть одинаковой (в соответствии с

[1] См., напр., текст письма (датированного 1530 г.) испанских купцов Антверпена докторам Парижского университета, в котором первые просят консультации относительно некоторых «проблемных» случаев, возникающих при обмене валют (в книге Grice-Hutchinson M. The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544–1605, Oxford: at the Clarendon Press, 1952. – PP. 119–125); этот документ интересен, помимо прочего, тем, что является одним из самых ранних письменных свидетельств сотрудничества «финансовых кругов» с академической средой. – *Прим. авт.*

условием выполнения процентного паритета). При этом покупательная сила золота остается в подобной ситуации равновесия примерно одинаковой во всех странах. Обменный курс в данных условиях будет лишь незначительно отличаться от «монетного паритета» на величину желаемой (и возможной) прибыли, которая в условиях немонопольного рынка кредита также не могла существенно отличаться от «монетного паритета». Поэтому двухэтапные вексельные операции, типа *cambium-recambium* в описанных условиях будут одинаково прибыльны для всех участников, вне зависимости от направления движения денег. Однако ситуация в корне меняется при изменении нормы доходности и покупательной силы денег. Допустим, по какой-то причине на 1 единицу драгоценного металла в Барселоне теперь можно купить меньшее в два раза количество какого-либо товара, чем в Брюгге. В подобных обстоятельствах, чтобы фламандский купец мог получить в результате *recambium* хотя бы ту же самую сумму, которая была уплачена его банкиру в Барселоне, последний должен суметь найти и купить вексель на Брюгге под 100 % годовых. Несмотря на то, что проценты по-прежнему будут «замаскированы» под обменный курс, сама его величина оттолкнет любого потенциального покупателя: в условиях свободного рынка в Барселоне в связи со снизившейся нормой доходности денег он найдет гораздо более выгодные для себя варианты[1].

Таким образом, в случае изменения покупательных способностей валют (которые меняются сообразно динамике денежных цен) меняются и обменные курсы. Как раз в первой трети XVI в. Европа столкнулась со стремительным ростом цен. Механизм этого одного из самых известных примеров инфляции – вошедшего в историю как «революция цен» – был запущен резким увеличением запасов золота и серебра, поступавших из

[1] Заметим, что в рассматриваемом примере в случае двухэтапной кредитной операции первоначальный кредитор несет убыток только на этапе recambium. Если предположить, что транспортные расходы ничтожны, то перевезя деньги, выплаченные его торговому партнеру в соответствии с договором cambium, Джакопо Гошио останется с прибылью, потому что даже при обязательном условии обмена испанских денег на нидерландские он ничего не потеряет: **монетный паритет остаётся неизменным.** – *Прим. авт.*

Нового света. Приток американских драгоценных металлов надолго изменил привычные денежные цены во всей Европе [1]. Однако первой, страной наиболее остро ощутившей последствия удорожания различных товаров, стала Испания, на протяжении многих лет обладавшая фактически монопольным правом на использование ресурсов Южной и Мезоамерики. Но в первой половине XVI в. причины, по которым происходило изменение обменных курсов, не были понятными. Для объяснения сложившегося положения оказалась востребованной теория (основные элементы которой к этому времени были сформулированы), получившая впоследствии название **субъективной теории ценности**; согласно ей, рыночная цена товара (в том числе и денег) зависит исключительно от того, насколько в нем нуждаются потребители. Успешно применявшаяся ранее к «обычным» товарам, эта теория оказалась крайне актуальной для объяснения сути происходивших событий: деньги ценятся в разных странах неодинаково!

Одним из тех, кто положил начало развитию теории обменных курсов, был монах-доминиканец, доктор философии Доминго де Сото. Он, в частности, назвал справедливым обмен меньшей суммы денег на бóльшую «в пространстве» (но не «во времени», поскольку это считалось неприемлемым ростовщичеством), если они обладают на различных территориях равной ценностью [2]. В принципе, на практике (точнее, на рынках) подобное положение дел считалось «нормальным» и «до» Де Сото. Однако он стал первым представителем церкви и академических кругов, засвидетельствовавшим это[3]. Следующий шаг был сделан коллегой де Сото – Мартином Аспилькуэта, который перешел к рассмотрению проблемы обмена валют различных стран в сложившихся обстоятельствах. Необходимо

[1] Согласно М. Ротбарду, в течение первой половины XVI в. общий уровень цен в Европе вырос вдвое (см. Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought. Vol. I. / Ludwig von Mises Institute, Auburn (Alabama), 2006. P. 104). – *Прим. авт.*

[2] Grice-Hutchinson M. The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544-1605 / Clarendon Press. – Oxford, 1952. – P. 55.

[3] Там же. – P. 56.

упомянуть еще об одном доминиканце, Доминго Баньесе, который, обобщив взгляды предшественников, в частности, утверждал, что : «... в тех местах, где имеется недостаток в деньгах, товары будут дешевле, чем там, где денег больше, и потому законно обменивать меньшую сумму в одной стране на бóльшую в другой. Поскольку основным назначением денег является покупка товаров, можно заключить, что если где-то деньги считаются более пригодными для данной цели, они могут быть обменены на бóльшую сумму там, где они ценятся меньше... Мы признаем, что одна из сторон может обоснованно согласиться уплатить другой бóльшую сумму, если последняя могла бы купить такой же набор товаров, когда бы не использовала эти деньги для обмена»[1].

В действительности, эволюция идей, которые легли в основу теории ППС валют, гораздо сложнее. Она неразрывно связана с другими открытиями целой плеяды ученых-схоластов – представителей разных католических орденов, профессоров университетов Саламанки (Испания) и Коимбры (Португалия); тема эта, безусловно, перспективная и заслуживает дополнительного изучения[2].

Версия о разработке ранних вариантов теории ППС валют в стенах иберийских университетов в эпоху начала Великих географических открытий достаточно часто упоминается в литературе, посвященной обменным курсам. Однако некоторые авторы относят появление этой концепции к Новому времени. Так, по мнению Свена Брисмана (Sven Brisman), теория ППС валют «возникла и была развита в Швеции, где была

---

[1] Сделанный автором перевод английского текста, приведенного в книге М. Грайс-Хатчинсон «The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544-1605», Oxford: at the Clarendon Press, 1952. – PP. 57–58.

[2] Интересующимся историей экономической мысли этого периода можно порекомендовать упомянутые работы М. Грайс-Хатчинсон («The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544–1605», Oxford: at the Clarendon Press, 1952), М. Ротбарда («Economic Thought Before Adam Smith. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought», Vol. I., Ludwig von Mises Institute, Auburn (Alabama), 2006) и блестящий очерк А.А. Афанасьева «Экономическая мысль в Испании XVI века – саламанкская школа», опубликованный в журнале «Экономика и математические методы», 2004, том 40, 4. – С. 26–58.– *Прим. авт.*

довольно хорошо известна до девальвации шведской валюты в 1777»[1]. К сожалению, С. Брисман не называет каких-либо имен, с которыми надо связывать эти открытия.

Другие исследователи, в частности Джейкоб Френкел, называют основоположником теории ППС валют британского экономиста XVIII-XIX вв. Джона Уитли (John Wheatly)[2]. Заметим, что уже в работе 1803 г. Д. Уитли вполне «современно» рассуждает о причинах изменения обменных курсов валют[3], а в 1819 г. он дал название тому, что сегодня называется абсолютным ППС валют – «паритет производства».

Джон М. Кейнс, признавая заслуги Г. Касселя, считал, тем не менее, что идеи лежащие в основе теории ППС валют следует связывать с работами Давида Рикардо[4]. Действительно, Д. Рикардо рассматривал ситуации, когда одинаковые по составу монеты одного номинала обмениваются в неодинаковых пропорциях. Это явление он объяснял качеством денег (фактически содержанием в монетах золота и серебра): «пока обращающиеся деньги состоят из полновесной монеты или из бумажных денег, разменных по предъявлению на полновесную монету, вексельный курс может быть выше или ниже паритета только на сумму расходов по пересылке драгоценных металлов» [5]. При этом уточняется, что если «в обращении находятся обесцененные бумажные деньги, то вексельный курс неизбежно понизится пропорционально степени их обесценения»[6].

В работе «Начала политической экономии» Д. Рикардо отмечает, что вексельный курс является достаточно точным показателем «степени порчи

[1] S. Brisman. Some reflections on the Theory of Foreign Exchange, в «Economic Essays in Honour of Gustav Cassel», London and Edinburgh, 1967. – P. 72.
[2] Frenkel J. Purchasing Power Parity: Doctrinal Perspective and Evidence from the 1920s // Journal of International Economics, Vol. 8, No. 2, (May 1978). – P. 170.
[3] Wheatley J. Remarks on currency and commerce /Burton. – London, 1803. – P. 170.
[4] Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М. Кейнс; вступ. Статья Н.А. Макашевой. – М.: Эксмо, 2008 (Антология экономической мысли). – С. 823.
[5] Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное / Д. Рикардо; [Пер. с англ.: предисл. П.Н. Клюкина]. – М.: Эксмо, 2007, С. 733
[6] Там же. Обесценение денег Рикардо уверенно связывает с увеличением их количества, см. «Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное» / Д. Рикардо; [Пер. с англ.: предисл. П.Н. Клюкина]. – М.: Эксмо, 2007. – С. 306–307.

обращающихся денег», а именно снижения их покупательной способности («происходящей или от обрезывания монеты, или от обесценения бумажных денег»)[1]. Д. Рикардо также рассматривает ситуацию, когда на 100 ф. ст. можно «купить вексель или право получить 101 ф.ст. в Голландии, 102 ф.ст. во Франции и 105 ф.ст. в Испании», и комментирует ее с точки зрения количественной теории денег: «это показывает, что уровень денежного обращения в этих странах выше, чем следует, и сравнительная стоимость денег, находящихся в обращении у них и в Англии, немедленно возвратится к al pari при уменьшении их обращения или увеличении его в Англии»[2]. По-видимому, здесь под фунтом стерлингов имеется в виду не валюта Великобритании, но расчетная единица, равная 1 фунту (454 г.) серебра высшей пробы.

Некоторые исследователи истории развития идеи ППС валют (например, Джордж Хэлм [3]) считают, что первая «современная» формулировка концепции относительного ППС валют была дана авторами «Доклада комитета [Британского Парламента] о высокой цене золотых слитков»: «...очевидно, что если в какой-либо стране цены товаров растут благодаря увеличению количества денег, тогда как в соседней стране такое же увеличение количества денег не приводит к подобному повышению цен, то прежнее соотношение стоимостей средств обращения этих двух стран нарушится. Так как внутренняя стоимость данной части средств обращения одной страны уменьшилась в то время как внутренняя стоимость их в другой остается без изменения, то вексельный курс будет установлен между этими двумя странами к невыгоде последней»[4].

Самым поздним из «докасселевских» вариантов теории ППС валют, по мнению некоторых представителей австрийской экономической школы, в

[1] Там же. – С. 733.
[2] Там же. – С. 167.
[3] Halm G. Monetary Theory / The Blakiston Company. – Philadelphia, 1942. – P. 222.
[4] Цит. по «Доклад комитета [Британского Парламента] о высокой цене золотых слитков», в книге «Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное» / Д. Рикардо; [Пер. с англ.: предисл. П.Н. Клюкина]. – М.: Эксмо, 2007. – С. 676.

частности Дж. Салерно[1] и М. Ротбарда[2], является теория обменных курсов, предложенная Людвигом фон Мизесом в 1912 г. в книге «*The Theory of Money and Credit*»[3].

Такова в общем эволюция известных нам идей, которые легли в основу современной теории ППС валют[4]. В завершение можно добавить, что, принимая во внимание уровень развития торговли и денежных отношений в период поздней античности в Южной Европе, а также на Ближнем Востоке в эпоху раннего Средневековья, вполне вероятно, что имеются свидетельства жителей этих эпох о наблюдениях и выводах, схожих с теми, что были сделаны в Испании в XVI веке. К сожалению, такой информации пока нет, так что расширение знаний об экономической истории указанных регионов в обозначенные периоды является перспективным направлением для будущих исследователей.

[1] Salerno J. «International monetary theory» в сборнике «The Elgar Companion to Austrian Economics»/edited by Peter J. Boettke, 1994. – P. 253.
[2] Rothbard M. «The Austrian Theory of Money» в книге «The Logic of Action One: Method, Money, and the Austrian School», Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1997. – PP. 303–304.
[3] Mises L. The Theory of Money and Credit / Yale University Press. – New Haven, 1953. – PP. 205–213.
[4] См. также: Карамурзов Р.Б. Из истории развития теории паритета покупательной способности валют // Социально-гуманитарные знания. — 2010. — № 11. — С. 320–327.

1.3. О методике Программы международных экономических сопоставлений и её раунда 2005 года

На практике осуществление подсчёта ППС валют по множеству товаров, формирующих ВВП, и к тому же для многих десятков стран путем итерационных усреднений – трудоемкая и дорогостоящая процедура. В частности поэтому для организации ПМС стало необходимым объединение усилий и ресурсов крупнейших международных организаций.

У истоков ПМС стояли статистический офис ООН, ВБ и отдел международных сопоставлений Пенсильванского университета (в настоящее время – «Центр международных сопоставлений»).

В 1967-1970 гг. был проведен первый, «пилотный» раунд, проходивший в 2 этапа и охвативший 10 стран – Великобританию, Венгрию, Индию, Италию, Кению, Колумбию, США, Францию, ФРГ и Японию[1]. В дальнейшем количество стран-участниц увеличивалось от раунда к раунду, периодичность которых изменялась со временем: в 1970-1990 гг. они проводились один раз в 5 лет, в 1990-2005 гг. – раз в три года (если учитывать и региональные раунды). Следующий, после 2005 г., всемирный раунд, как уже отмечалось, был проведен в 2011 г.

Основные процедуры ПМС могут быть описаны следующим образом. В соответствии с методикой ПМС, ВВП (подсчитываемый по расходам) каждой из стран-участниц дезагрегируется на некоторое количество первичных групп. Первичная группа – это самый низкий уровень дезагрегации ВВП для которого рассчитываются ППС валют[2]; последнее, в

[1] Kravis I., Heston A., Summers R. World product and income: international Comparisons of Real Gross Product / The John Hopkins University Press (Published for World Bank). – Baltimore and London, 1982. – P. 3.

[2] Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World bank, Washington, 2008. - P.141

частности, связано с возможностью получения сведений о стоимостном весе первичных групп в ВВП[1].

В свою очередь внутри первичных групп выделяются товары-представители. Так же, как и в случае с первичными группами, список товаров-представителей строго регламентирован организаторами ПМС. В установленном порядке фиксируются среднегодовые цены на эти товары. Путем соотнесения цен каждого товара-представителя во всех странах-участницах и дальнейшего их усреднения получают предварительные ППС валют для первичной группы. **Сопоставление цен на товары-представители – базовая процедура ПМС, и все последующие расчеты опираются именно на неё**. Важно иметь в виду, что, несмотря на большое число ценовых сведений о товарах-представителях – это всего лишь своего рода выборка, на основе которой делаются расчеты ППС валют на уровне первичной группы. Хотя список товаров-представителей содержит тысячи наименований[2], это, разумеется, гораздо меньше реального числа всех благ (товаров, услуг), производимых/потребляемых в любой отдельно взятой реальной экономике.

После расчёта коэффициентов ППС валют для всех первичных групп (так, в раунде ПМС 2005 г. их насчитывалось 155) каждой из стран-участниц полученные результаты опять «обобщаются» (усредняются) в соответствии с их весáми в ВВП соответствующей страны[3] с помощью одного из методов агрегирования (которые базируются на индексном анализе с применением матричного исчисления). Полученные указанным способом коэффициенты

---

[1] ICP Handbook 2003-06 (электронный документ), chapter 1. – PP. 6–7, http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/270056-1183395201801/ICP_Ch1_Overview.doc.

[2] Deaton A., Heston A. Understanding PPPs and PPP-based national accounts, November 2008, NBER Working Paper No.14499. – P. 4.

[3] Здесь важно заметить, что весá отдельных первичных групп могут существенно различаться от страны к стране. Так, стоимостной (в национальной валюте) вес в ВВП первичных групп, связанных с расходами на питание и укрупненных в рамках ПМС в категорию расходов «Еда и безалкогольные напитки», составлял в 2005 г. в Центральноафриканской республике – 56 %, в Албании – 20,6 %, а в Норвегии – лишь 5,2 %; см. Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World bank, Washington, 2008. – PP. 128, 132, 134.

характеризуют покупательную силу валют той или иной страны.

Процедуры ПМС гораздо сложнее и разнообразнее приведенного схематичного описания. В ходе реализации ПМС используется множество методов определения товаров-представителей, сбора цен на них в течение года, а также дальнейших расчётов с целью получения искомых коэффициентов ППС валют. Даже самое поверхностное их освещение потребует отдельного исследования; описание методик ПМС (имеются в виду не подробнейшие «инструкции для внутреннего пользования», а описание основных этапов и процедур Программы), как правило, занимает не одну сотню страниц.

Как уже отмечалось, последовательные раунды ПМС проводились в 1967, 1970, 1975, 1980, 1985, 1990, 1993, 1996, 1999, 2002, 2005 и 2011 гг. Трудно со стопроцентной уверенностью полагать, что каждый последующий раунд будет более удачным, чем предыдущий, т.е. априори считать сведения самого последнего (хронологически) раунда непременно более достоверными, чем результаты предшествовавших ему. Дело в том, что на протяжении десятилетий изменялись (в том числе, совершенствовались) процедуры и методы расчетов. В итоге данные ПМС, полученные, скажем, в ходе раундов 1985 и 2005 гг., рассчитывались не совсем одинаково и потому не вполне сопоставимы. К тому же, хотя количество стран-участниц постепенно возрастало, нельзя сказать, что это происходило только в результате появления новых государств и территорий, поскольку нередко одновременно «исчезали» некоторые из тех, что участвовали в предыдущем раунде. Так, крупнейшая «страна-континент» – Индия принимала участие в раундах 1975, 1980, 1985 гг., однако она отсутствовала во всех последующих раундах – до 2005 г. Это относится и ко многим другим странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Раунды ПМС проводились с 1967 г., но по-настоящему глобальными (и по числу, и по географии участников) могут считаться лишь четыре из них: 1985, 1993, 2005 и 2011 гг.

Несмотря на то, что хронологически последним и наиболее «представительным» по числу участников является раунд 2011 г.[1], по ряду причин представляется целесообразным подробнее рассмотреть методику раунда ПМС 2005 г.[2]

Во-первых, раунд 2005 г. был первым, в котором **одновременно** приняли участие все крупнейшие экономики мира. Например, Китай до 2005 г. ни разу не принимал участие в ПМС, а Индия до раунда 2005 г. последний раз участвовала в этих сопоставлениях в 1985 г. Кроме того, раунд 2005 г. существенно изменил сложившиеся к моменту публикации его результатов представления о геоэкономической картине мира[3], тогда как итоги ПМС 2011 г. скорее «уточнили» соотношения между индикаторами экономического потенциала и общего уровня экономического развития различных стран, полученные в ходе сопоставлений 2005 г.

Во-вторых, несмотря на то, что итоговые расчёты ПМС 2005 г. **в целом** были «приняты» экспертным сообществом[4], в адрес результатов этих оценок отдельными специалистами высказывались критические замечания и возражения, некоторые из которых изложены и проанализированы во второй главе настоящей работы. Рассмотрение аргументов критиков ПМС 2005 г.

---

[1] О его результатах см. напр.: Карамурзов Р.Б. О некоторых итогах раунда 2011 года Программы международных сопоставлений // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. — 2014. — Т. 4, № 2. — СС. 56–58.

[2] О методике подсчёта ППС валют в рамках ПМС см. также: Карамурзов Р.Б. О раунде 2005 года Программы международных экономических сопоставлений // Социально-гуманитарные знания. — 2010. — № 7. — С. 470–478.

[3] См. об этом, например: Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2008. – СС. 27–36.

[4] Косвенным свидетельством этого может служить то обстоятельство, что после появления в конце 2007 г. предварительных результатов раунда 2005 г. ведущие международные организации, специализирующиеся на предоставлении экономической информации, существенно скорректировали свои прежние расчеты и оценки в соответствии с новыми данными; речь идет прежде всего о ВБ, МВФ и Центре международных сопоставлений Пенсильванского университета. Справедливости ради, стоит напомнить, что раунд ПМС 2005 г. был проведен главным образом силами и средствами именно ВБ, так что «приятие» последним новых сведений было предсказуемым.– *Прим. авт.*

позволяет пролить свет на причины появления проблемы многовариантности оценок при международных экономических сопоставлениях.

В-третьих, хотя формально в раунде 2011 г. было больше стран-участниц, фактически, раунд 2005 г. вполне сопоставим с ним. Так, по 22 из 199 государств и территорий, «технически» принимавших участие в ПМС 2011 г., данные в объеме, необходимом для расчётов ППС валют, отсутствовали[1]. В целом же, увеличение участников программы на 53 страны было достигнуто главным образом за счёт небольших островных государств и зависимых территорий Океании и Карибского бассейна. При этом отличия способов сбора ценовых сведений и подсчёта ППС валют, использованных в ходе ПМС 2005 г., от тех, которые применялись в предыдущих раундах и в 2011 г., при ближайшем рассмотрении оказываются не столь значительными. Они носят, скорее, «количественный», нежели «качественный» характер и, по-видимому, являются проявлением процесса непрерывного совершенствования методики ПМС. Поэтому, анализ основных процедур раунда 2005 г., как представляется, позволяет получить довольно полное представление об общем характере применяемых техник расчёта ППС валют в рамках ПМС.

Сказанное отнюдь не означает, что результаты ПМС 2005 г. имеют качественные преимущества перед данными раунда сопоставлений 2011 г. Напротив, по причине улучшения методик сбора первичной информации о ценах товаров и услуг и способов подсчёта ППС валют, а также расширяющегося круга стран-участниц, можно предположить, что в техническом плане данные новых раундов, как минимум, не менее совершенны. Основная цель изложенного вышке – разъяснение причин, по которым далее более подробно рассмотрены основные этапы и процедуры именно раунда 2005 г.

[1] Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program, Washington, DC: World Bank, 2014. – P. 79.

Как и в предыдущих раундах, в 2005 году организаторы сочли целесообразным разделение всех стран-участниц на группы. В основе деления – главным образом, географический признак. В результате появилось 6 групп-регионов: 1) страны-члены ОЭСР и так называемая зона Евростата; 2) страны-члены СНГ; 3) Африка; 4) Латинская Америка; 5) Западная Азия; 6) Азия и Тихоокеанский регион. Разбиение стран на группы-регионы представляется вполне обоснованным, так как в относительно малоудаленных друг от друга – и, как правило, не сильно различающихся (например, по климату), а иногда имеющих много общих культурных черт, – странах с большей вероятностью можно обнаружить товары, являющиеся типичными, «репрезентативными» и, соответственно, пригодными для сравнения. Это в итоге даёт большее количество ценовых соответствий, которые в свою очередь позволяют получить более точные представления о ППС валют.

Получение сведений о ППС валют в глобальном масштабе осуществляется в два этапа. На первом определяются региональные ППС валют; они рассчитываются сначала для отдельных первичных групп, а затем укрупняются до уровня всего ВВП и его основных компонентов. На втором этапе (используя данные, полученные внутри регионов) обобщаются региональные и вычисляются ППС валют в глобальном масштабе.

В раунде 2005 г. для подсчёта ВВП **на уровне первичных групп** использовались два метода расчета ППС валют: **ЭКШ** (**EKS**) и **метод товарно-страновых условных переменных** (**Country-Product-Dummy variable, сокращенно CPD**).

Метод **ЭКШ** (название образовано по первым буквам фамилий ученых предложивших его: Э. Элтете, П. Кэвеша и Б. Шульца[1]) применялся для двух «регионов»: Евростат-ОЭСР и СНГ. Суть ЭКШ состоит в обеспечении

[1] Некоторые авторитетные исследователи, в частности, А. Хестон и А. Дитон, считают более правильным название GEKS, поскольку первенство в применении этой формулы принадлежит итальянскому экономисту Коррадо Джини (в оригинальном написании – Gini).– *Прим. авт.*

транзитивности результатам, полученным в ходе попарных (бинарных) межстрановых сопоставлений. Можно сказать, что ЭКШ – это метод многосторонних сопоставлений с применением бинарных[1]. Дело в том, что ППС валют, полученные в ходе отдельных бинарных сравнений, не являются транзитивными, т.е. если известен ППС валют стран **A** и **B** и ППС валют между **B** и **C**, то ППС валют стран **A** и **C** не может быть вычислен на основании двух известных. Именно для обеспечения взаимной согласованности результатов и проводится процедура ЭКШ. Например, необходимо вычислить ППС валют двух стран: ***J*** и ***K***. Имеются сведения о ценах ***S*** товаров-представителей в рамках одной из первичных групп в обеих странах. Соответственно, для каждого отдельно взятого товара-представителя может быть рассчитан ППС валют путём прямого сопоставления цен:

$$PPP^{i}_{j/k} = \frac{p^{i}_{j}}{p^{i}_{k}},$$

где i=1,2,3....s

Все полученные ППС валют (отношения цен) по каждому товару данной первичной группы обобщаются до единого коэффициента. Для этого сначала рассчитываются средние индексы *типа* Ласпейреса и *типа* Пааше. Характеристика «типа» призвана подчеркнуть существенные отличия используемых формул от оригинальных. Дело в том, что индексы Ласпейреса и Пааше – по определению – это средневзвешенные арифметическая и гармоническая соответственно. Между тем, в рамках ПМС 2005 г. обобщение множества отношений цен по отдельным товарам на уровне первичных групп осуществлялось путём подсчёта их среднего геометрического [см. ниже формулы (6) и (7)]. Кроме того, при расчёте традиционных «пространственных» (в значении «не временны́х») индексов

[1] Kravis I., Heston A., Summers R. World product and income: international Comparisons of Real Gross Product / The John Hopkins University Press (Published for World Bank). – Baltimore and London, 1982. – P. 76.

Ласпейреса и Пааше должны были бы использоваться соответствующие **весовы́е** характеристики рассматриваемых стран. Но в раунде 2005 г. при расчёте ППС валют **на уровне первичных групп** в качестве некоего аналога количественных весов выступал набор товаров, репрезентативных в той или иной стране.

Таким образом, для расчёта индекса типа Ласпейреса использовались сведения о ценах на те товары, которые являются репрезентативными в ***K*** (стране-эмитенте базовой валюты):

$$PPP^{L}_{j/k} = \left[\prod_{i=1}^{m} \frac{p^{i}_{j}}{p^{i}_{k}*} \right]^{\frac{1}{m}} \qquad (6),$$

где $PPP^{L}_{j/k}$ – ППС валют стран ***J*** и ***K*** на уровне первичной группы, по формуле индекса типа Ласпейреса;

p^{i}_{k} *– цена *i*-го товара, характерного для страны ***K*** в стране ***K***;

p^{i}_{j} - цена *i*-го товара, характерного для страны ***K*** в стране ***J***;

m – число товаров характерных для страны ***K***.

Для расчёта индекса типа Пааше в качестве «типичного» был использован набор товаров, являющихся репрезентативными на территории страны ***J***:

$$PPP^{P}_{j/k} = \left[\prod_{i=1}^{n} \frac{p^{i}_{j}*}{p^{i}_{k}} \right]^{\frac{1}{n}} \qquad (7),$$

где $PPP^{P}_{j/k}$ – ППС валют стран ***J*** и **K** на уровне первичной группы, по формуле индекса типа Пааше;

p^{i}_{k} – цена *i*-го товара, характерного для страны ***J*** в стране ***K***;

p_j^i * – цена *i*-го товара, характерного для страны ***J*** в стране ***J***;

N – число товаров характерных для страны ***J***.

Поскольку между значениями индексов Ласпейреса и Пааше существуют довольно существенные расхождения, и не всегда понятно, какой из двух индексов следует считать более корректным, нормальной практикой является применение т.н. «идеального индекса» Фишера (в данном примере, «индекса типа Фишера»). Он представляет собой среднегеометрическое ППС валют, полученных по формулам типа Ласпейреса и типа Пааше:

$$PPP_{j/k}^F = \left[PPP_{j/k}^P \times PPP_{j/k}^L \right]^{\frac{1}{2}} \qquad (8)$$

Однако этот паритет не является транзитивным. Если, например, в ходе бинарных сопоставлений рассчитать по формуле типа Фишера ППС «доллар/фунт стерлингов» и ППС «доллар/рубль», то из их комбинации не удастся получить ППС «фунт стерлингов/рубль». Для того, чтобы преобразовать индексы бинарных сопоставлений в транзитивные, и осуществляется пересчет по процедуре ЭКШ (предварительно необходимо получить все попарные/бинарные ППС валют на уровне первичных групп региона). Смысл процедуры ЭКШ состоит в учёте (помимо прямых сопоставлений покупательных способностей двух валют) всех ППС валют, полученных косвенным путём. Значения ППС валют, рассчитанных с помощью формулы ЭКШ, – среднегеометрическое прямого и всех косвенных ППС валют между двумя странами (прямой ППС валют имеет вес, вдвое бóльший, чем каждый из косвенных)[1].

Общий вид формулы ЭКШ:

[1] Methodological Manual on Purchasing Power Parities / OECD. – Paris, 2006. – P. 126.

$$PPP_{j/k}^{EKS} = \left[\left(PPP_{j/k}^{F} \right)^2 \times \prod_{l \neq j,k} \frac{PPP_{j/l}^{F}}{PPP_{k/l}^{F}} \right]^{\frac{1}{z}} \quad (9)$$

или иначе,

$$PPP_{j/k}^{EKS} = \left[\left(PPP_{j/k}^{F} \right)^2 \times \prod_{l \neq j,k} {}_{l}PPP_{j/k}^{F} \right]^{\frac{1}{z}} \quad (10),$$

где $PPP_{j/k}^{EKS}$ – ППС валют стран ***J*** и ***K*** на уровне первичной группы, по формуле ЭКШ;

$PPP_{j/k}^{F}$, $PPP_{j/l}^{F}$, $PPP_{k/l}^{F}$ – прямые ППС валют типа Фишера между странами ***j, k*** и ***l*** ($j,k,l \in Z$);

${}_{l}PPP_{j/k}^{F}$ – косвенный ППС валют типа Фишера для страны ***j*** к стране ***k,*** через страну ***l***;

Z – число стран принимающих участие в сопоставлениях

Полученные, с помощью процедуры ЭКШ, ППС валют рассчитанные на **уровне первичной группы**, являются транзитивными и могут использоваться в дальнейших расчетах в качестве достоверных результатов для получения ППС валют на уровне всего ВВП и его основных составляющих. Однако самым серьезным выявленным недостатком метода ЭКШ является неаддитивность: сумма физических объемов на каком-то заданном уровне агрегирования не позволяет получить соответствующую сумму на более высоком уровне агрегирования, и показатели их структуры не дают в итоге 100 %, что ограничивает возможности структурного анализа[1].

Метод **товарно-страновых условных переменных**, основанный не на бинарных, а многосторонних сопоставлениях, применялся в раундах ПМС с 1970 г.; в основе этого метода – элементы регрессионного анализа и

[1] Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999–2000 и 2002 годы: стат. сб./ Росстат. – М., 2005. – С. 21.

предположение о том, что в пределах первичной группы ППС валют, полученные по отдельным товарам, являются постоянными (что по сути означает, что относительные цены на соответствующие товары в каждой из сравниваемых стран одинаковы). Сама по себе гипотеза об идентичности относительных цен во всех странах (так как проводятся сопоставления «всех со всеми») ничем не доказана, более того, наивна. Подобной проблемы не возникает при использовании методов типа ЭКШ. Однако метод товарно-страновых условных переменных позволяет избежать проблем, возникающих при использовании попарных сопоставлений; кроме того, проблему, связанную с отмеченным недостатком метода товарно-страновых условных переменных, отчасти удаётся преодолеть благодаря включению в уравнение регрессии «фактора» репрезентативности.

В раунде 2005 г. метод товарно-страновых условных переменных (как и некоторые его разновидности) применялся большинством регионов, а именно – в Африке, Азии и Тихоокеанском регионе, Латинской Америке и Западной Азии, тогда как ЭКШ, повторим, – в «регионах» Евростат-ОЭСР и СНГ. Практика показывает, что вне зависимости от того, какой из методов расчёта был выбран на уровне первичных групп, результаты будут различаться тем меньше, чем полнее заполнена матрица ценовых соответствий[1].

Несмотря на исключительную важность точных расчётов ППС валют каждой страны по всем первичным группам, сами по себе эти коэффициенты малопригодны для структурного анализа ВВП при международных сопоставлениях. Для того, чтобы получить величины ППС валют, которые могут быть использованы для приведения ВВП (и его основных компонентов) различных стран в одинаковые денежные единицы (ради чего, собственно, и проводятся мероприятия ПМС), ППС валют, полученные на уровне первичных групп, необходимо «обобщить». В 2005 г. для решения

[1] ICP Handbook 2003-06 (электронный документ), chapter 1, P.11, http://siteresources.worldbank.org/ICPINT/Resources/270056-1183395201801/ICP_Ch1_Overview.doc.

этой задачи агрегирования **для всех стран** применялся метод ЭКШ. Схематично данная процедура приведена ниже.

Для каждой пары стран все ППС валют, полученные на уровне первичных групп, «усредняются» **именно** по формулам Ласпейреса (в качестве весов выступают расходы на каждую из первичных групп в стране, валюта которой принята за базовую) и Пааше (в качестве весов выступают расходы на каждую из первичных групп в стране, валюта которой принята за нумератор). На основе полученных значений рассчитывается единое значение ППС валют по формуле «идеального» индекса Фишера (как среднее геометрическое двух значений). Наконец, с помощью процедуры ЭКШ, нетранзитивные ППС валют, полученные по формуле Фишера, преобразовываются в транзитивные/взаимосогласованные.

Для демонстрации того, как на практике осуществляется «обобщение» (агрегирование) коэффициентов ППС валют, полученных на уровне первичных групп, обратимся к количественному примеру, приведенному на страницах 229-234 справочного руководства, изданного в 2006 г. совместными усилиями Евростата и ОЭСР – «Methodological Manual on Purchasing Power Parities»[1].

Даны результаты расчётов ППС валют по двум первичным группам (*v* и *w*) в трёх странах (**A**, **B**, **C**) (табл. 1.5); имеются сведения о расходах по обеим первичным группам в национальной валюте каждой из стран (табл. 1.6).

Среднеарифметическая взвешенная ППС валют обеих первичных групп по формуле Ласпейреса рассчитывается так (в качестве базовой выбрана валюта страны **A**):

[1] Рассматриваемый пример воспроизведен в настоящей диссертации лишь частично: в оригинале, число стран и первичных групп было большим (четыре и пять соответственно). Однако поскольку для понимания методики расчета это не имеет решающего значения, в целях экономии места здесь количество стран и первичных групп было ограничено до трёх и двух соответственно. – *Прим. авт.*

$$PPP^{L}_{A/A} = \frac{\left[\left(\frac{PPP_{va}}{PPP_{va}}\right)E_{va} + \left(\frac{PPP_{wa}}{PPP_{wa}}\right)E_{wa}\right]}{(E_{va} + E_{wa})} = \frac{\left[\left(\frac{0{,}0746}{0{,}0746}\right)5 + \left(\frac{0{,}0731}{0{,}0731}\right)20\right]}{(5+20)} = 1;$$

$$PPP^{L}_{B/A} = \frac{\left[\left(\frac{PPP_{vb}}{PPP_{va}}\right)E_{va} + \left(\frac{PPP_{wb}}{PPP_{wa}}\right)E_{wa}\right]}{(E_{va} + E_{wa})} = \frac{\left[\left(\frac{0{,}8667}{0{,}0746}\right)5 + \left(\frac{0{,}9504}{0{,}0731}\right)20\right]}{(5+20)} = 12{,}7247;$$

$$PPP^{L}_{C/A} = \frac{\left[\left(\frac{PPP_{vc}}{PPP_{va}}\right)E_{va} + \left(\frac{PPP_{wc}}{PPP_{wa}}\right)E_{wa}\right]}{(E_{va} + E_{wa})} = \frac{\left[\left(\frac{29{,}204}{0{,}0746}\right)5 + \left(\frac{20{,}725}{0{,}0731}\right)20\right]}{(5+20)} = 305{,}1075.$$

Полагая таким же образом базовыми валюты стран **B** и **C**, получим в результате матрицу, представленную в табл. 1.7.

Аналогично, можно рассчитать средневзвешенную (в качестве весов – расходы на соответствующие первичные группы в стране-нумераторе) гармоническую величину ППС валют по формуле Пааше.

После того, как рассчитаны ППС валют для ВВП по формулам Ласпейреса и Пааше, «усредняя» значения соответствующих значений табл. 1.7 и 1.8 с помощью формулы «идеального» индекса Фишера, получаем значения ППС валют (табл. 1.9).

Наконец, применив к результатам табл. 1.9 процедуру ЭКШ (т.е. учитывая и все косвенные попарные ППС валют), можно получить искомые (транзитивные и взаимосогласованные) ППС валют для всего ВВП, не изменяющиеся в зависимости от выбора базовой страны (см. табл. 1.10). Стоит повторить, что использованный в раунде 2005 г. метод ЭКШ ограничивает возможности структурного анализа, поскольку значение показателей высших уровней агрегирования часто **не равно** сумме составляющих.

После агрегирования результатов, полученных на уровне первичных групп, первый – «внутрирегиональный» – этап ПМС завершен.

На следующем этапе вычисляются межрегиональные ППС валют. Делается это в рамках так называемой Кольцевой программы. В этой программе участвовали 18 стран, от двух до шести от каждого региона (см. табл. 1.11). Исключение составляют страны СНГ (для них был использован

принцип «страны-моста», в качестве которой выступила Россия, участвовавшая и в сопоставлениях Евростата-ОЭСР и СНГ) [1].

Кольцевая программа проводилась почти параллельно (немного запаздывая) с внутрирегиональными сопоставлениями. По кольцевым странам проводился дополнительный сбор информации о ценах, по дополнительному списку товаров-представителей, которые не учитывались ни в одном региональном списке до этого. С помощью одной из разновидностей метода товарно-страновых условных переменных исчислялись паритеты между регионами; при этом каждый регион выступал в качестве «сверхстраны».

Одним из требований многих стран-участниц было соблюдение принципа фиксированности, согласно которому внутрирегиональные паритеты (точнее, их относительные величины), полученные в ходе «регионального» этапа, должны были сохраняться и на глобальном уровне[2].

В результате в рамках Кольцевой программы появились новые транзитивные паритеты между регионами; для получения глобальных паритетов внутрирегиональные просто умножались на полученные межрегиональные.

В завершение, необходимо сказать о затруднениях, возникающих при подсчёте ППС валют, а также о некоторых недостатках методики ПМС. Одним из них является относительно большой период между годами, в которые проводятся раунды сопоставлений. В итоге данные за «межраундовые» годы, до момента публикации сведений нового раунда, как правило, определяются экспертами международных организаций путём экстраполяции, с учетом структурных сдвигов и изменений ценовых пропорций в различных странах в рассматриваемый период. Сами эксперты, разумеется, не являются специалистами по всем или даже большинству стран

[1] Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World bank, Washington, 2008. – P. 160.
[2] Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World bank, Washington, 2008. – P. 160.

мира. Поэтому они корректируют коэффициенты ППС валют в одних странах (текущие экономические изменения в которых им известны) более «квалифицированно», а в других – преимущественно с учетом фактора инфляции (или вообще не корректируют их). В итоге данные о ВВП по ППС валют за, скажем, 2006–2012 гг., в базах данных и соответствующих изданиях ВБ и МВФ, неизбежно менее точны, чем итоговые показатели раундов 2005 или 2011 гг. Кроме того, сведения по разным странам отличаются далеко не одинаковой точностью/неточностью, а также не вполне сопоставимы. При этом материалы по экономически развитым странам (при прочих равных условиях), как правило, более последовательно и ближе к действительности учитывают упомянутые сдвиги и изменения ценовых пропорций, чем аналогичные материалы по развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки.

Исследователям, использующим в своих работах материалы ВБ (в частности, сведения базы данных «World development indicators») необходимо иметь в виду, что по мере появления новых данных ПМС, специалисты этой организации **корректируют** прежние оценки соответствующих индикаторов. Так, после публикации весной 2008 г. окончательных итогов раунда ПМС 2005 г., ВВП по ППС валют стран, принимавших в нём участие, были пересчитаны за все годы (путём экстра- и ретрополяции, на основе данных о ежегодных темпах роста ВВП). Тоже самое было сделано после публикации в 2014 г. итогов раунда ПМС 2011 г.

Необходимо также подчеркнуть важность критического отношения к результатам раундов 2005 и 2011 гг. Большинство исследователей соглашается с тем, что применение принципов теории ППС валют является наилучшим решением задачи приведения показателей ВВП к сопоставимому виду, а также признают, что раунды 2005 и 2011 гг. – наиболее масштабные. Однако сама организация сбора первичных ценовых и структурных данных, а также процедура расчета переводных коэффициентов (постоянное

совершенствование методик расчета ППС валют[1]) по-прежнему остается дискуссионной темой не только среди потребителей информации ПМС, но и среди специалистов, имеющих прямое отношение к ее реализации.

[1] Сведения о последних изменениях в методах расчета можно получить из периодического электронного издания Программы международных сопоставлений «ICP bulletin» (www.worldbank.org/ICP). – *Прим. авт.*

Глава 2. Проблемы международных экономических сопоставлений

2.1. Критика результатов раунда ПМС 2005 года Э. Мэддисоном

Среди многочисленных комментариев по поводу результатов раунда ПМС 2005 г., пожалуй, наибольший интерес представляют критические замечания профессора Энгаса Мэддисона. Российским исследователям Э. Мэддисон хорошо известен прежде всего благодаря своим трудам, посвященным мировой экономике и ее «статистическим обоснованиям», опубликованным в 1995-2007 гг. Кроме того, историко-экономическая статистика, подготовленная под руководством Э. Мэддисона, регулярно публиковалась на его персональной странице в Интернете (http://www.ggdc.net/MADDISON).

Уход из жизни Э. Мэддисона в 2010 г. ознаменовал завершение целой эпохи в области международных экономических сопоставлений, в том числе и формирование международной экономической статистики (статистики ВВП) за период с I в. н.э. и до первого десятилетия XXI в. Помимо огромного вклада в развитие теории и методологии международных экономических сопоставлений, Э. Мэддисон [1] стал известен как ученый, обладавший широчайшим кругозором. Он автор многих книг и статей, посвященных особенностям экономического развития разных регионов планеты и мирового хозяйства в целом. Среди заслуг Э. Мэддисона: организация и курирование проекта по Международным сопоставлениям производства и производительности; проведение многочисленных встреч и семинаров в рамках Международной Ассоциации по исследованиям дохода и благосостояния; создание Groningen Growth Development Center[2]; изложение оригинальных взглядов на понимание динамики и источников

[1] Помимо научной и педагогической деятельности, Э. Мэддисон активно занимался практической работой и прикладными исследованиями, так что в общей сложности более двадцати лет занимал различные, в том числе, руководящие, должности в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). – *Прим. авт.*

[2] Сотрудники этой организации занимаются изучением вопросов, связанных с долгосрочным экономическим ростом. – *Прим. авт.*

экономического роста и развития, а также на причины нынешнего финансово-экономического кризиса.

Количественные оценки и, прежде всего, данные статистических таблиц, содержащиеся в книгах Э. Мэддисона, а также на его официальном Интернет-сайте, широко используются отечественными и зарубежными исследователями. Пожалуй, не будет большим преувеличением предположить, что лишь меньшая часть новейших исследований в области экономической истории и долгосрочного экономического роста не содержит ссылок на труды Э. Мэддисона. Перечисление статей и монографий, авторы которых опираются на сведения его исторической статистики, не представляется возможным в тексте данной диссертации. В Приложениях к главе 2 дан список некоторых книг опубликованных на русском языке в 2000-х гг., в которых имеются ссылки на труды проф. Мэддисона (главным образом, посвященные вопросам квантификации экономической истории). Заметим, что среди приведенных в списке работ есть и учебники, в том числе несколько раз переиздававшиеся и рекомендуемые студентам некоторых экономических специальностей в качестве основных.

Именно по причине значительного вклада в развитие экономической науки и высокого авторитета профессора Мэддисона особый интерес представляют систематизированные им критические замечания, касающиеся раунда ПМС 2005 г. Они были опубликованы на Интернет-странице ученого в виде комментариев к ряду его работ под названием «Background notes on historical statistics» [1] . В них высказаны серьезные сомнения в «правдоподобности» результатов раунда 2005 г. и приведены аргументы «против».

Считаем необходимым внимательно отнестись к этим соображениям Э. Мэддисона.

Ниже приводим полный текст его критических замечаний, порядок

[1] http://www.ggdc.net/MADDISON/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_03-2010.pdf

которых сохранен:

«Есть несколько веских причин для скептического отношения к новым сведениям, представленным ВБ:

1) Они используют процедуру ЭКШ, а не метод Гири-Камис (далее – Г-К; подробнее об этом см. далее, *Р.К.*); применение ЭКШ в значительной степени связано с предпочтениями бюрократического аппарата стран-участниц ПМС, потому что при использовании ЭКШ ранговое положение страны в региональной группе не может быть изменено (так как регионы требуют соблюдения принципа «фиксированности»). Это приводит к тому, что всем странам присваиваются одинаковые веса вне зависимости от их (стран, *Р.К.*) величины; так Люксембург полагается равным США.

2) Использование ЭКШ приводит к тому, что страны с низкими доходами оказываются «беднее», чем при использование Г-К, который я применял. В работе Крэвиса, Хестона и Саммерса 1982 года (P.96,)[1], средний результат ВВП по Г-К для группы стран с наименьшими доходами был на 16% выше результата по ЭКШ. Однако различия между результатами ВБ и моими (оценками, *Р.К.*) больше того, что может быть объяснено искажениями, вызванными применением процедуры ЭКШ.

3) Оценка Всемирным Банком китайского ВВП составляет лишь 43 % от величины этого показателя в США; в то время как моя оценка (этого показателя, *Р.К.*) составляет 80%; их (ВБ, *Р.К.*) оценка подушевого ВВП (в % от США) составляет для Китая лишь 9,8 %, тогда как моя – 18,3%. Имеется также существенное занижение оценок ВБ по Индии, Индонезии, Корее, Таиланду и Вьетнаму.

4) Эксперты ВБ не осуществляют проверку новых результатов на их «правдоподобие» («plausibility»). На протяжении ряда лет в издании ВБ «World development indicators» публиковались оценки по Китаю, которые более или менее соответствовали моим расчетам. После раунда ПМС 2005

[1] Kravis I., Heston A., Summers R. World product and income: international Comparisons of Real Gross Product / The John Hopkins University Press (Published for World Bank). – Baltimore and London, 1982. – P. 96.

года результаты пяти предыдущих раундов отвергаются как «базирующиеся на очень старых и ограниченных (скудных) данных»[1].

5) В упомянутой выше работе 1982 г. Ирвинг Б. Крэвис, Алан Хестон и Роберт Саммерс провели серьезный анализ, выявивший чувствительность результатов ППС валют к выбору техники (агрегирования, *Р.К.*), в то время как в последнем исследовании ВБ (публикации, посвященной результатам раунда 2005 г., *Р.К.*) очевиден недостаток подобного анализа.

6) Результаты ВБ по Китаю в высшей степени неправдоподобны, если рассматривать их в ретроспективе. Моя оценка результатов роста показывает, что подушевой доход в Китае увеличился с 1950 по 2005 гг. в 12,5 раз. Если теперь мы соединим оценку раунда 2005 года с моей оценкой результатов роста, то получим для 2005 года 4091 долларов (в ценах 2005 г., *Р.К.*) и 326 долларов (гораздо ниже уровня существования) в 1950 году. Если же поверить официальным данным о росте ВВП за 55 лет в 21 раз, то уровень 1950 года не превысит 196 долларов»[2].

Поскольку эти замечания затрагивают многие аспекты методики ПМС и ряд конкретных результатов раунда 2005 г., последовательно рассмотрим каждый из аргументов Э. Мэддисона[3].

2.1.1. Различные методы агрегирования и сопоставление полученных результатов

В **первом** и **втором пунктах** Э. Мэддисон указывает на то, что в ходе раунда 2005 г. при обобщении (агрегировании) ППС валют, полученных на уровне первичных групп, использовался метод ЭКШ, тогда как в ранних

[1] Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World Bank, Washington, 2008. – P. 10.

[2] http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/BackgroundHistoricalStatistics_10-2009.pdf

[3] Анализ критических замечаний Э. Мэддисона в адрес итоговых результатов раунда ПМС 2005 г. представлен также в монографии Л.А. Фридмана и Р.Б. Карамурзова «Международные экономические сопоставления на основе паритетов покупательной способности валют: теория, практика и актуальные проблемы» (2014), СС. 53-84

раундах применялся метод Г-К (авторами которого являются Р. Гири и С. Камис), и отмечает существенные различия между ними. Логичным шагом было бы привести описания каждого из методов, а также «полный» анализ их преимуществ и недостатков. Однако сжатое описание этих методик вряд ли возможно без ущерба для понимания их особенностей. Подробная и исчерпывающая информация по данному вопросу содержится в справочном руководстве, изданном в 2006 г. совместными усилиями Евростата и ОЭСР – «Methodological Manual on Purchasing Power Parities» (стр. 125-136 и 223-242). Оно находится в открытом доступе в Интернете[1]. Не прибегая к подробной характеристике техники расчетов, ограничимся наиболее важными чертами каждого из упомянутых методов (Г-К и ЭКШ).

Важным достоинством обоих методов является то, что ППС валют, рассчитанные с их помощью, транзитивны: если известен ППС валют стран А и Б и ППС валют Б и В, то ППС валют **А** и **В** может быть вычислен на основании двух известных[2]. Однако у каждого из методов имеется и своя «ахиллесова пята». Основной выявленный недостаток метода ЭКШ – повторим, его неаддитивность. Метод Г-К соответствует требованию аддитивности, однако он подвержен так называемому «эффекту Гершенкрона», имеющему вполне конкретное «классическое» определение в статистике. Впрочем, оно малополезно для понимания действия этого «эффекта» в данном конкретном случае. Поэтому ограничимся лишь указанием на то, что речь идет об искажении, возникающем из специфики метода Г-К и выражающемся в смещении результатов сопоставлений в сторону стран с отличной от средней по всей их совокупности структурой цен.

Дискуссия о масштабах влияния указанных недостатков обоих методов на конечный результат сопоставлений, а следовательно, и спор о

---

[1] http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_OFFPUB/KS-BE-06-002/EN/KS-BE-06-002-EN.PDF или www.oecd.org/dataoecd/59/10/37984252.pdf

[2] Карамурзов Р., Фридман Л. Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // Россия XXI. — 2011. — № 3. — С. 70.

предпочтительности применения каждого из них, ведутся уже не первое десятилетие, и, похоже, их участники еще не скоро придут к единому мнению. Поэтому представляется целесообразным сосредоточиться не на анализе видимых преимуществ/недостатков этих методов, а обратиться к реальным материалам.

В качестве иллюстрации того факта, что из-за применения ЭКШ «бедные» страны оказываются еще беднее Э. Мэддисон приводит единственный количественный пример из работы Ирвинга Б. Крэвиса, Алана Хестона и Роберта Саммерса: средняя величина подушевого ВВП по ППС валют (по методу Г-К) для группы стран с наименьшими доходами оказалась на 16 % выше аналогичной цифры, полученной по методу ЭКШ.

Однако само заявление о том, что, по сравнению с методом Г-К, метод ЭКШ преуменьшает показатели подушевого ВВП, по меньшей мере, спорно. Так, по утверждениям авторов комментариев к докладу о результатах раунда ПМС 2005 г., именно использование метода Г-К приводит к тому, что подушевой ВВП стран с низкими доходами оказывается завышенным [1]. Таким образом, один и тот же результат применения разных техник агрегирования Э. Мэддисон считает недостатком ЭКШ, тогда как авторы доклада полагают, что он является преимуществом этого метода.

Не вступая в полемику по этому поводу, и не пытаясь дать системные ответы на заслуживающие дополнительного изучения вопросы, подойдем к проблеме более конкретно: проверим, насколько справедливо это заявление не «вообще», а применительно к различным раундам ПМС и к более широкому кругу стран, относящихся к группе государств с низкими доходами.

На странице 96 указанной ранее книги И. Крэвиса, Р. Саммерса, А. Хестона приводятся сведения об относительной (в процентах от США) величине подушевого ВВП для 34 стран в 1975 г., рассчитанной с

[1] Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program, World Bank, Washington, 2008. – P. 159.

применением двух интересующих нас методик. Для наглядности в табл. 2.1 воспроизведена необходимая нам часть сведений из оригинальной таблицы[1].

Как видно из табл. 2.1, страны, о которых говорит Э. Мэддисон (т.е. те средняя величина подушевого ВВП которых, рассчитанная с помощью Г-К, была на 16 % выше результата по ЭКШ[2]), относятся к группе с наименьшим значением подушевого ВВП. Но в эту группу вошли страны, существенно различающиеся по величине их подушевого ВВП (в процентах от США): если в Малави эта величина не превышала 4,9 %, то у Филиппин – уже 13,2 %.

Само деление стран на «бедные» и «богатые» достаточно условно и осуществляется на основании критериев, принятых в то или иное время разными исследователями и организациями. Например, в 1975 г. к «бедным» были отнесены страны, подушевой ВВП которых был ниже 15 % от аналогичного показателя в США. Но поскольку критика Э. Мэддисона относится к результатам раунда 2005 г., имеет смысл проверить справедливость выдвинутого им утверждения, используя для этого группу стран, считавшихся «бедными» именно в 2005 г. В качестве таковых нами рассмотрены 52 страны, которые в 2005 г. по классификации ВБ относились к группе государств с низкими доходами (low-income)[3]. Выбор этой классификации не был случайным. Например, можно было бы рассмотреть показатели подушевых ВВП в странах, относимых по классификации ООН к

[1] В оригинальной таблице приведены сведения о величинах данного показателя, рассчитанных с помощью и нескольких других способов агрегирования (Уолша, Фишера и т.д.). Однако, поскольку в рамках обсуждаемого вопроса для нас представляют интерес расчеты с применением процедур ЭКШ и Г-К, приведенные данные ограничены ими. Оригинальная таблица является результатом дополнительных расчетов, и не была изначально частью процедур в рамках III этапа ПМС (раунда 1975 года). Расчет ВВП в рамках раунда 1975 г. осуществлялся по 151 **первичной группе** с помощью метода Г-К; в то же время расчет по Г-К пригодный для сопоставления с другими методами агрегирования, был осуществлен по 143 **первичным группам**. – *Прим. авт.*

[2] Заметим, что разница между средними по группе бедных стран составляет 16 % от средней величины, рассчитанной по ЭКШ; от средней величины подушевого ВВП, рассчитанной по Г-К, разница составит 13,5 %. – *Прим. авт.*

[3] Строго говоря, в 2005 г. ВБ отнёс к этой группе 54 страны. Однако поскольку по КНДР и Мьянме отсутствовали данные, необходимые для последующего анализа, рассмотрение ограничено 52 странами. – *Прим. авт.*

группе наименее развитых (least-developed). Однако при ближайшем изучении этой группы выяснилось, что при включении тех или иных стран в ее состав принималась во внимание не только величина их подушевого ВВП, но и разного рода институциональные характеристики. Таким образом, подобная группировка не вполне сопоставима с той, которой придерживались Крэвис, Хестон и Саммерс в своей книге 1982 г. Именно группировку по величине подушевого ВВП имел в виду Э. Мэддисон в своих критических замечаниях относительно раунда 2005 г.

Наш анализ показал, что при использовании списка стран с низкими доходами («low-income»), верхние границы этой группы оказались в целом вполне сопоставимыми: в 1975 г. – самая «богатая» из числа «бедных» страна – Филиппины имела относительный подушевой ВВП, равный 13,2 % от аналогичного показателя США; в 2005 г. – самая «богатая» из группы стран с низкими доходами – островное государство Демократическая Республика Сан-Томе и Принсипи имела подушевой ВВП, равный 11,58 % от аналогичного показателя США. Таким образом, список стран для 2005 г. выбран даже по несколько более «жесткому» критерию: не 13,2, а 11,58 % от уровня США у самой «богатой» из группы бедных стран.

Итак, группа стран с низкими доходами основана на классификации ВБ. Но его эксперты не предоставляют сведений о величинах ВВП, рассчитанных с помощью обоих интересующих нас методов (Г-К и ЭКШ).

Однако в нашем распоряжении имеются материалы «Penn world table», регулярно публикуемые Центром Международных сопоставлений Пенсильванского университета. Создателями и руководителями центра стали крупнейшие ученые-экономисты Роберт Саммерс (1922-2012) и Алан Хестон – соавторы книги, на которую ссылается Э. Мэддисон.

В табл. 2.2 представлены результаты проведенных нами расчетов относительных (в процентах к США) подушевых ВВП этих стран для всех государств, отнесенных ВБ в 2005 г. к группе государств с низкими подушевыми доходами.

Данные табл. 2.2 важны для **прежде всего** для проверки тезиса о принципиальной важности выбора метода агрегирования для «бедных стран» (стран с низкими доходами), и менее ценны для сравнений с аналогичными оценками Э. Мэддисона и результатами ПМС 2005 г. Дело в том, что, в комментариях к одной из версий «Penn world table» прямо указано, что методика расчета ППС валют методами агрегирования Г-К и ЭКШ основана на использовании одних и тех же первичных данных[1]. Поэтому различия между соответствующими результатами следует искать именно и только в различиях техник агрегирования.

Обратимся к табл. 2.2. Совершенно очевидно, что здесь речь идет о гораздо более широком круге стран (8 стран в 1975 и 52 – в 2005 г.). Мы получаем возможность проверить тезис Э. Мэддисона (что в государствах с самыми низкими доходами относительные показатели подушевых ВВП, рассчитанные по методу Г-К, обычно выше, чем аналогичные данные, полученные по методу ЭКШ) уже не по восьми (как в 1975 г.), а по пятидесяти двум странам. Из всех 52 стран пятнадцать (по относительной величине подушевого ВВП) прямо попадают в «границы» группы стран с самыми низкими доходами, выделенной в 1975 г., поскольку их подушевые ВВП колеблются от 4,9 до 13,2 % от уровня США. Остальные 37 государств имели относительные величины подушевых ВВП **меньше, чем у самой «бедной» страны, принявшей участие в раунде 1975 г.**, – т.е. Малави (её подушевой ВВП составлял 4,9 % от американского).

Примечательно, что из восьми стран, которые упоминаются Э. Мэддисоном в качестве государств с самым низким подушевым ВВП в 1975 г., только пять всё ещё относились к этой же группе (low income) в 2005 г., тогда как Шри-Ланка, Таиланд и Филиппины оказались уже включены в группу стран с «нижнесредними» доходами (lower middle income).

Таким образом, рассматриваемая нами группа стран:

[1] См. «What is new in PWT 6.3?», P.4, http://pwt.econ.upenn.edu/Documentation/PWT_63we-bac_final.doc.

а) более репрезентативна;

б) включает 37 стран, показатели которых ниже самой низкой величины подушевого ВВП в группе стран, изучавшейся в 1975 г.

Имея в распоряжении гораздо более репрезентативную выборку стран с низкими (в т.ч., наиболее низкими) показателями подушевого ВВП, можно приступить к проверке тезиса Э. Мэддисона.

Страны в табл. 2.2 ранжированы в порядке возрастания относительных величин их подушевого ВВП, рассчитанных с помощью метода Г-К. Из 52 стран с низкими, в т.ч. и самыми низкими относительными подушевыми показателями ВВП, у 31 страны расчет по Г-К, действительно, дает более высокие результаты, чем аналогичный показатель, полученный по методу ЭКШ. Однако у 21 страны (**т.е. у 40 % всех стран!**) обнаружилась противоположная тенденция. У этих стран показатели, рассчитанные по методу Г-К, оказались ниже (или равны) величин аналогичных индикаторов, полученных по методу ЭКШ. К тому же, именно в этой группе, включающей 21 страну, оказались такие крупнейшие государства Азии и Африки, как Индия, Пакистан, Бангладеш и Нигерия. Кроме них, в ту же группу вошли Либерия, Сомали, Эритрея, Гвинея-Бисау, Афганистан, Восточный Тимор, Того, Гаити, Сьерра-Леоне, Замбия, Непал, Лаос, Узбекистан, Мавритания, Монголия, Папуа-Новая Гвинея, Вьетнам. Таким образом, среди стран указанной группы оказались государства, расположенные в разных регионах развивающегося мира, но большинство их, тем не менее (как и следовало ожидать) расположено в Африке. В странах этой группы, где **обнаружилась тенденция, противоположная утверждению Э. Мэддисона**, в 2005 г. проживало около 1,7-1,8 млрд. человек, тогда как в той группе из 31 страны, где расчет по Г-К, действительно, давал более высокую величину подушевого ВВП, чем по методу ЭКШ, проживало «только» около **500 млн человек**.

Иначе говоря, тенденция, обнаруженная Э. Мэддисоном, действовала в странах, где проживало около 21-22 % всего населения

группы стран с низкими, в том числе и особенно низкими доходами, тогда как 78-79 % населения стран этой группы проживало в государствах, где расчет по ЭКШ давал (в противоположность утверждению Э. Мэддисона) более высокую (или равную) величину, чем показатель, полученный по методу Г-К.

В эту последнюю группу (где метод ЭКШ даёт более высокий показатель) включены страны как с низкими, так и с наиболее низкими величинами искомого индикатора.

Поскольку в табл. 2.2 все страны сгруппированы по возрастающей величине показателя, рассчитанного по Г-К, и они получили соответствующие ранговые номера, легко убедиться в том, что среди них находятся такие государства, как Либерия, занимающая в таблице **первое место (т.е. имеющая самую низкую относительную величину подушевого ВВП среди всех 52 стран, включенных в таблицу)**. Помимо Либерии, здесь же расположены Сомали (3-е место), Эритрея (4-е место), Гвинея-Бисау (5-е место), Афганистан (7-е место), Восточный Тимор (9-е место). **Таким образом, из 10 стран с самыми низкими относительными показателями подушевого ВВП, в 6 странах применение метода ЭКШ дало более высокий результат, чем расчет по методу ГК.** Следовательно, тезис Э. Мэддисона о том, что метод Г-К даёт более высокие результаты, противоречит расчетам **по первым десяти странам с самыми низкими подушевыми показателями** ВВП.

Из 5 стран, которые оставались в группе государств с низкими доходами и в 1975 и в 2005 гг., в двух крупнейших по численности населения – Индии и Пакистане, – где в 1975 г. расчет по Г-К дал (в соответствии с тезисом Э. Мэддисона) более высокий результат, чем по методу ЭКШ, **в 2005 г. ситуация радикально изменилась**. **Теперь уже**, как это видно из табл. 2.2, **и в Пакистане и в Индии использование метода ЭКШ в 2005 г. дало более высокий результат, чем применение метода Г-К.**

До сих пор нас интересовал вопрос о верификации утверждения Э. Мэддисона, что в странах с низкими (в т.ч. и наиболее низкими) доходами метод Г-К, который он считает предпочтительным, позволяет получить более высокие относительные подушевые показатели ВВП, чем ЭКШ. Однако Э. Мэддисон не ограничился констатацией этой якобы общей закономерности, но привел расчет по восьми странам Азии и Африки, согласно которому в 1975 г. средний по группе результат подушевого ВВП, рассчитанный с помощью Г-К, на 16 % превышал величину аналогичного показателя, полученную по ЭКШ. Применение аналогичного метода к группе из 52 стран табл. 2.2 бессмысленно, поскольку у 40 % стран (где проживало 78-79 % всего населения государств этой группы), показатель, рассчитанный по Г-К, оказался либо ниже (у подавляющего большинства), либо равен аналогичной величине, полученной по методу ЭКШ.

В этих условиях представляется целесообразным выделить группу из 31 страны, где действительно проявилась тенденция, отмеченная Э. Мэддисоном, и проследить величину разницы между показателями, рассчитанными обоими методами.

С этой целью нами составлена табл. 2.3. В ней группа из 31 страны ранжирована по возрастающей величине различий между показателями, полученными, соответственно, по ГК и ЭКШ, рассчитанными в **процентных пунктах** (не процентах!). Такой подход представляется более правильным, чем подсчет различий в процентах по данным, уже представленным в виде процентов. Повторим, что в «Penn world table» приводятся не абсолютные величины подушевых ВВП, а показатели, характеризующие соотношения подушевых ВВП в каждой из стран и в США, рассчитанные в процентах.

Анализ данных табл. 2.3 свидетельствует о том, что у первых девяти стран разница между данными, полученными по Г-К и ЭКШ, составляла в 2005 г. меньше 0,1 п.п. (!). У следующих семи стран – менее 0,3 п.п. У следующих за ними девяти стран – от 0,32 до 0,42 п.п. У стран с номерами 26-28 величина этого показателя колебалась от 0,52 до 0,56 п.п. Только у

Мозамбика и Таджикистана она достигала 0,86–0,9 п.п. Из всех этих стран «резко» выделяется Гвинея, где разница в расчетах по Г-К и ЭКШ достигала по-настоящему большой величины: 1,89 п.п. (по Г-К – 8,63 и по ЭКШ – 6,74).

Таким образом на основе анализа вполне репрезентативных материалов нами установлено, что тезис Э. Мэддисона, согласно которому у стран с наиболее низкими доходами относительный подушевой ВВП, рассчитанный по Г-К, даёт более высокий результат, чем аналогичные показатели, полученные по методу ЭКШ, высказанный в столь общей форме, не соответствует фактам. У одних стран с низкими (в т.ч. и наиболее низкими) доходами показатели, полученные по методу Г-К, действительно, дают более высокие, тогда как у других стран из той же группы, – более низкие результаты. Кроме того, на примере той 31 страны из группы государств с низкими доходами, где в 2005 г. относительные подушевые ВВП, полученные по методу Г-К, были, действительно, выше, чем рассчитанные по методу ЭКШ, разница в процентных пунктах между этими показателями у большинства (25 стран) колебалась в пределах 0,01-0,5 процентных пункта.

2.1.2. Расчеты и оценки ВВП стран мира по ППС валют, полученные Э. Мэддисоном, другими исследователями и международными организациями

Цель проведенных выше расчетов – проверить роль различий между соответствующими методами агрегирования в качестве одной из важнейших причин расхождений между показателями подушевых ВВП, рассчитанных самим Э. Мэддисоном, и аналогичными данными, полученными в результате проведения раунда ПМС 2005 г. Поэтому имеет смысл непосредственно сопоставить оценки Э. Мэддисона и результаты раунда ПМС 2005 г., с одной стороны, и величины подушевого ВВП по версии «Penn world table», рассчитанные по ЭКШ и Г-К – с другой. Сравнение масштабов расхождений соответствующих сопоставлений позволит сделать вывод о роли и значении выбора того или иного метода агрегирования для объяснения различий

между результатами раунда ПМС 2005 г. и оценками (расчетами) Э. Мэддисона. Напомним, что сравнение расчетов по Г-К и ЭКШ в рамках Пенсильванского проекта наилучшим образом демонстрирует различия, связанные с использованием разных методов агрегирования, так как применяются одни и те же первичные данные, так что различия в результатах связаны как раз с выбором тех или иных методик агрегирования.

В табл. 2.4 приведены четыре относительных показателя подушевых ВВП и два показателя различий между ними для 137 стран. В первом столбце содержатся сведения о подушевых ВВП развитых и развивающихся стран, рассчитанные Э. Мэддисоном, а во втором – аналогичные данные, полученные в ходе раунда ПМС 2005 г. Третий столбец включает сведения о разнице в процентных пунктах между этими двумя расчетами. В четвертом и пятом столбцах приведены данные об относительных величинах подушевых ВВП тех же стран, рассчитанные в рамках «Penn world table», соответственно, методами Г-К и ЭКШ. В шестом столбце помещены сведения о разнице (в процентных пунктах) между показателями, рассчитанными по методам Г-К и ЭКШ. Таким образом, можно сопоставить размеры различий между относительными подушевыми ВВП, связанные с применением Г-К и ЭКШ, с одной стороны, и разницу между расчетами по раунду 2005 г. и оценками (расчетами) Э. Мэддисона, с другой. Поскольку в обоих случаях разница подсчитывается в процентных пунктах, имеется возможность прямо сравнить цифры третьего и шестого столбцов.

Сразу заметим, что число стран в таблице (137, а не 146 принявших участие в раунде 2005 г.) ограничено исключительно наличием сопоставимых данных.

Как следует из табл. 2.4, в 85 % случаев (115 из 136, не считая США) абсолютная разница (по модулю, «без учета знака») между результатами раунда ПМС 2005 г. и оценками Э. Мэддисона – больше (как правило, в несколько, а иногда и более чем в 10 раз), чем разница между результатами расчетов «Penn world table» по ЭКШ и Г-К.

Однако сопоставление всех данных в первом, втором, четвертом и пятом столбцах обнаруживает другой важный факт – **сами расхождения часто оказываются разнонаправленными**. В то время как оценки, сделанные Э. Мэддисоном, выше (или ниже) значений, полученных в ходе раунда ПМС 2005 г., расчеты по «Penn world table» методом Г-К, напротив, ниже (или, соответственно, выше) аналогичных результатов по ЭКШ. Подобных «разнонаправленных» результатов – 49, т.е. больше 36 % от общего числа всех рассматриваемых стран. Такие различия (полученные в рамках «Penn world table»), очевидно, вообще не имеют отношения к существующим расхождениям между результатами раунда ПМС 2005 г. и оценками Э. Мэддисона. Однако сам по себе факт таких существенных различий требует отдельного исследования.

Таким образом, остается лишь 87 (136 минус 49) стран, по которым имеет смысл продолжать анализ. Из этих 87 стран лишь в 13 случаях расхождения в расчетах «Penn world table» по ЭКШ и Г-К больше разницы между оценками Мэддисона и результатами ПМС 2005 г., и, соответственно, для 74 из 87 стран (т.е. в 85 % случаев) расхождения прямо противоположны.

То, что различия между результатами раунда ПМС 2005 г. и оценками Э. Мэддисона довольно существенны, было понятно с самого начала. Данное обстоятельство и послужило причиной того, что профессор Мэддисон счёл необходимым высказать свое мнение по этому поводу. Однако прежде чем перейти к рассмотрению оставшихся четырех пунктов его критических замечаний, на наш взгляд, полезно вернуться к той проблеме, которая послужила лейтмотивом данного раздела – а именно, к многовариантности сопоставлений показателей экономических размеров, потенциалов, мощи различных стран и регионов мира, и в первую очередь разумеется, ВВП.

Для этого нами была составлена табл. 2.5, в которой представлены данные шести источников (ВБ, МВФ, ЦРУ, «Penn world table», расчёты Э. Мэддисона, раунд ПМС 2005 г.) по 124 странам; так же, как и в предыдущей таблице, список стран ограничен исключительно наличием всех

необходимых данных. Все страны разделены на 6 групп так, как это было сделано в ходе раунда 2005 г. Подобное разбиение весьма условно. С тем же успехом можно было бы объединить страны исключительно по их географическому положению или только в соответствии с величиной подушевого ВВП. Однако группировка ПМС представляется (в целом) удачной, поэтому она и была использована. Тем не менее, полезно повторить, что это деление условно и не имеет решающего значения для тех выводов, которые будут сделаны на основе приведенных в таблице материалов.

В столбцах 1-6 приведены сведения различных баз данных о величине ВВП в 2005 г. в ценах 2005 г. (перевод данных Э. Мэддисона, первоначально представленных в ценах 1990 г., выполнен на основании сведений ВБ о динамике величины дефлятора ВВП США: с 1990 по 2005 гг. его рост составил 1,385 раза). В столбцах 7 и 8 приведены данные о величине разницы между максимальной и минимальной оценками для, соответственно, четырех (ВБ, МВФ, ЦРУ, «Penn world table») и шести (первые четыре плюс данные Мэддисона и раунда ПМС 2005 г.) источников; для большинства стран различия приведены в процентах. Однако по ряду государств различия столь значительны, что имеет смысл измерять их в разáх. Поэтому когда в соответствующей ячейке седьмого либо восьмого столбца не стоит знак «%», это означает, что масштаб различий выражается не в процентах, а в разáх.

Рассмотрим каждую группировку отдельно. При включении в анализ результатов раунда 2005 г. и оценок Э. Мэддисона различия между наибольшими и наименьшими величинами ВВП в странах, отнесенных к группе **ОЭСР-Евростата,** существенно увеличиваются главным образом для стран Восточной и Южной Европы, недавно вставших на путь рыночного развития. Так, практически во всех странах, состоявших в разное время в «Варшавском блоке», и государствах, возникших на территории бывшей

Югославии [1], разница оказалась выше 10 %, а в отдельных странах – значительно больше (например, в Эстонии 54 %, а в Румынии 63,7 %)[2].

В данном случае в качестве критерия оценки масштабов различий между максимальной и минимальной цифрами были выбраны 10 %, тогда как в начале работы, при составлении и анализе табл. 1.1, была использована бóльшая величина (20 %). Ранее уже была отмечена условность выбора подобного количественного критерия. Здесь важно иметь в виду, что для подавляющего большинства стран Восточной Европы, где темпы ежегодного роста ВВП редко превышали 5 %, разница в 10 % в абсолютном выражении означает сумму, равную результату двухлетнего (а, как правило, и более длительного) экономического развития.

В Западной Европе, США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Японии (т.е. государствах с высоким уровнем доходов) масштабы различий между самой высокой и самой низкой величинами ВВП в целом меньше, чем в бывших «социалистических странах». Однако в отдельных случаях они превышают 10 %. Принимая во внимание еще более низкие, чем в государствах Восточной Европы, темпы экономического роста в данных странах (а также высказанные в предыдущем абзаце соображения о соотношениях масштабов различий и ежегодных темпов прироста ВВП), такую разницу – 10 % и более – следует считать весьма значительной. Отметим особо большие различия в оценках по Турции, Израилю, Греции и Норвегии.

Для стран-членов СНГ и Грузии последствия включения в анализ данных раунда ПМС 2005 г. и цифр Э. Мэддисона особенно впечатляющие. Так, разница между максимальной и минимальной величинами ВВП всех шести источников по Армении, Беларуси, Грузии, Киргизии, Молдове и Таджикистану столь велика, что ее впору исчислять не в процентах, а в разáх.

[1] По Сербии сведения в базе данных ЦРУ были представлены в не вполне сопоставимом виде (дана величина общего с Черногорией ВВП), поэтому она здесь не имеется в виду. – *Прим. авт.*

[2] Исключение здесь – Словения, страна с наибольшей величиной подушевого ВВП из всех республик бывшей Югославии. – *Прим. авт.*

Исключением из правила является Казахстан: здесь разница между наибольшим и наименьшим значениями ВВП рассматриваемых шести баз данных равна величине, полученной по четырем источникам.

Аналогично, в **Азиатско-Тихоокеанском регионе** при увеличении количества источников (за счет данных раунда ПМС 2005 г. и оценок профессора Мэддисона) масштабы различий между наибольшим и наименьшими значениями практически по всем странам оказываются больше 20 %. Велик разброс величин у таких «гигантов», как Китай (90 %) и Индия (61 %). Исключение из правила – Малайзия, Пакистан и Гонконг, где разница возрастает менее чем на 2 п.п.

Значительные различия в оценках ВВП стран **Западной Азии** по первоначальным четырем источникам при пополнении данных результатами раунда и оценками Э. Мэддисона оказываются поистине колоссальными, даже бóльшими, чем в СНГ. Так, в Кувейте различия между максимальной и минимальной величинами ВВП достигли 2,7 раз, в Бахрейне – 3,4 раза, а в Сирии и Йемене – более чем 4 раз!

В **Южной Америке** масштабы различий между оценками ВБ, МВФ, ЦРУ, «Penn world table», Э. Мэддисона и результатами раунда ПМС 2005 г., также не одинаковы и достаточно значительны. Только в Бразилии и Перу разница между «крайними» оценками меньше 25 %. Наибольшей она оказалась в Венесуэле (91 %). Как и в остальных рассмотренных группах, включение в анализ данных двух дополнительных источников существенно увеличивает масштабы различий между наибольшей и наименьшей величинами в странах региона.

Во всех странах Африки (кроме Малагасийской республики), представленных в табл. 2.5, разница между наибольшим и наименьшим значениями ВВП выше 30 % (в отдельных случаях – намного выше). В 12 из 42 стран включение в анализ данных Э. Мэддисона и раунда ПМС 2005 г. приводит к тому, что различия между «экстремальными» оценками оказывались больше 100 %.

Очевидный вывод такого «экспресс-анализа»: в 108 из 124 случаев (стран) включение в анализ результатов раунда ПМС 2005 г. и оценок Э. Мэддисона увеличивает различия между наибольшим и наименьшим значениями. По 24 странам разница превышает 100 %, причем в 10 из этих 24 случаев такой разрыв «достигнут» исключительно «за счет» различий между оценками Э. Мэддисона и результатами раунда ПМС 2005 г. Соответственно, лишь в 16 из 124 случаев (стран) результаты раунда ПМС 2005 г. и оценки Э. Мэддисона больше минимальных и меньше максимальных величин ВВП, рассчитанных экспертами ВБ, МВФ, ЦРУ и Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета. Из этих 16 государств 11 относятся к странам ОЭСР-Евростата, а остальные пять «распределены» между Азиатско-Тихоокеанским регионом (Малайзия), Южной Америкой (Чили) и Африкой (Египет, Кот-д'Ивуар и Замбия).

Лаконично и наглядно продемонстрировать качественный характер (но не масштаб) последствий включения в анализ оценок Э. Мэддисона и раунда ПМС 2005 г. позволяет рис. 2.1. На диаграмме показано число случаев (в процентах), когда значение той или иной базы данных является наибольшим **или** наименьшим из всех оценок по данной стране.

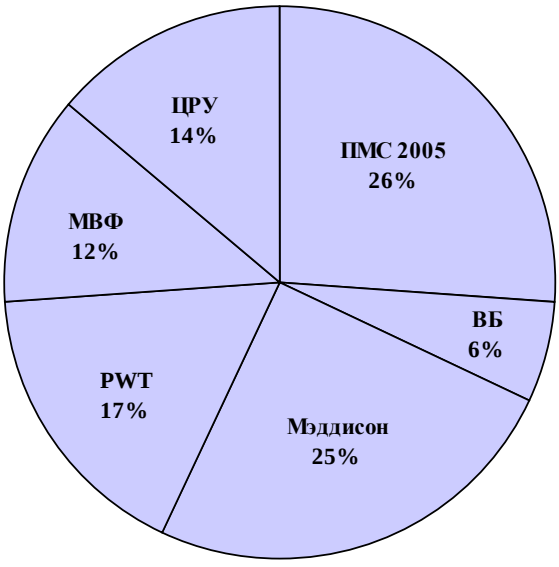

Рис. 2.1 Частота появления наибольших и наименьших значений ВВП в данных различных источников табл. 2.5

Более чем в половине случаев наибольшими (либо, напротив, наименьшими) являются оценки Э. Мэддисона и результаты раунда ПМС 2005 г. Оставшиеся 48 % неравномерно «поделены» между ВБ, МВФ, ЦРУ и «Penn World Table». Значения ВБ оказываются самыми «средними», в том смысле, что лишь в 15 случаях (из 248 возможных) его значения были наибольшими (наименьшими) по отношению к данным остальных источников.

Сведения базы данных ВБ и особенно их соотнесение с важными для нас оценками Э. Мэддисона и результатами раунда ПМС 2005 г., представляют особый интерес по нескольким причинам.

Во-первых, база данных ВБ «World development indicators», де-факто, является наиболее часто используемым источником. Еще больше возросла частота обращения к ней после того, как в марте 2010 г. доступ ко всем электронным статистическим ресурсам этой организации стал свободным (бесплатным).

Во-вторых, ВБ стоял у истоков ПМС, а с 1993 г. является основным координатором и посредником между её участниками; раунд 2005 г. проводился под эгидой ВБ.

В-третьих, Э. Мэддисон использовал в своих критических замечаниях довод, что раньше (по Китаю) цифры ВБ и его собственные расчеты и оценки – совпадали, тогда как теперь – нет.

Используя материалы табл. 2.5, приведем общую статистику, характеризующую соотношения между данными ВБ, Э. Мэддисона и результатами раунда ПМС 2005 г.

По 70 из 124 стран, представленных в этой таблице, т.е. в 56 % случаев, разница между оценками ВБ и Мэддисона оказалась больше, чем между результатами раунда ПМС 2005 г. и оценками ВБ.

По 71 стране отличия данных ПМС и Э. Мэддисона от сведений ВБ имеют одинаковую направленность (т.е. в 71 стране данные и Э. Мэддисона,

и раунда ПМС 2005 г. либо больше, либо меньше соответствующих значений ВБ). Более чем в половине таких случаев (у 36 из 71 страны) различия между оценками Э. Мэддисона и ВБ больше аналогичной разницы между данными раунда ПМС 2005 г. и ВБ.

По 53 странам (т.е. в 43 % случаев) различия данных ПМС и Э. Мэддисона и сведений ВБ имеют разную направленность, т.е. либо данные раунда ПМС 2005 г. больше сведений ВБ (тогда как оценки Э. Мэддисона – меньше), либо, наоборот, сведения по ПМС меньше данных ВБ, а оценки Мэддисона – больше показателей ВБ. По 34 из рассматриваемых 53 стран различия между оценками Э. Мэддисона и ВБ оказались больше аналогичной разницы между данными раунда ПМС 2005 г. и расчетами экспертов ВБ.

Таким образом, данные ПМС чаще (т.е. по большему числу стран) похожи на сведения ВБ, чем данные Э. Мэддисона. **Это означает, что и до появления результатов раунда ПМС 2005 г. цифры Э. Мэддисона существенно отличались от оценок ВБ.**

2.1.3. Некоторые причины расхождений в оценках ВВП по ППС валют

Все шесть источников данных о величине макроэкономических показателей по ППС валют (см. табл. 2.5 Приложений к главе 2) использовали сведения, полученные в рамках раундов ПМС. Но так как эти раунды проводились не ежегодно, и с нерегулярной периодичностью (через 3-5 лет), для получения сведений о ВВП, рассчитанных по ППС валют за те годы, когда сопоставления не проводились, обычно использовался метод экстраполяции материалов, полученных в результате проведения предшествовавших раундов. Суть его состоит в том, что результаты каждого предшествовавшего раунда продлевались для последующих лет на основании сведений о темпах экономического роста данной страны. Продемонстрируем на конкретном примере возможности применения данного метода и ограничения по его использованию.

Из табл. 2.5 следует, что по Австрии Э. Мэддисон даёт цифру, которая почти на 12,5% отличается от показателя раунда ПМС 2005 г. (что в абсолютном выражении, заметим, превышает суммарный ВВП Македонии, Таджикистана и Монголии (по оценкам Э. Мэддисона)). Подобное расхождение привлекает внимание, в частности, потому, что Австрия регулярно принимала участие в раундах ПМС с 1975 г., а Statistik Austria является образцовым статистическим ведомством. Причина столь большой разницы значений ВВП заключается в том, что в основе оценок Э. Мэддисона по Австрии – результаты раунда 1990 г. Для последующих лет (в том числе и для 2005 г.) профессор Мэддисон получил данные о величине австрийского ВВП путем экстраполяции материалов 1990 г. («продлив» их на основании официальных сведений о темпах роста ВВП). При этом результаты раундов ПМС 1993,1999, 2002 гг., в которых Австрия принимала участие, Э. Мэддисон явно не учитывал. Изначально различия были небольшими[1], однако они неуклонно увеличивались и в результате достигли весьма существенной величины (табл. 2.6).

Разница между оценками Э. Мэддисона и результатами соответствующих раундов ПМС возрастала, поскольку первоначальные цифры базировались на ценовых и структурных характеристиках экономики Австрии в 1990 г. Между тем с 1990 г. по 2005 г. в структуре мирового хозяйства (и, разумеется, в Австрии) произошли серьезные изменения, одним из которых было повышение доли продукции высокотехнологичных отраслей. Это (а также влияние других факторов) неизбежно приводило к изменению многих ценовых пропорций, которые не могли не сказываться на динамике ППС валют. Влияние этих изменений (точнее, что они как раз не

[1] В книге «The World Economy: A Millenial Perspective» (2001), Э. Мэддисон применил новые, несколько скорректированные данные о величине ВВП в австрийских шиллингах, однако сведения о переводном коэффициенте ППС валют им использованы старые. Если бы он оставил прежние оценки, приведенные в книге «Monitoring the world economy» (1995), разница с результатами раунда ПМС 1990 г. оказалась бы еще меньшей. – *Прим. авт.*

учитывались!) и привело в итоге к столь существенным различиям между результатами ПМС и расчетами Э. Мэддисона.

Аналогичная по сути, но обратная по направленности, картина повторяется при сравнении результатов раундов ПМС 1990-2005 гг. и данных ВБ по Австрии (см. табл. 2.7 Приложений). В 2005 и 2002 гг. расхождения между цифрами ПМС и ВБ были относительно невелики, однако с 1999 по 1990 гг. разница последовательно увеличивается. Чем это можно объяснить?

Эксперты ВБ стараются учитывать итоги каждого нового раунда ПМС. Так, в основе данных «World development indicators 2007» (далее – «WDI 2007») на 2005 г. (рассчитанных ВБ **до получения данных ПМС 2005 г.**) по Австрии – результаты раунда 2002 г. В этих условиях неудивительно, что в 2002 г. различия между данными ПМС и ВБ были лишь 0,3 %, а в 2005 г. – 1,2 %. Масштабы различий между цифрами рассматриваемых источников в 2002 г. и 2005 г. – наглядный пример того, что на относительно коротких временны́х отрезках применение экстраполяции на основе данных ПМС и темпов роста, вполне допустимо. Более того, в межраундовые годы это едва ли не единственный способ получить необходимые сведения.

Однако то, что по 2002 г. специалисты ВБ учли данные позднейшего на тот момент раунда ПМС 2002 г., еще не даёт оснований считать их методику безупречной. Дело в том, что при поступлении сведений очередного раунда в ВБ не ограничиваются включением их в свою базу данных: на основе новых результатов ПМС пересчитываются оценки и за все предыдущие годы с учетом темпов роста ВВП. Это приводит к тем же искажениям, которые имели место в оценках Э. Мэддисона для 2005 г. Единственное отличие состоит в том, что при подготовке «WDI 2007» ретрополировались («экстраполировались назад») *новые структурные особенности экономики*, обозначившиеся к 2005 г., тогда как Э. Мэддисон экстраполировал *старые*. В результате, как следует из табл. 2.7, в «WDI 2007» на 1990 г. приводилась цифра, которая была больше соответствующей величины, полученной в ходе

раунда 1990 г., на сумму, превышающую совокупный ВВП Боливии, ЦАР и Гамбии (по сведениям «WDI 2007»).

Таким образом, использование метода экстраполяции (ретрополяции) оправдано на относительно небольших временных интервалах. Соответственно, чем больше с течением времени в экономике происходит структурных изменений (приводящих, в частности, к изменению относительных цен, имеющих определяющее значение для покупательной способности различных валют), тем больше снижается ценность данного метода.

Тот факт, что при экстра-/ретрополяции данных возникают искажения, хорошо известен специалистам, занятым проблемами методики и методологии международных экономических сопоставлений (тем большее удивление вызывают действия сотрудников ВБ). Поэтому, чтобы полнее и более адекватно отражать все происходящие структурные сдвиги, раунды ПМС проводятся так часто, как это возможно.

2.1.4. Проблема определения величины ВВП Китая по ППС валют

В **третьем пункте** возражений Э. Мэддисона отмечается лишь сам факт существенных расхождений между его данными и результатами раунда 2005 г. ПМС при расчетах величин всего ВВП и ВВП на душу населения по ряду стран. Это замечание не может быть серьезным доводом для скептического отношения к новым результатам международных сопоставлений, поскольку из самого факта серьезных различий этих оценок нельзя сделать выводы о «правильности» или «неправильности» итогов раунда 2005 г. или расчетов самого Э. Мэддисона. Однако возражение высказанное в **четвертом пункте** заслуживает особого внимания. Профессор Мэддисон отмечает, что в изданиях ВБ на протяжении ряда лет приводились сведения о величине всего и подушевого ВВП Китая (по ППС валют), близкие к тем, которые содержатся в его работах «Chinese Economic Performance in the Long Run» (1998), «The World Economy: A Millenial

Perspective» (2001), «The World Economy: Historical Statistics» (2003)[1] и электронных таблицах исторической статистики. Но после того как были получены результаты раунда 2005 г., ВБ отказался от предыдущих оценок (не слишком отличавшихся от оценок Э. Мэддисона) в пользу новых данных, базирующихся на показателях раунда 2005 г. по ПМС.

Поскольку Китай ни разу до 2005 г. не принимал участия в раундах ПМС, официальных данных о величине его ВВП по ППС валют не было. Периодически появлялись различные исследования, авторы которых предпринимали попытки самостоятельно оценить экономический потенциал КНР. В условиях острой нехватки необходимых достоверных сведений и по причине большой значимости КНР в мировом хозяйстве специалисты ВБ вынуждены были использовать одну из таких оценок, которая была приведена в работе Rouen R., Kai Ch. «China's GDP in U.S. dollars based on purchasing power parity» (1995). Э. Мэддисон (после 1998) также использовал оценку этих авторов с небольшими поправками[2]. Неудивительно, что его оценки китайского ВВП совпадали с теми, которые приводили специалисты ВБ до 2008 г. (год публикации окончательных результатов раунда 2005 г.).

После появления данных этого раунда Э. Мэддисон не стал пересматривать предыдущие оценки; между тем специалисты ВБ сразу же отказались от предыдущих оценок в пользу результатов раунда. На наш взгляд, действия сотрудников ВБ вполне обоснованы. Возможно, тут уместна

[1] Для краткости и удобства использования в таблицах, названия некоторых работ Э. Мэддисона, упоминаемых в диссертации, обозначены буквой «**M**» и цифрой, соответствующей очередности ее (работы) публикации. Так, монография «Monitoring the world economy» (1995) – самая ранняя из цитируемых в данной диссертации. Поэтому она обозначена как «**M1**»; соответственно, «Chinese economic performance» (1998) – «**M2**» и т.д. Там, где это целесообразно использованы полные названия трудов Э. Мэддисона. – *Прим. авт.*

[2] Правда, Э. Мэддисон в своей работе 1998 г. отмечал, что новые данные о величине китайского ВВП он заимствовал из работы Rouen Ren «China's economic performance in international perspective» (1997), а не из той статьи, на которую ссылались издания ВБ. Однако, при проверке выяснилось, что книга 1997 г. – это «расширенный» вариант того же исследования, результаты которого были отражены в работе 1995 г. Поэтому принципиальных различий между оценками 1995 и 1997 гг. нет. Соответственно, замечание проф. Мэддисона относительно сходства его оценок китайского ВВП и цифр ВБ абсолютно обосновано. – *Прим. авт.*

аналогия: зачем делать предположения относительно температуры воздуха, если имеются показания термометра? «Оценки» нужны только если термометра нет. Конечно, результаты ПМС не столь точны, как показания физического прибора. Однако, они заслуживают доверия не меньше, чем оценки экспертов, так как помимо использования солидного методологического аппарата, участники и организаторы ПМС располагали несравненно более обширным и качественным массивом первичных данных.

С **пятым пунктом** критических замечаний необходимо полностью согласиться, поскольку методологическое приложение, которое приводится в основной публикации, посвященной итогам раунда ПМС 2005 г. «Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program» (2008), по объему заметно меньше того, что дается в упомянутой работе И. Крэвиса, Р. Саммерса и А. Хестона. Верно и то, что в этом приложении практически отсутствуют материалы, посвященные анализу влияния разных методов расчета на величины искомых индикаторов.

Следует, однако, иметь в виду, что до публикации результатов раунда было подготовлено специальное руководство «ICP Handbook»[1] (в нескольких редакциях), посвященное разным (в том числе методологическим и методическим) вопросам практической реализации ПМС.

Заметим также, что критика пятого пункта не относится непосредственно к процедуре сбора необходимой информации и выполнения соответствующих расчетов, следовательно, и к мере достоверности результатов сопоставлений, которые были причиной скептического отношения к ним Э. Мэддисона.

Последнее **шестое замечание** Э. Мэддисона сводилось к критике оценок подушевого ВВП Китая, полученых в ходе раунда ПМС 2005 г. Повторим, что он аргументировал своё неприятие новых данных следующим образом: если взять результат раунда ПМС 2005 г. по Китаю – 4091 долл. (в ценах 2005 г.) – и рассчитать на его основе (с помощью скорректированных

[1] См., напр.: «ICP 2003-2006 Handbook», http://go.worldbank.org/MW520NNFK0

Э. Мэддисоном официальных темпов роста) подушевой ВВП Китая в 1950 г., то окажется, что он составлял (в ценах 2005 г. и ценах 1990 г.), соответственно, 326 и 233 долл. Это – гораздо ниже того уровня, который Э. Мэддисон называет «subsistence minimum» - прожиточным минимумом, используемый в данном случае в значении «минимальный уровень, необходимый для поддержания жизнедеятельности людей» (подробнее о термине см. далее, стр. 103-105). Аналогичный подход с применением официальных китайских темпов роста, замечает профессор Мэддисон, даёт еще менее убедительные результаты.

Причина, по которой Э. Мэддисон считает неприемлемой цифру 4091 долл. (в ценах 2005 г.), очевидна: при ее пересчете в цены 1990 г. (напомним, что все расчеты Э. Мэддисона приведены в ценах именно 1990 г.) получится, что, по результатам раунда 2005 г., подушевой ВВП Китая составлял 2964 долл., тогда как по оценке Э. Мэддисона его величина достигала 5575 долл. Таким образом, в ходе раунда 2005 г. был получен результат, который оказался почти вдвое меньше его собственной оценки. Принимая во внимание, что подушевой ВВП является одним из важнейших макроэкономических показателей, который, в первом приближении, даёт возможность делать выводы об уровне экономического развития страны и напрямую связан с величиной всего ВВП (в соответствии с которой определяется место страны в мировом хозяйстве), неудивительно, что у профессора Мэддисона результаты, значительно отличающиеся от его собственных, вызвали живую, и притом резко негативную, реакцию.

Величина 4091 долл. (2964 – в ценах 1990 г.) получена в ходе раунда ПМС 2005 г., и это отмечалось неоднократно. Важно выяснить, как была получена приводимая Э. Мэддисоном цифра в 5575 долл. Ответ на этот вопрос можно найти в книгах самого Э. Мэддисона, в том числе «Monitoring the world economy, 1820-1992» (далее **M1**) и «Chinese economic performance» (далее **M2**), где он разъясняет «происхождение» своих расчетов и оценок. По Китаю оценки за вторую половину XX – начало XXI вв. были получены на

основе данных о величине ВВП (в т.ч. подушевом) в 1990 г. и затем распространены на остальные годы методом ретрополяции (до 1990 г.) и экстраполяции (после 1990 г.) с помощью сведений о темпах роста всего и подушевого ВВП.

Закономерный вопрос: как получены данные за 1990 г.?

Как уже отмечалось, из-за того, что Китай ни разу до 2005 г. не участвовал в раундах ПМС, периодически появлялись работы, авторы которых пытались дать собственные количественные характеристики экономике КНР. В результате, к моменту написания Э. Мэддисоном **M1**, существовал уже ряд оценок (табл. 2.8). Э. Мэддисон выбрал ту из них, которая, по его мнению, наиболее адекватно отражала истинное положение дел, а именно, цифру 2700 долл. (в ценах 1990 г.) из «Penn world table» (версия 5.5) Р. Саммерса и А. Хестона. Впоследствии, в **M2**, посвященной изучению экономического развития Китая на протяжении тысячелетий, Э. Мэддисон отказался от этой оценки и счёл более правильной другую цифру – 1858 долл. (в ценах 1990 г.). Она получена в результате небольшой корректировки (в т.ч. включавшей в себя перевод в цены 1990 г.) подушевого ВВП, рассчитанного Жэнь Жоэнем[1] (Ren Rouen, *пиньин*). Именно на основе этих 1858 долл. и была получена цифра 5575 долл. для 2005 г.

Концептуальных различий между тем, как подсчитывался китайский ВВП в работах Жэнь Жоэня и методикой ПМС нет, т.к. основе обоих исследований лежит общий принцип сопоставления цен на одинаковые товары. Однако число товаров-представителей (items) в ходе проведения раунда 2005 г. в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к которому относился Китай) было бóльшим (до 833[2]), чем в работах Жэнь Жоэнь (314[3]). Заметим,

[1] Ren Rouen. China's economic performance in international perspective / OECD development centre. – Paris, 1997.
[2] Purchasing Power Parities and Real Expenditures / The Asian Development Bank. – Manila, 2007. – P. 131.
[3] Ren Rouen, Chen Kai. An Expenditure-Based Bilateral Comparison of Gross Domestic Product between China and the United States // Review of Income and Wealth, Volume 40, Issue 4, December 1994. – P. 382.

что при прочих равных условиях (использовании схожих методик сбора ценовых сведений и применении одинаковых техник агрегирования) **количество товаров-представителей** (т.е. товаров, цены которых сравниваются) **имеет значение**. Этот факт, впрочем, не свидетельствует автоматически о предпочтительности результатов ПМС 2005 г. Всё сказанное выше призвано пролить свет на происхождение оценок для 1990 г., на основании которых Э. Мэддисоном для 2005 г. получена цифра 5575 долл. (в ценах 1990 г.).

В качестве аргументов против новых результатов подушевого ВВП Китая, полученных в результате раунда ПМС 2005 г., Э. Мэддисон использует **два показателя**: *темпы экономического роста* и *«прожиточный минимум»*. Рассмотрим каждый из них отдельно.

2.1.5. Проблема определения темпов роста ВВП в Китае

За последние десятилетия КНР добилась удивительных успехов в деле развития народного хозяйства. Однако количественные оценки результатов этого развития остаются дискуссионным вопросом в среде экономистов. Мнения на этот счет различаются довольно существенно. Так, некоторые исследователи считают, что официальная китайская статистика адекватно отражает характер экономических успехов страны[1]. По мнению других ученых, в том числе и Э. Мэддисона (в разных работах он объясняет свой взгляд на динамику экономического развития Китая за последние полвека[2]), сведения о темпах экономического развития страны оказались искусственно завышенными из-за особенностей организации статистической службы и специфики внутренней политики КНР (одной из целей которой

[1] См. напр.: Holz C. China's Reform Period Economic Growth: Why Angus Maddison Got It Wrong and What That Means / Hong Kong University of Science and Technology, Department of Social Science working paper, December 2004.
[2] См. например, A. Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run: 960–2030 AD / OECD. – Paris, 2007. – PP.149–165.

провозглашалось максимальное повышение темпов экономического роста)[1]. По мнению указанной группы исследователей, при анализе результатов экономического развития Китая официальные показатели необходимо корректировать в сторону снижения. Подобные соображения представляются логичными (и не только по отношению к КНР, но и ко многим другим странам). Но насколько именно завышены показатели экономического роста Китая и, соответственно, насколько надо их снизить, чтобы получить «реалистичные» цифры?

Во втором издании книги «Chinese Economic Performance in the Long Run: 960-2030 AD» (2007 г.) Э. Мэддисон приводит сведения о размерах ВВП за период с 1952 по 2003 гг., предоставленные Национальным статистическим бюро КНР[2]. Эти данные позволяют рассчитать величину ежегодных темпов экономического роста: достаточно разделить значение величины ВВП текущего года на ВВП предыдущего (все данные приведены в постоянных ценах 1987 г.). В работе приводятся также собственные расчеты Э. Мэддисона совместно с Г. Ву размеров китайского ВВП за весь рассматриваемый период[3]. На основании рассчитанных нами официальных погодовых сведений о темпах роста ВВП и результатов их корректировки Э. Мэддисоном (см. табл. 2.9) можно оценить величину расхождений между этими данными.

Показатели экономического роста представлены лишь с 1953 г. Дело в том, что первые официальные сведения о величине китайского ВВП появляются лишь с 1952 г[4]. Здесь уместно упомянуть об одном факте, относящемся к вопросам организации статистической службы в Китае. В

[1] Тут в известном смысле уместна аналогия с «перевыполнением» социалистических планов, имевшая место в разные годы в СССР. – *Прим. авт.*

[2] A. Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run: 960–2030 AD / OECD. – Paris, 2007. – P. 160.

[3] Там же - P.158

[4] Поэтому оценка подушевого (и всего) ВВП на 1950 г., опубликованная в нескольких работах Э. Мэддисона (подушевой ВВП КНР на этот год был равен, по мнению ученого, 448 долл. в ценах 1990 г.), основана на его собственных представлениях о динамике этого показателя в первые годы после окончания длительной гражданской войны в Китае. – *Прим. авт.*

работе «Chinese Economic Performance in the Long Run: 960-2030 AD» (2007 г.) имеется небольшой пассаж об истории статистического ведомства КНР[1]. В нем говорится, что в 1968 г. по распоряжению высшего руководства страны статистическая служба Китая была полностью упразднена. Вновь она была учреждена только в 1972 г. Таким образом, на протяжении четырех лет в стране вообще не существовало органа, который бы обобщал статистические данные о развитии народного хозяйства КНР. Из-за острой нехватки кадров (все сотрудники были уволены, а новых специалистов вузы не подготовили), а также из-за того, что многие документы были уничтожены, настороженное отношение Э. Мэддисона к официальным китайским показателям динамики ВВП (по крайней мере, к тем, что относятся к периоду до 1972 г. и даже нескольким годам после него), представляется вполне обоснованным.

Вернемся к табл. 2.9. Если рассчитать среднюю величину ежегодных темпов роста ВВП за весь рассматриваемый период по официальным данным и оценкам Э. Мэддисона, получим соответственно 7,3 и 6,23 %[2]. Таким образом, в итоге корректировки официальных данных о темпе роста ВВП за весь пятидесятилетний период (с 1953 по 2003 гг.) Э. Мэддисон снизил соответствующий показатель на 1 п.п. Такой масштаб снижения может показаться незначительным, но если представить его в иной форме, то окажется, что снижение достигало 20 % величины официального показателя.

Приведенные материалы характеризуют различия между усредненными величинами официальных китайских и скорректированных Э. Мэддисоном темпов роста ВВП, охватывающих полувековой период. Они не раз колебались и притом в противоположных направлениях. Но если рассмотреть отдельные «подпериоды», выделенные в этом полувековом

[1] Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run: 960–2030 AD / OECD. – Paris, 2007. – P. 149.

[2] Заметим, что корректировка не всегда выражалась в снижении официального темпа роста. Так, в 19 случаях Э. Мэддисон дал оценку роста ВВП выше официальной. Само по себе это не должно удивлять, хотим лишь обратить внимание на этот факт, и предостеречь от понимания термина «корректировка» исключительно как «снижение». – *Прим. авт.*

диапазоне, можно увидеть, что масштаб и направление корректировки Э. Мэддисона не раз менялись на протяжении этих десятилетий. В табл. 2.10, приведены рассчитанные нами сведения о средних темпах роста ВВП на протяжении каждого из этих периодов по официальным данным и оценкам Э. Мэддисона. Из данных этой таблицы следует: в отдельные «подпериоды» разница между официальными темпами роста и оценками Э. Мэддисона резко колебалась и притом изменялась в разных направлениях. Например, если в 1960-1970 гг. масштаб этих различий увеличился втрое по сравнению с 1953-1960 гг., то в дальнейшем (в 1970-1980 гг.) он вновь сократился в 2,5 раза. На протяжении 1980-1990 гг. наблюдается увеличение втрое показателя различий между оценками Э. Мэддисона и официальными данными о темпах роста ВВП. В 1990-1999 гг. масштаб различий вновь увеличивается почти вдвое и достигает 30 % от официального показателя за этот «подпериод». За последние 4 года (2000 – 2003 гг.) не только сократился модуль, показывающий величину различий, но и изменилось само их направление: если на протяжении всех предыдущих лет оценки Э. Мэддисона были **ниже** официальных, то в 2000-2003 гг. они впервые оказались на 30 % **выше** величины, приводимой в официальных расчетах.

Если провести такое же сравнение для периода 2000-2005 гг. (на основе данных о китайском ВВП, которые содержатся в электронных таблицах, размещенных на сайте проф. Мэддисона), получим следующее. Ежегодные показатели за 2000-2003 гг., рассчитанные Э. Мэддисоном, значительно (за 2003 г. в 1,5 раза!) **выше** официальных оценок (см. табл. 2.11); полученные им данные за 2004 и 2005 гг. вновь оказались существенно (для 2005 г. на треть) ниже величины официальных индикаторов экономического роста Китая. Для первых 4 лет нового тысячелетия Э. Мэддисон счел возможным резко завысить официальный темп роста ВВП. Это вызывает тем большее удивление, что **по официальным сведениям,** средний темп увеличения ВВП

за период с 2000 по 2005 гг. был **ниже** аналогичного индикатора за 1990-2000 гг. на 1 п.п.[1] (т.е. примерно на 10 %).

«Завышение» Э. Мэддисоном официальных темпов роста ВВП для 2000-2003 гг. сыграло важнейшую роль в том, что его показатель подушевого ВВП на 2005 г. так заметно отличался от величины аналогичного индикатора, полученной в ходе раунда ПМС 2005 г. Если бы Э. Мэддисон продолжил «корректировку» официальных темпов роста ВВП в 2000-2005 гг. так же, как он это делал для 1990-2000 гг. (т.е. «снижал» официальные темпы в среднем на 30 %), то в 2005 г. он получил бы цифру, которая не на 90 %, а «лишь» на 55 % превышала результат, полученный в ходе ПМС.

Расчеты Э. Мэддисона не являются общепризнанными. Некоторые исследователи принципиально не согласны с рассчитанными им темпами роста ВВП[2]. Высокопоставленные чиновники КНР не раз выступали с разного рода опровержениями оценок Мэддисона[3]. Не вступая в эту полемику и не занимая чью-либо сторону, ограничимся следующей констатацией: «истинные» величины темпов роста китайской экономики остаются предметом научных (и не только!) дискуссий и требуют дополнительного изучения. Использование любых (официальных или скорректированных) сведений о темпах роста ВВП в КНР в 1953-2005 гг. для обоснования «точности» либо «неточности» тех или иных расчетов не вполне корректно.

2.1.6. Оценки величины так называемого «прожиточного минимума» или абсолютного минимума средств существования

Другим аргументом Э. Мэддисона против результатов раунда ПМС 2005 г. по Китаю, повторим, было то, что при ретрополировании (на основании

[1] World development indicators 2007 / The World Bank. – Washington, DC, 2007. - P.192.
[2] Holz C. China's reform period economic growth: how reliable are Angus Maddison's estimates? // Review of income and wealth, series 52, No 1, March 2006, PP.85-119.
[3] См. например: Xu Xianchun. Zhongguo jingji zengzhang jiujing shi duoshao? (How high is China's economic growth rate actually?) *Guoqing guoli luntan*, no. 2 (February 1999). – PP. 10–12.

скорректированных самим Э. Мэддисоном темпов роста китайского ВВП) новых данных китайский подушевой ВВП в 1950 г. оказывался равным 233 долларам (в ценах 1990 г.). Эта цифра по мнению Э. Мэддисона «крайне неправдоподобна» («highly implausible»), поскольку почти вдвое меньше той величины, которую он называет «прожиточным минимумом» («subsistence minimum»). Уточним, какое содержание вкладывает Э. Мэддисон в этот термин. Определения данного понятия в его работах нам найти не удалось. «Subsistence minimum» (по крайней мере, для текстов, относящихся к современности) на русский язык обычно переводят как «прожиточный минимум»[1]. Привычная для нас категория с тем же названием, применяемая ныне для оценки уровня жизни населения и обоснования устанавливаемых государством минимального размера оплаты труда, стипендий, пособий, а также размеров социальной помощи малоимущим гражданам, определяется как «стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы» [2]. В свою очередь под потребительской корзиной понимается «минимальный набор продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг, необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности» [3]. Сам Э. Мэддисон, очевидно, подразумевал под «subsistence minimum», **минимум в физиологическом смысле**, т.е. только те продукты питания и другие абсолютно необходимые предметы потребления, без которых индивид попросту не может существовать. «Прожиточный минимум по Мэддисону», таким образом, не предполагает разнообразного набора продуктов, характерного для нынешней потребительской корзины.

[1] См. например перевод в онлайн-словаре «ABBYY Lingvo», http://lingvo.abbyyonline.com/ru/en-ru/subsistence%20minimum

[2] Федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), http://base.garant.ru/172780.

[3] Там же.

Такой прожиточный минимум не включает в себя обязательных платежей и иных расходов, предусматриваемых даже самым скромным современным прожиточным минимумом[1].

Несмотря на отсутствие точного определения «subsistence minimum» в работах Э. Мэддисона, в его книге «Chinese economic performance in the long-run» (1998) приводится конкретная оценка величины рассматриваемого показателя – 400 долл. США (в ценах 1990 г.). Прямые указания на то, что именно такой подушевой ВВП Э. Мэддисон считал минимально возможным для существования как индивидов, так и человеческих сообществ, обнаруживаются в книгах 2001 г. (**M3**[2]), 2003 г. (**M4**[3]), 2006 г. («The World Economy»[4]) и 2007 г. («Contours of the world economy, 1-2030 AD»[5], далее - **M6**). В этих и других работах Э. Мэддисона не удалось обнаружить прямых ссылок на происхождение этой цифры. Вполне вероятно, что тут имеет место оценка на основе рассчитанных им самим, а также экспертами ПМС величин подушевого ВВП некоторых наименее развитых стран.

Возвращаясь к аргументам Э. Мэддисона, отметим, что сравнение новых данных о подушевом ВВП Китая с размерами рассчитанной им величины «прожиточного минимума» является «ударным» доводом **шестого пункта** его критических замечаний. То, что при ретрополировании получается величина вдвое меньше «прожиточного минимума» – 233 долл. в ценах 1990 г. – решающий аргумент, по мнению Э. Мэддисона, доказывающий неправдоподобность результатов раунда 2005 г. по Китаю.

На наш взгляд, стоит согласиться с величиной оценки подушевого ВВП КНР в 1950 г., которую Э. Мэддисон приводит в своих книгах и электронных

---

[1] Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (Китай, Россия и другие страны в геоэкономической картине мира) // Россия XXI. — 2011. — № 4. — С. 27.

[2] Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective / OECD. – Paris, 2001. – P. 260.

[3] Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. – Paris, 2003. – P. 191.

[4] Maddison A. The World Economy, Volume 1: A MILLENNIAL PERSPECTIVE, Volume 2: HISTORICAL STATISTICS / OECD. – Paris, 2006. – PP. 260, 571.

[5] Maddison A. Contours of the world economy, 1-2030 AD: essays in macro-economic history / Oxford University Press. – New York, 2007. – P. 185.

таблицах (около 450 долл. в ценах 1990 г.). Но величина абсолютного физиологического минимума средств существования заслуживает специального анализа. Необходимо обратить внимание на следующий факт: сам Э. Мэддисон в своих работах приводит данные о подушевом ВВП ряда стран Африки на 1950 г., которые оказались существенно ниже рассчитанного им же абсолютного минимума средств существования, равного 400 долл. (табл. 2.12). Приведенные в таблице цифры о подушевом ВВП Ботсваны, Бурунди, Гвинеи, Гвинеи-Бисау, Лесото и Малави – расчеты и оценки Э. Мэддисона. Единственным исключением являются показатели по Эфиопии в **M1** и **M3**, поскольку они **были получены по раунду ПМС 1980 г.** и относились, следовательно, именно к этом году; по-видимому, Э. Мэддисон имел основания распространить их на 1950 г. Поэтому цифры по Эфиопии – 250-279 долл. (в ценах 1990 г.) – имеют бóльшую объективную основу (более достоверны), чем другие расчеты и оценки Э. Мэддисона (т.к. базируются на итогах раунда международных сопоставлений 1980 г.).

Приведенные в табл. 2.12 данные по ряду стран Африки прямо противоречат тезису Э. Мэддисона о величине «абсолютного физиологического минимума» (400 долл.). Если бы прожиточный минимум действительно равнялся 400 долл., то население указанных семи стран Африки попросту не могло бы существовать, а его (населения) численность должна была бы снижаться. Однако ничего подобного не происходило. В рассматриваемый период во всех названных стран (по данным самого Э. Мэддисона!) наблюдался демографический рост.

Э. Мэддисон не заметил очевидного противоречия между минимальным уровнем потребления, равным 400 долл., и данными о подушевых ВВП некоторых стран Африки, оцененных им в 306, 324, 320 долл. (Малави, Лесото, Бурунди) и даже в 260-290 долл. (Гвинея, Гвинея-Бисау). Для Эфиопии, повторим, цифра подушевого ВВП в 250 – 279 долл., в отличие от других данных по странам Африки, не является расчетной оценкой Э. Мэддисона и была получена в ходе одного из раундов ПМС.

Перейдём к другим аргументам, свидетельствующим о том, что приводимая Э. Мэддисоном величина «прожиточного минимума» (в значении абсолютного физиологического минимума, необходимого для поддержания человеческой жизнедеятельности) в размере 400 долл. представляется ошибочной.

Рассмотрим, как в принципе может быть определена нижняя граница величины подушевого ВВП? Как известно, ВВП состоит из нескольких элементов: потребления (расходов) домашних хозяйств, государственных расходов, сбережений (инвестиций) и чистого экспорта (экспорт минус импорт) товаров и услуг. Если допустить существование территории, где не производятся никакие государственные расходы (поскольку нет самого института государства), не осуществляются инвестиции, не делаются сбережения, и отсутствуют всякие внешнеторговые операции, то в таком «предельном» случае (т.е. в наименее развитых человеческих сообществах) «протоВВП» должен быть равен величине потребления (расходов) населения этой территории. Соответственно, его размер будет ограничен величиной (стоимостью) частного потребления.

Как оценить величину наименее возможного (правдоподобного, допустимого) потребления? Статистические ведомства многих стран предоставляют сведения (полученные на основе обследований домашних хозяйств) о тех, кто живет за «чертой бедности» («poverty line»). Под таковой обычно понимается стоимость набора продуктов питания, обеспечивающего поддержание физического существования и соответствующих такому уровню потребления расходов на непродовольственные товары[1]. Понимание того, какой уровень потребления стоит считать «чертой бедности» в той или иной стране, различается. Чтобы иметь возможность производить межстрановые сопоставления, ВБ использует так называемую «международную черту бедности» («international poverty line»), измеряемую в

[1] Подробнее о «черте бедности» см., например: «Indicators of sustainable development: guidelines and methodologies», 2001. – PP. 57–61, http://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/indisd-mg2001.pdf.

долларах США, на основе ППС валют. Поскольку покупательные способности валют изменяются со временем, величины черты бедности не фиксируются жестко. Например, в 1980 и 1993 гг. она составляла 1 долл. в день, а в 2005 г. – 1,25 долл. Согласно данным ВБ, в 2005 г. в мире насчитывалось почти 1,4 млрд. человек за чертой бедности[1]. Сумма 1,25 долл. в день в пересчете на год в ценах 1990 г. составит около 330 долл. Таким образом, в 2005 г. пятая часть населения планеты существовала ниже черты бедности, которая в годовом исчислении и в ценах 1990 г. не превышала 330 долл. Эта последняя цифра примерно на 20 % ниже абсолютного физиологического минимума, определенного Э. Мэддисоном в 400 долл.! Необходимо также уточнить: речь идёт не о том, что каждый из 1,4 млрд. человек существовал на 330 долларов в год. Нет, они потребляли товары и услуги на сумму, **меньшую** 330 долларов.

Более того, как свидетельствуют данные бюджетных обследований и расчеты экспертов ВБ, в ряде наименее развитых стран Азии, Латинской Америки и, особенно, Африки, потребление бóльшей части населения было на 25-30 и даже 40 %[2] ниже уровня, принятого за «черту бедности». Это составит соответственно около 250, 230 и 200 долл. И даже столь низкий уровень потребления нельзя назвать абсолютным физиологическим минимумом. Последний подразумевает балансирование между жизнью и вымиранием, тогда как в конце XX – начале XXI вв. население рассматриваемых азиатских, африканских и латиноамериканских стран не сокращалось, но, напротив, продолжало увеличиваться сравнительно высоким темпом.

Наглядные свидетельства того, что даже в начале XXI в. потребление (а в отдельных случаях и ВВП) может быть меньше 400 долл., приведены в табл. 2.13, в которой содержатся сведения о величине подушевого ВВП ряда африканских стран в 2005 г. (в годовом и дневном исчислении) в ценах 2005

[1] World development indicators 2010 / The World Bank. – Washington: DC, 2010. – P. 92.
[2] World development indicators 2010 / The World Bank. – Washington: DC, 2010. – PP. 89–91.

и 1990 гг. В таблице приводятся также сведения о величине частного потребления в 2005 г. (в годовом и дневном исчислении) в ценах 2005 г. и 1990 г.

В 2005 г. подушевой ВВП двух стран – Демократической Республики Конго и Либерии – меньше 400 долл. (в ценах 1990 г.) в 2,7 и 1,5 раза, соответственно. Даже в ценах 2005 г. подушевой ВВП этих стран был меньше 400 долл.! Подушевые ВВП Гвинеи-Бисау, Эфиопии и Нигера в 2005 г. были лишь немногим больше той величины (а фактически равны ей), которую Э. Мэддисон называет «subsistence minimum». Однако частное потребление в этих странах в расчёте на 1 человека оказалось заметно меньше 400 долл. Это, на наш взгляд, достаточно красноречиво свидетельствует, что не только в 1950 г., но и в 2005 г. по целому ряду стран потребление было меньше 400 долл.

2.1.7. Подушевой ВВП некоторых стран Древнего мира

Не ограничиваясь приведенными количественными примерами, попытаемся опровергнуть оценку абсолютного физиологического минимума, рассчитанного Э. Мэддисоном, используя для этого данные о подушевом ВВП стран и территорий, относящиеся не к современности, а к отдаленным временам, отстоящим на сотни и даже тысячи лет от 2005 г. Для этого обратимся к оценкам подушевого ВВП Э. Мэддисона для 1 г. н.э. Подобного рода данные (а также для 1000, 1500, 1600, 1700 гг.) содержатся в его работах **M3**, **M4**, **M6**, а также в электронных таблицах исторической статистики.

Для самого раннего периода своей исторической статистики, Э. Мэддисон определил величину «подушевого ВВП» для человеческих сообществ, не создавших государственных институтов и высокой материальной культуры, одинаково низко – на уровне «прожиточного минимума» – 400 долл. (в ценах 1990 г.). Таковы, например, подушевой ВВП территории скандинавских стран, Великобритании, Канады, США, Мексики и Австралии. Последняя представляет для нас особый интерес.

Вплоть до открытия материка европейцами, Австралия оставалась одним из самых отсталых уголков планеты. Эволюционный биолог Джаред Даймонд в своей книге «Ружья, микробы и сталь», рассуждая о причинах успешного общественного, политического и экономического развития одних регионов и неудачах других, отмечал, что в технологическом плане население Австралии находилось на уровне каменного века[1]. Даже после более чем столетнего пребывания европейцев на материке коренные «...австралийцы по-прежнему пользовались каменными орудиями наподобие тех, от которых тысячелетия назад отказались в Евразии и большей части Африки»[2].

Специалист в вопросах экономической истории Фернан Бродель (известный также тем, что уделял большое внимание изучению материального быта жителей отдаленных эпох) отмечает, что коренные жители Австралии «с трудом добывали себе пропитание, существовали на грани голода»[3], а также называет уровень их технологического развития «каменным веком»[4].

Цитированные выше авторы не являются специалистами именно по ранней истории Австралии. Но их мнение является популярным и концентрированным выражением того, что хорошо известно антропологам, этнографам и археологам: коренные австралийцы до прихода европейцев не знали земледелия, животноводства и металлургии; они практически не преобразовывали среду, в которой обитали, наоборот, идеально приспособились к жизни в ней. Возможно, это следствие почти полной физической изолированности материка от остального мира на протяжении десятков тысяч лет, а также экстремальных климатических условий и неудачной комбинации факторов, имеющих решающее значение для

[1] Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих сообществ / пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ Москва: CORPUS, 2010. – С. 38, 235, 453.
[2] Там же - С. 361.
[3] Бродель Ф. Грамматика цивилизации / Фернан Бродель; Предисл. М. Эмара; пер. с фр. – М.: Весь мир, 2008. – С. 495.
[4] Там же.

развития цивилизации (например, наличие полезных и пригодных для одомашнивания видов животных, а также злаков, «рентабельных» для культивирования и т.п.).

Поскольку аборигены вели жизнь кочевых охотников – собирателей, они не имели постоянных поселений (тем более, городов), не создавали значительных запасов пищи и т.п. Таким образом, весь ВВП (точнее квази-ВВП) Австралии начала нашей эры (если анализировать его в современных терминах) состоял из одного единственного компонента – «частного потребления». О «государственных расходах» говорить не приходится (не было самого института государства), а объем «инвестиций/сбережений» (типа создания запасов) и «экспорта/импорта» (как результата торговли, скажем, с островитянами Торресова пролива) следует признать ничтожными.

Если принять оценки Э. Мэддисона, то у австралийцев, живших 2000 лет назад, уровень потребления был выше (до 2 раз!), чем у жителей Демократической Республики Конго, Гвинеи-Бисау, Эфиопии, Либерии и Нигера в середине 2000-х гг. (см. табл. 2.13). Более того, получается, что уровень потребления в Австралии I в. н.э. был выше, чем подушевой ВВП Либерии, Демократической Республики Конго и примерно равен величине аналогичного показателя в Эфиопии и Гвинее-Бисау. Страны, представленные в табл. 2.13, не являются образцовым примером экономического, политического и общественного прогресса. Однако если даже полагать, что жители и Австралии I в. и этих стран в XXI в. потребляли одинаково малое количество благ, то «государственные расходы» и инвестиции (хотя бы для поддержания имеющейся инфраструктуры), не говоря уже о внешней торговле, должны были обеспечить африканским государствам гораздо бóльшие, чем в древней Австралии, показатели.

Есть впрочем и другие причины, по которым нельзя согласиться с величиной абсолютного минимума, рассчитанной Э. Мэддисоном. Он оценил подушевой ВВП населения территорий нынешних Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании, Канады, США, Мексики и Австралии в I веке

н.э. в 400 долл. Приравнивание таких непохожих друг на друга исторических регионов некорректно. При таком подходе различные географические, климатические, культурные и т.п. факторы фактически не принимаются в расчёт [1]. Если сравнить Скандинавию и Австралию, то получается, что «среднестатистический» житель этих столь удаленных друг от друга регионов производил и потреблял одинаковое количество еды и предметов обихода, которых ему как раз хватало, чтобы выжить. Даже если допустить, что потребности в количестве пищи не различаются для разных климатических поясов (хотя известно, что это не так), следует признать, что разные «температурные режимы» и особенности ландшафта во многом сказываются на специфике материального потребления, предъявляют совершенно различные требования к одежде и т.п. Например, жителям Скандинавии требовалось гораздо больше «предметов гардероба» (летняя и зимняя одежда, «сезонная» обувь) и орудий труда, чем кочевым охотникам-собирателям «Новой Голландии», часто ходившим почти без одежды. К началу нашей эры предки викингов уже несколько столетий жили в «железном веке», тогда как вплоть до открытия Австралии Б. Янсзоном основным сырьем для производства предметов обихода её аборигенам служили дерево, камень и остеологический материал (кости, зубы животных, раковины моллюсков и т.д.). Принимая во внимание разную техническую и технологическую «вооруженность» жителей упомянутых выше регионов, необходимо либо повысить подушевой ВВП скандинавов, либо снизить его австралийцам. Последнее может иметь решающее значение для доводов профессора Мэддисона.

[1] На территории современной Великобритании в это время (к I веку н.э.) уже несколько десятилетий «присутствовали» римские легионы, вместе с которыми на остров пришла передовая «технология» (в широком смысле этого слова) того времени. Более того, сама по себе Британия к началу нашей эры была хоть и отдаленной, но, безусловно, частью Ойкумены. В то же время большая часть «Нового света» (в широком смысле) не знала использования металлов; впрочем, не стоит забывать, что к началу новой эры, в Мезоамерике уже сменились несколько культур, причем носители некоторых из них успели создать вполне оформленные (с основным набором необходимых «атрибутов») государства. – *Прим. авт.*

Еще одно замечание аналогичного характера относится к масштабам различий между подушевыми ВВП разных исторических сообществ в экономической картине мира Э. Мэддисона. До сих пор речь шла об оценке «прото-ВВП» у наименее развитых человеческих сообществ. Изучение уровней экономического развития (в первом приближении – определение величины подушевого ВВП) крупнейших империй Древнего мира представляет не меньший интерес. Рассчитанная Э. Мэддисоном величина подушевого ВВП в Китае I века н.э. (450 долл. в ценах 1990 г.), на наш взгляд, существенно занижена, если принять оценку подушевого ВВП Австралии того же времени (400 долл. в ценах 1990 г.). Разница между этими показателями не превышает 10 %, что с нашей точки зрения, явно ошибочно. Коренные австралийцы, и в I в. н.э. и через полторы тысячи лет (строго говоря, и дольше) оставались фактически на одном уровне развития, поскольку и в 1500 г. н.э. занимались преимущественно охотой, рыбной ловлей, собирательством, но так и не «научились» земледелию и животноводству.

В Китае к I в. нашей эры существовали высокопроизводительная агрикультура, металлургия, дифференцированное ремесленное производство и т.п. Уровень общественного развития Китая на рубеже тысячелетий также был гораздо выше, чем в Австралии того времени. Так, в стране функционировала эффективная система государственного управления: уже в I веке до н.э. в Китае замещение должностей чиновниками происходило на основе конкурсных испытаний (впервые – но не на регулярной основе – такой экзамен в Европе состоялся в 1693 году[1]). Даже если считать, что относительно низкая оценка уровня жизни китайцев дана исходя из предположения, что на значительной территории страны в тот период подушевой ВВП был гораздо ниже, чем в её восточной части (где была сконцентрирована основная масса населения), то и в этом случае

[1] Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / пер. с англ. Р.В. Котенко. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001. – С. 15.

«понижающее» влияние менее развитых частей империй на средний показатель подушевого ВВП следует признать весьма скромным. Можно полагать, что «суммарная стоимость» произведенных на территории империи Хань колесниц, шелка, бумаги, ирригационных сооружений, разного рода услуг чиновников государственного аппарата и т.д., исчисленная в расчете на душу населения, должна была превосходить совокупный «общественный продукт» жителей Австралии начала новой эры не на 10, 20 или 30 %, а **в разы́**.

В Австралии I (или XV) в. так и не сложилась культура земледелия (очевидно, что сезонный сбор урожая дикорастущих злаков на севере континента не может рассматриваться как полноценная сельскохозяйственная деятельность). В Китае того времени урожайность риса достигала 8-9 центнеров с гектара. Цифру в 9 центнеров, опираясь на китайские источники, счёл достаточно правдоподобной и репрезентативной Э. Кульпин [1]. Известный специалист по экономической истории стран Востока и Запада В.А. Мельянцев также считал, что усредненные показатели урожайности ханьского Китая [2] (I в.) составляли 8-10 центнеров с га, а в Римской Империи 6-8 центнеров с га [3]. Изучение первоисточников, на которых базировались усредненные оценки урожайности зерновых по Римской Империи, позволяет нам уточнить приведенные выше оценки [4]. Независимо от того, какие именно цифры отражают ситуацию на всей территории огромных империй, можно предположить, что в тех регионах ханьского Китая, а также наиболее развитых территориях Северной Африки, нынешней Италии, Ближнего Востока и Древней Индии, где земледелие

[1] Кульпин Э.С. Восток: природа – технология – ментальность на Дальнем Востоке. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – С.167.

[2] В беседах с Л.А. Фридманом известный российский индолог Э.Н. Комаров указал, что по его оценкам, базирующимся на внимательном изучении источников и научной литературы, скорее минимальная урожайность зерновых (в первую очередь риса) Древней Индии могла характеризоваться цифрой 6 центнеров с гектара. – *Прим. авт.*

[3] Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 56.

[4] См., например, работу Варрона «О сельском хозяйстве» («De re rustica»), а также труд Колумеллы с аналогичным названием («О сельском хозяйстве» («De re rustica»))

базировалось на искусственном орошении (а порою с единицы земельной площади снималось в год по два, а иногда и три урожая), показатели урожайности зерновых могли достигать 10-15 и более центнеров с гектара. В менее развитых районах, с не столь благоприятным климатом и экстенсивным земледелием, средняя урожайность характеризовалась гораздо меньшими показателями.

На первый взгляд, такие цифры не слишком впечатляют. Однако урожайность (правда, пшеницы) такого уровня в России была достигнута только в начале XX в.! А еще за двести лет до этого, т.е. в начале, да и в конце XVIII столетия она редко превышала 3-3,5 центнера с га[1]. Из такого рода сопоставлений не следует, что уровень жизни в Китае в начале нашей эры был выше, чем в России – 200 лет назад. Такой аргумент призван лишь усилить довод о недопустимости фактического приравнивания подушевого ВВП ханьского Китая и Австралии в I в. н.э., которое произвел Э. Мэддисон, ввиду большого числа фактов, свидетельствующих об огромном разрыве между материальной культурой Китая и Австралии рассматриваемого периода. Эта проблема настолько важная и сложная, что нет возможности подробно исследовать ее в рамках настоящей работы. Поэтому ограничимся констатацией, что в наиболее развитых регионах Римской Империи (и прежде всего на территории нынешней Италии), а также в Империи Хань подушевой ВВП в расчете на душу населения мог колебаться в пределах 600-800 долл. (в ценах 1990 г.). Косвенным подтверждением этого вывода является тот факт, что, в отличие от прежних оценок уровней экономического развития Ханьской и Римской империй (подушевой ВВП, соответственно, 450 и 480 долларов[2]), в своей работе **М6** Э. Мэддисон счёл

[1] См. об этом подробнее Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: РОССПЭН, 2001; В.Г. Растянников, И.В. Дерюгина Урожайность хлебов в России 1795–2007. – М..: ИВ РАН, 2009.
[2] См.: Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run / OECD. – Paris, 1998. – P. 37.

необходимым впервые оценить подушевой ВВП на территории нынешней Италии в 850 долларов[1].

2.1.8. Некоторые аспекты экономического развития мира за последние 2000 лет (опыт количественной оценки)

В предыдущих разделах работы показано, что не только в I в., но даже в 1950 г., по оценкам Э. Мэддисона (основанным в т.ч. и на данных ПМС), в ряде стран Африки подушевой ВВП колебался в пределах 250–300 долл. (в ценах 1990 г.). Заметим, что в этих странах функционировали государственные (хотя и колониальные) институты; на их территории существовали давние традиции земледелия и животноводства, были созданы элементы современной инфраструктуры, многие жители активно участвовали в трудовой миграции и т.п. Если учесть все эти и аналогичные реалии, и сравнить оценки уровней развития указанных стран, с одной стороны, и Австралии (I – XV вв.), с другой, можно утверждать, что оценка Э. Мэддисоном наименьшего показателя подушевого ВВП, характерного для наиболее отсталых сообществ (400 долл. в ценах 1990 г.) явно преувеличена. Реальная величина такого «абсолютного минимума средств существования», на наш взгляд, составляла не 400, а скорее 150-250 долл. Напомним, что цифра, близкая к 250 долларам, фигурировала в качестве одной из оценок подушевого ВВП Эфиопии в 1950 г. Но Эфиопия (даже с учетом тяжелых потерь и тягот, связанных с итало-эфиопской войной, разрушениями производительных сил и т.п.) сохранила государственную независимость и не могла быть отнесена к наименее развитым или наиболее отсталым человеческим сообществам. Повторим, что для наиболее развитых регионов и государств Древнего мира (условно I в. н.э.) Э. Мэддисон в своем труде «Contours of the World Economy 1-2030 AD» (2007) счел возможным (в

[1] Maddison A. Contours of the world economy, 1–2030 AD: essays in macro-economic history / Oxford University Press. – New York, 2007. – P. 52.

отличие от его предыдущих работ, где фигурировали усредненные данные по всей Римской или Ханьской империи) привести более дифференцированные показатели, характеризирующие уровень развития наиболее богатых регионов Древнего мира. Для территории нынешней Италии он оценил уровень ВВП на душу населения в 850 долл. (в ценах 1990 г.). Необходимо отметить, что В.А. Мельянцев еще в 1996 г. оценивал усредненные показатели подушевого ВВП в ханьском Китае и Римской Империи, соответственно, в 340-440 и 300-400 долл. в ценах 1980 г. Это означает, что в ценах 1990 г. указанные показатели по Китаю будут колебаться в пределах 510-660, а по Римской империи – 450-600 долл.[1]

На наш взгляд, в наиболее развитых и богатых регионах Римской и Ханьской империй, а также аналогичных, расположенных на Индийском субконтиненте государствах величина подушевого ВВП достигала 650-800 долларов (в ценах 1990 г.). В таком случае величина разрыва между уровнями «подушевого ВВП» наименее и наиболее развитых (богатых) сообществ (государств) того времени достигала не 10-20-30%, а примерно 3-4 раз. Если опереться на данные раунда ПМС 2005 г., то окажется, что разрыв между подушевым ВВП США (41674 долл.) и Гвинеей (946 долл.) превышал 40 раз. А если сравнить показатели по США и Зимбабве (538 долл.), то величина аналогичного разрыва достигнет 77 раз.

За последние 20 столетий практически во всех сферах человеческой жизнедеятельности произошли грандиозные изменения. Эти экономические и научно-технические свершения имели и важные социальные последствия. Во много раз увеличилась численность самого человечества. В I веке она, по разным оценкам, не превышала 200-250 миллионов человек, а к началу 2010-х гг. превысила 7 миллиардов. Одновременно «средняя» продолжительность жизни увеличилась более чем вдвое. Так, в начале нашей эры средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни колебалась в пределах

[1] Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С.56

25-35 лет, а **в некоторых развитых странах** сейчас она уже достигла 80 лет или даже превысила эту цифру.

Коренным образом изменился быт и образ жизни миллиардов людей. Так, в прошлом (и даже относительно недавнем) удовлетворение первичной физиологической потребности в пище отнимало львиную долю времени и сил людей, а набор непродовольственных товаров, оказывавшихся в распоряжении среднестатистического «обывателя», как правило, был ограничен только самым необходимым. Между тем сегодня **в развитых странах** изобилие и относительная дешевизна продуктов питания приводят к тому, что руководители этих стран, где проживает около 1 миллиарда человек, вынуждены на государственном уровне провозглашать борьбу с избыточным весом одним из приоритетных направлений в области здравоохранения. Аналогично, потребление непродовольственных товаров (вследствие невиданного раньше роста объемов их производства) достигло в странах «золотого миллиарда» таких масштабов, что часто качественно меняется его первоначальный смысл: для многих людей товары теряют функциональную ценность и становятся лишь способом приобщения к некой социальной группе. Более того, нередкий ныне радикальный консьюмеризм временами перерождается в ониоманию («шопоголизм») – психическое заболевание. Возникновение этих схематично обозначенных, проблем стало возможным, прежде всего, благодаря появлению **массового потребителя.** Но стала ли жизнь **человечества в целом** принципиально лучше?

Наши оценки и расчеты позволяют сделать следующие количественные выводы, имеющие важные следствия «качественного» характера.

1. Разрыв между «богатыми» и «бедными» странами и территориями за прошедшие 2000 лет существенно возрос. В начале нашей эры подушевой ВВП самых развитых регионов планеты был лишь в 3-4 раза выше подушевого ВВП наиболее отсталых уголков Земли. Теперь величина

аналогичного показателя часто достигает 50 (нередко существенно больше) раз.

2. Доход «**типично**» бедных за 2000 лет вырос не более чем в 1,5(!) – 2 раза, тогда как доходы жителей наиболее развитых (по меркам эпохи) регионов – в 40-50 раз или еще значительнее.

3. Даже по прошествии двух тысячелетий около 20 % мирового населения по потреблению (в широком смысле) находится на уровне, вполне сопоставимом (в лучшем случае – примерно в 1,5 раза более высоком) с тем, которым располагали наиболее отсталые регионы мира в I веке н.э.

Историк Эрик Хобсбаум в книге «Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914—1991)» отметил, что «для 80 % человечества Средневековье закончилось внезапно в 1950-е годы[1]», подразумевая под этим, что только ко второй половине XX века до подавляющего большинства человечества «дошли» самые обычные достижения в области технического прогресса, современной медицины, образования и т.п. Социолог Георгий Дерлугьян прокомментировал высказывание Э. Хобсбаума: стоит говорить о том, что окончилось не Средневековье, «а куда более длительная историческая эпоха, восходящая истоками к Неолитической революции»[2].

Сам по себе факт существенного повышения уровня жизни значительной части населения планеты за последние 50-60 лет не вызывает сомнений. Тем не менее, принимая во внимание «неоднозначные» результаты социально-экономического развития человечества на протяжении поистине «долгого времени», представляется целесообразным уточнить масштабы и характер некоторых из этих положительных изменений.

В нашем распоряжении имеются данные о динамике численности населения, проживавшего за чертой бедности – 1,25 долл. в ценах 2005 г., – полученные в ходе бюджетных обследований и собранные экспертами ВБ,

[1] Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914 – 1991). – М.: Издательство Независимая Газета, 2004. – С. 311

[2] Дерлугьян Г.М. Исламский не-фактор на Северном Кавказе // Прогнозис: Журнал о будущем; № 4-, (16-). – 2008. – С. 160.

охватывающие почти четверть столетия – с 1981 по 2005 гг. В данном контексте желательно иметь статистику подобного рода начиная с середины XX в., однако, таковой не существует.

Как видно из соответствующих данных (см. табл. 2.14), тезис о том, что жизнь наименее обеспеченных групп населения последовательно улучшается, находит количественные подтверждения. Число людей, живших в крайней бедности за рассматриваемый период сократилось более чем на полмиллиарда человек. Однако внимательное изучение содержания табл. 2.14 показывает, что это результат сальдирования: наряду с сокращением величины показателя в одних регионах (в целом на 756 млн), в других число тех, чье потребление было меньше 1,25 долл. (в ценах 2005 г.) возросло (в целом на 235 млн.).

Из данных табл. 2.14 следует, что масштабное снижение величины рассматриваемого показателя произошло почти исключительно за счёт региона Восточной Азии и Тихого океана. Ключевую тенденцию в регионе «определил» Китай. Здесь число живущих за чертой бедности снизилось более чем на ¾.

Сокращение числа тех, кто жил в крайней бедности, наблюдалось в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, а также в регионе Среднего Востока и Северной Африки. Вклад этих стран в абсолютных цифрах в итоговый результат не очень значительный (около 5 миллионов человек). Тем не менее, их относительные успехи (особенно государств Среднего Востока и Северной Африки) надо признать существенными.

Но одновременно уровень крайней бедности возрос в государствах, объединенных экспертами ВБ в регион «Европа и Центральная Азия». Рассмотрение относительных изменений показывает: здесь число людей, живущих за чертой бедности, увеличилось почти в 2,5 раза. По-видимому, не последнюю роль в подобном положении дел сыграли негативные последствия перехода нескольких десятков стран региона «на рельсы» рыночного развития.

В Южной Азии численность населения, живущего за чертой бедности, увеличилось на 48 миллионов, что практически тождественно численности жителей таких (отдельно взятых) крупных стран, как Украина, Корея или ЮАР.

Поистине колоссальным оказался рост бедности (крайней бедности) в странах Африки, расположенных южнее Сахары. Относительное увеличение числа людей, живущих ниже черты бедности, здесь составило 84 %, а в абсолютном выражении оно равно числу жителей такой многонаселенной страны, как Пакистан, или сумме численности населения России и Польши.

В 2005 г. удельный вес лиц, отнесенных к категории «абсолютно бедных», составлял около 20 %; в 1981 г. он достигал более 40 %. На основе только этих цифр можно предположить, что еще в середине XX столетия уделом нищеты была жизнь более половины всего населения Земли. Таковы некоторые противоречивые результаты экономического развития человечества за последние две тысячи лет.

2.2. Ошибки авторов доклада МВФ 2000 г. о результатах мирового экономического развития в XX веке

Детальный анализ критических замечаний Э. Мэддисона, относящихся к результатам раунда 2005 г. позволил лучше продемонстрировать масштабы расхождений между разными расчетами и подробнее рассмотреть причины, по которым эти различия возникают. Как неоднократно указывалось ранее, применение исследователями разных сведений в условиях многовариантности оценок макроэкономических показателей может приводить к различным итоговым заключениям. Ниже на реальном примере, показано как в результате использования данных только одного источника, без проверки их на правдоподобие (в т.ч. без сопоставления с другими аналогичными сведениями), весьма опытными и авторитетными учёными было сделано несколько неверных выводов, имеющих отношение к вопросам геоэкономики и мировой экономической истории.

Когда речь идёт о десятках небольших государств Африки к югу от Сахары, даже в тех случаях, когда некоторые международные организации и исследователи публикуют оценки величины всего и подушевого ВВП этих стран, различающиеся на десятки процентов или в два-три раза, это интересует главным образом узких специалистов по этим странам и редко оказывается в фокусе внимания мировой научной и околонаучной общественности. Совершенно иная ситуация складывается, когда подобные расхождения в величине экономического потенциала (экономических размеров, экономической мощи) касаются крупнейших стран, играющих важную (решающую) роль в экономической и политической конкуренции регионального и тем более глобального масштаба. В этой связи, большой интерес представляет следующая публикация.

В пятой главе майского выпуска доклада Международного Валютного Фонда «Обзор мировой экономики» («World Economic Outlook») за 2000 г. было помещено обширное исследование о росте мировой экономики в XX

веке[1]. В табл. 2.15 приведены сведения, характеризующие изменения в уровнях экономического развития нескольких десятков стран, произошедшие, в соответствии с мнением авторов «Обзора…», с 1990 по 2000 гг. Подробный анализ указанной главы «Обзора…» и выводов, следующих из содержания табл. 2.15, содержится в работе Л.А. Фридмана «О многовариантости международных экономических сопоставлений» (2006)[2]. Воспроизведение в полном объёме соответствующего раздела названного труда в рамках данного исследования не представляется возможным, но отдельные выводы профессора Фридмана необходимо привести. Они имеют важное значение для тематики данной диссертационной работы. Из содержания табл. 2.15 следует, что одним из итогов XX в. стало то, что к 2000 г. Китай по уровню экономического развития превзошёл бывший СССР в 1,7 раза. Подвергнув сомнению этот вывод из-за его неправдоподобности, Л.А. Фридман выяснил, что причиной, по которой Китай «добился» столь впечатляющих успехов, является использование авторами доклада оценок величины подушевого ВВП этой страны из книги Э. Мэддисона «Monitoring the World Economy» (1995). Как уже указывалось ранее, впоследствии, в работе **M3** Э. Мэддисон отказался от предыдущих оценок в пользу меньших величин. В 2005 г. Китай впервые принял участие в раунде международных сопоставлений, и все абсолютные и относительные показатели вновь существенно изменились. В табл. 2.16 приведены данные ВБ и МВФ в постоянных ценах 1990 г. Эти показатели по раунду ПМС 2005 г. оказались еще ниже прежних «исправленных» оценок Мэддисона. Подушевой ВВП Китая в 2000 г. составлял не 23 % от аналогичного индикатора по США, как это полагали составители «Обзора…», но и не 11-12 %, как считали эксперты ВБ, а также Э. Мэддисон до проведения раунда 2005 г. Согласно данным,

[1] World Economic Outlook: Asset Prices and the Business Cycle, May 2000, Washington DC: International Monetary Fund. – PP.149–180.
[2] См. Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2006. – С. 53–71.

полученным по итогам указанного раунда, величина этого индикатора не превышала 6,7 % от уровня США.

Подобное сокращение в 3,4 раза ключевых показателей, характеризующих соотношение уровней экономического развития Китая и США, по сравнению с результатами составителей «Обзора…», основанными на первом варианте расчета Э. Мэддисона (по **M1**), а также в 1,7 раза по сравнению со вторым вариантом его расчетов, – уникальный пример в современной истории международных экономических сопоставлений. Ведь речь идёт не о какой-то небольшой стране, а о наиболее многонаселенной и второй по экономическим размерам державе современного мира.

Все данные за 1990, 2000, 2008 и 2009 гг. в табл. 2.16 получены экспертами ВБ и МВФ в результате экстраполяции и ретрополяции цифр по раунду 2005 г., распространенных до 2009 г. и наоборот, до 1990 г. с использованием преимущественно официальных темпов роста ВВП в Китае. На наш взгляд, и экстраполированные и ретрополированные показатели нуждаются в корректировке, поскольку, как показано ранее, официальные темпы роста ВВП более или менее существенно завышены. Так, подушевой ВВП Китая в 1990 г. (если полагать, что темпы роста в 1990–2000 гг. завышены) может оказаться существенно выше тех цифр, которые указаны в новейших оценках ВБ. Величина подушевого ВВП Китая в 1990 г. может составлять не 795 долларов, а примерно 1200-1250 долларов. А соотношение подушевых показателей ВВП Китая и США в 1990 г. в таком случае будет составлять не 3,4 %, а примерно 5-5,5 %.

Если вернуться к исходным данным «Обзора…» (базирующимся на **M1**) на начало XX в. (1900 и 1913 гг.), то окажется, что подушевой ВВП Китая в 1900 г., по **M1,** составлял 14 % от английского индикатора и 15,9 % от американского[1]. Те же расчеты по **M2** дают следующее: в 1900 и 1913 гг. подушевой ВВП Китая составлял 10-11 % от аналогичных индикаторов

[1] В 1900 г., по расчетам Э. Мэддисона, Великобритания превосходила США по размеру подушевого ВВП. К 1913 г. ситуация изменилась: США существенно обогнали Великобританию по величине этого показателя. – *Прим. авт.*

США. Принимая во внимание эти расчеты и перерасчеты, а также новые оценки Мэддисона на 1900 и 1913 гг., можно утверждать, что несмотря на высокие темпы экономического роста в Китае в 1980-2000 гг. соотношения подушевых ВВП Китая и США в конце XX века (6,7 % или 7,5 %) оказались значительно ниже аналогичных цифр начала XX в. (10-11 %). Если эти цифры подтвердятся позднейшими расчетами, такое положение вещей будет означать, что на протяжении первой половины XX века соотношение подушевых показателей Китая и США резко ухудшилось, возможно, даже в 2-3 раза. Резкое повышение темпов экономического роста Китая в последующие десятилетия означает, по существу, компенсацию «потерь», понесенных этой страной в первой половине XX в.

Как уже отмечалось, данные табл. 2.16 базируются на завышенных официальных темпах роста ВВП. Тем не менее, в целом эти цифры отражают реальный процесс: очень высокие темпы экономического роста в Китае в последние десятилетия XX в. и первое десятилетие XXI в., и более низкие темпы роста в США на всём протяжении этого периода.

Если принять во внимание результаты динамики ВВП и в 2010 г., можно полагать, что к концу первого десятилетия XXI в., а реально всего за 5 лет (с 2005 по 2010 гг.) отношение подушевого ВВП Китая к аналогичному показателю США могло увеличиться с 9-10 до 14-15 %, т.е., наконец, превысило соответствующие индикаторы 1913 г. В пользу данного предположения свидетельствуют данные очередного глобального раунда, опубликованные на сайте ПМС весной 2014 г. В соответствии с ними подушевой ВВП Китая в 2011 г. составлял 20 % от величины американского показателя[1]. Впрочем, стоит заметить, что по мнению некоторых экспертов

[1] См. Summary of Results and Findings of the 2011 International Comparison Program, Washington, DC: World Bank, 2014, PP.35, 37. По данным этого издания, в 2011 г. (т.е. спустя 11 лет после публикации «Обзора…») ВВП Китая, несмотря на впечатляющие темпы экономического роста в 2000-х гг., оставался на 13 % ниже американского. – *Прим. авт.*

новая оценка ВВП Китая завышена[1]. Очевидно, что более обоснованные выводы могут быть сделаны только после публикации окончательных результатов раунда ПМС 2011 г.

Если оценки ВВП Китая, приведенные в «Обзоре…», можно обоснованно считать завышенными, то место бывшего СССР, а тем более России в геоэкономической структуре XX – начале XXI вв., напротив, оказалось явно занижено. Народное хозяйство России 1990-х гг. представляло собой типичный пример перехода от командно-административной к рыночной экономике. В России, как и во всех республиках бывшего СССР, в 1990-х гг. наблюдался глубокий экономический кризис. Цены на товары и услуги (особенно в первой половине последнего десятилетия XX в.) резко менялись из года в год. Всё это затрудняло объективную оценку динамики ВВП по ППС валют. Важно отметить, что данные на 2000 г. в «Обзоре…» получены с учетом динамики ВВП в национальной валюте, а эти показатели в дальнейшем (и притом не раз) пересматривались.

Находясь под впечатлением дефолта в России 1998 г. и его воздействия на ряд других республик бывшего СССР, а также пессимистических (для России) выводов и прогнозов некоторых специалистов, публицистов и политиков (в том числе и ангажированных), авторы «Обзора…», вероятно, предполагали дальнейшее снижение ВВП России в 1999 и 2000 гг. Почти никто тогда не предполагал, что именно этот дефолт, имевший тяжелые последствия для жизненного уровня основной массы российского населения и так негативно отразившийся на положении России в СНГ и мире, станет началом восстановительного экономического роста, а затем и длительного подъема экономики до 2009 г. Между тем, если в 1999 г. ВВП РФ вырос на 3,5 %, то в 2000 г. – уже на 10 %.

[1] См., напр.: http://www.chinausfocus.com/finance-economy/reform-and-urbanization-to-power-chinas-economic-growth

В свете сказанного и стоит оценивать тот факт, что для 2000 года авторы «Обзора…» сочли возможным оценить подушевой ВВП стран бывшего СССР в 13,5 %, а Китая в 23 % от уровня США. Если цифра по Китаю оказалась завышенной более чем в 3 раза, то аналогичный показатель по странам бывшего СССР, напротив, занижен, о чём свидетельствуют данные табл. 2.16. Кроме того, в 2000 г. не было государства СССР. И уже в этот период международные организации и отдельные исследователи (в т.ч. и Э. Мэддисон) считали возможным и целесообразным рассчитывать и публиковать данные по РФ и другим бывшим республикам СССР. В табл. 2.16 приведены материалы по России, относящиеся к 2000 г. Сопоставление данных МВФ и ВБ, а также учет результатов раундов 1999 и 2002 гг. (в 1999 г. – 18 %, а в 2002 г. – 22 %) позволяют утверждать, что подушевой ВВП РФ в 2000 г. составлял не менее 20-21 % от аналогичного показателя в США. Эта цифра ниже индикатора 1990 г., но она правильнее отражает положение России в 2000 г., чем суммарный показатель по несуществующему СССР.

В настоящей работе неоднократно подчеркивалось, что одна из целей автора – привлечь внимание к почти неизбежной многовариантности расчетов по ППС валют. Данные табл. 2.16 и 3.7 по России за 2008, 2009 и 2012 гг. являются наглядным подтверждением этого тезиса. Во всех трёх случаях величина соответствующего показателя по расчетам экспертов МВФ (34, 32,5 и 35,5 %) – гораздо ниже аналогичных значений, полученных экспертами ВБ (43, 41 и 47 %). Разница в величине оценок указанных международных организаций нуждается в объяснении. Дело в том, что в 2008 г. был проведен очередной региональный раунд международных экономических сопоставлений, в рамках которого были рассчитаны ППС валют (соответственно, и ВВП по ППС валют) для группы стран «ОЭСР-Евростат», к которой относилась и Россия. В соответствии с полученными результатами, величина ВВП РФ оказалась на 26 % выше предыдущих оценок (см. табл. 3.6). Эти изменения нашли отражение в базе данных ВБ, тогда как специалисты МВФ, по-видимому, не сочли необходимым их

учитывать. Более подробный анализ результатов, полученных в ходе регионального раунда ПМС 2008 г., представлен в третьей главе диссертации.

Здесь необходимо упомянуть об одном событии, которое не меняет объективно места России в геоэкономической картине мира, однако может оказать немалое влияние на понимание и трактовку экспертным сообществом и околонаучными кругами результатов экономического развития страны в начале 2010-х гг. Как известно, существуют различные классификации стран по уровню их экономического развития. Одна из них – деление всех стран мира на четыре группы, в зависимости от уровня их подушевого валового национального дохода (далее – ВНД), предложенное специалистами ВБ. Ежегодно в начале июля с учётом изменений, произошедших в сфере экономического развития, осуществляется пересмотр состава групп. В соответствии с этой процедурой, летом 2013 г. Россия впервые была отнесена к группе стран с высокими доходами[1]. Величины показателей ВНД на душу населения, которые применяются ВБ в качестве критерия для классификации стран по уровню доходов, основаны **не на ППС**, а **обменных курсах валют.** Причины выбора, а также преимущества и недостатки такого подхода, безусловно, заслуживают специального рассмотрения. Однако здесь наша цель – обратить внимание на сам факт включения России в «клуб богатых стран».

Анализ различных материалов по Китаю и России позволил обнаружить не только различные расчёты и оценки величин ВВП по ППС валют, но и прийти к различным, даже противоположным выводам относительно места этих стран в мировом экономическом пространстве в первом десятилетии XX и первом десятилетии XXI вв. Материалы раунда 2005 г. свидетельствуют, что не только по Китаю, но и по Индии, Бангладеш, Индонезии, Филиппинам, Вьетнаму, Таиланду, Эфиопии и Демократической Республике Конго (их суммарное население превышает 3 млрд. человек)

[1]См. http://data.worldbank.org/news/new-country-classifications

расчёты ВВП по ППС валют оказались значительно ниже предыдущих оценок на этот год, полученных (до публикации итогов раунда ПМС 2005 г.) экспертами ВБ. При этом величина снижения новых показателей, по сравнению со старыми, колебалась в диапазоне от 17-20 до 38-41 %[1]. Снижение суммарного ВВП по всем названным выше странам составило 37 %, а в абсолютных цифрах достигло 5,6 трлн долл. (что почти в 1,5 раза больше старой, «высокой» оценки всего индийского ВВП). Это означает: величина «расстояния» в мировом экономическом пространстве между ВВП стран с населением более 3 млрд. человек (что в 2005 г. составляло около половины всего населения мира) и аналогичными показателями по ВВП развитых стран, оказывается гораздо большей, чем об этом можно судить по прежним, широко использовавшимся данным. Таким образом, итоги высоких темпов экономического роста по большинству указанных стран и прежде всего по Китаю и Индии, не привели еще к такому сокращению разрыва в величинах ВВП развитых и указанных развивающихся стран, о котором свидетельствовали прежние расчеты по ППС валют.

[1] См. об этом подробнее: Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира / МГУ им. М.В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. – М.: Гуманитарий, 2008. – С. 31.

Глава 3. Анализ результатов экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в период независимого развития

Ранее нами рассмотрены особенности методики и специфика практики международных экономических сопоставлений на основе ППС валют. В данной главе результаты, полученные в предыдущих частях настоящей диссертации, применены к конкретной ситуации, сложившейся на территории бывшего СССР, главным образом, в странах Центральной Азии, Южного Кавказа и России.

Сопоставительный анализ ВВП (подсчитанных на основе ППС валют) затруднителен даже для государств с развитой рыночной экономикой. Более или менее точные оценки можно получить только в результате очередных раундов международных экономических сопоставлений. Еще больше осложнён анализ материалов по развивающимся странам Азии, Африки, Латинской Америки; многие из них до 2005 г. не участвовали в ПМС или принимали участие не во всех раундах. Во многих странах указанных регионов сбор и обработка статистических сведений организованы заметно хуже, чем, например, в Западной Европе и Северной Америке. Необходимо также иметь в виду несравнимо большие масштабы теневого (следовательно, неохваченного статистикой) сектора производства товаров и услуг.

Для стран-членов СНГ характерны дополнительные трудности, связанные в частности с беспримерно быстрым по времени (10-15 лет) переходом от административно-командной к рыночной экономике. Они столкнулись с необходимостью решения широкого комплекса проблем, включающих формирование с нуля целого ряда экономических, политических и иных структур (что, как показал процесс деколонизации, требует немалого времени). Кроме того, при оценке экономических потенциалов и уровней экономического развития новых независимых государств, возникших на месте бывшего СССР, применяемые в практике ВБ и МВФ экстра- и

ретрополяции данных отдельных раундов ПМС (на основе сведений о темпах экономического роста) вносят особо серьезные искажения.

Именно необходимостью учёта особенностей практики международных сопоставлений на основе ППС валют и специфики социально-экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-х – 2000-х гг. обусловлена структура данной главы. В первой её части рассмотрена динамика ВВП, рассчитанная на основе сведений национальной статистики о темпах экономического роста. Во второй части, на основе данных о величине ВВП и подушевого ВВП (рассчитанных на основе ППС валют), проводится сопоставление экономических размеров бывших советских республик относительно друг друга, а также делаются выводы об их месте и положении в геоэкономической картине мира.

3.1. Внутренняя динамика ВВП стран Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2012 гг.

С распадом СССР во всех новых независимых государствах, возникших на его пространстве, начался (или усилился) глубокий экономический кризис, который в разное время назывался по-разному. На наш взгляд, наиболее уместна его характеристика как ***кризиса переходного типа***. Это адекватно отражает тот кардинальный факт, что все новые независимые государства осуществляли переход от нерыночной или антирыночной или административно-командной экономики (все эти термины могут употребляться как равнозначные) к экономике рыночного типа. Масштабы, скорость и этапы этого перехода изменялись далеко не одинаково у различных государств, однако его характер и направление, при всех различиях и даже временных попятных движениях, сохраняли одинаковый смысл и сущность.

Количественную характеристику указанного перехода (т.е. радикального социально-экономического сдвига) можно получить

анализируя динамику ВВП, как одного из важнейших, обобщающих, макроэкономических индикаторов.

Большинство республик, возникших на территории СССР, в дальнейшем вошли в состав СНГ (Грузия входила в него до 2008 г.). Межгосударственный статистический комитет СНГ регулярно осуществляет публикацию статистических ежегодников. К настоящему времени появились также справочные издания, подводящие итог десятилетнего, пятнадцатилетнего и двадцатилетнего существования СНГ. Последний такой юбилейный справочник был опубликован в 2011 г. и содержит данные, характеризующие динамику важнейших макроэкономических и макросоциальных показателей как в целом по СНГ, так и по входящим в эту организацию государствам за период с 1992 по 2010 гг. (базовым является 1991 г.). В дальнейшем были опубликованы очередной ежегодник за 2011 г., а также сводные интересующие нас показатели за 2012 г. Именно эти материалы и положены в основу анализа. Подобного рода данные о росте ВВП в странах-членах СНГ более или менее адекватно отражают реальную картину экономических изменений, произошедших с 1992 по 2010 гг., а также 2011 и 2012 гг.

Фактически, первым годом самостоятельного развития изучаемых стран стал 1992. Тем не менее, необходимо иметь в виду, что глубокий экономический кризис поразил СССР еще до его распада де-юре. Так, во многих союзных республиках спад производства начался в 1990 г. и продолжался в 1991 г. Поэтому, на наш взгляд, важнейшее значение имеет как анализ статистических материалов за временной интервал с 1992 по 2012 гг., так и выяснение экономических размеров и общих уровней развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в начале 2010-х гг. относительно их показателей в последние годы существования СССР. В первом случае базовым (т.е. принятым за 100 %) будет 1991 г. (именно так построена статистика Статистического комитета СНГ). Во втором случае начальным годом, с которым надо проводить все сопоставления, будет 1989, когда

экономика Советского Союза достигла своего максимума. Наличие двух подобных расчетов (по двум базовым годам) позволяет пересмотреть некоторые заключения, например, о том, когда в каждой из республик завершился (если он завершился) восстановительный экономический рост и начался период относительно нормального рыночного развития.

В Приложениях к главе 3 приведены данные, характеризующие динамику ВВП (в целом и в расчете на душу населения) в постоянных ценах: в табл. 3.1 базовым является 1991 г., в табл. 3.2 – 1989 г.

Анализ соответствующих материалов целесообразно начать с региона Южного Кавказа, который включает три республики: Азербайджан, Армению и Грузию.

Как видно из приведенных данных (см. табл. 3.1), именно первый год независимого существования Азербайджана, Армении и Грузии ознаменовался, пожалуй, наиболее масштабным (по-существу, катастрофическим) падением ВВП. Наибольшим снижение этого показателя было в Грузии. Если судить по официальным данным, то именно в Грузии произошло максимальное (по сравнению со всеми остальными странами-членами СНГ) падение производства (55 % от уровня 1991 г.). На «втором месте» – Армения (58 % от уровня 1991 г.). Эти данные тем более впечатляют, что даже в Таджикистане (70 % от уровня 1991 г.) и Молдове (71 % от уровня 1991 г.), где была гражданская война, происходили вооруженные столкновения и т.п., масштабы падения производства товаров и услуг, были менее значительными, чем в Грузии и Армении. Положение в Азербайджане лишь немногим отличалось в лучшую сторону (77 % от уровня 1991 г.).

Печальное первенство за весь период падения производства продолжала сохранять Грузия, где в 1994 г. этот показатель не превышал 34,9 % (Таджикистан в том же году – 46 %, Молдова – 48 %) от уровня 1991 г. В последующие два года на «первое место» по масштабам падения ВВП вышел Таджикистан (34 %). Однако, учитывая меру точности (а скорее, неточности)

этих цифр, можно сделать вывод: Грузия и Таджикистан испытали особенно тяжелые удары экономического кризиса.

В отличие от Грузии, где падение производства закончилось в 1994 г., в Армении оно завершилось на год раньше; в 1993 г. соответствующий показатель составил 53 %, т.е. оказался выше, чем в Грузии, Таджикистане и Молдове.

В Азербайджане период снижения ВВП завершился в 1995 г., а его величина (42 % от уровня 1991 г.) была выше, чем в Грузии, но ниже, чем в Армении.

В дальнейшем республики Южного Кавказа (Азербайджан с 1996 г., Армения с 1994 г., Грузия с 1995 г.) вступили в период восстановительного экономического роста. Однако перед тем как перейти к анализу этого этапа, необходимо выяснить когда, собственно, в указанных республиках начался экономический кризис и можно ли считать его началом именно 1992 г.?

В СССР снижение ВВП наблюдалось начиная с 1990 г. (на 3 %) и продолжилось в 1991 г. (на 5 %). При этом экономическое положение отдельных союзных республик изменялось далеко не одинаково. Так, например, по имеющимся оценкам (см. табл. 3.2), ВВП Таджикистана в 1990 г. оставался на уровне предшествовавшего года; ВВП Туркменистана увеличился на 1-2 %, а ВВП Киргизии – на 4-5%. Для Казахстана и Узбекистана можно констатировать снижение ВВП на 1 %. На этом фоне резко выделяются республики Южного Кавказа. В Грузии снижение ВВП достигало 15 %, в Азербайджане – 11-12 %, а в Армении – примерно 5 %. За период 1990-1991 гг. снижение ВВП в Азербайджане достигло 12 %, в Армении – примерно 16 %, а в Грузии – 33 % (!) от уровня 1989 г. Если исходить из этих расчётов, индекс ВВП в Армении к концу его падения (т.е. в 1993 г.) не превышал 44 %, в Азербайджане (в 1995 г.) – 37 %, в Грузии (в 1994-1995 гг.) – 24 % от уровня 1989 г. Таким образом, Грузия если не по продолжительности, то по масштабам падения производства в период

кризиса, по-прежнему, сохраняет первое место среди республик бывшего СССР.

Сложно сказать, насколько приведенные нами и базирующиеся на различных расчётах и оценках ведущих международных организаций данные о динамике ВВП Грузии могут рассматриваться как в целом реалистичные. Поставим вопрос: может ли буквально за 5 лет ВВП Грузии сократиться более чем в 4 раза? Ничего подобного не происходило даже в годы Второй мировой войны. В этих условиях, на наш взгляд, наибольший интерес представляют не столько общие индексы производства промышленной или сельскохозяйственной продукции, сколько конкретные данные о производстве тех или иных промышленных товаров, а также продукции земледелия и животноводства. Если обратиться к такого рода материалам, то окажется, что даже в годы особого обострения экономического кризиса электроэнергетика, например, обнаружила удивительную для того времени относительную стабильность. Если в 1990 г. общее производство электроэнергии составляло в Грузии 14,2 млрд. кВт/ч, то в 1994 г. (году наибольшего снижения этого показателя) его величина уменьшилась не в 4 (как ВВП), а в 2 раза. В Армении и Азербайджане масштабы снижения производства электроэнергии были еще меньшими: в Армении – менее 2 раз, а в Азербайджане – 26 %[1].

В отличие от энергетической инфраструктуры, крупное промышленное производство, особенно союзного подчинения, в т.ч. и предприятия ВПК, снизили производство, а в ряде случаев его почти полностью прекратили. Можно даже говорить о разрушении многих отраслей крупного промышленного производства. Так, например, добыча угля в Грузии в 1990–1996 гг. уменьшилась с 1 млн до 20 тыс. т (!). Практически полностью прекратилось производство готового проката черных металлов (в 1990 г. –

[1] Содружество Независимых Государств в 1996 году: Статистический ежегодник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 1997. - С.47; все последующие данные о динамике производства промышленной и сельскохозяйственной продукции приводятся по этому статистического ежегоднику. – *Прим. авт.*

1,1 млн т., в 1996 – 60 тыс. т.), металлорежущих станков (в 1990 г. – 1600 шт., в 1996 – 20 шт.), грузовых автомобилей (в 1990 г. – 5600 шт., в 1996 – 100 шт.), химических волокон и нитей (в 1990 г. – 32,4 тыс. т., в 1995 г. – 200 т.), бумаги (в 1990 г. – 26,6 тыс. т., в 1996 г. – 20 т.), телевизоров (в 1990 г. – 51,3 тыс. шт., в 1994 г. – 100 шт.). Кризис привёл к разрушению многих отраслей не только тяжелой, но лёгкой промышленности. Так, например, производство тканей в Грузии в 1990 г. составляло 111 млн $м^2$, а в 1996 г. – лишь 1,2 млн $м^2$, производство обуви, соответственно – 17 млн пар в 1990 г. и только 40 тыс. в 1996 г. Приведенные данные свидетельствуют, по существу, о полном развале крупного промышленного производства Грузии и крахе государственной промышленности, предприятия которой в новых условиях исчезновения единого общесоюзного экономического пространства и административного распределения ресурсов сырья и готовой продукции, оказались неконкурентоспособными. Именно этот процесс, на наш взгляд, отразился на динамике общего индекса промышленного производства. Вместе с тем именно в эти годы начался и ускорился процесс форсирования негосударственного частного сектора. Но его масштабы в промышленности и ремесленном производстве статистика, ориентированная на государственный сектор, попросту не учитывала или учитывала в небольшой степени.

В отличие от отраслей государственной промышленности, переработка сельскохозяйственной продукции в Грузии позволяет подкрепить выдвинутый выше тезис. Приведем соответствующие цифры. Если опираться на официальные данные о промышленной переработке мяса, то в 1990 г. в Грузии его объем достигал 76,7 тыс. т., а в 1996 г. – только 100 т (!). Других данных по этому вопросу грузинская статистика не приводит. Однако можно проанализировать аналогичный процесс на примере Армении.

По официальным данным, в 1990 г. промышленная переработка мяса в этой республике составляла 58,8 тыс. т., а в 1995 г. – так же, как и в Грузии, лишь 100 т. В следующем, 1996 г. возникает цифра 42,8 тыс. т. Точно так же в 1990 г. в Армении промышленность произвела 226 тыс. т цельномолочной

продукции, тогда как в 1995 г. – только 6,8 тыс. т. Однако уже в следующем году появляется цифра 437 тыс. т. Дело в том, что (как указано в примечании в статистическом ежегоднике «Содружество Независимых Государств в 1996 году») в 1996 г. впервые было учтено «производство негосударственным сектором и потребкооперацией».

Если в первом случае, т.е. производстве мяса, за шесть лет наблюдалось снижение (58,8 тыс. т и 42,8 тыс. т.), то в молочном производстве произошло не снижение, а **увеличение продукции почти вдвое**. В обоих случаях можно констатировать полный крах государственной промышленности (что и отражают официальные статистические данные) и быстрое (в молочной промышленности даже ускоренное) развитие производства в негосударственном, в т.ч. и кооперативном секторе. К сожалению, в нашем распоряжении нет аналогичных данных о других отраслях промышленного и ремесленного производства. Однако есть веские основания полагать, что если не в крупном государственном производстве, то в мелком и среднем бизнесе (охватывающем, прежде всего, пищевую, отчасти лёгкую промышленность, строительство, обслуживание и т.д.) именно в эти годы наблюдался быстрый рост. Но его официальная статистика, как правило, попросту не учитывала.

Только с учётом этого реального процесса можно объяснить динамику учтенного статистикой улова рыбы и добычи морепродуктов. В Грузии, по официальным данным, в 1990 г. улов рыбы и добыча морепродуктов достигали 105 тыс. т (в Азербайджане – 41,7 тыс. т.), тогда как в 1996 г. величина учтенного статистикой улова не превышала 100 т (в Азербайджане – 6 тыс. т.). На наш взгляд, и в этом случае статистика учитывала только крупные государственные предприятия по лову рыбы. Впрочем, есть основания предположить, что именно в это время формировался и развивался мелкий и средний рыболовный бизнес, хотя, видимо, не в таких масштабах как в мясной и молочной отраслях промышленности.

Подведём некоторые итоги. В Грузии, Армении, Азербайджане после распада СССР, в том числе и единого экономического пространства, а также быстрого и крайне болезненного перехода от административно-командного к рыночному способу производства, особенно уязвимыми оказались отрасли крупной государственной тяжелой и легкой промышленности. По существу, в ряде случаев, они полностью или почти полностью развалились. Этот процесс отражен в динамике учтенного производства ВВП. Одновременно, в сфере промышленности и кустарно-ремесленного производства формировался и наращивал продукцию частный мелкий и средний бизнес. Его объемы, конечно, не могли компенсировать падение крупного промышленного производства, но всё же должны были сказаться на реальной динамике соответствующего сектора ВВП.

В отличие от промышленности, сельское хозяйство, в гораздо большей степени ориентированное на внутренний спрос и обеспечивавшее удовлетворение первичных потребностей населения, не показывает таких невероятных по своим масштабам показателей снижения производства. Об этом свидетельствуют официальные данные о динамике производства зерна во всех трёх республиках Южного Кавказа, хлопка-сырца (в Азербайджане), картофеля, овощей, плодов и ягод, а также мяса в убойной массе, молока, отчасти яиц. Производство различных видов продукции земледелия и животноводства во всех южнокавказских республиках либо сокращалось в отдельные годы на 20-30 %, либо увеличивалось. Этот процесс приобрел особенно широкие масштабы в Армении, где, например, производство зерна в 1992-1993 гг., в период крайнего обострения кризиса, увеличилось почти на четверть (по сравнению с 1990 г.), овощей (в 1992 г.) – почти на 30 %, картофеля (в 1993 г.) – почти вдвое. И хотя в большинстве случаев в Грузии, Армении и Азербайджане производство сельскохозяйственной продукции всё же сокращалось, во-первых, даже по официальным данным, его

масштабы не превышали, как правило, 20 (максимум 40) %[1], и, во-вторых, вполне возможно, что и здесь официальная статистика не полностью учитывала производство отдельных видов продукции сотен тысяч крестьянских хозяйств. Ведь крестьяне так же, как и работники мелкого производства и обслуживания в городах, стремились избежать налогообложения и утаивали часть продукции своих хозяйств. Конечно, работники официальной статистики в Грузии, Армении и Азербайджане (так же, как и в России) пытались оценить примерные объемы производства товаров и услуг в так называемом неформальном секторе, но сделанные ими расчёты и оценки вряд ли отличались точностью и базировались нередко на косвенных показателях и/или недостаточно репрезентативных обследованиях отдельных хозяйств и групп хозяйств.

Итак, приведенные данные, по-видимому, свидетельствуют о том, что глубина падения производства и снижения ВВП в республиках Южного Кавказа, особенно в Грузии, несколько преувеличены, хотя истинные масштабы этих изменений вряд ли могут быть определены при нынешнем уровне наших знаний и наличии материалов первичного статистического учёта.

Как было отмечено ранее, падение производства товаров и услуг, которое отражает индекс ВВП, закончилось в Армении в 1993, в Грузии в 1994 г. и в Азербайджане в 1995 г. После этого в каждой из стран Южного Кавказа наблюдался процесс восстановительного экономического роста. В Азербайджане на протяжении 1996–2012 гг. наблюдался непрерывный процесс увеличения производства ВВП. В Грузии можно констатировать аналогичную динамику этого обобщающего показателя, которая была прервана лишь однажды – в 2009 г. В отличие от этих двух стран, в Армении последствия мирового экономического кризиса нашли свое отражение в резком снижении ВВП. В 2009 г. этот показатель уменьшился на 14 %, и

[1] Только производство мяса в Азербайджане и Армении, по официальным данным, уменьшилось почти вдвое. – *Прим. авт.*

несмотря на последовательный рост в дальнейшем, к концу 2012 г. здесь не был достигнут уровень 2008 г.

Такова общая характеристика динамики ВВП в каждой из трёх республик Южного Кавказа. Как свидетельствуют данные табл. 3.1, восстановительный период, в ходе которого был достигнут и даже превзойдён максимальный показатель 1991 г., закончился в Армении в 2003 г., когда индекс ВВП увеличился (по сравнению с 1991 г.) на 8-9 %, в Азербайджане – в 2005 г., когда величина ВВП превысила этот уровень на 11-12 %. Восстановительный экономический рост, в результате которого был достигнут и превзойден уровень производства ВВП 1989 г., в Армении закончился в 2004 г., а в Азербайджане – в начале 2006 г. В Грузии в 2012 г. индекс ВВП, по официальным данным, составил 99 % от уровня 1991 г. и не превышал 67 % от уровня 1989 г.

Анализ ситуации в республиках Южного Кавказа показал, что экономический кризис здесь начался в 1990 г. и продолжился (в т.ч. углублялся) в 1991 г. Снижение ВВП на протяжении этих двух лет – реальная динамика, которую вряд ли можно подвергнуть сомнению. Но каковы масштабы этого снижения, и в какой степени статистика того времени и последующие перерасчёты могли уловить контуры формирующегося неформального («теневого») сектора экономики? Дать точный ответ на этот вопрос не представляется возможным при нынешнем уровне наших знаний.

После завершения восстановительного роста Азербайджан, Армения и Грузия развивалась в основном на рыночной основе и в условиях функционирования сформировавшихся к тому времени экономических и политических институтов. Все три республики были уже интегрированы в систему мирохозяйственных связей. Однако их дальнейший экономический рост характеризовался действием как сходных, так и различных условий и факторов.

К сходным факторам относится, прежде всего, очень высокая степень зависимости от внешних поступлений в виде помощи, иностранных

инвестиций, переводов мигрантов и т.п. Для всех трёх республик оставались характерными межгосударственные и внутригосударственные (Грузия) конфликты, время от времени достигавшие опасного обострения. И хотя период едва ли не перманентной экономической и политической нестабильности 1990-х гг. постепенно уходил в прошлое, приходится признать, что основные («базовые») противоречия оставались нерешенными.

Вместе с тем, экономический рост каждой из республик отличался специфическими особенностями. Так, Азербайджан, как страна, опирающаяся на экспорт энергоносителей, т.е. нефти (а в последние годы и газа), в период роста их добычи (а также и особенно резкого повышения цен на нефть в 2000-е гг.), в 2000-2004 гг. добился высоких ежегодных темпов роста – от 10 до 11 %. В 2005-2007 гг., т.е. в период высоких цен на нефть, официальные темпы экономического роста достигали даже 25-34 %. Однако в последующем, в условиях мирового кризиса, в Азербайджане зафиксировано резкое снижение темпов роста с 25 % в 2007 г. до 10-9 % в 2008-2009 гг., 5 % в 2010 г. и прямого прекращения роста в 2011 г. В 2012 г. было зафиксировано увеличение ВВП примерно в 2 %. Но период 2008-2012 гг. можно характеризовать понижательной тенденцией. По-видимому, модель экономического роста, базирующегося, главным образом, на экспорте нефти и газа, исчерпала заложенный в ней потенциал. В целом же, к 2013 г. экономический потенциал Азербайджана увеличился (по данным официальной статистики) примерно в 2,5 раза. Однако высокий уровень зависимости от внешнего спроса и уровня цен на нефть и газ фактически предопределяет относительную неустойчивость основных макроэкономических показателей. Очевидно, что стране придется постепенно переходить на путь более диверсифицированной экономики.

В отличие от Азербайджана, Армения не располагающих крупными запасами нефти и газа. Кроме того, на протяжении всего этого времени страна находилась в условиях экономической блокады со стороны Азербайджана и Турции. Это ограничивало процесс её экономического

развития. Нерешенность межгосударственного конфликта с Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха отвлекает значительные средства в виде военных расходов. Сильнейшая зависимость от поступления финансовых средств извне сказывалась на экономическом положении страны в период общего ухудшения мировой экономической обстановки в конце 2000-х гг. В свете этих обстоятельства и следует оценивать итоги экономического развития Армении на протяжении всего периода её независимого развития.

Как показано в табл. 3.1, падение производства в Армении в 1992 г. было бóльшим, чем в Азербайджане. Однако и закончилось оно раньше – в 1993 г. В дальнейшем, вплоть до 2009 г., т.е. на протяжении 15 лет, в стране наблюдался восстановительный, а затем и поствосстановительный экономический рост. Его темпы, при всех колебаниях (от 3-5 % в 1997, 1999, 2000, 1994 и 1996 гг. до 13-14 % в 2002-2010 гг.), были весьма высокими – среднеарифметический показатель за период с 1994 по 2008 гг. составил 8,9 %. Однако в 2009 г. (когда проявилось действие мирового финансово-экономического кризиса) в Армении, по официальным данным, ВВП снизился примерно на 14 %. Дальнейшая его динамика, оставаясь положительной, тем не менее, даже к 2012 г. не обеспечила восстановление максимального уровня производства, зафиксированного в 2008 г.

Таким образом, в Армении в условиях независимого развития наблюдалось два кризиса. Первый из них был особенно глубоким: падение производства продолжалось на протяжении двух лет, а восстановительный период охватил 15 лет. Второй экономический кризис характеризовался прямым падением производства на протяжении одного года, но восстановительный период завершился через три года после его начала (так как в 2013 г. экономический рост составил около 3,5 %).

Экономическое развитие Грузии в условиях независимости происходило крайне неравномерно. На протяжении трех лет – с 1992 по 1994 гг. – в стране продолжался глубокий экономический кризис. В дальнейшем, на протяжении 14 лет наблюдался рост ВВП, причём среднегодовой темп его

достигал 6,6 % (т.е. был достаточно высоким по любым критериям). Эта тенденция была прервана падением производства товаров и услуг в 2009 г. На наш взгляд, здесь сыграли свою роль последствия не только мирового финансово-экономического кризиса, но также военного конфликта 2008 г. На протяжении следующих трёх лет экономический рост возобновился, причем его средний темп достиг примерно тех же показателей, которые были характерны для 1995-2008 гг.

Таким образом, согласно официальным данным, к 2012 г., т.е. за время независимого развития на протяжении двадцати одного года, ВВП Азербайджана увеличился примерно в 2,5 раза, Армении – в 1,85 раза, а в Грузии – (почти) достиг уровня 1991 г.

Наряду с данными об изменениях всего ВВП, не менее, а пожалуй, еще более важное значение имеет его динамика в расчёте на душу населения. В типологически близких странах, где действуют одинаковые или сходные закономерности, характеризующие изменения численности населения, кривая подушевого ВВП обычно повторяет линии всего ВВП. Однако формируется существенно иная конфигурация каждой из этих кривых, если в изучаемых странах на протяжении определенного периода численность населения изменяется по-разному. Именно такое положение сложилось в 1990-х и 2000-х гг. на постсоветском пространстве. Здесь чётко различаются две группы стран. В одной численность населения в целом обнаруживала тенденцию к сокращению или стагнации, а в другой – демонстрировала сравнительно высокие темпы роста.

Как при анализе динамики ВВП, тут имеет смысл использовать данные, относящиеся к 1992-2012 гг. (т.е. периоду независимого развития постсоветских республик; базовым берётся 1991 г.) и к 1990-2012 гг. (в качестве базового берётся 1989 г.). При изучении ВВП такое деление объяснялось в первом случае, началом независимого развития после краха СССР, а во втором – началом экономического кризиса в СССР и снижением ВВП. При изучении численности населения выбор второго варианта (при

котором базовым становится 1989 г.), учитывает важный дополнительный фактор. В 1989 г. была проведена последняя всеобщая перепись населения СССР. С её результатами правомерно сравнивать итоги последующих всеобщих переписей, проведенных (хотя не везде в одинаковое время) в большинстве постсоветских республик, в том числе новых независимых государствах Центральной Азии и Южного Кавказа. Официальные данные по численности населения и индексам соответствующих показателей этих и других стран-членов СНГ приводятся в табл. 3.3, 3.4 и 3.5.

Ранее, при анализе показателей всего ВВП, отмечалось, что их нельзя рассматривать как достаточно точные. К сожалению, данные о численности населения также отличаются особенностями, не позволяющими сделать вывод об их полном соответствии реальной ситуации в изучаемых странах. Дело в том, что в межпереписной период (например, 1989-1999-2009 гг.) в некоторых республиках учёт численности населения сталкивался с рядом трудностей. В 1990-е и в 2000-е гг. практически во всех государствах на постсоветском пространстве огромные масштабы приобрела межгосударственная миграция населения. Конечно, и в пределах СССР большие группы людей переезжали на постоянное или временное жительство из одной республики в другую. Однако это происходило в рамках единого централизованного государства. После 1991 г. указанные процессы характеризовали уже межгосударственную миграцию. В новых условиях было крайне трудно учитывать изменения численности ***постоянного*** населения, и отличать его от ***фактического*** на протяжении каждого данного года. К тому же на протяжении более или менее длительного периода такие передвижения населения происходили в условиях безвизового режима, да и учёт мигрантов опирался нередко на косвенные характеристики этого процесса.

Проведение последующих переписей населения также наталкивалось на серьезные трудности. Во-первых, далеко не всегда переписчики достаточно квалифицированно выполняли требования официальных

регламентов. Во-вторых, переписчикам не всегда удавалось встретиться с людьми, проживающими в той или иной квартире, доме и т.д. В-третьих, нередко оставалось неясным, как фиксировать отсутствующего в данный момент члена семьи (домохозяйства): как постоянного жителя данной страны или лица, покинувшего её навсегда либо на длительное время и фактически ставшего жителем другого государства. Надо также добавить, что текущий учет рождений и смертей в эти смутные годы не отличался особой точностью. Поэтому первичные данные статистического учёта в период между всеобщими переписями населения в ряде стран в дальнейшем уточнялись, а в некоторых случаях существенно корректировались.

В целом же, имеющиеся к настоящему времени в нашем распоряжении (не раз корректировавшиеся) данные о динамике численности населения в странах-членах СНГ и Грузии, пожалуй, дают адекватное представление об основных тенденциях. При этом чётко выявляются отмеченные ранее различия, характеризующие две группы стран. В Армении, Беларуси, Грузии, Молдове, России и Украине к концу изучаемого периода, т.е. в 2012 г., население уменьшилось, по сравнению с 1991 г. и с 1989 г. В Азербайджане, Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане, оно, напротив, существенно увеличилось. Особое место занимает Казахстан, где до 2010 г. общая численность населения оставалась ниже показателей и 1991, и 1989 гг. и лишь начиная с 2011 г. был превзойден прежний максимальный показатель численности населения, достигнутый в 1992 г. Серьезные и обоснованные сомнения вызывают официальные данные о демографическом росте в Туркменистане. Согласно этим показателям, за пять лет, т.е. с 1990 по 1995 гг., численность населения этой страны возросла почти на 23 %. Это представляется крайне маловероятным, так как ежегодный прирост в подобном случае должен был составлять более 4 %. В международной статистике публикуются данные, согласно которым население Туркменистана в 1991 г. составляло менее 4 млн человек, в 2000 г. – 4,5 млн. человек, а в 2010 г. – около 5 млн человек. Таким образом, с 1991 по 2010 гг.

население Туркменистане могло увеличиться примерно на 25-26 %. Эту цифру можно сопоставить с аналогичными показателями по Таджикистану (40 %) или Узбекистану (36 %). Окончательный ответ на вопрос о том, каковы реальные параметры динамики численности населения Туркменистана в 1991-2010-2012 гг. можно будет получить только после проведения в этой стране Всеобщей переписи населения либо репрезентативных выборочных обследования населения и публикации их результатов. Поэтому все расчёты и оценки о динамике подушевых показателей ВВП по Туркменистану еще менее точны, чем по всем другим республикам Центральной Азии и Южного Кавказа.

Подробный анализ изучаемых показателей свидетельствует, что прямое сокращение численности населения наблюдалось: в Армении в 1993-2003 гг. (на 10,2 %); в Грузии в 1993-2004 гг. на 20,9 % (!); в Казахстане с 1992 по 2002 гг. на 10 %. В России, по официальным данным, с 1993 по 2009 гг. численность жителей сократилась примерно на 4,5 %, а в Белоруссии – с 1994 по 2012 гг. – примерно на 7,5 %. Учитывая не слишком высокий уровень точности всех этих цифр, можно, тем не менее, полагать, что в Армении и Грузии на смену непрерывному сокращению общей численности населения к середине – второй половине 2000-х гг. пришла тенденция к возвращению его естественного прироста. В Казахстане сокращение численности населения наблюдалось «только» в 1993-2002 гг., а в дальнейшем происходило возрастающим темпом увеличение его численности. В России, где на протяжении более двадцати лет наблюдался постоянный приток «официальных» и «нелегальных» мигрантов, цифры, характеризующие динамику постоянного населения позволяют сделать вывод, что в 2010-2012 гг., возможно, показатель общей численности населения не претерпевал существенных изменений.

В отличие от перечисленных выше стран в Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане можно констатировать непрерывное увеличение численности населения.

Не вызывает сомнений, что наивысших показателей этот процесс достиг в Таджикистане. Там, несмотря на длительную гражданскую войну, серьезные масштабы внутригосударственных и межгосударственных миграций, численность населения страны в 1991-2012 гг. увеличилась на 40-45%, а в 1989-2012 гг. – на 45-50 %. Вилка между этими значениями отражает численность мигрантов, находившихся в 2010-2012 гг. за пределами страны. Примерно такими же оказались итоги роста численности населения Узбекистана; здесь, по-видимому, в 2012 гг. она увеличилась (с учётом миграции) на 45-50 %, по сравнению с 1989 г. и примерно на 40 % после 1991 г. В Киргизии в 2012 г. общая численность населения, по официальным данным, возросла на 25 % по сравнению с 1991 г. и примерно на 30 % по сравнению с 1989 г. (а с учётом миграции, соответственно, на 4,5 п.п. меньше).

Немалый интерес представляет изучение динамики численности населения в Азербайджане. Здесь, по официальным данным, в 2012 г. численность населения увеличилась почти на 28 % по сравнению с 1991 г., и на 31-32 %, по сравнению с 1989 г. Однако эти показатели вызывают сомнения. Дело в том, что сопоставление соответствующих данных свидетельствует: индикаторы общей численности населения в каждом последующем году были примерно равны сумме данных о численности населения в предыдущем году и сальдо его естественного прироста. Если такая ситуация, действительно, имела место, пришлось бы признать, что на протяжении 1990-х и 2000-х гг. показатели общей численности населения не учитывали возраставшей межгосударственной миграции, в результате которой, по различным оценкам, численность мигрантов, постоянно находившихся за пределами республики, оценивалась примерно в 1-1,5 млн человек. Эти данные (если они верны) характеризуют как число лиц, выехавших из страны на постоянное место жительства (причем, немало их сохраняли двойное гражданство), так и временных мигрантов-«челночников», более или менее регулярно курсирующих между

Азербайджаном, Россией, Турцией, другими странами Восточной и Западной Европы и Северной Америки. Ввиду отсутствия точных данных о таких мигрантах, можно констатировать, что официальные данные об общей численности населения Азербайджана, по-видимому, завышают реальные цифры находящихся постоянно на территории страны её жителей.

Анализ материалов о динамике численности населения стран Центральной Азии, Южного Кавказа и России позволил сделать важный вывод о том, что выделяются две группы государств, в которых этот процесс развивался в прямо противоположных направлениях: в одних государствах население возрастало, а в других – сокращалось. В таких условиях динамика подушевых показателей ВВП также изменялась в указанных двух группах стран в противоположных направлениях. В тех государствах, где население **сокращалось**, индексы динамики подушевого ВВП оказывались **выше** аналогичных данных по всему ВВП. В странах, где численность населения **увеличивалась**, динамика подушевого ВВП оказывалась **ниже** аналогичных индексов всего ВВП (см. табл. 3.1 и 3.2).

Перейдем к анализу конкретной ситуации в каждом из двух изучаемых регионов. Как и в предыдущих случаях, представляется целесообразным исследовать динамику подушевого ВВП в двух вариантах. В первом случае в качестве базового используем 1991 г., совпадающий с началом самостоятельного развития изучаемых стран. Во втором – 1989 г., когда был достигнут максимум производства ВВП в СССР. Ситуация в разных республиках имела определенные особенности. Так, максимум ВВП в некоторых из них мог приходиться не на 1989 г., а например, на 1990 г. (Киргизия, Туркменистан). Но поскольку эти различия незначительны и мера точности (или неточности) всех этих данных остаётся не слишком определенной, подобными различиями можно пренебречь, поскольку они принципиально не меняют общей картины.

Анализ соответствующих индикаторов по Азербайджану показал, что на протяжении всего изучаемого периода самостоятельного развития этой

страны индекс подушевого ВВП оказывался существенно ниже величины аналогичного показателя по всему ВВП. Различия между двумя индексами обнаруживали тенденцию к увеличению, причём этот показатель возрастал нарастающим темпом. Например, если в 1992 г. разница не превышала одного процентного пункта, то в 1995 г. она достигала почти 2,5 п.п., к 2000 г. увеличилась до 6 п.п., а в 2012 г. составила более 53 п.п. (!). В итоге, в 2012 г., по официальным данным, индекс ВВП, по сравнению с 1991 г., вырос в 2,44 раза, тогда как подушевой ВВП – «лишь» в 1,9 раза.

В Армении можно констатировать аналогичную тенденцию, но с «обратным знаком»: индекс подушевого ВВП, начиная с 1993 г. неизменно оказывался выше аналогичного показателя по всему ВВП и разница увеличивалась нарастающим темпом до 2008 г. включительно. Однако, начиная с «кризисного» 2009 г., индекс резко сократился на 26 п.п. (!), тогда как численность населения (по официальным данным) даже несколько увеличивалась и продолжала увеличиваться в дальнейшем. В итоге разрыв в величинах индексов всего и подушевого ВВП в Армении, в 1993 г. не превышавший 1,7 п.п., увеличился в 1995 г. почти до 7 п.п., в 2000 г. – до 8 п.п., а в 2008 г. достиг даже 20 п.п. (!). В дальнейшем, однако, по указанным причинам, он сократился, но по-прежнему достигал 16-17 п.п. в 2009-2012 гг.

В итоге, можно констатировать: если в Азербайджане в 2012 г. индекс подушевого ВВП составил около 191 % к уровню 1991 г., то эта цифра оказалась на 53 п.п. **ниже** индекса всего ВВП. В Армении индекс подушевого ВВП, увеличившийся вдвое по сравнению с уровнем 1991 г., был на 17 % **выше** аналогичного показателя по всему ВВП. Таков был итог разнонаправленного изменения численности населения в обеих странах за период с 1991 по 2012 гг. Но эти существенные различия окажутся реальными, только если в их основе лежат верные данные официального учёта численности населения в обеих странах. Если же учесть возможное завышение реальной численности населения в Азербайджане и в Армении, т.е. «недоучёт» той части населения, которая на протяжении каждого данного

года (например, 2012 г.) находилась за пределами своей страны, то динамика подушевого ВВП Азербайджана и, в меньшей степени, Армении даст более высокие показатели в обеих странах. К сожалению, на данной стадии изучения проблемы невозможно сделать окончательный вывод. Поэтому укажем только на необходимость в дальнейшем (в случае появления более точных сведений) корректировки этих статистических индикаторов.

Анализ соответствующих материалов (табл. 3.1 и 3.2) свидетельствует: если в качестве базового выступает 1989 г. – год максимального производства ВВП и год последней Всесоюзной переписи населения – все показатели изменяются существенно. Это связано с тем, что в обеих странах, как отмечалось ранее, уже в 1991 г. производство ВВП сократилось по сравнению с 1989 г. на 12-13 % в Азербайджане и на 16-17 % – в Армении. В то же время численность населения в обеих республиках, по официальным данным, продолжала увеличиваться. Поэтому в 1989-1991 гг. подушевой ВВП в Азербайджане сократился почти на 15 %, а в Армении – почти на 20 %; в обеих республиках эти показатели в 1991 г. были ниже индекса всего ВВП.

Анализ итогов экономического развития Азербайджана и Армении за период с 1989 по 2012 гг. показал: индексы подушевого ВВП и в Азербайджане (162,8 %) и в Армении (162,7 %) изменились практически одинаково. Разумеется, этот вывод будет справедлив, только если в его основе лежат правильные данные о динамике всего и подушевого ВВП.

Таким образом, за 23 года, прошедших после 1989 г., если судить по материалам официальной статистики обоих государств, подушевой ВВП и в Азербайджане, и в Армении увеличился примерно на 63 %. Простое сравнение этих цифр может привести к выводу об одинаковых результатах экономического развития обеих стран; точнее о том, что в 2012 г. соотношение абсолютных величин подушевых показателей ВВП в Азербайджане и Армении стало примерно таким же, как и в 1989 г. Однако такое заключение было бы совершенно ошибочным. Дело в том, что в 1989 г.

обе республики входили в состав СССР. Их обобщающие экономические показатели (национальный доход или ВВП) измерялись в единой валюте – советских рублях – и в соответствии с едиными ценами на товары и услуги, которые были, однако, не «рыночными», а «административными». И ВВП, и национальный доход в союзных республиках рассчитывались именно по этим ценам, а сами товары и услуги распределялись и перераспределялись между республиками, опять-таки в результате административных решений высших партийно-государственных властей СССР. К 2012 г. положение радикально изменилось. Азербайджан и Армения стали независимыми государствами. Их экономики всё больше интегрировались в систему мирохозяйственных связей. В каждой стране функционирует национальная валюта, а цены на товары и услуги на внутреннем рынке и во внешней торговле формируются и изменяются на рыночной основе.

В связи с этими обстоятельствами, для подтверждения или опровержения вывода о сходных результатах развития Азербайджана и Армении (сделанного на основании формально одинаковых индексов темпах роста подушевых ВВП), становится очевидной необходимость сравнения подушевых ВВП двух стран с учётом реальной покупательной способности национальных валют. Такое сопоставление, как показано в следующем разделе данной главы, даёт совершенно иную картину. По-видимому, причиной расхождений между результатами двух сравнений является то, что при использовании одних только данных о ежегодных темпах роста ВВП не в полной мере учитываются многообразные структурные сдвиги в экономике обеих стран, которые в условиях быстрого перехода от административно-командной к рыночной системе, во многих случаях почти неизбежно становились радикальными изменениями.

Анализ динамики подушевого ВВП в Грузии в общем воспроизводит охарактеризованную выше ситуацию в Армении. Специфичной особенностью является то, что даже по официальным данным, население Грузии сократилось к 2003 г. почти на 21 %, тогда как соответствующий

показатель по Армении не превышал 10-11 %. В остальном проявилась та же тенденция к нарастающему увеличению разрыва между индексами всего и подушевого ВВП. Если в 1993 г. он не достигал и одного п.п., то в 1996 г. увеличился до 6-7 п.п., в 2000 г. – до 11 п.п., а в 2012 г. – достиг уже 21 п.п. Иначе говоря, если по нашим расчётам, основанным на данных официальной статистики, ВВП Грузии в 2012 г. вновь «достиг» уровня 1991 г., то его подушевой показатель оказался на 20 % выше; по этим же данным, уровень подушевого ВВП вернулся к показателю 1991 г. уже в 2007 г.

Если сопоставить данные по трём республикам Южного Кавказа, то окажется, что восстановительный период относительно уровня 1991 г. с точки зрения динамики подушевого ВВП, завершился в Азербайджане в 2005-2006 гг., в Армении – в 2001-2002 гг. и в Грузии – в 2007 г. Если рассмотреть весь период с 1989 г., то в отличие от Азербайджана и Армении, в Грузии даже в 2012 г. подушевой ВВП, по нашим расчётам, основанным на официальных данных, оставался на 20 % ниже показателя базового года. Следует повторить, что данные, согласно которым ВВП страны сократился с 1989 по 1994-1995 гг. в четыре раза, на наш взгляд, явно преувеличены. Но и в таком случае можно констатировать: восстановительный период в Грузии оказался гораздо более продолжительным, чем в Азербайджане и Армении, а его окончание, на данной стадии изучения проблемы, остаётся неопределенным; здесь многое будет зависеть от того, какой окажется более реалистическая оценка величины индекса всего и подушевого ВВП в 1994-1995 гг.

В странах Центральной Азии – Киргизии, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – индекс подушевого ВВП ввиду неуклонного роста населения этих стран оказывался ниже аналогичных данных по всему ВВП. Здесь наблюдалась та же тенденция, что и в Азербайджане: сначала различия, а затем и разрыв между показателями всего и подушевого ВВП всё более увеличивались. Так, например, если в Киргизии в 1990 г. величина различий между индексом всего и подушевого ВВП не превышала 2,4 п.п., то

к 1995 г. она увеличилась до 3,2 п.п., к 2000 г. – почти до 10 п.п., а в 2012 г. достигла уже 25 п.п. (см. табл. 3.1 и график на рис. 3.1).

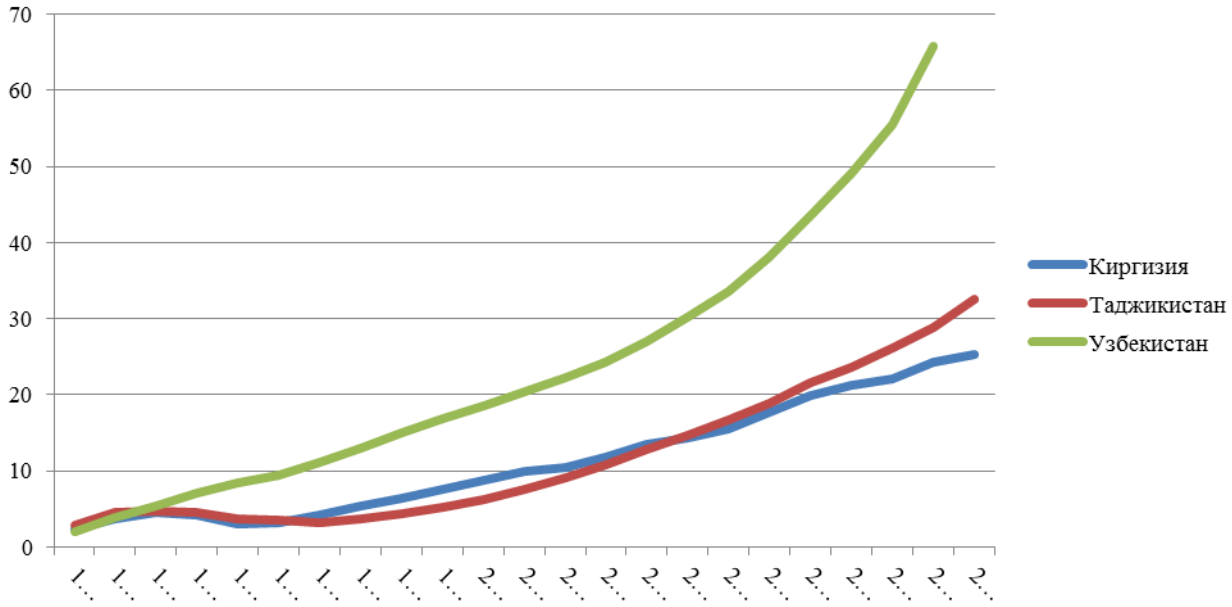

Рис. 3.1. Разница между индексами всего и подушевого ВВП в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане в 1990-2012 гг., п.п.

Однако темпы роста населения, равно как и ВВП, в Киргизии были ниже, чем в Таджикистане или Узбекистане. Анализ соответствующих показателей в Узбекистане выявил довольно высокие (по официальным данным), устойчивые темпы роста производства товаров и услуг. Здесь в 1990 г. индекс подушевого ВВП был ниже аналогичного показателя по всему ВВП на 2 п.п., но уже к 1995 г. различия между ними достигло 9,5 п.п., к 2000 г. этот разрыв увеличился до 18,6 п.п., а к 2011 г. – составил 65,8 п.п. По нашим расчётам, это (к настоящему времени) – максимальный показатель, характеризующий величину расхождения между двумя индексами на пространстве бывшего СССР. Аналогичная тенденция оказалась характерной и для динамики обоих индексов в Таджикистане: в 1990 г. расхождение не превышало 2,9 п.п., в 1995 г. оно увеличилось до 3,5 п.п., в 2000 г. – до 6,3 п.п., но к 2012 г. разрыв составил уже 32,5 п.п.

Все статистические данные по Туркмении, касающиеся ВВП, по ряду причин отличаются еще меньшей точностью, репрезентативностью и

сопоставимостью (во времени и пространстве), чем в других странах-членах СНГ.

Для анализа в качестве основных источников сведений использованы: статистические публикации СНГ (данные за 1990-1991) [1], МВФ (данные за 1992-1998 гг.) [2], расчёты Л.А. Фридмана (данные за 1999-2007 гг.) [3], а также официальные и неофициальные расчёты и оценки за 2008-2012 гг.[4] На их основе можно сделать предположения относительно величины индекса ВВП Туркмении в 2012 г. по сравнению с 1989 г.

По нашей оценке, за 23 года ВВП Туркмении мог увеличиться примерно вдвое; численность населения страны возросла примерно на 25-26 %. В таком случае подушевой ВВП Туркмении увеличился к концу этого периода примерно на 60 % (а если учесть весьма высокие темпы экономического роста страны в последние 5-7 лет, возможно, и в несколько бóльших масштабах).

Однако речь идёт не более чем о грубой предварительной оценке результата экономического развития страны, которая после появления новых репрезентативных данных и расчётных показателей, характеризующих динамику обобщающих индикаторов экономического развития Туркмении в условиях независимости, потребует пересмотра.

Особое место среди стран Центральной Азии, в контексте интересующей нас проблемы, занимает Казахстан. Здесь в 1990-1994 гг. индекс подушевого ВВП, как и в других республиках Центральной Азии, оставался ниже аналогичного показателя по всему ВВП. Впрочем, разница в величине обоих индексов оставалась совершенно незначительной – не

---

[1] См., напр.:Мир в цифрах: статистический сборник // Статкомитет СНГ. – М.: Финстатинформ, 1993. – С. 5; Экономика Содружества независимых государств: краткий справочник // Статкомитет СНГ. – М.: Финстатинформ, 1993.

[2] Havrylyshyn O., Wolf T., Izvorski I. and Van Rooden R. Growth Experience in Transition Countries 1990–1998 (IMF Occasional Paper 184) / International Monetary Fund. – Washington: DC, 1999 – P. 5.

[3] Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. – М.: Гуманитарий, 2008.

[4] Данные о динамике ВВП Туркмении за 2011-2012 гг. опубликованы на официальном сайте Статкомитета СНГ. – *Прим. авт.*

превышала 1,3 п.п., т.е. находилась, по существу, в пределах статистической ошибки. Но главное не в этом: данные о динамике численности населения вызывают определенные сомнения, поскольку в это время уже происходила эмиграция значительной части населения (в основном славянского, а также немецкого) в Россию и Германию. Многие из уехавших в тот период, по-видимому, оставались «прописанными» там, где они жили раньше, поскольку общие перспективы экономического развития и социально-политического положения в республике, как, впрочем, и в других новых независимых государствах на постсоветском пространстве, были достаточно неопределенными. Поэтому только во второй половине 1990-х гг. стало очевидным продолжение и расширение миграционных процессов. В результате общая численность населения страны сокращалась, и в 2002 г. не превышала 90,8 % от уровня 1991 г. (91,7 % от уровня 1989 г.).

Начиная с 1996 г. и вплоть до 2012 г. (единственный «перерыв» произошел в 1998 г.) производство товаров и услуг непрерывно увеличивалось, тогда как численность населения до 2002 г. (включительно) продолжала сокращаться. В итоге, начиная с 1995 г. индекс подушевого ВВП впервые превысил аналогичный показатель по всему ВВП; впрочем, разница между соответствующими величинами (теперь уже «в пользу» подушевого ВВП) в 1995 г. не превышала 0,9 п.п. К 2002 г. различие между двумя индексами составило 7,7 п.п. Своего максимума этот показатель достиг в 2004 г., когда он увеличился до 8,6 %. В дальнейшем его величина начала неуклонно уменьшаться и в 2012 г. не превышала уже в 2010 г. 1,6 п.п. При этом индекс подушевого ВВП по-прежнему оставался выше аналогичного показателя по всему ВВП. Однако в 2011 и 2012 гг. положение вновь изменилось: население Казахстана обнаружило отчётливую тенденцию к увеличению, поэтому индекс подушевого ВВП впервые (если судить по официальным данным) после 1994 г. вновь оказался ниже аналогичного показателя всего производства товаров и услуг, причем разница между ними составила 4,9 п.п. Таким образом, ситуация в Казахстане, по официальным

данным о динамике ВВП и численности населения, на протяжении всего изучаемого периода, претерпевала разнонаправленные изменения. В результате в 1990-1994 гг. индекс подушевого ВВП оставался ниже индекса всего ВВП, в 1995-2010 гг. – был выше его, а в 2011 и 2012 гг. их соотношение вновь вернулось к ситуации 1990-1994 гг. Всё это следует учитывать при анализе экономического развития Казахстана в 1990-2012 гг.

3.2 Страны Центральной Азии и Южного Кавказа в окружающем мире (1990-2012 гг.)

Исследование изменений основного макроэкономического индикатора путём анализа его динамики на протяжении периода независимого развития каждой из изучаемых стран позволило получить представление о том, насколько успешно развивалась экономика каждой из республик Центральной Азии и Южного Кавказа, по сравнению с последними годами существования в рамках СССР. Другая важная задача – определение соотношения экономических размеров бывших советских республик относительно друг друга, а также их места и положения в геоэкономической картине мира. Одних только темпов роста ВВП для анализа подобного рода недостаточно. При таком подходе недостаточно хорошо учитываются (а нередко просто игнорируются) различные структурные изменения и многообразные ценовые сдвиги, которые в условиях перехода от плановой (административно регулируемой) к рыночной системе организации народного хозяйства, во многом и определили текущее положение каждой из рассматриваемых стран в окружающем мире.

Наиболее ценные источники сведений при прямом сравнении экономических потенциалов и общих уровней развития государств – раунды Программы международных сопоставлений. Важнейшим из всех состоявшихся к началу второго десятилетия XXI в. является раунд ПМС 2005 г. До введения в научный оборот данных раунда 2011 г. на них базировались цифры о величине ВВП большинства стран мира. Хотя до 2011 г. всемирных раундов не было, в 2008 г. был проведен очередной «региональный» раунд. В его рамках по методике ПМС рассчитаны величины ВВП для группы стран (по принятой в рамках ПМС классификации) «ОЭСР[1]-Евростат», **в том числе и пяти стран СНГ** (см. табл. 3.6). Эти данные будут использованы нами в дальнейшем для анализа.

[1] Организация экономического развития и сотрудничества

Как видно из этих данных, итоговые цифры раунда ПМС 2008 г. выше предварительных расчетов ВБ, причем разница «в пользу» ПМС была у Армении – 16,2 %, Белоруссии – 26,3 %, Казахстана – 34,1 %, Киргизии – 23,2 %; подушевой ВВП России оказался выше предыдущих расчётов на 26 %.

После того, как в 2011 г. были опубликованы результаты «регионального» раунда ПМС 2008 г., многие исследователи, использовавшие базу данных ВБ, были удивлены резким повышением этого показателя, тем более, что специалисты МВФ, Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета и ЦРУ не сочли необходимым и возможным обновить свои прежние оценки на основе итоговой цифры ПМС.

Данные по Армении, Белоруссии, Казахстану и Киргизии не были обновлены даже в материалах ВБ, а тем более – других международных организаций. Все последующие расчёты, относящиеся к 2009, 2010, 2011 и 2012 гг. по этим странам, а также другим странам-членам СНГ, не принимавшим участия в раунде 2008 г., по-прежнему рассчитывались без учёта структурных сдвигов и изменений ценовых пропорций, которые отражаются только в результатах каждого очередного раунда ПМС.

Как уже отмечалось, по всем странам-членам СНГ-участницам раунда 2008 г. итоговые цифры ПМС оказались значительно выше предыдущих оценок. Новая, повышенная на 26 % величина подушевого ВВП России привлекла большое внимание, в том числе и потому, что если раньше этот показатель (и в 2005 и в последующие годы) оказывался меньше величин аналогичных индикаторов (например, в Литве, Латвии и Польше), то в 2008 г. (а также 2009, 2010 и 2011 гг.), по данным ВБ он уже превосходил величины аналогичных индикаторов по Литве и Латвии и практически не отличался от подушевого ВВП Польши. При рассмотрении проблемы эффективности тех или иных реформ в странах, совершивших переход от командно-административной к рыночной экономике, часто приводят

сравнения результатов этих реформ, выражающихся в динамике ВВП и сопоставлении его показателей в различных странах. Если следовать этому формальному критерию, придётся признать, что итоги развития Польши и России в 1990-2008 гг. (а также 2009, 2010, 2011 гг.) вполне сопоставимы. Между тем, Польша включена экспертами ВБ **в число стран с высоким уровнем доходов** еще в 2009 г., тогда как Россия была отнесена к этой группе только в июле 2013 г. Впрочем, важно иметь в виду, что классификация государств по уровню подушевого ВНД по методике ВБ до сих пор осуществляется **не по показателям ППС валют**, а по данным, основанным на использовании **обменного курса валют**. Например, и в 2008 и, в 2011 гг. подушевой ВНД РФ по обменному курсу составлял соответственно 9 710 и 10 810 долл. США и был ниже, чем в Польше (11 870 и 12 340 долл. США), Латвии (12 020 и 13 300[1] долл. США) и Литве (12 000 и 13 000 долл. США). В 2012 г. величина подушевого ВВП РФ (12 700 долл. США) немного превысила уровень этого индикатора в Польше (12 660 долл. США), однако, по-прежнему, оставалась ниже аналогичных показателей Латвии (14 200 долл. США) и Литвы (13 920 долл. США).

Остаётся непонятным, почему эксперты ВБ и специалисты других организаций не повысили соответствующие цифры для Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии. Возможно, в этом проявилось их недоверие к точности коэффициентов ППС, полученных в ходе раунда ПМС 2008 г. по этим странам. Не исключена и такая причина, как банальный «недостаток внимания» к этим странам.

Отметим также, что Э. Мэддисон практически по всем странам Центральной Азии и Южного Кавказа и на 2008 г. и для почти двадцати предыдущих лет постоянно давал более высокие оценки, чем ВБ, МВФ и специалисты Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета. По-видимому, это связано с тем, что еще в 1990 г. Э.

[1] Единственное исключение, объясняющееся особенно глубоким снижением ВВП в кризисном 2009 г., по масштабам которого (т.е. **снижения**) эта страна заняла отнюдь не почетное, а скорее печальное **первое место в мире**!

Мэддисон привёл явно завышенные (табл. 3.8) показатели по всем (кроме России) республикам СССР. В результате отношения между подушевым ВВП России (РСФСР) и указанных республик в его расчетах оказались выше не только всех тех, которые давались советскими статистиками и экспертами Статкомитета СНГ, но и оценок международных организаций. В дальнейшем, рассчитывая показатели по 1991-2008 гг. он исходил из первоначальных оценок на 1990 г., что свидетельствовало о недостаточном учёте глубоких структурных сдвигов и изменений ценовых пропорций, происходивших в этих странах в годы глубоких перемен.

Анализ динамики подушевого ВВП России по ППС валют на основе материалов ряда последовательных раундов ПМС, в которых наша страна принимала участие, выявил глубокие и разнонаправленные изменения величины этого показателя.

Если в конце 1980-х гг., по оценкам экспертов ВБ, подушевой ВВП России составлял не менее 35 % от величины аналогичного показателя США, то, по данным раундов ПМС, уже в 1993 г. он снизился до 20 %, в 1996 г. повысился до 24 %, но в 1999 г. вновь опустился до низшего кризисного уровня 18 %. Однако, после начала восстановительного экономического роста, в 2002 г., он вновь увеличился до 22 %, через три года повысился до 29 %, а еще через три года достиг 43 %, а в 2011 г. (по данным раунда ПМС 2011 г.) – 45 %. Подобные невероятно быстрые и разнонаправленные скачки этого индикатора отражают глубокую противоречивость процесса перехода от одной экономической и политической системы к другой, но связаны также с разнонаправленной и к тому же резко и быстро менявшейся динамикой цен на нефть и газ. Это приводило к столь же стремительному и резкому изменению условий внешней торговли. Но эта тема – предмет специального исследования.

Все эти цифры свидетельствуют, что положение России в окружающем мире (в той мере, в какой оно отражается в изменении приведенных показателей) на протяжении последних 20-25 лет отличалось крайней

неустойчивостью, нестабильностью, повышенной «волатильностью». Это, в свою очередь, сказалось не только на характере, особенностях и динамике собственно экономических процессов, но и повлияло на гораздо более широкий спектр политических, идеологических и иных изменений, на эмоциональную жизнь отдельных людей, социальных групп и общества в целом. Полученные в ходе международных экономических сопоставлений, результаты позволяют по-новому взглянуть на некоторые итоги экономического развития России и особенно её положения в мировом экономическом пространстве на протяжении XX в.

В начале 2000-х гг. А. Илларионов сравнил соотношение подушевых показателей России и США, а также отношение подушевого ВВП России к среднемировым величинам этого индикатора в 1913 и в 1998 гг.[1] При этом он использовал данные Э. Мэддисона и текущую экономическую статистику. По оценке А. Илларионова подушевой ВВП России в 1913 г. составлял около 28 % от аналогичного показателя в США и не более 96-98 % от среднемировой величины этого индикатора. В этой связи полезно отметить, что американский специалист по экономике России П. Грегори оценил соотношение подушевых ВВП России и США накануне Первой мировой войны как 1 к 6 (т.е. величина российского показателя составляла примерно 16-17 % от американского). Российский исследователь экономического роста Востока и Запада В.А. Мельянцев приводил оценку, согласно которой величина подушевого ВВП России в 1913 г. могла составлять от 17 до 21 % американского показателя. Л.А. Фридман полагал, что величина этого соотношения вряд ли существенно превышала 25 %[2]. Таким образом, цифра,

[1] Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000. – № 1. – С. 4–26.

[2] См. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в.). Новые подсчёты и оценки. – М.: РОССПЭН, 2003. – С. 21; Мельянцев В.А. Россия и окружающий мир: контуры развития. – М.: Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 144; Фридман Л.А. «О многовариантости международных экономических сопоставлений» в Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова Институт стран Азии и Африки, 2006. – С. 114.

приводимая Э. Мэддисоном и использованная А. Илларионовым – наивысшая оценка уровня экономического развития России в сравнении с США накануне Первой мировой войны. Заметим, что 1913 г. был, пожалуй, наилучшим в экономическом отношении во всей истории России второй половины XIX – начала XX вв. В связи с этим, выбор 1913 г. представляется удачным для сравнения. Напротив, выбор второй даты – 1998 г. – для подведения итогов развития страны на протяжении XX в., с нашей точки зрения, крайне неудачен. Это был год максимального обострения экономического кризиса переходного типа: весь и подушевой ВВП в 1998 г. оказались наихудшими показателями 1990-х гг. Использование 1998 г. в качестве итогового некорректно также и по формальным причинам: он отстоял от 1913 г. лишь на 85 лет. Более уместен для подведения итогов развития на протяжении столетия 2013 год. После болезненного и тяжелого периода перехода экономики страны от командно-административных к рыночным методам хозяйствования, подушевой ВВП РФ (по данным раунда ПМС 1999 г.) не превышал 18 % [1] аналогичного показателя США. Дальнейший период ознаменовался завершением восстановительного экономического роста, кризисом 2008-2009 гг., новым восстановительным и поствосстановительным ростом. В результате к 2013 г. подушевой ВВП РФ по данным базы данным ВБ (базирующимся на результатах глобального раунда ПМС 2011 г. и последующей экономической динамики обеих стран), достиг 45,4 % от американского. Таким образом, за 14 лет, соотношение подушевых ВВП увеличилось в 2,5 раза (!). Отметим также, что в 2013 г. подушевой ВВП России в 1,7 раза превышал среднемировой уровень этого показателя (в 1913 г. он был меньше его на 3-4 %). Иначе говоря, более корректное подведение итогов экономического развития за последние 100 лет показывает: величина, характеризующая (в первом приближении) соотношение уровней экономического развития РФ и США, не снизилась,

[1] Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999-2000 и 2002 годы: Стат. сб./ Росстат. – М., 2005. – С. 87

напротив, увеличилась примерно в 1,6 раза. Соотношение российского и среднемирового уровней ВВП возросло на 70-80 %. Рост этого показателя целиком относится к последним 13-14 годам развития России[1].

Однако, повторим, эта цифра на протяжении последних 20-25 лет отличалась разнонаправленным движением и резкими колебаниями и в значительной степени зависела от внешнеэкономической конъюнктуры, особенно от колебания цен на энергоносители (в основном нефть и газ), а также другие виды сырья и продукции его первичной обработки. К тому же, было бы неправильно ставить знак равенства между динамикой ВВП, с одной стороны, и изменениями показателя уровня жизни, равно как и демографических индикаторов, характеризовавшихся, пожалуй, еще большей противоречивостью, нестабильностью, неустойчивостью.

Ниже проанализированы интересующие нас показатели уровня экономического развития стран-членов СНГ и пограничных государств по предраундовым индикаторам на 2012 г. Ко времени подготовки данной работы необходимые сведения были доступны только по базам данных ВБ и МВФ.

Согласно этим данным, расчёты и оценки обеих международных организаций по Азербайджану, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстану, Киргизии, Молдове, Украине, Узбекистану, отчасти и по Таджикистану, либо почти полностью совпадают, либо между ними обнаруживаются сравнительно небольшие различия. Однако, как и в 2008 г., сохранились очень большие «качественные» различия между расчетами ВБ и МВФ по России. Туркмения и Узбекистан не принимали участие в раундах ПМС 2005 и 2008 гг. Поэтому все приведенные в таблице показатели по указанным государствам менее точны, чем по остальным странам-членам СНГ.

---

[1] О соотношениях величин подушевого ВВП России и США в начале XX и XXI вв. см. также: Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Содружество Независимых Государств в окружающем мире // Россия XXI. — 2013. — № 1. — С. 24–43, а также Карамурзов Р.Б. Социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.). — Москва, Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, 2014. — СС. 26-28

Существенно бóльшие различия сохраняются между расчётами ВБ и МВФ по Эстонии, Латвии, Литве, Финляндии, Венгрии, особенно, по Норвегии, Румынии, Турции. Это вызывает удивление, поскольку статистические службы, например, Финляндии или Норвегии имеют большой опыт проведения раундов ПМС.

Подушевой ВВП России по расчётам ВБ практически не отличался от польского и эстонского показателя. Все эти сравнения и выводы справедливы, если считать более обоснованной и близкой к действительности расчётную цифру ВБ. Однако все они существенно изменятся, если опираться на данные МВФ.

К частным выводам можно отнести, например, то, что сравнение подушевого ВВП Казахстана и Румынии оказывается в пользу Казахстана по оценке МВФ; напротив, при использовании данных ВБ, величина румынского показателя выше казахстанского. Но если учесть, что по данным и МВФ и ВБ оценки подушевого ВВП Казахстана занижены (поскольку не учитывают итогов раунда 2008 г.), возможно, соотношение величин индикатора двух стран по ВБ в бóльшей степени соответствует реальному положению дел. Стоит также заметить, что хотя, по данным «World development indicators» и «World economic outlook», российский подушевой ВВП выше турецкого, масштабы различий не одинаковы: по оценкам ВБ, разница между РФ и Турцией больше, чем по данным МВФ.

Особый интерес представляют масштабы различий между Россией и другими странами-членами СНГ (а также Грузией) во времени и пространстве. Нами составлена табл. 3.8, характеризующая динамику соотношений подушевых ВВП стран СНГ (и Грузии) и России с 1987-1990 по 2011 гг.

По 1990 г. приводятся данные трёх расчётов. Первый, заслуживающий, на наш взгляд, наибольшего доверия – это оценки специалистов Статкомитета СНГ. В разные годы ВВП советских республик по ППС валют независимо пытались рассчитать эксперты ВБ и Э. Мэддисон. Кроме того, на

момент составления табл. 3.8 в базе данных ВБ имелись аналогичные показатели, полученные, однако, не путём непосредственных расчётов, а методом ретрополяции величин индикаторов за последующие годы; на наш взгляд, такой подход почти неизбежно приводит к появлению не только неточностей, но и цифр, противоречащих реальной ситуации в 1990 г.

Все расчёты за последующие годы выполнены по методике ПМС и поэтому в гораздо большей степени сопоставимы. Но ввиду того, что в 2011 г. ВБ и МВФ дали резко различающиеся показатели именно по России, это наложило отпечаток и на все данные об искомых нами соотношениях подушевых ВВП России, других стран-членов СНГ и Грузии.

Перейдем к непосредственному анализу этих материалов. Данные Э. Мэддисона по отдельным республикам СССР (за исключением Беларуси, Киргизии, Туркменистана и, отчасти, Украины), существенно выше цифр, полученных статистиками Статкомитета СНГ и экспертами ВБ. На наш взгляд, эти оценки Э. Мэддисона по отдельным странам за 1990 и некоторые последующие годы приводят к грубым ошибкам при последующих расчётах. Так, в его таблицах исторической статистики, в 2008 г. данные о подушевом доходе Армении (17 483 долл.), Беларуси (18 951 долл.) и Казахстана (16 905 долл.) оказались выше, чем в России (13 696 долл.). Однако именно в 2008 г. был проведен региональный раунд ПМС, давший совершенно иные результаты, которые, к тому же, подтверждаются всеми предыдущими и последующими прямыми расчётами по этой методике.

Основной вывод при анализе материалов табл. 3.8: для большинства бывших республик СССР весь период 1990–2000-х гг. характеризовался катастрофическим снижением индикаторов, характеризующих «расстояние», отделяющее эти страны от России с точки зрения сравнительного уровня их экономического развития. Исключение – три «нефтегазовых» страны: Азербайджан, Казахстан и Туркмения. Данные по Туркмении не могут считаться точными (т.к. она не принимала участия в раундах ПМС ни в 2005, ни в 2011 гг.). Тем не менее, по-видимому, к 2011 г. её уровень относительно

России не слишком изменился по сравнению с концом 1980-х гг. По Казахстану ситуация менее определенная. Однако различия в положении этой республики между 1990 и 2011 гг. либо не слишком велики (62-67 %), либо даже несколько улучшились (78 %). Материалы по Азербайджану свидетельствуют, что к 2011 г. он сумел восстановить свои позиции по отношению к России.

Некоторой спецификой отличается и положение Белоруссии. Если придерживаться данных ВБ, то и в этой республике ситуация в 2011 г., по сравнению с 1990 г. (по данным специалистов Статкомитета СНГ), также существенно ухудшилась; по данным МВФ она ухудшилась незначительно. Для всех остальных республик можно констатировать катастрофическое ухудшение их положения по отношению к России. Установлено уменьшение соответствующих показателей, в «лучшем» случае в 2-2,5 раза (Украина, Узбекистан, Грузия, Армения), в 3 раза (Таджикистан) или даже 4 раза (Киргизия, Молдова). Таковы результаты анализа данных табл. 3.8.

Опубликованные в 2014 г. данные раунда ПМС 2011 г. позволяют уточнить сделанные выше выводы. Относительная величина подушевого ВВП Казахстана значительно возросла (по сравнению с уровнем 1990 г.) и составила около 92 % от российского индикатора. Подушевой ВВП Азербайджана также существенно превысил уровень 1990 г. и составил около 71 % от величины аналогичного показателя РФ. Расчёты подушевых ВВП (по ППС валют) Армении, Белоруссии, Грузии, Киргизии, Молдовы, Украины и Таджикистана, полученные в ходе ПМС 2011 г., примерно соответствуют усредненным оценкам ВБ и МВФ, представленным в табл. 3.8.

Таким образом, у большинства государств на постоветском пространстве увеличивалось расстояние, отделявшее их от России по уровню экономического развития. Это означало, что в указанный период не только не были созданы предпосылки в направлении их экономической интеграции в рамках СНГ, но, напротив, преобладало движение в направлении,

создававшем все большие трудности для процесса экономической реинтеграции этих стран с Россией. Например, если подушевой ВВП Таджикистана в рамках СССР в 1987-1990 гг. был ниже, чем в России, в 3,2 раза, то в 2011 г. этот разрыв достигал уже 8-10 раз! Аналогично, в рамках СССР, подушевой ВВП Киргизии был меньше, чем в России, в 2,2 раза, а в 2011 г. разрыв соответствующих показателей достигал 7-9 раз. И наоборот, сопоставление аналогичных данных по России, Белоруссии и Казахстану позволяет лучше понять объективные причины формирования таможенного союза ЕврАзЭС. Ныне и Таджикистан и Киргизия, прямо или косвенно, выражают желание присоединиться к этому экономическому объединению. Но учитывая масштабы различий в уровне развития этих стран, с одной стороны, и России, Казахстана и Белоруссии, с другой, приходится признать, что, в случае реализации этого желания указанных стран, неизбежной станет необходимость оказания им экономической помощи, т.е. перераспределения ресурсов (в первую очередь от более развитой России). Этот вывод, на наш взгляд, подкрепляют нынешние события в Европейском союзе, где различия между уровнем развития ФРГ (подушевой ВВП по ППС валют в 2011 г. по данным ВБ составлял 43 689 долларов) и, например, Греции (26 437 долларов) или Португалии (22 330 долларов) гораздо меньше, чем между РФ и Таджикистаном или Киргизией, но в условиях ухудшения экономической конъюнктуры, появляется проблема оказания помощи менее развитым, менее «удачливым» членам Евросоюза.

В ходе анализа также были обнаружены существенные расхождения между результатами экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа, полученными на основе данных о темпах экономического роста (сообщаемых национальными статистическими ведомствами) и величине ВВП по ППС валют (источником которых является ПМС). Так, индекс подушевого ВВП Армении в 2011 г. составил 164 % к уровню 1990 г., что значительно больше величины аналогичного российского индикатора – 116 %. При этом, прямое сопоставление подушевых ВВП показало, что если

в 1990 г. (по расчетам специалистов Статкомитета СНГ) показатель Армении составлял около 65 % от величины соответствующего российского, то в 2011 г. (по данным раунда ПМС 2011 г.) он не превышал 30 %. Индекс подушевого ВВП Азербайджана в 2011 г. (к уровню 1990 г.) составил 186 %. Подушевой ВВП Азербайджана, составлял в 2011 г. около 71% от величины показателя РФ (данные раунда ПМС 2011 г.), что было значительно выше, чем в 1990 г. (47%). Таким образом, из приведенных выше данных следует, что темпы роста подушевого ВВП в РФ (по сведениям национальной статистики) были ниже, чем в Азербайджане (в 1,6 раза) и в Армении (в 1,4 раза). При этом результаты, полученные в ходе раунда ПМС 2011 г. для рассматриваемых стран оказались совершенно разными, как по направленности, так и по масштабам: в 2011 г. величина подушевого ВВП Армении (относительно российского показателя) оказалась вдвое ниже, чем в 1990 г., тогда как в Азербайджане она, напротив, возросла до 70 %.

Одной из причиной, по которым возникают подобные расхождения, по-видимому, является то, что уровни цен и ценовые пропорции в различных странах меняются по-разному. Небольшие на относительно коротких временных отрезках, различия в динамике подобных структурных сдвигов постепенно накапливаются. В целом, при сравнении индикаторов экономической динамики стран за достаточно длительный временной период применение методики ПМС, на наш взгляд, более адекватно отражает итоги их экономического развития.

Наиболее обобщенный, надежно подкрепленный соответствующими цифрами выводод после анализа макроэкономических процессов в странах Центральной Азии и Южного Кавказа: происходившие изменения отличались крайней неравномерностью. Это непосредственно сказывалось на динамике тех количественных показателей, на основе которых принято делать заключения относительно характера, направлений и масштабов сдвигов в уровне жизни населения. Поэтому следующие главы нашей работы посвящены изучению различных индикаторов социальной сферы.

Глава 4. Доходы населения и потребление продуктов питания в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2010 гг.

4.1. Динамика реальной заработной платы[1]

Заработная плата является одним из важнейших индикаторов социально-экономического развития. Опосредованно, величина этого показателя позволяет делать выводы о потенциальном объеме и возможной структуре потребления и может существенно уточнить представления об уровне экономического развития отдельных стран, территорий и регионов.

Роль заработной платы, как индикатора социально-экономического развития, может изменяться (возрастать или снижаться) в зависимости от доли работающих по найму в общем числе занятых в экономике тех или иных государств, территорий, регионов. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа этот процент, в целом, меньше, чем в России, Молдове, Украине или Беларуси, но тоже составляет значительную или даже бóльшую часть экономически активного населения; так, к концу 2000-х гг. в Казахстане эта величина составляла 67 %[2], Кыргызстане – 56 %, Армении – 48 %, Таджикистане – 47 %, Азербайджане – 32 %[3] (в России, Беларуси, Молдове и Украине, соответственно 93,7, 93,5, 70,7 и 81,5%).

Кроме того, на протяжении значительной части изучаемого периода в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, так же, как и в России, была довольно распространена практика выплаты части трудовых заработков «в конвертах», т.е. не все заработки отражались в соответствующих финансовых документах. Последнее означает, что в действительности потребление

---

[1] Об изменениях размеров трудовых доходов в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа см. также: Карамурзов Р.Б. О реальной заработной плате населения в странах СНГ и Грузии в 1990-2010 гг // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). — 2014. — № 9.

[2] Содружество Независимых Государств в 2010 г.: краткий справочник. – М.: Статкомитет СНГ, 2011. – С. 182.

[3] 20 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2000): статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (CD-ROM).

населения еще больше зависело от этого источника доходов, а потому важность изучения динамики заработной платы, возрастает.

Существуют две формы индикатора динамики заработной платы: номинальная и реальная.

Под **номинальной заработной платой** понимается установленная (зафиксированная) в расчетных ведомостях (или иных документах) величина оплаты труда в денежном выражении[1]. Поскольку этот показатель всегда выражается в текущих ценах, область его применения ограничена, прежде всего, анализом структуры расходов и потребления населения в отдельно взятый период (год, квартал, месяц).

Реальная заработная плата характеризует изменение покупательной способности трудовых доходов наемного работника с учетом изменения цен на соответствующие товары и услуги по сравнению с базовым периодом. Таким образом, динамика именно этого показателя отражает происходящие с течением времени изменения благосостояния той части населения, которая работает по найму. На практике величину реальной зарплаты, как правило, получают путём деления номинальной заработной платы на темпы роста потребительских цен[2]. Соответственно, для получения представления о том, как изменялась реальная заработная плата, необходимо иметь в своём распоряжении сведения о величине её номинальных показателей и динамике цен.

Сведения о величине номинальной заработной платы регулярно публикуются национальными статистическими ведомствами практически всех государств мира. В изданиях статистического комитета СНГ имеются данные о динамике этого показателя всех стран Центральной Азии и Южного Кавказа, кроме Туркмении и Узбекистана. Соответствующая информация по этим двум странам в статистике СНГ имеется только за 1990-е гг. и отсутствует на протяжении большей части 2000-х гг. Данные, которые

[1] Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 210.
[2] Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 424.

оказываются в распоряжении исследователей, носят несистемный характер, что затрудняет подсчёт на их основе величины реальной зарплаты[1].

Сведения об изменениях реальной заработной платы в изучаемых странах за последние (на момент появления соответствующих статистических сборников) несколько лет публикуются в каждом ежегоднике СНГ. В юбилейных изданиях («10 лет Содружеству Независимых Государств», «15 лет Содружеству Независимых Государств» и т.п.) приводятся данные и за более длительный период. Так, в сборнике «20 лет Содружеству Независимых Государств», вышедшем в 2011 г., приведены данные о динамике реальной зарплаты (1991 г.=100 %) с 1992 по 2010 гг. Широкий временно́й диапазон и табличная форма представления делают подобные сведения весьма ценными для анализа уровня жизни значительной части населения Центральной Азии и Южного Кавказа после распада СССР. Однако у этих данных есть один существенный недостаток. Поскольку «перестроечный» кризис трансформационного типа начал проявляться еще в 1990 г., а в 1991 г. уже наблюдалось весьма существенное снижение объемов производства, к 1992 г. реальные величины многих экономических показателей (в том числе и зарплаты) были существенно ниже последних лет советского периода. Поэтому использование 1991 г. в качестве базового для сравнений может привести к искажению картины, преуменьшив истинные масштабы снижения уровня и ухудшения условий жизни населения.

Поскольку в нашем распоряжении имелись сведения о величине номинальной зарплаты и темпах роста цен за 1990-2010 г., был произведен расчёт динамики реальной зарплаты с **1990 г. в качестве базового**.

Необходимо обратить внимание на два обстоятельства, важных с точки зрения методики, а также потому, что они имеют отношение к проблеме многовариантности межстрановых (впрочем, не только) экономических сопоставлений.

[1] Речь идёт не о полном отсутствии сведений, но о «дискретном» их преставлении: данные о величине номинальной зарплаты имеются лишь за отдельные годы первого десятилетия XXI в. – *Прим. авт.*

Первое имеет большое значение именно при изучении стран рассматриваемых регионов. Как известно, в первой половине/середине 1990-х годов, государства, возникшие на территории бывшего СССР, осуществили переход к собственным национальным валютам.

Поскольку национальные денежные единицы, фактически, вводились в оборот впервые, заявленные коэффициенты перевода (количество рублей за единицу национальной валюты) скорее отражали ви́дение соответствующими службами или национальными лидерами «приемлемого» курса перевода (или «адекватного» размера тех или иных макро/микроэкономических индикаторов: среднемесячной зарплаты, ВВП, цены хлеба, услуг ЖКХ и т.п.), чем истинную покупательную способность, которую только предстояло определить на практике. С долей условности такого рода реформы можно назвать «деноминацией», так как теоретически изменяется только нарицательная стоимость денежных знаков и название валют. Как следует из данных официальной статистики, сведения о величине номинальной заработной платы в странах-членах СНГ в первые годы их самостоятельного развития приводились в советских рублях (табл. 4.1), а в последующем (после введения собственных валют) – в национальных денежных единицах (табл. 4.2). Поэтому для «стыковки» этих данных и расчета индекса номинальной и реальной заработной платы в те годы, когда осуществлялся переход к национальным валютам, нами использованы официальные, объявленные правительствами и соответствующими финансовыми учреждениями, курсы обмена. Подобный способ пересчета логичен и, на первый взгляд, может показаться даже единственно возможным. Однако при более внимательном изучении у него обнаруживаются серьезные недостатки. Дело в том, что по вполне понятным причинам технического характера, обмены производились в течение довольно продолжительных периодов времени. В результате, нередко, одновременное хождение рубля и новой валюты длилось более года и, как часто бывает при параллельных денежных стандартах, заявленное

соотношение не всегда соблюдалось. Важно помнить, что «объявленные» курсы (табл. 4.3) – это всего лишь пропорции, в которых Центральные банки новых государств обменивали советские рубли на новую валюту. В действительности, в повседневной жизни, соотношения могли быть иными и нередко изменялись «в пользу» рублей. Поэтому использование «заявленных» (никак не отражавших величины «рыночных») обменных курсов для получения индексов такого важного показателя социально-экономического развития, как заработная плата не вполне корректно. Теоретически, возможен расчёт соотношений, которые бы, помимо прочего, учитывали стоимость валют на рынке. Однако, поскольку последнее потребовало бы специального исследования, применение официальных курсов, на наш взгляд, также вполне допустимо. Заметим, что именно они были использованы специалистами Статкомитета СНГ в соответствующих расчётах, так как величины индексов номинальной зарплаты, полученные нами для тех лет, в которые осуществлялся переход, практически не отличаются от данных, которые встречаются в официальной статистике стран СНГ (табл. 4.4 и 4.5).

Приведенные выше рассуждения имели целью продемонстрировать, что особенности представления и расчета отдельных экономических показателей, содержащихся в официальной статистике, имеют ограничения, а следовательно, полученные на их основе цифры, в том числе и сведения о величине номинальной заработной платы, не стоит считать совершенно точными.

Другое обстоятельство, на которое необходимо обратить внимание, связано с различными вариантами оценки инфляции. Как уже отмечалось, величину реальной зарплаты, как правило, получают путём деления индексов номинальной заработной платы на темпы роста потребительских цен. Выводы о динамике последних делаются на основании значений индекса потребительских цен (далее – ИПЦ). Данный показатель характеризует средние изменения во времени общего уровня цен на товары и услуги,

приобретаемые домашними хозяйствами для собственного конечного потребления. Для этого цены репрезентативных образцов товаров и услуг собираются на основе ежемесячных обследований. Как правило, ИПЦ составляется и публикуется каждый месяц, а его величина не пересматривается и не корректируется с учетом сезонных колебаний [1]. Последнее, впрочем, отнюдь не означает, что во всех соответствующих статистических изданиях содержатся одни и те же сведения за отдельно взятые годы. В случае с ИПЦ, так же как и при расчётах ВВП по ППС валют, имеет место проблема многовариантности оценок: за одни и те же периоды в различных сборниках нередко приводятся различные данные. Именно поэтому в табл. 4.6, где представлены сведения о величине ИПЦ, по ряду стран приводятся несколько вариантов динамики.

Величина ИПЦ очень широко (но не всегда обоснованно) применяется в различных экономических расчетах. Одной из причин популярности этого индекса является его «понятность» домохозяйствам и востребованность бизнес-сообществом. Для последнего, ИПЦ важен, помимо прочего, и по объективным причинам, вне зависимости от точности содержания, поскольку используется для индексации доходов потенциальных потребителей, а также при разного рода планировании.

Несмотря на отмеченные преимущества, у этого показателя есть и недостатки. Например, принцип фиксированной потребительской корзины не позволяет оперативно реагировать на появление товаров, не существовавших ранее, обновление которых сегодня является довольно серьезной методологической проблемой. Так, многие «модели потребительских товаров длительного пользования, цены на которые были зарегистрированы в начале года, просто исчезают из продажи к концу года»[2]. Определенные сложности

[1] http://www1.unece.org/stat/platform/display/Statgloss/Consumer+price+index
[2] Consumer price index manual: Theory and practice. – Geneva: International Labour Office, 2004. – P. XXII.

возникают также при попытке учёта весов «сезонных» товаров: используются годовые веса, что некорректно[1].

Другой, весьма важной на наш взгляд, проблемой является то, что в ИПЦ гораздо полнее представлены цены на товары, чем на услуги, а «количество включаемых в расчет товарных групп намного превышает количество групп услуг»[2]. Кроме того, нередко статистические ведомства не располагают достаточными средствами и методологией для измерения отдельных, с трудом поддающихся измерению, видов деятельности (таких как страхование, игорный бизнес, телекоммуникации, жилищные услуги и др.)[3].

В целом же, различными авторами неоднократно высказывалось мнение, что ИПЦ «**завышает**» стоимость жизни[4]. Это имеет едва ли не критическое значение для данного исследования, так как может привести к неправильному расчету и, следовательно, пониманию динамики реальной зарплаты населения изучаемых стран.

Принимая во внимание отмеченные недостатки, неудивительно, что время от времени ставятся вопросы о целесообразности использования ИПЦ[5] и желательности применения других индексов, которые могли бы точнее оценивать изменения цен на потребительские товары.

В этом отношении весьма выгодно от ИПЦ отличается, например, ценовой индекс расходов на личное потребление (personal consumption expenditures price index, далее PCE). Под расходами на личное потребление подразумевается та часть ВВП, которая в канонической формуле его подсчёта «по расходам» обозначена литерой «C».

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] См. например, Michael, Boskin J., Ellen R. Dulberger, Robert J. Gordon, Zvi Griliches and Dale W. Jorgenson (1998), «Consumer Prices, the Consumer Price Index, and the Cost of Living» // J. of Economic Perspectives. – 1998. – Vol. 12. – № 1. Winter. – P. 3.
[5] См., например, Richard W. Wahl, Is the Consumer Price Index a Fair Measure of Inflation? // J. of Policy Analysis and Management. – 1982. – Vol. 1. – № 4. – P. 496–511.

Y = C + G + I + Nx,

где Y – величина ВВП;

C – личное (частное) потребление;

G – государственные расходы;

I – инвестиции;

Nx – чистый экспорт.

Это самая крупная компонента, занимающая, как правило, более 2/3 от всего ВВП.

Принципиальное отличие этого индекса от ИПЦ состоит в том, что он рассчитывается на основе цен потребителей, а не потребительской корзины. Соответственно, индекс расходов на личное потребление – это отношение цен на все товары, потребленные домашними хозяйствами в текущем периоде, к ценам базового. Впрочем, и этот показатель не лишён недостатков. Например, вес операций с недвижимостью вторичного рынка жилья в индексе PCE намного меньше, чем в ИПЦ, поскольку в национальных счетах эти сделки относятся не к компоненте «Частное потребление», а к – «Инвестициям». Изменение цен на подержанные автомобили в величине индекса PCE также имеет гораздо меньший вес, чем в ИПЦ[1].

Несмотря на отмеченные недостатки, индекс расходов на личное потребление обладает рядом очевидных преимуществ, и его применение в настоящем разделе было бы весьма полезно. Однако это не представляется возможным, так как в статистической практике СНГ его расчёт не производился. Но поскольку, как уже было отмечено, расходы на личное потребление составляют бóльшую часть ВВП[2], то в качестве второго индикатора инфляции цен можно использовать его дефлятор. Полные

[1] Indexing with CPI: problems and alternatives. – Washington D.C., 1981. – P. 54.

[2] В соответствии с данными ICP, только в Азербайджане их величина была меньше 47,5%

сведения о величине этого показателя имеются по большинству изучаемых стран (табл. 4.7) .

Перед тем как перейти к анализу динамики заработной платы в изучаемых регионах, отметим, что из-за неоднократных пересмотров значений индексов потребительских цен и величин номинальной зарплаты, для ряда стран нами было получено несколько вариантов оценок (табл. 4.8). Так, по **Армении** получено три варианта расчётов реальной зарплаты: два на основе ИПЦ и один на основе дефлятора ВВП.

Реальная заработная плата, рассчитанная с помощью дефлятора, на протяжении всего периода была **выше** значений, полученных на основе сведений о величине ИПЦ. Объясняется это просто: поскольку во всех трёх расчётах применялись одни и те же значения номинальной зарплаты, различия связаны с расхождениями в величинах ИПЦ и дефлятора ВВП.

Для той части граждан Армении, основным источником доходов которой была заработная плата, наиболее тяжелыми оказались первые годы самостоятельного развития страны. До 1994 г. включительно, реальная зарплата снижалась очень высокими темпами: почти в два раза каждый год. В 1994 г. величина реальной зарплаты снизилась до 6,6 % и 1,3 % (по разным вариантам оценки ИПЦ) и 19,3 % (по дефлятору ВВП) от уровня 1990 г.

Дадим интерпретацию столь низким значениям важного индикатора социально-экономического развития и уровня жизни. Если снижение реальной зарплаты в 5 или даже 15 раз можно трактовать как пропорциональное сокращение потребления определенных групп населения (за счёт, допустим, уменьшения объема покупок товаров длительного пользования, отказа от туристических и прочих поездок, а также разного рода бытовых услуг), то уменьшение этого показателя более чем на 98 % (т.е. более чем в 75 раз!), конечно, требует иного, «неарифметического» подхода. По-видимому, в условиях необъявленной войны с соседним Азербайджаном и внутриполитического кризиса, значительная часть населения, занятого по найму, лишь номинально числилась таковым. Продолжая получать низкую

(возможно, даже недостаточную для обеспечения элементарного прожиточного минимума товаров/услуг одному человеку [1]) зарплату, эти люди, по-видимому, реально были заняты иной деятельностью, приносившей им и их семьям доход. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что в первой половине 1990-х гг. весьма существенно сократилась доля населения, источником доходов которого была заработная плата: с 72 % в 1990 г. до 24,5 % в 1994 г. [2]

В **Азербайджане** в 2010 г. реальная заработная плата, рассчитанная на основе ИПЦ, составила более 156 %, а полученная на основе дефлятора ВВП – более 142 % от докризисного значения. Столь впечатляющие итоги развития в данной сфере вызывают определенные сомнения. Частично высокие значения индексов реальной зарплаты, пожалуй, могут быть объяснены общеэкономической динамикой страны (что в свою очередь было связано с благоприятной ценовой конъюнктурой на рынке углеводородных энергоносителей). Однако увеличение показателя трудовых доходов населения примерно в полтора раза относительно уровня 1990 г. плохо согласуется с динамикой ряда важнейших макроэкономических и социальных показателей, в частности, с направлением и масштабами миграционных потоков, типичными для Азербайджана на протяжении всего изучаемого периода (а именно массовым выездом граждан трудоспособного возраста на заработки за рубеж).

Наибольшее снижение реальной зарплаты в Азербайджане наблюдалось в середине 1990-х гг. Очевидно, важной причиной подобного снижения (до 13,8 % и 18,4 % к уровню 1990 г.), помимо издержек и потерь, связанных с переходом от плановой экономики к рыночной, стала «война за Нагорный Карабах» (и Нахичевань), а также политический кризис внутри страны. В отличие от других двух стран Южного Кавказа, в Азербайджане

[1] Отметим, что сведения о величине прожиточного минимума в Армении отсутствуют в официальной статистике.
[2] Содружество Независимых Государств в 1996 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ 1997. – С. 164.

снижение реальной зарплаты было хоть и весьма существенным, но менее катастрофичным. В целом, значения реальной зарплаты в Азербайджане, рассчитанные с помощью обоих индикаторов инфляции – ИПЦ и дефлятора ВВП – хотя и различаются, но не принципиально по сравнению со многими другими странами. Связано это с не слишком значительными расхождениями между соответствующими значениями обоих индикаторов роста цен.

Поскольку по **Грузии** имелось два набора данных о динамике номинальной зарплаты, было получено два варианта оценок её реального значения. Но в обоих случаях характер динамики оказался, в принципе, схожим: на протяжении бóльшей части рассматриваемого периода значения показателей, рассчитанных с помощью ИПЦ, были больше значений, полученных на основе данных о дефляторе ВВП (т.е. дефлятор рос быстрее, чем ИПЦ). Однако начиная практически с первой половины 1990-х гг., заметны довольно существенные количественные различия. Так, разница между оценками величин реальной заработной платы, полученными на основе ИПЦ, постепенно возрастает, и к 2010 году достигла 18 п.п. Аналогичные сравнения показателей, рассчитанных с помощью дефлятора, к концу периода составляли 9,5 %.

Наибольшее снижение трудовых доходов в Грузии имело место в середине 1990-х гг. Принимая во внимание масштабы этого сокращения, вызывают удивление итоговые значения рассматриваемого показателя. Так, расчёты на основе ИПЦ показывают, что к 2010 г. реальная зарплата в стране выросла примерно в 2,5 раза по сравнению с докризисным уровнем. Расчёты на основе дефлятора ВВП демонстрируют рост показателя примерно в 1,3 раза относительно уровня 1990 г. Учитывая сложную внутри- и внешнеполитическую ситуацию в Грузии в 1990-х – 2010-х[1] гг., подобные значения индексов реальной заработной платы представляются неправдоподобными. По-видимому, противоречащий характеру динамики

[1] Имеется в виду, де-факто, отделение Абхазии и Южной Осетии (сопровождавшееся вооруженными конфликтами), гражданская война 1991-1993 гг., «революция роз» 2003 г., скоротечная война августа 2008 г. и пр.

большинства макроэкономических и макросоциальных показателей страны, рост реальной зарплаты в Грузии связан с неверным отражением официальной статистикой реального положения дел.

Изучение динамики заработной платы в **Центральной Азии** за 1990-2010 гг. дало следующие результаты.

За ряд лет данные по номинальным заработкам в **Казахстане** были изменены, поэтому представляется нелишним использовать два ряда сведений о величине этого индикатора. Важно, впрочем, отметить, что измененные значения несущественно отличались от первоначальных (на несколько процентов). Поэтому полученные результаты различаются незначительно.

Сведения о величине ИПЦ в 1991 г. были скорректированы (увеличены) на 12 п.п. (со 178,7 % до 190,9 % к уровню предыдущего года). Поэтому в нашем распоряжении имелись три ряда данных о темпах инфляции: два по ИПЦ и один по дефлятору ВВП. Как во всех изучаемых нами странах, в Казахстане самыми низкими значения реальной заработной платы оказались в середине последнего десятилетия XX века: по сравнению с 1990 г. снижение достигло 70 % (в 1994 г.). Впрочем, в дальнейшем значения рассматриваемого показателя постепенно возрастали и к 2010 г., по усредненным оценкам, был достигнут (возможно, несколько превышен) уровень 1990 г.

Существенную, а возможно и решающую роль в росте реальной заработной платы в Казахстане сыграла крайне благоприятная для экспортеров конъюнктура цен на рынке углеводородных энергоносителей в конце 1990-х–первой половине 2000-х гг. В пользу этого предположения свидетельствует и шестикратный рост объемов экспорта сырой нефти (с 11,3 до 67,9 тыс. т) и более чем трёхкратное увеличение продаж за рубеж дизельного топлива (с 483 до 1580 тыс. т) из Казахстана с 1995 по 2010 гг.[1]

[1] 20 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2000): Статистический сборник. - М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (CD-ROM)

Следует также отметить, что на протяжении значительной части рассматриваемого периода в Казахстане темпы роста дефлятора ВВП были ниже значений ИПЦ.

Содержащиеся в изданиях Статкомитета СНГ данные о размере номинальной заработной платы в 1993-1994 гг. и величине ИПЦ в 1991-1992 гг. в **Киргизии** несколько различались между собой (табл. 4.1, 4.2, 4.4). Поэтому, в общей сложности, было получено шесть вариантов расчётов реальной зарплаты (табл. 4.1). Однако, поскольку соответствующие оценки, практически, не отличались друг от друга, анализ можно ограничить тремя: одной на основе дефлятора и двух на основе ИПЦ.

В соответствии с расчётами на основе хронологически более позднего варианта динамики ИПЦ (по данным электронного сборника «Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2011-16»), к 2009 г. величина реальной заработной платы в Киргизии превысила уровень 1990 г. Примерно так же она изменялась и при расчётах по индексу дефлятора ВВП. Но в соответствии с третьим вариантом оценки, при расчете которого источником данных о величине ИПЦ в 1991-1997 гг. служили сведения электронного сборника «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 1998-3», а за 1998-2010 гг. – аналогичного издания «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 2011-16», в 2010 г. реальная зарплата все еще была ниже значений 1990 г. на 30 %.

В «худшем» 1994 г. величина реальной зарплаты была на 80-60 % (по разным вариантам расчета) **ниже уровня 1990 г.**, т.е. не превышала 20-40 % от уровня базового года. В дальнейшем, начиная с середины 1990-х, несмотря на некоторые колебания, величина этого показателя возрастала (по всем вариантам расчётов).

При расчёте величины реальной заработной платы в **Таджикистане** было замечено, что темпы ИПЦ были существенно скорректированы, а именно снижены на 29,4 п.п. пункта для 1991 г. и повышены на 56,3 (!) п.п. в 1992 г. Поэтому были использованы и новейшие на момент проведения

расчётов сведения (которые содержались в изданиях Статкомитета СНГ «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 2010-15» (CD-ROM) и «20 лет Содружеству Независимых Государств») и «скомбинированные» (предыдущие оценки за 1991-1992 гг. и новые, за 1993-2010 г) [1].

Впрочем, надо подчеркнуть, что отмеченные «корректировки» не оказали существенного влияния на величину реальной зарплаты: оба варианта расчётов (на основе «нового» и «комбинированного» ИПЦ) различаются в среднем менее, чем на 3 п.п. (исключения – 1991, 1992, 2009 и 2010 гг.: 13,5, 4,5, 3,1, 3,6 п.п., соответственно).

Поскольку **дефлятор рос медленнее, чем ИПЦ**, темпы роста реальной зарплаты, рассчитанные на его основе, были выше, в среднем на 10 п.п.

Самые низкие значения реальной зарплаты в Таджикистане были в 1996 г.: они составляли от 4,5 (по ИПЦ) до 11 % (по дефлятору ВВП) от уровня 1990 г. Очевидно, что подобное колоссальное снижение связано с тяжелейшей гражданской войной и её социальными последствиями. Несмотря на то, что со второй половины 1990-х гг. реальная зарплата непрерывно росла, к концу первого десятилетия XXI века её величина едва достигла 40 % (усредненная оценка) от уровня 1990 года.

Итак, только в Таджикистане ни одна из оценок (ни по ИПЦ ни по дефлятору ВВП) не достигла в 2010 г. докризисных значений реальной зарплаты.

Из-за недостатка тех или иных данных (см. табл. 4.2, 4.4, 4.6) возможности оценки изменений реальной заработной платы в Туркмении и Узбекистане ограничены последним десятилетием XX в.

На основе полученных оценок можно сказать, что в **Туркменистане** реальная заработная плата, рассчитанная на основе данных об ИПЦ,

[1] «Старые» оценки за 1991 и 1992 гг. содержатся в сборнике «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 1998-3»; величина ИПЦ за последующие годы, данные по которым представлены в этом издании, не отличаются от сведений, содержащихся в более поздних сборниках (например, «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 2010-15») – *Прим. авт.*

сократилась к 1994 г. более, чем в 4 раза, а по дефлятору в 1998 г. более чем в 3 раза.

В **Узбекистане**, к 1994 г. величина реальной зарплаты, рассчитанная на основе ИПЦ, снизилась примерно в два раза: до 54,4 % от уровня 1990 г. Согласно расчетам, сделанным на основе данных о дефляторе ВВП, её снижение было несколько большим – до 49,7 % от уровня 1990 г; в последующие 5 лет величина реальной зарплаты составляла 42-47 % от докризисного уровня.

Представляется небезынтересным анализ динамики реальной заработной платы в странах-членах СНГ, не относящихся к регионам Центральной Азии и Южного Кавказа: Беларуси, Молдове, России и Украине.

Для **Республики Беларусь** характерна типичная для большинства стран-членов СНГ динамика реальной заработной платы: снижение с начала до середины 1990-х гг. и её последующий рост. К 2010 г. величина рассматриваемого показателя, рассчитанная на основе дефлятора ВВП, достигла 218 %, а полученная на основе ИПЦ – даже 315 % от уровня 1990 г. Докризисные значения реальной зарплаты были достигнуты в 2000 г. и это – своеобразный рекорд в СНГ. Другие страны демонстрировали (если демонстрировали) подобный результат только в первом десятилетии XXI в. Кроме того, само снижение в годы кризиса по сравнению с лучшими годами советского периода было наименьшим в СНГ: «всего» на 40-50 % от уровня 1990 г.

Изучение динамики реальной заработной платы в **Молдове** на протяжении 1990–2010 гг. показывает, что в 1990-х гг. снижение было четырехкратным. В 2000-х гг. очевиден рост величины этого показателя, однако и к 2010 г. его значение оставалось на 20 % ниже, чем в 1990 г. Расчёты, сделанные на основе дефлятора ВВП – более оптимистичные: наибольшее снижение в 1990-х гг. было «лишь» немногим более, чем

двухкратным, а докризисный уровень достигнут примерно в середине 2000-х гг.

Оценки ИПЦ **Российской Федерации** в специальных изданиях существенно различаются. Так, по сведениям, приведенным в электронном издании «Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2010-15», с 1990 по 2010 гг. цены на товары, входящие в потребительскую корзину, выросли в 51 тыс. раз. Между тем, расчёты динамики ИПЦ за аналогичный период, проведенные на основе сведений статистического сборника «20 лет Содружеству Независимых Государств», показывают, что рост потребительских цен составил 81 тыс. раз. Неудивительно, что различия в величине реальной заработной платы тоже оказываются весьма существенными: по одному из расчётов, в 2010 г. она составила 117,3 %, а по другому едва достигла 85 % от уровня 1990 г. Заметим, что в динамике реальной зарплаты, рассчитанной по «оптимистичной» (т.е. низкой) оценке ИПЦ, на протяжении 1990-х гг. дважды наблюдался рост и снижение её величины.

Значение реальной заработной платы, рассчитанной на основе дефлятора ВВП составляло в конце 2010-х гг. около 105 % от уровня 1990 г., т.е. находилось между двумя оценками, полученными на основе ИПЦ (см. табл. 4.8).

В целом же, можно утверждать, что для динамики реальной заработной платы в РФ (по всем вариантам расчётов) были характерны самые большие различия и колебания, по сравнению с оценками этого индикатора в других странах-членах СНГ и Грузии.

Для **Украины** были получены три варианта динамики реальной заработной платы. В соответствии с одной из них, рассчитанной с помощью ИПЦ по данным издания «Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 2011-16», к 2010 г. величина показателя была почти на 10 % выше его значений в 1990 г. Однако при использовании сведений о величине ИПЦ, содержащихся в юбилейном сборнике «20 лет Содружеству

Независимых Государств», получается, что к концу 2000-х гг. реальная зарплата была почти на 40 % ниже, чем в 1990 г.

В соответствии с оценками, полученными на основе дефлятора ВВП, в 1990-х гг. снижение было намного ме́ньшим, чем по обоим вариантам расчета с использованием ИПЦ, однако к 2010 г. так и не были достигнуты значения 1990 г.

4.2. Структура расходов домашних хозяйств в странах Центральной Азии и Южного Кавказа

Ранее нами были рассмотрены показатели, характеризующие динамику трудовых доходов населения стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Однако, как уже отмечалось, данные о величине реальной заработной платы и социальных трансфертов в период сложнейшего кризиса трансформационного типа, зачастую недостаточно полно отражали изменения, происходившие в части потребления населением различных товаров и услуг, а, следовательно, и в жизненном уровне. Поэтому, представляется полезным изучение других индикаторов, позволяющих подтвердить или опровергнуть выводы, сделанные ранее.

Одним из показателей, позволяющих уточнить направление и, возможно, масштабы изменений доходов является динамика доли затрат на питание в общем объеме потребительских расходов.

Наличие количественных зависимостей между долей расходов на питание и общей величиной семейного бюджета была впервые обнаружена немецким экономистом и статистиком Эрнстом Энгелем. В своих работах (см. например «Die Productions- und Consumptionsverhaeltnisse des Koenigsreichs Sachsen» (1857)), он описал эту связь, впоследствии названную **законом Энгеля**. В соответствии с этим, хронологически одним из самых ранних, правилом экономической науки[1], чем ниже доля национального дохода, израсходованная на продукты питания, тем выше благосостояние граждан[2]. Иначе: домашние хозяйства с более высокими доходами, как правило, тратят больше на еду, чем бедные (менее богатые), однако доля расходов на питание в общих бюджетах семей изменяется обратно

[1] Browning Martin «Engel's Law», «The New Palgrave Dictionary of Economics», Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume, Palgrave Macmillan, 2008, The New Palgrave Dictionary of Economics Online, Palgrave Macmillan. 21 June 2012, DOI:10.1057/9780230226203.0477.

[2] См. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 153.

пропорционально доходу [1]. В работах самого Э. Энгеля есть и такая формулировка: «чем беднее семья, тем бóльшая доля от общих расходов должна быть потрачена на приобретение продуктов питания»[2].

Экономисты не единодушны в понимании содержания данного закона. Не оспаривая справедливости основного тезиса – наличия обратной зависимости между величиной дохода и долей расходов на питание, – некоторые исследователи делают уточнения. Так, Х. Хаутаккер[3] писал: «Из всех эмпирических правил, полученных на основе экономических данных (реальных экономико-статистических сведений, *Р.К.*), закон Энгеля, вероятно, лучше всего обоснован…». Однако в той же словарной статье автор отмечает, что «как и большинство экономических законов, он соблюдается только ceteris paribus; цены, помимо прочего, считаются неизменными». Другие исследователи уточняют, что обратная зависимость между расходами на питание и уровнем доходов по своему характеру является не функциональной, а стохастической (вероятностной)[4]. Третьи, также не оспаривая справедливость сделанного Э. Энгелем открытия, подчеркивают, что корреляционная связь (несмотря на её высокий коэффициент) между величинами, является частной, что оставляет место для различных объяснений[5].

---

[1] Houthakker H.S. Engel, Ernst (1821–1896). The New Palgrave Dictionary of Economics.Second Edition.Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. The New Palgrave Dictionary of Economics Online. Palgrave Macmillan. 21 June 2012. http://82.179.249.32:3058/article?id=pde2008_E000086. doi:10.1057/9780230226203.0475.

[2] Engel, Ernst. 1857. Die Produktions- und Consumtionsverhältnisse des Königreichs Sachsen. Zeitschrift des Statistischen Büreaus des Königlich Sächischen Ministeriums des Innern, 8 and 9 (Reprinted in Engel (1895). Appendix I. – P. 1–54.) (Engel, 1857. – P. 28–29).

[3] Houthakker H.S. Engel's law. The New Palgrave: A Dictionary of Economics. First Edition. Eds. John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman. Palgrave Macmillan, 1987. The New Palgrave Dictionary of Economics Online. Palgrave Macmillan. 28 August 2012. http://www.dictionaryofeconomics.com/article?id=pde1987_X000706. doi:10.1057/9780230226203.2472.

[4] Manisha Chakrabarty, Werner Hildenbrand (2009). Engel's Law Reconsidered, Bonn Econ Discussion Papers bgse22_2009, University of Bonn, Germany.

[5] Browning, Martin, Engel's Law, The New Palgrave Dictionary of Economics, Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume, Palgrave Macmillan, 2008, The New Palgrave Dictionary of Economics Online, Palgrave Macmillan. 21 June 2012, DOI:10.1057/9780230226203.0477.

Однако, повторим, сам факт наличия связи между долей расходов на питания и доходом семьи (иногда с разным пониманием этого отношения[1]) похоже не вызывает сомнения у большинства экономистов. На наш взгляд, весьма удачным обобщением широкого понимания закона Энгеля в научных кругах является интерпретация Л.А. Фридмана: «у бедняков едва хватает средств на приобретение продуктов питания, а у богатых постоянно увеличивается та часть их дохода, которая идет на удовлетворение поистине безгранично расширяющегося круга потребностей, далеко выходящих за рамки самого необходимого»[2].

Закон Энгеля был «открыт» в результате ***обобщения*** статистических сведений о структуре потребления нескольких, различных по уровню доходов, групп населения Саксонии в 1850-х гг. Однако обнаруженная Эрнстом Энгелем зависимость более универсальна, не ограничена «микроэкономическим» уровнем отдельных домашних хозяйств и подтверждается при сопоставлениях соответствующих макроэкономических показателей разных стран. Такие выводы можно сделать, исходя из данных табл. 4.9 об относительных расходах на продукты питания и величине подушевого ВВП, полученные в ходе раунда ПМС 2005 г. Аналогия с классической таблицей Энгеля (см. табл. 4.10) тут не полная, поскольку даже если принять, что показатель совокупных расходов на продукты питания страны «тождественен» затратам домашнего хозяйства на покупку еды, то подушевой ВВП, очевидно, не полностью совпадает с содержанием категории национального дохода (использование которого здесь, как может показаться, уместней). Тем не менее, подобного рода допущение, при межстрановых сопоставлениях, на наш взгляд, целесообразно по ряду причин.

---

[1] См. например, Manisha Chakrabarty (Indian Institute of Management, Calcutta) and Werner Hildenbrand (University of Bonn): How Should Engel's Law be Formulated?. – P. 2. (http://www.isid.ac.in/~pu/conference/dec_10_conf/Papers/ManishaChakrabarty.doc).

[2] Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 146.

Во-первых, относительная разница между величинами национального дохода и ВВП, как правило, незначительна. Например, среднее значение для региона «Европа и Центральная Азия» в 2005 г. составило 3,1 %.

Во-вторых, важным преимуществом данных табл. 4.9, и показателя ВВП является, то, что они были получены по единой методике раунда ПМС, а поэтому заслуживают доверия, не меньше, чем содержащиеся в специальных изданиях и базах данных сведения о величине ВНД. Последние первоначально рассчитываются статистическими ведомствами стран в национальной валюте, а затем переводятся в сопоставимые денежные единицы международными организациями по коэффициентам **ППС валют**, которые **в рамках ПМС для ВНД не рассчитываются**[1]. Следовательно данные о величине ВНД по ППС валют, заведомо менее точны, чем аналогичные сведения о ВВП.

Как видно из данных табл. 4.9, стохастическая связь между показателями весьма сильная – коэффициент корреляции составляет «минус 0,85». Это позволяет нам сформулировать «пара-закон Энгеля»: чем богаче, т.е. более развита в экономическом отношении страна, тем меньше **относительные** расходы её жителей на продукты питания.

Принимая во внимание отмеченные ограничения (связанные с неоднозначностью трактовок механизмов, действия которых обнаружил Эрнст Энгель), а также сделанные допущения (относительно сходств и различий ВВП и дохода отдельных домашних хозяйств), предложенная выше «адаптация» закона Энгеля не имеет большой доказательной силы. Однако, на наш взгляд, она может быть полезна для лучшего понимания смысла тех изменений которые происходили в структуре потребления населения различных стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Поэтому представляется целесообразным изучение динамики доли расходов на питание в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2010 гг.

---

[1] При проведении раундов ПМС рассчитываются ППС валют для **ВВП** (а также его основных компонентов, расходных категорий, групп и т.д.), а не для **ВНД**. – *Прим. авт.*

В статистической практике СНГ (также, как когда-то в СССР) регулярно организуются бюджетные обследования домашних хозяйств. Общие расходы разделяются на четыре группы: продукты питания, алкогольные напитки, непродовольственные товары и расходы на оплату услуг. Несмотря на наличие соответствующих данных, динамика относительной величины расходов на алкогольные напитки нами рассматриваться не будет. В специальных исследованиях изменения этого показателя могут представлять немалый интерес. Однако для облегчения анализа (а также по причине относительно малой доли категории «Алкогольные напитки» в бюджетах семей в большинстве рассматриваемых стран) целесообразно ограничиться тремя основными категориями расходов: «Продукты питания», «Непродовольственные товары» и «Оплата услуг». Сведения об изменениях соотношений этих долей на протяжении 20 лет (с 1990 по 2010 гг.) приведены в табл. 4.11 – 4.12.

К сожалению, не по всем странам изучаемых регионов необходимые данные имеются в нужном объеме. Так, к концу 2000-х гг. последними доступными данными о структуре потребительских расходов в Узбекистане были сведения за 2005 г., а самые поздние до этого - за 2000 г. В целом же, «сплошные» сведения по этой стране имеются только за 1990-1995 гг. Аналогично, в Туркменистане данные о структуре расходов домашних хозяйств ограничены 1990-1997 гг.

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры потребительских расходов в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа, необходимо сделать несколько общих замечаний. Из трех категорий, которые будут рассматриваться, расходы на продукты питания (поскольку их связь с общим уровнем доходов доказана эмпирически), – пожалуй, самый «надежный» **отдельно взятый** показатель для оценки изменения уровня жизни населения. Однако изучение соотношений остальных категорий также представляется полезным. Например, соотношение между долями расходов на непродовольственные товары и оплату услуг, в определенной мере, может

быть использовано как некоторая «качественная» характеристика структуры потребления домашних хозяйств. Поэтому, там где этого возможно, будет дана интерпретация соответствующих значений.

В **Азербайджане** к середине 2000-х гг. относительная величина расходов на питание была примерно на том же уровне, что и в 1990 г. – 53,4 %, а в 2010 г. даже меньше – 48,2 % от суммы всех расходов домашних хозяйств (см. табл. 4.11).

Динамика этого показателя на протяжении рассматриваемого периода была следующей: сначала стремительный, но постепенно (с 1994 г.) замедляющийся рост с 1990 по 1998 (или 1999) гг.; затем резкое снижение почти на 10 п.п. за один год (с 2001 по 2002 гг.) и далее вплоть до 2010 г. колебания в пределах 48,2-56,9 %. Величина расходов домашних хозяйств на непродовольственные товары с 1990 г. по 1998 г. изменялось прямо противоположно относительным расходам на питание. Однако с начала и до конца 2000-х гг. динамика двух этих видов расходов во многом совпадала (при этом сохранялись различия в масштабах). Объяснить это можно ростом относительных затрат на оплату услуг в данный период. Доля услуг в расходах домашних хозяйств на протяжении 1990-1998 (1999) гг. увеличилась с 4,3 до 9,3%. В дальнейшем, с 2000 до 2009 гг., эта величина выросла более, чем в 3 раза. При этом резкое увеличение с 9,3 до 28,9 % (от величины общей суммы расходов домашних хозяйств) произошло с 2000 по 2002 гг.

Несмотря на отсутствие данных о структуре расходов домашних хозяйств в **Армении** за некоторые годы рассматриваемого периода (см. табл. 4.12), имеющиеся сведения позволяют понять, как именно менялась доля расходов на продукты питания: в 2010 году её величина была практически на том же уровне, что и в 1990 г. (51,8 и 52,1 % соответственно). Однако на протяжении всего этого периода, значения колебались весьма значительно. Так, в 1993 г. оно достигло максимальной величины (73,5 %), а в дальнейшем, вплоть до 2003 г., несмотря на значительные колебания, ни разу

не снизилось до 60 %. Только начиная с 2004 и до 2009 гг. доля расходов на питание практически непрерывно снижалась.

Доля расходов на непродовольственные товары за рассматриваемый двадцатилетний период сократилась почти в два раза – с 35,8 % в 1990 г. до 19 % в 2010 г. (в конце 1990-х гг. величина показателя снижалась до 14,2 %). Расходы на оплату услуг изменились еще больше, правда, «в противоположном направлении» – выросли почти в 3,5 раза! Этот рост, впрочем, не был равномерным. Так, до 1993 г. доля услуг в семейных бюджетах вообще сокращалась (по-видимому, причиной этого были известные события, связанные с проблемой Нагорного Карабаха). В последующие годы относительная величина расходов на оплату услуг возрастала до 1999 г., а затем, в 2000 г. или 2001 г. [1] она довольно существенно снизилась (с 22,5 % в 1999 г. до 14,7 % в 2001 г.). Снижение продолжалось вплоть до 2003 г., когда на оплату услуг приходилось 13,1 % потребительских расходов домашних хозяйств Армении. Однако уже в 2004 г. был достигнут и даже превышен уровень 1999 г.; в дальнейшем величина данного показателя возросла почти в 2 раза, достигнув в 2010 г. 28,2 %. Таким образом, к концу 2000-х гг. на долю этой категории приходилось более четверти всех расходов домашних хозяйств. Разительные изменения (рост) расходов на оплату услуг за указанные 20 лет следует, по-видимому, связывать с прекращением дотирования коммунальных и прочих услуг, имевшего места в советский период. Рост их доли не означал увеличения потребления и повышения качества (при том, что ассортимент услуг, безусловно, расширился) [2].

Имеющиеся сведения об изменении соотношений различных категорий расходов домашних хозяйств **Грузии** ограничивают временные рамки анализа первой половиной 2000-х гг. Кроме того, «эпизодический» характер

[1] Данных о структуре потребительских расходов домашних хозяйств в Армении в 2000 г. найти не удалось

[2] Карамурзов Р.Б. Изменения в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). — 2014. — № 8.

статистической информации (так как за 1992-1996 гг. нет вообще никаких данных ни по одной из категорий) не позволяет делать категоричных заключений. Расходы на продукты питания возрастали в первые годы самостоятельного развития страны; затем, с середины 1990-х гг., они снижались, так что уже к 2004 г. были на уровне 1990 г. Доля затрат домашних хозяйств на непродовольственные товары к 1997 г. сократилась почти вдвое. Однако с конца 1990-х гг. стала возрастать и к 2001 г. составила 32,4 % – примерно на 4 п.п. ниже, чем в 1990 г. Данные об относительных расходах на оплату услуг имеются только до 2001 г. Насколько можно понять из этих сведений, ко второй половине 1990-х гг. доля этой категории увеличилась примерно в 2 раза.

В **Казахстане** расходы на продукты питания снизились до уровня 1990 г. к середине 2000-х гг. (см. табл. 4.14). К концу 2010 г. эта величина несколько возросла. Однако принимая во внимание возможные статистические погрешности и ошибки, можно полагать, что в конце первого десятилетия XXI в. был достигнут докризисный уровень. Впрочем, в худшие годы рассматриваемого двадцатилетнего периода, относительные расходы на питание возросли почти в 1,5 раза. В отличие от величины относительных расходов на питание, сокращение которых началось с 1997 г. (и, по-видимому, было связано с началом восстановительного экономического роста с середины 1990-х гг.; см., напр., табл. 3.1 и 3.2), снижение расходов на непродовольственные товары, начавшееся в 1990 г., не прекращалось и в 1997-1999 гг. Напротив, на протяжении 2000-х гг. доля этой категории, преимущественно росла, однако и к 2010 г. её величина была почти на 15 п.п. ниже, чем в 1990 г. В немалой степени такое сокращение, особенно в первые годы самостоятельного развития и до конца 1990-х гг. связано с динамикой третьей группы расходов – оплаты услуг –доля которой в итоге (с 1990 по 2010 гг.) выросла в 2,2 раза.

За первые три года последнего десятилетия XX в. расходы домашних хозяйств **Киргизии** на продовольственные товары (согласно данным

официальной статистики) выросли более чем в полтора раза. В дальнейшем, в общей структуре расходов семей величина затрат на питание колебалась в пределах 50-60 % и в 2010 г. составила 52,4 %. Динамика расходов на непродовольственные товары в Киргизии была противоположной по направлению и практически симметричной той, что наблюдалась в расходах на питание. Как и в большинстве рассматриваемых стран, в самые первые годы последнего десятилетия XX в. относительные расходы на оплату услуг в Киргизии сокращались. Однако уже с 1993 г. они последовательно возрастали до середины 2000-х гг., достигнув к 2004 г. 21,1 %, что почти вдвое выше уровня 1990 г. В 2005 г. началось снижение значений этого показателя, которое продолжалось до 2008 г. (включительно). Вероятно, значительную роль в подобном изменении динамики во второй половине 2000-х гг. сыграл внутренний политический кризис.

Изменения, произошедшие в структуре расходов домашних хозяйств **Таджикистана,** исходя из данных табл. 4.16, пожалуй, можно назвать вполне предсказуемыми. Бóльшая часть семейных бюджетов в период гражданской войны 1990-х гг. шла на приобретение продуктов питания. О тяжелейшем положения населения этой бывшей советской республики в «военные годы» свидетельствует беспрецедентно высокая величина относительных затрат на питание: в худшее время она составляла около 90 %! После пика социальной, экономической и политической напряженности середины 1990-х гг. относительные расходы на продукты питания сокращались вплоть до 2006 г., ежегодно, в среднем, на 2,9 п.п. Однако в дальнейшем, снижение прекратилось и до конца первого десятилетия XXI века величина рассматриваемого показателя колебалась на уровне 60 %. Как следует из этих данных, затраты на приобретение продуктов питания так и не вернулись к докризисным значениям (в 1990 г. они не превышали 45 % в общей структуре расходов домашних хозяйств).

Очевидно, что при столь радикальном «перекосе» структуры расходов в пользу продуктов питания, потребление даже самых простых товаров и

услуг, вполне «обычных» в последние годы существования СССР, оказалось недоступным для бóльшей части населения. Как следствие – примитивизация и (особенно в горных, почти исключительно сельских, районах) архаизация быта и социальной жизни.

К концу первого десятилетия XXI в. уровень расходов на непродовольственные товары так и не достиг значений «докризисного» 1990 г. Начавшийся после падения (достигшего наибольших масштабов в 1994-1996 гг.) рост этой категории расходов продолжался до середины 2000-х гг., а затем оставался, примерно, на одном и том же уровне – около 30 % от общей суммы расходов домашних хозяйств.

Таким образом, относительные величины расходов на питание и непродовольственные товары в 2010 г. были, соответственно, выше (на 12,5 п.п.) и ниже (14,7 п.п.) аналогичных значений 1990 г. При этом удельный вес расходов на оплату услуг (после радикального снижения в период гражданской войны) немного превысил докризисные значения. Однако этот рост не может быть интерпретирован как повышение уровня жизни по сравнению с последними годами советского периода. Скорее всего, рост удельного веса расходов на оплату услуг здесь, как и в других странах Центральной Азии и Южного Кавказа (может быть, и в большей степени) связан не только с расширением их ассортимента, а с повышением их цен для потребителей (что во многом связано с особенностями проведения приватизации в этой стране)[1].

Данные о структуре расходов домашних хозяйств в **Туркменистане** имеются лишь для 1990-1997 гг. (табл. 4.17). В этот период наблюдалась устойчивая тенденция к повышению удельного веса расходов на продукты питания (исключение – 1992 г., когда их доля сократилась до уровня 1990 г.), так что к 1997 г. (по сравнению с 1990 г.) они выросли более чем на четверть

[1] См., например, В.Касымбекова «Пересмотра итогов приватизации в Таджикистане требуют прокуратура и оппозиция» в «Голос свободы Центральной Азии» (Информационно-аналитический правозащитный бюллетень), № 6 (16), апрель 2008, http://vof.kg/?p=4023

(с 43,5 до 60,6 %). Одновременно расходы на приобретения непродовольственных товаров снизились в полтора раза (с 43,3 до 28,9 %). За весь рассматриваемый период (с 1990 по 1997 гг.) доля расходов на оплату услуг в Туркмении не превысила докризисных значений.

Полное отсутствие необходимых данных за последние пять лет изучаемого периода (с 2006 по 2010 гг.), а также тот факт, что за десять лет (с 1996 по 2005 гг.) данные имеются лишь за 2000 и 2005 годы, существенно ограничивают возможности анализа структуры потребительских расходов в **Узбекистане** в 1990-2010 гг. Если допустить, что на протяжении всего изучаемого периода резких колебаний в структуре расходов не было, можно заключить, что расходы на продукты питания в первые годы самостоятельного развития страны существенно возросли, однако в дальнейшем (в 2000 и 2005 гг.) наблюдалась тенденция к их снижению. Доля средств, которые тратились на непродовольственные товары, по-видимому, изменялась «симметрично» расходам на продукты питания; это может быть связано с относительно более высокой «эластичностью по цене» товаров данной категории. Относительные расходы на услуги, начиная с 1994 г. (т.е. уже в первые годы после обретения независимости) возрастали, хотя, возможно, сравнительно медленными темпами. Так, к середине 2000-х гг. их доля относительно уровня 1990 г. выросла менее, чем в 1,5 раза, что не так уж много, если учесть масштабы изменений в других странах СНГ.

Таким образом во многих странах СНГ (и Центральной Азии и Южного Кавказа, в частности) к концу рассматриваемого периода величина расходов на продукты питания существенно приблизилась (по сравнению, скажем, с серединой 1990-х – первой половиной 2000-х гг.) к уровню 1990 г., сравнялась, а в некоторых странах даже «превысила» его (в данном случае это означает оказалась меньше показателя 1990 г.). Расходы на непродовольственные товары ни в одной из тех стран, где наличие соответствующих данных позволяло провести подобное сравнение, не вернулось к докризисному уровню. «Арифметическое» объяснение этому

связано с тем, что доля расходов на оплату услуг в большинстве рассмотренных стран, оказалась выше докризисных значений, причём нередко в 2-3 раза. В целом, везде, кроме Туркменистана, доля расходов на оплату услуг существенно выросла.

Повышение значений этого показателя (т.е. доли услуг в общих расходах) можно трактовать двояко. С одной стороны, оно связано с расширением их предложения (объема и видов). Так, только через несколько лет после распада СССР появились и получили широкое распространение мобильные телефоны. Аналогично, несмотря на то, что эра персональных компьютеров на постсовестком пространстве совпала с началом 1990-х гг., об активном, точнее массовом, пользовании сетью Интернет раньше середины последнего десятилетия XX в. говорить не приходится. С другой стороны, многие услуги, которые в СССР были фактически бесплатными для населения (образование, медицинское обслуживание) или большей частью субсидировались государством (услуги ЖКХ, туристические поездки при поддержке профессиональных союзов и т.п.), после обретения рассматриваемыми странами независимости, стали оказываться, в значительной мере, по рыночным ценам. Следовательно, «вес» услуг в общих расходах домашних хозяйств возрос в значительной степени из-за роста их стоимости.

В первой половине 1990-х гг. (или даже позже) там, где снижение ВВП и подушевого ВВП продолжалось до 1997-1998 гг. (например, в Таджикистане, Казахстане, отчасти, в России) наблюдалось повышение удельного веса (но отнюдь не реального потребления наиболее качественных и дорогих) продуктов питания. Иначе говоря, в России, странах Центральной Азии и Южного Кавказа закон Энгеля получил своеобразное подтверждение не только в отношении домохозяйств в какой-либо одной стране, но и при международных экономических сопоставлениях. Как правило, при прочих равных (или не слишком неравных) условиях, там, где наблюдалось особенно значительное повышение удельного веса расходов на питание

(например, в Таджикистане, в период обострения гражданской войны) население оказывалось перед прямой угрозой голода. Но и в тех странах, где увеличение доли расходов на питание не было таким значительным, оно всегда означало снижение уровня потребления наиболее качественных и ценных товаров, таких как мясо, рыба, молоко, яйца и даже некоторые овощи и фрукты (заметим, что речь идёт о странах Центральной Азии и Южного Кавказа, т.е. регионах с самыми благоприятными условиями для их выращивания).

4.3. Потребление продуктов питания[1]

В данном разделе использованы три источника материалов о потреблении продуктов питания в странах-членах СНГ. Основные сведения по этому вопросу публиковались и продолжают появляться в статистических ежегодниках Статкомитета СНГ под рубрикой «Потребление основных продуктов питания на душу населения».

По Азербайджану, Армении, Белоруссии, Казахстану, Киргизии, Молдавии, России и Украине необходимые данные имеются по всем (или почти по всем) годам с 1990 по 2012, а также по всем (или почти по всем) продуктам питания. Однако подобного рода сведения по Грузии, Таджикистану, Туркмении и Узбекистану ограничивались, преимущественно, 1990-1995 (реже, 1990-1996 или 1990-1997) гг.

Таким образом, материалы по этим республикам можно было получать только из *второго источника*, а именно, соответствующих сведений продовольственных балансов по всем странам-членам СНГ, содержащихся в базе данных продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Однако все материалы ФАО по интересующим нас республикам имеются лишь начиная с 1992 г. – первыого года острейшего экономического кризиса, что отразилось и на размерах потребления продуктов питания.

Вместе с тем, материалы ФАО обладают важным «конкурентным» преимуществом, поскольку содержат сведения не только о потреблении соответствующих продуктов или необходимого для их производства сырья, но и об их импорте и экспорте. К тому же балансы потребления продуктов выделяют различные статьи их использования и содержат сведения о той части этих ресурсов, которая идёт на личное потребление населения. Вместе с тем некоторые материалы продовольственных балансов (в том числе и

[1] О потреблении продуктов питания в странах-членах СНГ и Грузии см. также: Карамурзов Р.Б. Социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.). — Москва, Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, 2014. — СС. 54-95.

особенно балансов хлебопродуктов) требуют пересчётов и **не могут рассматриваться как более точные** по сравнению с данными статистических ежегодников СНГ. Следует рассмотреть данные продовольственных балансов по отдельным республикам, опубликованные в специальных статистических ежегодниках по сельскому хозяйству. Такого рода издания выходили в свет в отдельные годы в Грузии и Казахстане[1].

Третий источник данных о потреблении продуктов питания образуют материалы бюджетных обследований, публиковавшиеся в различных изданиях, например, в национальных статистических ежегодниках (Таджикистан) или уже упоминавшихся сборниках по сельскому хозяйству либо по условиям жизни населения (Казахстан, Узбекистан и др.).

С точки зрения репрезентативности соответствующих исходных материалов балансовые показатели выгодно выделяются среди прочих, тогда как, например, результаты бюджетных обследований, по самому своему характеру, выборочные. С другой стороны, правильная выборка может оказаться (и часто действительно оказывается) вполне репрезентативной, тогда как балансовые (по определению, более полные сведения) могут оказаться неточными. Это связано, например, с приписками, завышением цифр, характеризующих производство или, наоборот, занижением сведений об использовании части ресурсов в иных (помимо личного потребления) целях. Всё это заставляет исследователя проверять и перепроверять данные различных источников. Но даже в этом случае не всегда обеспечивается получение точных результатов. В подобных обстоятельствах нередко приходится ограничиваться выявлением общей динамики и основных тенденций изменения во времени показателей потребления продуктов питания.

[1] См., например, Agriculture of Georgia 2009 // Statistical publication, Tbilisi. – 2010; Сельское, лесное и рыбное хозяйства Казахстана 2005–2009 гг.: статистический сборник. – Астана, 2010.

4.3.1. Потребление продуктов питания в союзных республиках СССР в 1989-1990 гг.

Во всех статистических ежегодниках Статкомитета СНГ, кроме ежегодника 1996 г., соответствующие сведения по Грузии публикуются за период с 1991 по 1997 гг. Однако даже эти данные не показывают реальной динамики рассматриваемого показателя в годы экономического кризиса. Дело в том, что в 1991 г. в Грузии потреблялось на душу населения около 31 кг мяса, тогда как еще в 1990 г. величина соответствующего показателя достигала 42 кг, а в 1989 г. – даже 46 кг. В отличие от ряда республик Центральной Азии, в Грузии, главным образом по политическим причинам, уже 1990 г. характеризовался началом экономического кризиса, что и отразилось на потреблении продуктов питания[1].

Сведения о производстве мяса позволяют проследить специфический характер кризиса этой отрасли животноводства в стране, растянувшегося на два десятилетия и принявшего особенно большие масштабы. В советский период истории Грузии производство мяса в республике увеличилось с 75 тыс. т в 1940 г. до (в среднем) 123 тыс. т в 1971-1975 гг. и 150 тыс. т в 1981-1985 гг. В дальнейшем, эта цифра колебалась вокруг 170 тыс. т.[2] (см. табл. 4.19). Однако после начала экономического кризиса, производство мяса резко сократилось. На протяжении 1998-2005 гг. (см. табл. 4.20) не превышало 100-110 тыс. т. В дальнейшем, в 2006-2009 гг., произошло резкое

[1] Столь же катастрофический кризис проявился в сфере потребления молока и молочных продуктов. В 1989 г. здесь на душу населения потреблялось в среднем 326 кг молока и молочных продуктов; в 1990 г. – 289, а в 1991 г. – только 135 кг (!). Если использовать в качестве исходной цифру, относящуюся к 1991 г., то в Грузии она уже была почти в **2,5 раза меньше** более или менее нормального показателя 1989 г. В других республиках за период с 1989 по 1991 гг. не происходило столь катастрофического снижения потребления. Разумеется, показатели 1989 г. по Грузии (и не только Грузии) скрывают масштабы возможных приписок, низкое качество продукции, ограниченность ассортимента и т.д. Тем не менее, речь идёт о резком, невиданном в мирное время сокращении потребления ценных и необходимых организму продуктов. Таким образом, специфическая ситуация, сложившаяся в Грузии, даёт основания считать, что даже 1990 г. здесь был, по-существу, кризисным годом. – *Прим. авт.*

[2] Народное хозяйство СССР за 70 лет. – М., 1987. – С. 259.

сокращение этого показателя: до 54 тыс. т (см табл. 4.23). Иначе говоря, в конце 2000-х гг. в Грузии производилось мяса меньше, чем за 70 лет до этого т.е., фактически, столько, сколько в 1930-х гг. Трудно найти пример такой глубины кризиса мясного животноводства. Вместе с тем, потребление мяса в Грузии всегда превышало объем внутреннего производства: в советское время – в результате перераспределения ресурсов между республиками, а в условиях независимого развития – в результате импорта соответствующей продукции из других стран. В 1990 г. ресурсы мяса, полученные Грузией из других республик, составляли около трети внутреннего производства, которое в это время достигало 170 тыс. т (см. табл. 4.20). В годы кризиса импорт мяса резко сократился и в 1992-1994 гг. колебался в пределах 5-14 % от объема внутреннего производства (см. табл. 4.23). В дальнейшем размеры импорта постоянно увеличивались и достигали примерно тех же относительных масштабов, что и в советский период. Об этом свидетельствуют, например, данные за 1998-2000 и 2002-2005 гг. Однако в 2008 и 2009 гг. объемы импорта мяса (соответственно, 67 и 64 тыс. т.) в страну превысили масштабы его внутреннего производства (соответственно 55 и 54 тыс. т.). Таким образом, более половины всего потребления мяса в эти годы обеспечивалось за счёт его закупок в других странах.

Общий размер внутреннего потребления в расчёте на душу населения сократился с 46 кг в 1989 г. (см. табл. 4.21) до примерно 23 кг в 1992 г. и 19,5 (!) кг в 1994 (см. табл. 4.23)[1] г. В дальнейшем этот показатель возрос до 27-30 кг в 1995-2004 гг., но в 2008-2009 гг. вновь снизился до 26 кг. Подобная динамика потребления определялась действием трех факторов: внутреннего

[1] Данные за 1989 г. приводятся по сведениям межгосударственного статистического комитета СНГ; сведения за 1992-2009 гг. – из базы данных ФАО. Поскольку данные о величине потребления мяса в Грузии в постоветский период её развития в статических изданиях Статкомитета СНГ ограничены 1991-1997 гг. и рассчитаны без должного учёта фактического изменения численности населения (Всеобщая перепись проведена только в 2002 г.), для анализа использованы аналогичные данные ФАО (в них учтены результаты Переписи). В обоих случаях данные получены на основе сведений продовольственных балансов. Разница в величине соответствующих показателей за 1992-1994 гг. находится примерно в пределах статистической ошибки; для 1995-1997 гг. различия становятся гораздо большими. – *Прим. авт.*

производства (об изменениях которого говорилось ранее); ростом импорта; общей тенденцией к сокращению численности населения. На протяжении 1990-х и 2000-х гг. уменьшение составило примерно миллион человек, т.е. на 18-19 %, а быть может и на 20 %. Только после проведения первой всеобщей национальной переписи населения в 2002 г. стали ясны огромные масштабы эмиграции и трудовой миграции населения из Грузии. В связи с этим пересчитаны и данные о примерной его численности по каждому году двух десятилетий самостоятельного развития республики. Часть жителей покинула страну навсегда или на многие годы. Другие формировали многочисленную «челночную миграциюы» – люди уезжали на много месяцев, год или два года. В дальнейшем возвращались, чтобы вскоре (или через какое-то время) вновь повторить этот путь. В подобных условиях трудно (если вообще возможно) определять общую численность населения на протяжении любого данного года: его состав и численность постоянно меняются, буквально, изо дня в день. Поэтому все данные о среднегодовой численности населения Грузии (это относится не только к Грузии, но также и к другим республикам на постсоветском пространстве) при всей их мнимой точности, в действительности, – лишь грубые оценки реальной величины искомого показателя. Именно по этим данным и высчитывались экспертами ФАО, а также сотрудниками статистических служб Грузии и Статкомитета СНГ, цифры подушевого потребления продуктов питания (в данном случае – мяса)[1].

[1] Эти соображения относятся и к расчетам подушевого потребления всех других продуктов питания в Грузии и других государствах Центральной Азии и Южного Кавказа. **Указанные соображения имеют прямое отношение и к России**, с той принципиальной разницей, что в России реальная численность населения де-факто, находящегося на территории страны на протяжении года (с учетом миллионов «законных» и особенно «незаконных» мигрантов и членов их семей) существенно выше официальных данных. Речь идет не о десятках и даже сотнях тысяч человек, а о 6-10 миллионах. Это сказывается и на расчётах подушевого потребления продуктов питания. Соответствующие цифры в России, в результате, окажется необходимым несколько снизить; десять миллионов – это примерно 7 % официальной величины учтенного населения России в начале 2010-х гг. – *Прим. авт.*

Таким образом, потребление мяса в Грузии на всем протяжении 1990-х и 2000-х гг. было ниже максимальных показателей советского периода на 30-35 %, а в 1992-1994 гг. сократилось вдвое. К концу 2000-х гг. (т.е. через 20 лет независимого развития и в период ускоренного восстановительного роста) величина этого показателя по-прежнему была примерно на 40 % ниже, чем в 1989-1990 гг. Но и эти цифры более чем на половину обеспечивались импортом мяса и мясных продуктов из других стран.

Рассмотрим материалы ФАО о потреблении мяса в республике Таджикистан, по которой в статистических ежегодниках СНГ также отсутствуют сведения за 1996 и все последующие годы. В Таджикистане общее производство мяса увеличилось с 30 тыс. т в 1940 г. до 90 тыс. т в 1976-1980 гг. и до 100-110 тыс. т в 1980-х гг (см. табл. 4.19). В период гражданской войны и глубочайшего экономического кризиса оно резко сократилось и, по официальным данным, составляло в 1993 и 1994 гг. 57[1] тыс. т., а в 1995 г. – 52 тыс. т (см. табл. 4.20). Однако в материалах ФАО приводятся более реалистические цифры (см. табл. 4.24): в 1993 г. – 45 тыс. т., в 1994 г. – 42 тыс. т и в 1995 г. – 45 тыс. т. За последующие годы разница между показателями официальной таджикской статистики и материалами ФАО стала менее значительной и обычно не превышала 2-3 тыс. т. Оба источника демонстрируют постепенное восстановление объемов производства, однако даже в 2010 и 2011[2] гг. (72 и 75 тыс. т.) оно не превышало 65-70 % от уровня конца 1980-х гг. Общие ресурсы мяса в Таджикистане, как и в советский период его истории, пополнялись за счёт ввоза: в советское время – из других республик, а в период независимого развития – путём импорта из других стран. Объем импорта мяса и мясных продуктов увеличился с 9 тыс. т в 1992-1993 гг. до 19-22 тыс. т в 1995-1998 гг. Однако в 2003-2006 гг. он вновь сократился до 17 и даже 9 тыс. т (см.

[1] См. например, 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005): статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2006. – С. 202.
[2] Таджикистан в цифрах 2012: статистический сборник. – Душанбе, 2012. – С. 119 (электронная версия).

табл. 4.24). Впоследствии, в 2007-2009 гг. импорт резко увеличился до 28-39 тыс. т. В итоге, общие ресурсы мяса в стране уменьшились со 140 тыс. т в 1990 г. до 81 тыс. т в 1992 г. и 51-54 тыс. т в 1997-2001 гг., т.е. к этому времени они сократились на 60-64 %. Эти общие данные о потреблении мяса на душу населения, с учётом как внутреннего производства, так и импорта, приводятся в табл. 4.24. Они свидетельствуют: если в 1989 г. в Таджикистане (в расчете на одного жителя) потреблялось 29 кг мяса, а в 1990 г. – 26 кг (см. табл. 4.21), то уже в 1992 г. этот показатель снизился до 14,7 кг, и до 9,5 кг в 1994 г. После некоторого улучшения ситуации в 1995-1996 гг., положение еще более обострилось. В результате потребление мяса на душу населения в Таджикистане в 1997-1999 гг. не превышало 8,4-8,6 кг, а в 2001 г. опустилось до минимума – 8,2 кг, т.е. снизилось в три раза по сравнению с 1990 г., и в 3,5 раза по сравнению с 1989 г. Таким образом в начале 2000-х гг. ситуация на мясном рынке Таджикистана оказалась наиболее критической. В последующие годы, в условиях восстановительного экономического роста, потребление мяса вновь значительно увеличилось, но даже в 2008-2009 гг. не превышало 14,7-15 кг, т.е. вернулось к уровню 1992 г., когда величина соответствующего показателя не превышала половины или 55 % от максимума 1989 г. и 58-60 % от уровня 1990 г. К тому же и это примерно на 1/3 обеспечивалось импортными поставками.

Считаем, что все эти расчёты нуждаются в дополнительной корректировке с учётом того обстоятельства, что начиная со второй половины 1990-х гг. и вплоть до настоящего времени одной из характерных черт социально-экономической обстановки в республике Таджикистан стал процесс расширения трудовой эмиграции населения. Данные о численности мигрантов в официальных заявлениях руководителей соответствующих статистических служб и в оценках исследователей этой проблемы варьируют в довольно широких пределах. Однако к началу 2010-х гг. всё чаще фигурирует цифра в 1 млн мигрантов. Это означает: в стране ежегодно

отсутствует от 10 до 15 % официально учитываемого населения[1]. Разумеется, это грубая оценка. Она призвана показать, что реальное число потребителей продуктов питания в Таджикистане в действительности меньше официальных данных о численности его населения. Это означает, что подушевое потребление продуктов несколько выше приведенных ранее цифр.

В Узбекистане снижение ВВП в условиях экономического кризиса переходного типа оказалось наименьшим среди всех республик постсоветского пространства. Соответственно и положение в сельском хозяйстве существенно отличалось от ситуации в других странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Например, производство мяса в Узбекистане увеличивалось не только в 1970-х, но и на протяжении второй половины 1980-х гг. (см. табл. 4.19 и 4.20): с 386 тыс. т в 1986 г. до 484 тыс. т в 1990 г. В годы кризиса производство испытывало не слишком значительные, к тому же разнонаправленные колебания (см. табл. 4.20): в 1992 г. сократилось до 469 тыс. т., в 1993-1995 гг. увеличилось до 509 – 517 тыс. т., но в 1996-1999 гг. вновь снижалось до 461-482 тыс. т. В дальнейшем (точнее – с 2000 г.), производство мяса увеличивалось и в 2009 г. достигло 766 тыс. т (см. табл. 4.25), т.е. увеличилось почти на 60 % по сравнению с уровнем 1990 г.

Ресурсы мяса в Узбекистане в советский период увеличивались в результате ввоза из других республик. В 1990 г. они составили около 640-650 тыс. т., при собственном производстве 484 тыс. т. В период кризиса, особенно в 1992-1993 гг., ввоз мяса в Узбекистан существенно сократился: примерно, со 160 тыс. т в 1990 г. до 59 тыс. т в 1992 г. и 32 тыс. т в 1993 г. В дальнейшем, однако, импорт вновь резко возрос и в 1995, 1996 и 1998 гг. возвратился к уровню 1990 г., а в 1997 г. даже превысил его, достигнув 196 тыс. т. Это обстоятельство привело к тому, что если в 1992 и 1993 гг. потребление мяса на душу населения составляло примерно 24 кг (по

[1] См. например, Migration and Remittances Factbook. - 2011 (2012). - P. 238.

сравнению с 32 кг в 1990 г.), то в последующие 1994-1998 гг. (в результате увеличения импорта) оно возросло до 28-29,7 кг. В дальнейшем, начиная с 1999 г., закупки мяса за границей резко сократились: в 1999 г. – 25 тыс. т., в 2003 г. – 14 тыс. т., а в 2009 г. – 5 тыс. т. В 1999-2003 гг. потребление мяса на душу населения сократилось даже по сравнению с 1992 г. и не превышало 20-23 кг. Лишь в последующие годы, по мере повышения внутреннего производства, потребление мяса на душу населения вновь несколько увеличилось: в 2006-2007 гг. оно составляло около 26 кг, в 2009 г. – 28,4 кг. Таким образом, уровень потребления мяса к концу 2000-х гг. всё еще оставался на 10-15 % ниже максимального советского показателя 1990 г.

Анализ материалов ФАО о производстве, импорте и потреблении мяса в Туркменистане привел к выводу о необходимости проверки этих цифр с позиции их возможного соответствия (либо несоответствия) практике животноводства в этой стране, а также других республиках бывшего СССР. В конце 1980-х гг. объемы производства мяса в Туркмении колебались вокруг 90-100 тыс. т (см. табл. 4.19 и 4.20). Поэтому данные ФАО за 1992-1997 гг., согласно которым валовое производство мяса в стране составляло от 98 до 112 тыс. т (см. табл. 4.26), не вызывают особых сомнений и свидетельствуют, что в этот период мясное животноводство в республике не находилось в состоянии кризиса. Однако начиная с 1998 г. и вплоть до 2003 г. официальные данные о производстве мяса на убой свидетельствуют о резком (порою скачкообразном) росте соответствующих показателей. Например, если в 1995-1997 гг. индикатор производства мяса изменялся ежегодно не более чем на 1-2 тыс. т., то в 1998 г. его величина впервые за много лет увеличилась на 17 %, в 2000 г. – на 12 %, в 2001 г. – на 11 %, в 2002 г. – на 16 %, в 2003 г. – на 9 %. За шесть лет, т.е. с 1997 по 2003 гг., общее производство мяса в Туркмении возросло почти вдвое. Теоретически, особенно когда в прошлом производство испытывало сильное кризисное падение, можно было представить быстрое восстановление и даже увеличение максимальных докризисных показателей. Но в Туркмении ничего

подобного не было: здесь не наблюдалось сколько-нибудь существенного падения производства. К тому же, не вполне ясно, какие именно факторы способствовали столь внушительному и быстрому развитию мясного животноводства. В 2004-2006 гг. (судя по официальным данным) в сельском хозяйстве продолжало наращиваться производство мяса. Но на протяжении этих трех лет ежегодное увеличение составляло не более 0,5-2,4 %. Однако затем, за один 2007 г. происходит невиданный ранее рост производства – на 33 %(!). В последующие два года ничего подобного не наблюдается: в 2008 г. производство мяса составило 290 тыс. т., в 2009 г. – 299 тыс. т. Таким образом, из этих данных следует, что за период с 1992 по 2009 гг. производство мяса в убойной массе увеличилось втрое. Но при этом его динамика, по официальным данным, якобы отличалась крайней неравномерностью, и общий рост производства обеспечивался показателями 1998, 2000-2003 и, наконец, 2007 гг., тогда как в остальные годы динамика характеризовалась обычными для животноводческого хозяйства, не слишком значительными, колебаниями (в большинстве случаев производство увеличивалось, но в отдельные годы незначительно сокращалось). Всё это позволяет усомниться в реальности некоторых цифр и требует дополнительной проверки.

Общие ресурсы мяса, поступавшего в фонд личного потребления, формировались за счёт внутреннего производства и ввоза извне (импорта). Если в 1980-х гг. ввоз мяса из других республик достигал около половины внутреннего производства, то в 1990-е и, тем более, 2000-е гг. его импорт обнаружил отчётливую и даже резкую тенденцию к снижению (см. табл. 4.26) : в 1992 г. – 48 тыс. т., в 2000 г. – 9 тыс. т., в 2009 г. – 6 тыс. т.[1]. Таким образом, общие ресурсы мяса, в целом, всё в большей степени (а к концу изучаемого периода почти целиком) обеспечивались его внутренним производством.

[1] В отдельные годы, например, в 2006 и 2007 гг. размеры импорты составляли, соответственно, только 2 и 1 тыс. т.

Данные о производстве, импорте и общих ресурсах мяса, используемого для потребления населения позволяют получить показатели потребления на душу населения. Они свидетельствуют: если в 1989-1990 гг. на каждого жителя республики приходилось в среднем 43-44 кг мяса (см. табл. 4.21), а в 1993-1995 гг., а также 1998-1999 гг. (см. табл. 4.26) – около 30 кг (в 1996-1997 гг. – 25-26 кг), то в дальнейшем наблюдается постепенный рост этого показателя: 2000 г. – 34 кг, 2001 г. – 36 кг, 2002 г. – 42 кг, 2003 г. – 45 кг. Таким образом, повышение уровня потребления обеспечивается особенно значительным (и вызывающим определенные сомнения) ростом внутреннего производства именно в эти годы. В дальнейшем, на протяжении трех лет, т.е. с 2004 по 2006 гг., уровень подушевого потребления не только не увеличивается, но даже незначительно снижается: менее, чем на 1 кг, по сравнению с максимумом 2003 г. В 2007-2009 гг., т.е. в период особенно значительного роста его производства (на 1/3 в 2007 г.), уровень подушевого потребления вновь увеличивается на 10-14 кг, т.е. на 25-35 % превышает максимальный «советский» показатель. Ничего подобного не наблюдалось ни в одной из постсоветских республик, кроме Узбекистана (где показатели за 2008-2009 гг. также вызывают серьезные сомнения).

На примере ситуации в сфере производства, импорта и потребления мяса в ряде республик Центральной Азии и Южного Кавказа несложно убедиться, что при анализе предпочтение не может быть отдано данным какого-либо отдельно взятого источника. Все имеющиеся сведения требуют внимательной проверки и перепроверки, а если соответствующие показатели различных изданий и баз данных противоречат друг другу, необходимо более пристальное их изучение и интерпретация (там, где это возможно) несогласованности подобного рода.

Особенность анализа в сфере потребления продуктов питания в том, что требуются дополнительные (значительные) усилия для получения наиболее полных и близких к действительности цифр.

Одним из выводов, который напрашивается после анализа данных о потреблении большинства продуктов питания и групп продуктов заключается в том, что оно существенно различается не только между республиками Центральной Азии или Южного Кавказа, но и между ними и «европейскими» странами-членами СНГ (в прошлом СССР).

Когда речь идёт, например, о потреблении фруктов, ягод, некоторых овощей и бахчевых культур, это во-многом (или даже в решающей степени), связано с различными условиями их выращивания в северных и южных районах СССР. Климатические и иные природные условия во многом определяют набор культур или различных видов скота, который исторически складывался в той или иной республике. Однако немалую роль играла и государственная политика, которая определявшая специфику разделения труда между республиками и регионами в рамках СССР. Например, Таджикистан и, особенно, Узбекистан, во многом превратились в регионы хлопковой монокультуры. После распада СССР, в условиях рыночного развития экономики этих двух стран, структура их сельскохозяйственного производства претерпела существенные изменения в интересах достижения продовольственного самообеспечения в отношении ряда базовых, наиболее важных продуктов, путём расширения производства зерновых культур.

Когда речь идёт о наиболее ценных, с точки зрения содержания столь нужных организму белков и жиров животного происхождения (мясо и мясные продукты, рыба и рыбопродукты, молоко и молочные продукты, яйцо), их производство и потребление (в расчёте на душу населения) в решающей степени зависит не только от природных условий, но и от общего уровня экономического развития каждой из республик СССР, а ныне новых независимых государств, возникших на постсоветском пространстве.

Ранее нами показано: еще в 1990 г., – пожалуй, последнем из более или менее нормальных лет советского периода – подушевой ВВП России, по данным и советских и российских статистиков, был в полтора-два (и даже три) раза выше, чем в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа.

СССР был единым, централизованным государством. В его рамках регулярно осуществлялось перераспределение ресурсов из более развитых в менее развитые республики, в первую очередь из России в республики Южного Кавказа и Центральной Азии. Но несмотря на это, в 1990 г. потребление большинства отмеченных выше продуктов в России было выше, чем на территории Южного Кавказа и Центральной Азии. Так, потребление мяса и мясопродуктов в расчете на душу населения составляло в России около 69 кг[1]. Эта цифра характеризовала реальное количество мяса и мясопродуктов, без учёта сала и субпродуктов, которые ранее включались в расчёт указанного показателя, когда его прежние оценки достигали 75 кг (см. табл. 4.28). Подобный пересчёт осуществлён только по величине российского индикатора, тогда как все данные по другим республикам на 1990 и последующие годы по-прежнему включали субпродукты. Таким образом, приводимые официальной статистикой цифры занижают реальные различия между уровнем потребления мяса и мясных продуктов в России, с одной стороны, и на территории Южного Кавказа и Центральной Азии, с другой. Реальное потребление данного вида продуктов оказалось в России на 8% ниже величины прежнего индикатора. Нельзя утверждать, что и во всех других республиках реальный уровень потребления ниже официальных статистических данных именно на 8 %. Но представляется целесообразным, наряду с этими официальными показателями дать наши оценки, отличающиеся в сторону понижения на 5-10 %. Эти цифры приводятся в скобках и не претендуют на точность. Они призваны показать возможные масштабы завышения реального уровня потребления в других (помимо России) республиках СНГ.

Проанализируем официальные данные о потреблении мяса в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа (1989-1990 гг.). Здесь самый высокий уровень потребления оказывается в Казахстане (73 кг):

[1] См. Россия и страны мира: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2002. – С. 114.

формально он практически такой же, как в России[1]. Но если не учитывать сало и субпродукты, более реальная цифра не будет превышать 62-66 кг, т.е. потребление мяса на душу населения в РФ остаётся более высоким; впрочем, разница была небольшой, и это не имеет существенного значения.

Если распределить республики по уровню потребления мяса, то в Казахстане и Киргизии величина этого индикатора значительно выше, чем в Азербайджане, Армении, Грузии, Узбекистане и даже Туркмении, где скотоводство исконно играло важнейшую роль в сельскохозяйственном производстве. Масштабы этих различий четко показаны в табл. 4.22, где нами рассчитан индекс потребления мяса и мясопродуктов, и где российский показатель равен 100 %. При его сравнении с аналогичными данными по другим странам Европы, выясняется: в 1990 г. он несколько превосходил аналогичные цифры по Польше (64 кг) и Финляндии (64 кг), но значительно уступал Франции (95 кг), Чехии (82 кг) или Италии (83 кг)[2]. С другой стороны, в Японии, в расчёте на одного жителя потреблялось около 40 кг мяса и мясопродуктов. Однако это связано с тем, что японцы потребляли гораздо больше рыбы и рыбопродуктов (56 кг). Поэтому общий уровень потребления мяса и рыбопродуктов в Японии практически не отличался от аналогичного суммарного показателя по Канаде или Австралии и к тому же незначительно превосходил уровень потребления мяса и рыбы в России (89 кг). Во многих других странах Азии уровень потребления этих ценнейших продуктов питания оставался гораздо ниже, чем в республиках Южного Кавказа и Центральной Азии.

Анализ соотношения высшего и низшего уровней потребления этих продуктов в СССР показал, что в Таджикистане, где подушевой ВВП был примерно в 3,2 раза ниже, чем в РСФСР (России), потребление мяса и мясопродуктов оказалось ниже, чем в РФ, в 2,6 раза, а фактически это

[1] По-видимому, без учета республик Прибалтики, наивысшая величина искомого показателя – в Белоруссии, где даже после «избавления» от сала и субпродуктов, реальное потребление составит 68-70 кг. – *Прим. авт.*

[2] Россия и страны мира. 1998: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 1998. – С. 64.

различие было не менее чем в 2,9-3 раза. Таким образом, оно, в общем, соответствовало различиям в общем уровне развития этих республик, измеряемом подушевым ВВП.

Важнейший источник белков не только мясо-, но и рыбопродукты. Их потребление в республиках СССР отличалось важными особенностями. Основная из них в том, что разрыв между уровнем потребления рыбы и рыбопродуктов между Россией (20,3 кг), Белоруссией (19,4 кг) и Украиной (17-18 кг), с одной стороны, и республиками Центральной Азии и Южного Кавказа, – с другой, характеризовался еще большими показателями, чем по мясу. Например, в Таджикистане потребление рыбы в 1990 г. в расчете на душу населения (см. табл. 4.28) составляло 3,3 кг, в Туркмении – 4,3 кг, в Узбекистане – 4,9 кг, Киргизии – 6,3 кг. Иначе говоря, речь идёт о действительном разрыве, когда потребление продуктов в этих странах оказывалось в 4, 5, а в Таджикистане и в 6,5 раз меньше, чем в России. При этом «собственный» улов рыбы и производство рыбопродуктов составлял незначительную часть даже этих достаточно низких показателей (Таджикистан – 0,7 кг, Киргизии – 0,3 кг, Узбекистан - 1,3 кг), а в других республиках, напротив, существенно превосходил уровень потребления этих продуктов (Туркменистан – 12,1 кг, Грузия – 19,3 кг, Азербайджан – 5,8 кг, Россия 53,2 кг (!), Украина – 20,6 кг).

Таким образом, уровень потребления рыбы и рыбопродуктов в изучаемых республиках складывался в результате перераспределения ресурсов из тех, где улов существенно превышал уровень потребления (Туркмения, Грузия, но в первую очередь Россия), в другие республики Центральной Азии, Южного Кавказа, а также в Белоруссию, Молдавию и, отчасти, Украину. Всё это в дальнейшем сказалось на динамике потребления данных продуктов в республиках после развала СССР. Теперь каждая из них должна была опираться на собственные ресурсы или приобретать рыбопродукты в других странах в той мере, в какой это позволяли

ограниченные средства бюджета, либо доходы от экспорта других видов продукции.

Материалы табл. 4.28 свидетельствуют, что аналогичные тенденции выявляются и при изучении различий в уровне потребления других важнейших компонентов белкового рациона – молока и молочных продуктов. Единственная разница – в общей величине этих различий: они в целом несколько меньше, чем по мясу и рыбе. Наиболее высокий уровень потребления этих ценнейших продуктов был не в России (387 кг), а в Белоруссии (425 кг) и в Армении (446 кг). Но если в Белоруссии такой уровень потребления полностью обеспечивался внутренним производством (732 кг), то в Армении он достигался благодаря перераспределению молочных ресурсов между республиками, поскольку собственное производство молока и молочных продуктов в Армении не превышало 122 кг, т.е. составляло около 27 % от их потребления.

Все республики СССР можно было разделить на две группы. В одних производство молока на душу населения превышало уровень его потребления. К этой группе относились Белоруссия (соответственно, 732 и 425 кг), Украина (475 и 373 кг), а также, в гораздо меньшей степени, Молдова (347 и 303 кг), Казахстан (347 и 311 кг). В России и Киргизии разница между подушевым производством и потреблением была незначительной: в России 377 и 387 кг и в Киргизии – 270 и 266 кг, соответственно. По нашему мнению, она могла находиться в пределах статистической ошибки. Во всех остальных республиках потребление молока и молочных продуктов было выше, чем их производство. В Азербайджане потребление составляло 292 кг, а производство – 135 кг; в Грузии, соответственно, 289 и 122 кг; в Таджикистане – 161 и 109 кг; в Туркменистане – 212 и 117 кг; в Узбекистане – 210 и 149 кг; в Армении – 446 и 122 кг.

В рамках СССР подобное перераспределение ресурсов осуществлялось административным путем. Цены на молоко и молочные продукты были

едиными (если не считать транспортных издержек); они различались незначительно и не учитывали себестоимость их производства в различных республиках. Все это в дальнейшем сказалось на динамике потребления и производства этих продуктов в условиях рыночной экономики. В ситуации глубокого кризиса переходного типа, производство продуктов животноводства сокращалось практически везде. Но там, где потребление значительно превышало производство в 1990 г., его снижение или даже падение в последующие годы было особенно значительным: в кризисный период оно сокращалось в разы.

По исторически сложившимся причинам, все показатели потребления молока и молочных продуктов в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, не говоря уже о России, значительно (в два-три и более раз) выше, чем, например, в Японии, где аналогичная цифра не превышала 84 кг. Как видно из приведенных в табл. 4.29 цифр, если исходить из формальных сравнений официальных статистических индикаторов, то уровень потребления молока и молочных продуктов в России практически не отличался от французского, был выше, чем в Финляндии (351 кг), Австрии (342 кг), значительно выше, чем в Италии (272 кг) или Бельгии (281 кг) и в два с лишним раза превосходил показатель Испании (145 кг). Таковы данные официальной статистики, опубликованные Госкомстатом России в 1998 г. и нередко используемые при анализе условий жизни в разных странах. Однако остается неясным, насколько вообще сопоставимы эти показатели. Включают ли они, например, такие молочные продукты, как «сливочное масло» и «сыры». В справочнике 1998 г. таких указаний нет, но в соответствующем издании 2010 г. прямо отмечается, что цифры по Испании, Италии, Австралии и ряду других стран, рассчитаны без учета потребления сливочного масла[1], а возможно, и сыров. Таким образом, показатели по указанным странам на 1990 г. просто несопоставимы, так как по России,

[1] Россия и страны мира: статистический сборник. – М.: Госкомстат России, 2010. – С. 121.

странам Центральной Азии и Южного Кавказа они включают «масло животное» в пересчёте на молоко.

В отличие от мясо-, рыбо- и молочных продуктов, потребление и производство четвёртого источника белков животного происхождения (яйцо), различалось в каждой из республик менее значительно. В результате реализации программы развития крупных птицеводческих ферм и инкубаторов, они были построены на всей территории СССР и снабжались комбикормами в более или менее централизованном порядке. В итоге, потребление и производство яиц на душу населения в 1990 г. (в штуках) составляли, соответственно, в Азербайджане 143 и 137 (см. табл. 4.27 и 4.28), в Армении – 163 и 146, в Белоруссии – 323 и 359, в Грузии – 140 и 141, в Казахстане – 225 и 256, в Киргизии – 154 и 163, в Молдове – 203 и 259, в России – 297 и 321, в Таджикистане – 111 и 112, в Туркменистане – 101 и 88, в Узбекистане – 120 и 120, в Украине – 272 и 316. Как следует из приведенных данных, различия в потреблении и производстве яиц в союзных республиках были значительными, но всё же, не столь внушительными, как в потреблении и производстве молока и молочных продуктов. Поэтому масштабы перераспределения соответствующей продукции между республиками также были не слишком велики. Однако после распада СССР (когда исчез централизованный источник поставки комбикормов и зерна, а себестоимость производства зерновых и комбикормов стала играть важнейшую роль в условиях рыночной экономики) падение производства и потребления яиц в республиках Центральной Азии и Южного Кавказа также оказалось весьма существенным.

Важнейшая составляющая пищевого рациона во всех республиках бывшего СССР – потребление хлеба и хлебопродуктов. Здесь также сказывались некоторые различия, обусловленные исторически сложившимися традициями, вкусовыми предпочтениями, культурными особенностями, условиями производства зерновых культур. Однако разница между минимальным (Россия – 119 кг) и максимальным (Грузия – 183 кг)

потреблением хлеба и хлебопродуктов на душу населения, во-первых, оказалась всё же меньше, чем между аналогичными показателями по продуктам животноводства и, во-вторых, с точки зрения основной тенденции, была скорее обратно пропорциональна общему уровню социально-экономического развития республик СССР. Вот почему в Таджикистане (167 кг), Туркменистане (165 кг) и Узбекистане (170 кг), уровень экономического развития которых был значительно ниже, чем в России, потребление хлеба и хлебопродуктов оказывалось гораздо бóльшим. В этих республиках рацион в меньшей степени включал мясо-молочные, рыбные продукты и яйцо, чем в России. Однако при этом решающую роль, могли играть исторически сложившиеся привычки, предпочтения, традиции. Поэтому, например, в Грузии (183 кг) или на Украине (166 кг) уровень потребления хлебных изделий был также весьма высоким, хотя их подушевой ВВП (национальный доход) значительно превосходил величину аналогичных индикаторов в Таджикистане, Туркмении или Узбекистане. Однако прямое сопоставление данных о потреблении хлеба и хлебопродуктов (см. табл. 4.28), с одной стороны, и сведений о производстве зерновых в расчете на душу населения (см. табл. 4.27), с другой, не учитывает соотношения между количеством зерна и выпечкой хлеба. Из килограмма зерна получается больше килограмма хлеба, потому что здесь появляется так называемый припёк. Но главное, значительная часть ресурсов зерна может использоваться в качестве кормов для животных и птицы. В тех республиках, где производство зерновых значительно превышало внутренние потребности (назовём их ***«зерноизбыточными»***), в СССР излишки вывозили в ***«зернонедостаточные»***. Приведенные цифры позволяют сделать следующие выводы. В Узбекистане, Таджикистане, Армении и Грузии производство зерновых не удовлетворяло даже потребности населения в хлебе и хлебопродуктах. Они (эти потребности) обеспечивались ввозом зерна из других «зерноизбыточных» республик, каковыми являлись Украина, Казахстан, Россия и Беларусь. Однако установить оптимальные размеры

зернового производства для каждой республики вряд ли вообще возможно. В условиях рыночной экономики, как показывают события 1990-х и 2000-х гг., конъюнктура на зерновом рынке могла испытывать значительные, разнонаправленные и резкие колебания. Тем не менее, при реализации экономической и социальной политики, в любой стране ставится приоритетная задача обеспечения продовольственной безопасности. В её рамках обеспечение уровня потребления хлеба и хлебопродуктов имеет первостепенное значение.

В республиках СССР, где производство зерновых во-многом зависело от изменения природно-климатических условий, этот факт приобретал временами особое значение. Об этом свидетельствует неурожай 1963 г., сыгравший определенную роль в последующем «свержении» Н.С. Хрущева и приходе к власти нового руководства во главе Л.И. Брежневым. После распада СССР, когда на смену прямому перераспределению ресурсов пришли рыночные условия с их постоянно меняющейся конъюнктурой, перед руководством «зернонедостаточных» республик встала задача достижения самообеспеченности этим важнейшим продовольственным ресурсом. Полностью решить её во многих случаях оказывалось невозможным. Увеличение внутреннего производства зерна провозглашалось одной из важнейших целей экономической политики в области сельского хозяйства в Туркмении, Узбекистане, Таджикистане и др. В рыночной экономике любой страны, как правило, приоритетными отраслями сельскохозяйственного производства оказываются те, которые по природно-климатическим и иным условиям обеспечивают наивысший уровень производства и дохода в расчёте на единицу затраченных ресурсов. Поэтому в Средней Азии, отдельных регионах Казахстана и на Южном Кавказе (т.е. там, где наличествуют благоприятные условия для выращивания таких ценных культур, как плоды, ягоды, ранние овощи и бахчевые) эти отрасли получают преимущества (имеется в виду, например, использование орошаемых земель), поскольку обеспечивают более высокий доход с

единицы земельной площади. Что же касается зерновых, то их недостаток компенсируется импортом из других республик СНГ (например, Казахстана) или стран дальнего зарубежья.

Отмеченные особенности деления республик бывшего СССР на «зерноизбыточные» и «зернонедостаточные» оказывали, как правило, неблагоприятное влияние на общий уровень потребления продуктов питания (и не только хлебопродуктов) населения в большинстве республик средней Азии и Закавказья.

Немалый интерес представляет изучение уровня потребления таких важных составляющих пищевого рациона как картофель, овощи, а также фрукты и ягоды. Здесь можно отметить следующие характерные черты и особенности, которые были присущи структуре пищевого рациона различных республик. Отчётливо проявились различия в уровне производства и потребления картофеля между такими «европейскими» республиками, как Россия, Белоруссия и Украина, с одной стороны, республиками Южного Кавказа и Средней Азии (кроме, пожалуй, Киргизии), – с другой. Казахстан и Киргизия занимали, как обычно, промежуточное положение. Производство картофеля в 1990 г. в расчете на душу населения достигало наибольших размеров в Белоруссии (843 кг), на Украине (324 кг) и в России (209 кг). Эти республики были «картофелеизбыточными». Оттуда часть произведённого картофеля вывозилась в другие республики или за границу. Уровень среднедушевого потребления этого продукта, в общем, соответствовал показателям его производства. Он был наивысшим в Белоруссии (170 кг), затем шла Украина (131 кг) и Россия (106 кг). В Казахстане и Киргизии производство и потребление на душу населения были несколько меньшими (соответственно 142 и 86 кг и 83 и 69 кг). Таким образом, и в этих республиках потребление было меньше производства, и часть продукции вывозилась за их границы. Республики Южного Кавказа отличались меньшим уровнем производства и потребления картофеля. Сравнительно высокий уровень производства был в Армении (60 кг) и

Грузии (54 кг) и существенно меньшим в Азербайджане (26 кг). В таком же порядке они располагались и по уровню потребления: в Армении подушевое потребление картофеля достигало 58 кг, в Грузии – 41 кг, а в Азербайджане не превышало 27 кг. Таким образом, и Армения и Грузия вполне обеспечивали потребности в картофеле его производством; в Азербайджане разница между этими показателями была незначительной (соответственно, 26 и 27 кг). Что касается Средней Азии, то здесь и общий уровень производства, и уровень потребления были либо ниже, либо оказывались сопоставимы с показателями Азербайджана. Производство картофеля на душу населения было наибольшим в Таджикистане (39 кг) и гораздо меньшим в Узбекистане (17 кг) и Туркменистане (9 кг). В итоге, Таджикистан, в целом, обеспечивал свои потребности (35 кг) внутренним производством, тогда как еще более низкий уровень потребления картофеля в Узбекистане – 29 кг (при производстве 17 кг) – обеспечивался ввозом из других регионов. В Туркменистане еще большая доля подушевого потребления (26 кг) могла обеспечиваться (при собственном производстве в 9 кг) только ввозом картофеля, в основном, из соседних республик.

Для производства овощей, плодов и ягод наиболее благоприятные природно-климатические условия сложились в Средней Азии и на Южном Кавказе. Однако в Средней Азии площадь огородов и садов не могла существенно расширяться в условиях хлопковой монокультуры. Поэтому и потребление, и производство овощей и бахчевых, в целом, в республиках Средней Азии лишь незначительно превышало аналогичные показатели на Украине, в Азербайджане или Армении (см. табл. 4.27 и 4.28).

С другой стороны, уровень потребления этих продуктов растениеводства в трёх среднеазиатских республиках, специализироввашихся на выращивании хлопка, вполне обеспечивался их собственным производством. Так, в Туркмении потребление овощей и бахчевых в 1990 г. составляло 123 кг. При этом в расчете на душу населения только овощей выращивалось 111 кг, а бахчевых культур - 85 кг. В

Узбекистане уровень потребления этих продуктов растениеводства (107 кг) вполне обеспечивался внутренним производством овощей (139 кг), даже без учета бахчевых (49). Аналогичная картина наблюдалась в Таджикистане, где в расчете на душу населения только овощей выращивалось около 100 кг (бахчевых – 27 кг), тогда как потребление и овощей и бахчевых не превышало 95 кг.

На Южном Кавказе объем производства бахчевых был гораздо меньшим, чем в странах Центральной Азии. Поэтому говоря о потреблении «овощей и бахчевых», следует понимать, что речь идёт, главным образом об овощах. Ситуация в Азербайджане отличалась определенной спецификой: здесь подушевое потребление не превышало 67 кг и было, таким образом, почти вдвое ниже производства (119 кг), а «излишки» вывозились в более северные районы и города СССР, в т.ч. и в Москву. В Грузии производство и потребление овощей более или менее уравновешивали друг друга. Иным было положение в Армении. Для неё характерен более высокий уровень подушевого потребления (132 кг), который не полностью покрывался собственным производством (110 кг). В Казахстане и Киргизии уровень потребления (76 и 78 кг соответственно), по-видимому, более или менее обеспечивался внутренним производством овощей (70 кг в Казахстане и 111 кг в Киргизии) и бахчевых (19 кг в Казахстане и 16 кг в Киргизии). Овощи для Киргизии были одним из «экспортных» товаров, тогда как в Казахстане ситуация в разных районах этой огромной по территории республики складывалась не одинаковая, но некоторое количество овощей приходилось ввозить из соседних районов.

Климатические условия Средней Азии и Южного Кавказа – наиболее благоприятные для выращивания плодов и ягод. Тем не менее, подушевое производство плодов и ягод в Туркменистане (13 кг), а также в Узбекистане (32 кг) и даже в Таджикистане (41 кг) оказалось меньшим, чем на Украине (56 кг). В условиях планово-распределительной экономики превращение этих республик в хлопково-монокультурные приводило к постоянному

ограничению площади садов как в колхозах и совхозах, так и в личных хозяйствах дехкан. В результате в Туркмении, крайне незначительное потребление плодов и ягод (19 кг) обеспечивалось примерно на 1/3 ввозом этих продуктов из соседних республик. В итоге всех планово-распределительных операций потребление этих ценных продуктов в России (35 кг) в 1990 г. оказалось выше, чем в Туркмении (19 кг), Таджикистане (30 кг) и Узбекистане (33 кг). В республиках Южного Кавказа уровень подушевого производства плодов и ягод в Азербайджане (44 кг), Армении (44 кг) и Грузии (109 кг) превышал аналогичные показатели по республикам Средней Азии, тогда как их потребление в Армении (41 кг) было выше, чем и в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане, а в Азербайджане более или менее соответствовало аналогичным показателям по Таджикистану и Узбекистану. В Грузии в 1990 г. потребление фруктов и ягод в расчете на душу населения (49 кг) было, с одной стороны, вдвое меньше, чем их урожай, но, с другой, превосходило величину аналогичных индикаторов во всех республиках, кроме Молдовы (79 кг). Это объяснялось тем, что Молдова в рамках планово-распределительной системы специализировалась на выращивании плодов и ягод (207 кг на душу населения) и изготовлении вина. Впоследствии, однако, после распада СССР, в условиях экономического кризиса переходного типа эта своеобразная монокультурность, наряду с другими факторами, тяжело отразилась на народном хозяйстве этой республики.

Но все эти сопоставления не столь важны по сравнению с коренными различиями в условиях, характере и особенностях потребительского рынка в республиках СССР, с одной стороны, в ряде стран Восточной Европы (Чехия, Венгрия), тем более, Западной Европы и Северной Америки, – с другой. Без характеристики этих важнейших отличий, все формальные сравнения соответствующих цифр, приведенные выше, будут скрывать реальную картину уровней потребления продуктов питания в СССР,

развитых странах Запада и ряде государств Восточной и Центральной Европы.

В РСФСР, республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, при всех реальных, порой существенных, различиях, господствовал «рынок продавца». В его роли выступало государство (государственная торговля), а также колхозно-совхозный рынок. Отличительными чертами этого «рынка продавца» и государственной торговли были: крайне узкий ассортимент мясных и молочных продуктов; постоянный дефицит то одних, то других товаров, связанные с этим огромные очереди, в которых часами стояли, преимущественно, женщины (но также и мужчины); низкое качество многих продуктов, продававшихся даже в столицах республик. К тому же, даже этот ассортимент товаров не менялся годами, а порой и десятилетиями; более того, в 1980-х гг. он еще более сужался, а качество продуктов постепенно ухудшалось.

С другой стороны, и в условиях рыночной экономики, в том числе и в изучаемых странах, конкуренция в сфере торговли продуктами питания недостаточно развита, а во многих случаях сохраняются элементы монополии, сговора, господства перекупщиков, не только в торговых сетях, но и на рынках, контролируемых узкими группами собственников. Таким образом, надо констатировать сохранение элементов рынка продавца. Эти важнейшие уточнения реальной ситуации на продовольственном рынке изучаемых стран на постсоветском пространстве целесообразны по целому ряду причин. Так, новые поколения студентов, аспирантов и молодых исследователей, которые не были свидетелями реального быта советских граждан во второй половине 1980-х гг., как показывает опыт, могут ограничиться сопоставлением формальных цифр, а после изучения динамики процессов, происходивших на продовольственном рынке в 1990-х и даже большей части 2000-х гг., прийти к не вполне обоснованным выводам о характере, особенностях и типичных чертах этих изменений. Учёт этих и иных аналогичных обстоятельств необходим не только в интересах

объективного сопоставления уровней потребления в разных странах в 1990 г., но и для объективного анализа последующего периода, охватывающего независимое развитие республик Центральной Азии и Южного Кавказа в условиях их перехода к рыночной экономике, а затем и в годы её относительно нормального функционирования, т.е. на протяжении последующих двадцати лет.

4.3.2. Потребление продуктов питания в государствах Южного Кавказа (1991-2010 гг.)

Рассматривая ситуацию в сфере потребления продуктов питания в республиках Южного Кавказа, необходимо отметить, что в условиях особого глубокого общеэкономического кризиса, резкого обострения экономических и политических противоречий внутри каждой из стран и в межгосударственных отношениях, падение производства товаров и услуг неизбежно привело к особенно значительному сокращению потребления почти всех продуктов питания в 1990-х гг. Если падение ВВП каждой из республик прекратилось в 1993 (Армения), 1994 (Грузия) и 1995 гг. (Азербайджан), а последующие годы наблюдался постепенный выход из кризиса, то продовольственная ситуация в каждой из этих стран во второй половине 1990-х гг. улучшалась (если улучшалась) гораздо медленнее.

В **Армении** по ряду отмеченных ранее экономических и политических причин своей наибольшей глубины общеэкономический кризис достиг в 1993 г., когда производство ВВП сократилось до 44 % от уровня 1990 г. и 46 % от уровня 1989 г., когда в этой республике был достигнут максимальный уровень его производства. Аналаиз ситуации в сфере потребления показал, что в 1993 г. в расчёте на душу населения потребление мяса и мясопродуктов сократилось с 44 до 20 кг (см. табл. 4.50), т.е. более, чем вдвое, молока и молочных продуктов – с 446 до 122 кг (т.е. более, чем в 3,6 раза), яиц – со 163 до 45 шт. (т.е. почти вчетверо), рыбы и рыбопродуктов - с 7,5 до 0,6 кг (т.е. в 12 раз), сахара – с 38,9 до 1,6 кг (в 24 раза), растительного масла – с 3,1 до 0,5

кг (т.е. более чем в 6 раз). Одновременно, хотя и в меньших масштабах, снизилось потребление даже таких традиционных для Армении и выращиваемых в самой стране культур как овощи и бахчевые (со 132 до 99 кг), а также плодов и ягод (включая виноград) (с 41 до 32 кг). Потребление хлеба и хлебопродуктов снизилось со 129 до 110 кг. Только потребление картофеля несколько увеличилось с 58 до 73 кг. Таким образом, 1993 г. стал в Армении полуголодным, а в восприятии населением, привыкшим в последние годы существования СССР к сравнительно высокому уровню потребления, даже голодным годом. В последующий период, вплоть до конца десятилетия, производство ВВП в Армении постепенно увеличивалось и в 1999 г. возросло по сравнению с 1993 г. примерно на 30 %. Однако потребление важнейших продуктов питания в этот период, хотя, в целом, постепенно увеличивалось, но, как правило, гораздо медленнее и в гораздо меньшей степени. Так, например, в 1999 г. потребление мяса и мясопродуктов составляло 22 кг, т.е. увеличилось лишь на 10 % и было вдвое меньше, чем в 1990 г. Потребление молока в 1999 г. несколько возросло до 121 кг, но, по-прежнему, оставалось намного меньшим, чем в 1990 г. (почти в четыре раза). Потребление рыбы в 1999 г. сократилось втрое – до 0,2 кг. Это можно объяснить тем, что Армения не имела выхода к морям, а внутренние рыбные ресурсы были крайне ограничены. По-прежнему тяжелое экономическое положение не позволяло прибегать к сколь-нибудь серьезным масштабам импорта рыбы и рыбопродуктов. На протяжении самого тяжелого десятилетия 1990-х гг. Армения вынуждена была опираться прежде всего на внутренние ресурсы, на производство основных продуктов питания в самой стране. Однако при этом выявились уже отмеченные ранее особенности продовольственной ситуации. Так, например, валовой урожай зерновых и зернобобовых культур в расчёте на душу населения составлял здесь (см. табл. 4.36) от 72 кг (1990 г.) до 93 кг (1999 кг), т.е. оставался значительно меньшим, по сравнению с общими потребностями экономики и населения в хлебных продуктах и кормах для скота и птицы.

Производство мяса скота и птицы на убой на душу населения на всём протяжении с 1993 по 1999 гг. не превышало 15-16 кг (см. табл. 4.30). Оно оставалось гораздо ниже уровня 1990 г. (26 кг) и не обеспечивало даже снизившегося среднедушевого уровня потребления (20-22 кг). Недостающие продукты импортировались из-за границы.

Производство молока в Армении (см. табл. 4.32) с 1993 г. (117 кг) возросло к 1999 г. до 141 кг и таким образом обеспечивало резко снизившийся уровень его потребления по сравнению с 1990 г.

Производство яиц на душу населения (см. табл. 4.34) в 1993-1999 гг. составляло в среднем около 70 шт., что обеспечивало внутренний уровень их потребления в эти годы.

Производство плодов и ягод на душу населения резко колебалось от года к году (см. табл. 4.44), но в целом оно сначала резко снизилось – с 46 кг в 1991 г., до 14 кг в 1993 г., а в дальнейшем, хотя и не восстановило максимальный докризисный уровень, тем не менее, составляло от 27 до 45 кг; соответственно, колебались и показатели потребления этих ценнейших продуктов. Примерно таким же было положение и в сфере производства овощей и бахчевых. Несмотря на резкие колебания (связанные в основном с климатическими условиями) потребление овощей и бахчевых, в целом, на протяжении 1990-х гг. обеспечивалось их внутренним производством и колебалось вокруг докризисного уровня. Так обстояло дело в период кризиса и постепенного восстановления экономики страны в 1990-е гг.

Первое десятилетие XXI века ознаменовалось в Армении завершением восстановительного периода и началом поствосстановительного экономического роста примерно с 2003 г., когда подушевой ВВП впервые незначительно превысил уровень 1990 г. В дальнейшем, он постоянно увеличивался (исключение – кризис 2009 г.) и в 2010 г. превышал уже уровень 1990 г. примерно на 55-60 %. В подобных условиях можно было бы ожидать и соответствующего увеличения потребления продуктов питания. В действительности положение в этой сфере, хотя и значительно улучшилось,

однако, далеко не в такой степени, как общее производство подушевого ВВП.

Рассмотрим подробнее ситуацию, сложившуюся в начале XXI в. на продовольственном рынка Армении.

Потребление мяса и мясопродуктов на протяжении 2000-х гг. постепенно увеличивалось (в 2000 г. оно составляло 23 кг, в 2005 г. – 31 кг, а в 2008 г. – 49 кг), но под воздействием кризиса в 2009 и 2010 гг. снизилось до 42 кг (см. табл. 4.50). Иначе говоря, за исключением 2008 г. на протяжении всех лет оно оставалось существенно меньшим, чем в 1990 г. Такая динамика определялась внутренним производством мяса скота и птицы в Армении. Если в 2000 г. оно в подушевом выражении не превышало 16 кг, то в 2010 г. увеличилось до 22 кг (см. табл. 4.30). Таким образом, внутреннее производство мяса обеспечивало лишь немногим более половины потребления этого продукта, что обусловливало необходимость импорта мяса в значительных размерах и определялось валютным доходами страны.

Производство молока на душу населения в Армении увеличилось со 140 кг в 2000 г. до 185 кг в 2010 г. (см. табл. 4.32), а потребление молока и молочных продуктов в этот период (см. табл. 4.50) увеличилось до 118 кг в 2000 г., 169 кг в 2005 г. и 207 кг в 2010 г. Следовательно, потребление молока и молочных продуктов, в целом обеспечивалось внутренним производством, хотя в последние годы некоторое их количество импортировалось.

Производство яиц также увеличилось (см. табл. 4.34) со 120 шт. на душу населения в 2000 г. до 216 шт. в 2010 г. В то же время, потребление яиц (см. табл. 4.50) возросло с 90 шт. в 2000 г. до 218 шт. в 2010 г. Учитывая почти неизбежные погрешности статистического учёта, можно полагать, что потребление яиц, в целом, отражало уровень и динамику их производства в стране. Погодовая динамика потребления этого продукта показала, что докризисный уровень потребления яиц достигнут лишь в 2007 г., а в последующие годы он превышен (см. табл. 4.51) примерно на 20-30 %.

В отличие от продуктов животного происхождения, потребление основных продуктов растениеводства существенно возросло. Например, потребление растительного масла в расчете на душу населения (см. табл. 4.50) еще в 1999 г. достигло докризисного уровня, а в 2010 г. превысило его более, чем в 2,5 раза, и составило 8 кг.

Потребление овощей и бахчевых продуктов в Армении (см. табл. 4.50) уже в 1999 г. незначительно превысило уровень 1990 г. В дальнейшем оно росло более быстрыми темпами и в 2008-2010 гг. составляло в среднем около 315-320 кг на душу населения, т.е. увеличилось по сравнению с максимальным докризисным уровнем примерно в 2,5 раза.

Потребление плодов и ягод уже в 2000 г. достигло 45 кг (см. табл. 4.50), т.е. было несколько больше, чем в 1990 г. Но в дальнейшем в 2001-2004 гг. сократилось и колебалось в пределах 29-42 кг. В последующие годы оно резко увеличилось, достигая в 2008-2009 гг. 100-115 кг, что в 2,5 раза превышало максимальный уровень советского периода. Однако этот показатель продолжал колебаться в связи с изменениями внутреннего производства, определявшимися колебаниями климатических условий. Поэтому в 2010 г. потребление плодов и ягод вновь снизилось до 64 кг, но по-прежнему превышало максимальный докризисный уровень в 1,5 раза.

Потребление хлеба и хлебных продуктов в 1990-х гг., в связи с общим тяжелым общим экономическим положением в стране, оставалось, как правило, существенно ниже уровня 1990 г. На протяжении 2000-х гг. оно постоянно колебалось, испытывая то повышательные, то понижательные тенденции (см. табл. 4.50). Однако с 2006 до 2010 гг. потребление хлеба и хлебных продуктов сокращалось непрерывно и довольно высокими темпами (со 126 до 107 кг). На наш взгляд, это достаточно отчетливо отражало определенное качественное улучшение пищевого рациона ввиду повышения в эти годы уровня потребления таких ценнейших и высококалорийных продуктов животного происхождения, как мясо, молоко, яйцо.

Показатели внутреннего производства зерновых (в расчете на душу населения) в 1990-х гг. стране удалось увеличить (см. табл. 4.36) с 72 кг (в 1990 г.) до примерно 100 кг (в 1998-1999 кг). В дальнейшем, несмотря на резкие колебания (в 2006 г. произведено только 66 кг зерна) наблюдалась та же тенденция. В 2007-2010 гг. величина сбора зерновых в расчете на душу населения колебалась в пределах 100-140 кг. Однако важно подчеркнуть, что в 2003-2005 гг., когда среднее производство зерна на душу населения в Армении достигало примерно 120 кг, стране, тем не менее, пришлось потратить на чистый импорт зерновых 69 млн долл.[1]

Потребление сахара в Армении даже к концу 1990-х гг. оставалось вдвое меньшим, чем в 1990 г. В дальнейшем оно постепенно повышалось, но даже к 2010 г. (34 кг) так и не достигло максимального докризисного уровня (см. табл. 4.50).

Таким образом, в Армении в 1990-2010 гг. имело место: катастрофическое ухудшение питания населения; крайнее обеднение пищевого рациона в первой половине 1990-х гг.; постепенное повышение уровня потребления основных продуктов питания в последующие годы, который, однако, оставался, в целом, ниже максимальных показателей конца 1980-х – начала 1990-х гг. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют сделать следующие выводы. К концу первого десятилетия XXI века потребление важнейших продуктов растениеводства, в целом, превысило докризисный уровень. Потребление продуктов животного происхождения отличалось существенной неравномерностью: по одним приблизилось к докризисному уровню («мясо и мясопродукты»), по другим – существенно превзошло его («яйцо»); потребление молока и молочных продуктов в Армении даже к концу 2000-х гг. оставалось значительно ниже максимальной величины советского показателя.

[1] World Development Report 2008: Agriculture for Development. The World Bank. – Washington: DC, 2007. – P. 326.

Положение на потребительском рынке продуктов питания в **Азербайджане** в 1990-е и 2000-е гг. имело немало общего с ситуацией в Армении. Различия в потреблении и производстве продукции растениеводства и животноводства в обеих странах стали всё более отчетливо проявляться во второй половине 2000-х гг. Как и в Армении, глубокий экономический кризис переходного типа наиболее тяжело отразился на продовольственном рынке Азербайджана в 1993-1995 гг. В 1993 г. наибольшее сокращение уровня потребления наблюдалось по рыбе (40-50 раз), сахару (в 4,5 раза) и растительному маслу. В 1994 г. в наибольшей степени сократилось потребление мяса и мясопродуктов (почти втрое), картофеля, хлеба и хлебопродуктов (правда, лишь на 6-7%), а в 1995 г. – молока и молочных продуктов (более, чем вдвое) и картофеля (см. табл. 4.52 и 4.53). Таким образом, динамика потребления отдельных продуктов в период кризиса была отчётливо неравномерной. Это определялось как общей экономической конъюнктурой, т.е. изменениями подушевого ВВП и его составляющих, так и колебаниями размеров производства продукции растениеводства и животноводства в Азербайджане. Например, производство мяса на душу населения в Азербайджане, которое еще в 1990 г. составляло 25 кг при потреблении 32 кг мяса и мясопродуктов (см. табл. 4.27 и 4.28), сократилось в 1994-1996 гг. до 11 кг (см. табл. 4.30) при колебаниях уровня потребления от 12 до 16 кг (см. табл. 4.52). В дальнейшем, вплоть до конца 1990-х гг., подушевое производство мяса составляло 12-13 кг, тогда как его потребление постепенно увеличилось с 15 кг в 1997 г. до 19 кг в 1999 г. Это означает, что внутреннее производство мяса и мясопродуктов в годы кризиса не обеспечивало потребностей населения, и импорт составлял от 30 до 40 % (и более) общего уровня потребления.

Примерно такое же положение сложилось на рынке молока и молочных продуктов. Например, даже в конце 1990-х гг., когда уровень их потребления сократился примерно вдвое (по сравнению с 1990 г.) и не превышал 145-147 кг (см. табл. 4.52), производство молока и молочных

продуктов сократилось гораздо менее значительно – со 135 до 120-124 кг (см. табл. 4.32). Таким образом, импорт не превышал в эти и предыдущие годы 15-20 % общего объема потребления.

Потребление яиц в Азербайджане на протяжении 1990-х гг. оставалось на уровне, который сократился по сравнению с 1990 г. на 40-50 % (см. табл. 4.52 и 4.53) и при этом, в основном, обеспечивался внутренним производством. Так, например, если в 1990 г. в расчёте на душу населения в Азербайджане потреблялось 143 яйца (см. табл. 4.28), при внутреннем производстве 137 (см. табл. 4.27 и 4.28), то в 1997-1999 гг. (при потреблении в 75-77 шт.) динамика производства колебалась в пределах 63-66 штук.

Сахар в Азербайджане, как и в Армении, в основном, в советский и постсоветский период ввозился извне. Его потребление зависело, главным образом, от наличия финансовых ресурсов для оплаты импорта. Поэтому в 1993-1995 гг., когда общеэкономическое положение страны было особенно тяжелым, потребление сахара сократилось в 3 (1994, 1995 гг.) и даже 4,5 (1993 г.) раза (см. табл. 4.52 и 4.53). В дальнейшем оно постепенно повышалось, но даже в 1999-2001 гг. оставалось по-прежнему в 3 раза меньшим, чем в 1990 г. и не превышало 10-12 кг на душу населения.

В период особенно глубокого экономического кризиса, т.е. в первой половине 1990-х гг., в Азербайджане сокращалось потребление не только продуктов животного происхождения, но также и продукции растениеводства (см. табл. 4.52). Например, потребление растительного масла в 1993 г. снизилось в 2,5 раза по сравнению с 1990 г. Потребление картофеля уменьшилось менее значительно: с 27 кг в 1990 г. до 23 в 1994-1995 гг. и 26 кг в 1997 г. Примерно так же обстояло дело и с потреблением овощей и бахчевых культур. В 1993-1995 гг. оно составляло 55-58 кг по сравнению с 67 кг в 1990 г. И только плодов и ягод в Азербайджане население (даже в 1993-1995 гг.) потребляло примерно в 1,5 раза больше, чем в 1990 г.: 47-52 кг (по сравнению с 33 кг в 1990 г.). В последующие годы размеры потребления плодов и ягод увеличивались и в 1997-2002 гг.

колебались в пределах 47-74 кг, т.е. были существенно (в отдельные годы почти вдвое) выше, чем в 1990 г. Иначе говоря, даже в период восстановительного экономического роста потребление плодов и ягод было почти вдвое больше, чем в 1990 г., но не обнаруживало тенденции к дальнейшему повышению. Потребление хлеба и хлебопродуктов в Азербайджане до и во время кризиса оставалось сравнительно высоким и существенно превосходило величину аналогичного индикатора в Армении. Так, например, в 1990 г. (см. табл. 4.28) величина этого показателя в Азербайджане составляла 151 кг, а в Армении – 129 кг; в 1993 г., соответственно, 153 и 110 кг; в 1999 г. – 150 и 122 кг. При этом, в отличие от Армении, где во второй половине 2000-х гг. потребление хлеба и хлебопродуктов существенно снизилось (в 2004 г. – 132 кг, а в 2010 г. – 107 кг), в Азербайджане оно повысилось со 150 кг в 1999 г. до 182 кг в 2005 г. Но и в 2010 г. (хотя и несколько сократилось по сравнению с максимальным уровнем 2004-2005 гг.) оно все еще достигало 160 кг, т.е. в 1,5 раза превышало величину аналогичного показателя в Армении. Если потребление картофеля, овощей и бахчевых культур, а также плодов и ягод и в годы кризиса, и в поствосстановительный период, в основном, обеспечивалось внутренним производством (см. табл. 4.38, 4.39, 4.40, 4.41, 4.42, 4.44, 4.46), то совершенно иначе обстояло дело с потреблением хлеба и хлебопродуктов, с одной стороны, и производством зерновых, – с другой. На протяжении второй половины 1990-х и в 2000-х гг. импорт зерна и муки в Азербайджан резко увеличился: в 1995 г. было ввезено 137 тыс. т зерна и муки, в 2000 г. – 755 тыс. т, в 2005 г. – примерно 980 тыс. т, в 2010 г. – 1508 тыс. т зерна и муки [1]. Конечно, ввоз зерна в таких количествах требовал привлечения крупных финансовых средств, которые обеспечивались доходами от экспорта нефти и газа.

[1] 20 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2000): статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011. – С. 317.

Ранее нами проанализирована динамика потребления продуктов питания на протяжении кризиса переходного типа, а также начала восстановительного роста. Если рассмотреть динамику их потребления в 2000-е гг., то окажется, что (при всех колебаниях) потребление основных продуктов животноводства и рыбоводства возрастало. Однако даже в 2010 г., когда подушевой ВВП Азербайджана увеличился более чем вдвое по сравнению с 1989 г. и примерно в 2,4 раза по сравнению с 1991 г., потребление таких продуктов животного происхождения (см. табл. 4.53), как молоко (81 %) или яйцо (87 %), а также потребление сахара (89 %), так и не достигло уровня 1990 г. Между тем, именно в 2010 г. потребление мяса и мясных продуктов впервые повысилось до уровня 1990 г., а еще в 2006-2008 гг. оно всё еще оставалось на 25-30 % ниже докризисных показателей. Потребление рыбы и рыбопродуктов вплоть до 2008 г. оставалось ниже докризисного уровня, но в 2009-2010 гг. резко увеличилось – до 155-157 % к 1990 г.

Вместе с тем, в 2000-е гг. Азербайджану удалось резко повысить подушевой уровень потребления (см. табл. 4.53) растительного масла (1999 г. – 100 % к уровню 1990 г., а 2010 г. – 324 %), картофеля (1999 г. – 141 %, а 2008-2010 гг. – 270-300 %), овощей и бахчевых культур (1999 г. – 163 %, а 2010 г. – 238 %), плодов и ягод (1999 г. – 194 %, а 2010 г. – 224 %). Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 2000-х гг. структура рациона питания населения Азербайджана всё более изменялась в пользу продукции растениеводства при сохранении высокого уровня потребления хлеба и хлебопродуктов. Потребление продукции растениеводства как и раньше, в основном, опиралось на внутреннее производство картофеля овощей, бахчевых, плодов и ягод. Потребление хлеба, кондитерских изделий, но также, отчасти, продукции мяса, молока, яиц (а сахара – почти целиком) обеспечивалось импортными поставками.

Переходя к анализу продовольственной ситуации и уровня потребления основных продуктов питания в **Грузии**, необходимо сделать

несколько предварительных замечаний. *Во-первых*, официальные сведения о потреблении продуктов растениеводства и животноводства в Грузии получены Статкомитетом СНГ лишь за 1990-1997 гг. В последующий период такие сведения не предоставлялись. *Во-вторых*, данные о потреблении ряда продуктов, рассчитанные по балансовому методу и потому вполне сопоставимые с цифрами за 1990-1997 гг., имеются в нашем распоряжении только за 2006-2011 гг.; они содержатся в специальных ежегодных публикациях «Agriculture of Georgia». *В-третьих*, за 2000-е гг. имеются данные издания «Statistical yearbook» о потреблении ряда продуктов, несопоставимые с аналогичными показателями, рассчитанными по балансовому методу. Поэтому в дальнейшем придется получать интересующие нас материалы путём привлечения дополнительных сведений о производстве и импорте ряда продуктов питания.

Как видно из табл. 4.54, падение объема ВВП в период обострения экономического кризиса в Грузии самым непосредственным образом отразилось на потреблении и производстве важнейших продуктов питания. Это относится к мясу и мясопродуктам, яйцу, сахару, растительному маслу, а также (но в гораздо меньшей степени) к хлебу и хлебобулочным изделиям и молоку и молокопродуктам.

В Грузии наиболее тяжелыми годами, если иметь в виду динамику пищевого рациона, оказались 1992-1994 гг. (см. табл. 4.54 и 4.55). В это время (по сравнению с уровнем 1990 г.) потребление мяса сократилось в 2-2,5 раза, молока и молочных продуктов – в 3,3-3,6 раза, яиц – в 2,5-3 раза, растительного масла – в 4-5 раз, хлеба и хлебопродуктов – примерно в 1,4 раза. Как показывают данные табл. 4.54, это падение, отчасти (в очень небольшой степени) было компенсировано незначительным повышением уровня потребления картофеля, а также плодов и ягод. В целом в эти годы наблюдалось резкое снижение уровня потребления всех основных продуктов питания, а следовательно, и общей калорийности продовольственного рациона. В 1995-1997 гг. положение несколько изменилось. Дальнейшее

снижение подушевого потребления наблюдалось лишь по мясу. Что касается других продуктов, то при всех колебаниях соответствующих показателей можно констатировать рост подушевого их потребления (см. табл. 4.54 и 4.55). Например, потребление молока и молочных продуктов увеличилось в 1994-1997 гг. с 80 до 218 кг, яиц – с 50 до 108 кг, хлеба – со 140 до 154 кг, овощей и бахчевых культур – с 79 до 93 кг, плодов и ягод – с 55 до 60 кг. В 1997 г. потребление мяса, молока и яиц оставалось существенно ниже уровня 1990 г., тогда как потребление картофеля, овощей и бахчевых культур, а также плодов и ягод существенно превысило этот докризисный уровень. Впрочем, урожаи плодов и ягод, как и раньше, значительно колебались под влиянием, прежде всего, природно-климатических факторов.

Как уже отмечалось, за период с 1998 по 2005 гг. в нашем распоряжении нет сопоставимых данных продовольственных балансов о потреблении различных продуктов. Такие сведения имеются и охватывают только 2006-2011 гг. Более или менее сопоставимыми с аналогичными показателями являются цифры, характеризующие уровень потребления мяса, молока и молочных продуктов и яиц (см. табл. 4.56, 4.57, 4.59 и 4.60). Если исходить из этих данных, вырисовывается весьма противоречивая картина продовольственного положения страны в последние годы. Так, например, потребление мяса колебалось в пределах 26-29 кг, т.е. было значительно выше показателей 1993-1997 гг. Если учесть динамику ВВП Грузии, то эта тенденция вполне закономерна. Однако, она противоречит другой важнейшей тенденции – динамике производства мяса в самой стране. Как видно из табл. 4.56 и 4.57 производство мяса на душу населения в Грузии (еще в 2006 г. оно составляло 18,9 кг) неуклонно сокращалось и к 2012 г. составило 9,5, т.е. оказалось почти в 3 раза меньше индикатора потребления этих продуктов (27,3). Для того, чтобы проверить насколько балансовый показатель потребления отражает реальность, необходимо использовать данные об импорте мяса в Грузию. Как видно из соответствующих цифр табл. 4.57, в 2012 г. импорт мяса в Грузию был немногим более 17 кг на душу

населения. Таким образом, ввоз мяса в страну в этом году превысил объем его внутреннего производства. В предшествовавшие годы импорт мяса был меньше показателя внутреннего производства. Тем не менее, на протяжении этого периода обнаруживается тенденция к повышению удельного веса ввозимого в страну мяса в общем объеме его потребления; соответствующие цифры показывают, что повышение уровня потребления мяса оказалось возможным только в результате увеличения его импорта. Наконец, приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что в 2006-2012 гг. общий уровень потребления действительно более или менее соответствовал цифрам, рассчитанным по продовольственным балансам. Вместе с тем, целесообразно напомнить, что все данные продовольственных балансов в советский период рассчитывались без поправки на включение в общие цифры данных о потреблении сала и субпродуктов. Поэтому можно полагать, что данные продовольственных балансов превышают, как и раньше, реальный уровень потребления, по меньшей мере, на 10 %, а возможно и более.

Проанализируем ситуацию за период 1998-2005 гг. В 2000-2005 гг. импорт мяса составлял от 4,9 кг до 8 кг в год, т.е. был значительно меньше, чем в 2007-2011 гг. Внутреннее производство мяса в расчёте на душу населения в период с 1998 до 2005 гг. колебалось в пределах 21-25 кг. Иначе говоря, если учесть, что показатели продовольственных балансов не учитывают, с одной стороны, потерь, возникающих при переработке мясных туш, а, с другой, наоборот, включают субпродукты, можно полагать, что в разные годы (с учётом импортных поставок), реальный уровень потребления мяса и мясных продуктов колебался в пределах 21-25 кг на душу населения.

Все эти расчёты, на наш взгляд, оказались необходимы, поскольку в статистических ежегодниках Грузии приведены иные данные о потреблении мяса на душу населения в 2002-2007 [1] гг. Согласно им, его уровень

[1] См. Statistical Yearbook of Georgia: 2008 // Department of Statistics under Ministry of Economic Development of Georgia. – Tbilisi, 2008. – P. 66.

сократился с 19,5 кг в 2002 г. до 15,2 кг в 2007 г. Эти цифры, как показывает сравнение с аналогичными данными продовольственных балансов за 2006-2007 гг., во-первых, в 1,7-1,8 раза ниже «балансовых» показателей и, во-вторых, существенно ниже суммарных индикаторов производства и импорта мяса. Таким образом, эти данные представляются существенно заниженными.

Подводя общий итог, можно полагать, что в 1992-1997 гг. потребление мяса на душу населения в Грузии сократилось более, чем вдвое; в 1998-2005 гг. оно несколько увеличилось до 20-22 кг, но, по-прежнему, оставалось примерно вдвое меньше, чем в 1990 г., а в последующие годы, колебалось в пределах 24-25 кг.

К сожалению, мы не имеем сопоставимых данных об импорте молока и молочных продуктов в 2000-2011 гг. В базе данных национального статистического управления Грузии содержатся только сведения о динамике ввоза молока и молочных продуктов, концентрированного и сухого молока, а также масла. Но соответствующие показатели свидетельствуют о том, что в Грузию ввозилось гораздо меньше молочных продуктов, чем мяса и мясных продуктов. Поэтому для получения соответствующих данных можно использовать балансовые показатели потребления молока и молочных продуктов. В 2006 г. они составляли 162 кг, затем резко снизились и в 2012 г. не превышали 138 кг. Для проверки относительной точности (примерной величины) этих данных можно использовать материалы о внутреннем производстве молока и молочных продуктов в самой Грузии. В целом, они корреспондируют с балансовыми показателями (см. табл. 4.58 и 4.59). Так, например, в 2012 г. потребление оценивалось в 138 кг, а производство – в 131 кг, в 2011 г. – 135 кг и 129 кг, соответственно; в 2010 г. – 137 кг и 132 кг; в 2009 г. – 131 кг и 124 кг; в 2008 г. – 151 кг и 147 кг; в 2007 г. – 155 кг и 143 кг. Если учесть показатель импорта молочной продукции, можно сделать вывод, что данные о потреблении молока более или менее соответствуют динамике его производства в стране. В таком случае есть основания для

использования аналогичных данных о внутреннем производстве молока в предшествующий период, охватывающий 1998-2005 гг. Анализ этих цифр показывает, что после 1998 г. внутреннее производство молока в Грузии постепенно увеличивалось со 137 кг в 1999 г. до 152 кг в 2001 г. и 176 кг в 2005 г.

Таким образом, можно констатировать, что после окончания самой острой фазы кризиса и начала восстановительного экономического роста и производство и потребление молока в Грузии существенно увеличилось, оставаясь при этом гораздо ниже максимального докризисного уровня. В дальнейшем, как свидетельствуют соответствующие данные, и производство и потребление молока и молочных изделий в этой стране вновь обнаружили отчетливую тенденцию к снижению (см. табл. 4.58 и 4.59). Так, например, если в 2003-2005 гг. производство молока колебалось в пределах 167-176 кг, то в 2006-2008 гг. оно не превышало 139-150 кг, а в 2009-2012 гг. сократилось до 124-131 кг на душу населения. Одновременно, по данным продовольственных балансов потребление молочных продуктов (см. табл. 4.59) в 2006-2008 гг. колебалось в пределах 151-162 кг, а в последующие годы вновь снизилось до 131-138 кг. Всё это даёт основания полагать, что особенно глубокий кризис животноводства в Грузии оказался так и непреодоленным и еще более обострился к концу 2000-х гг. и началу следующего десятилетия.

Положение дел в птицеводстве отличается от ситуации в мясном и молочном животноводстве. По-крайней мере, это относится к такой специфической его отрасли, как производство яиц. Оно особенно резко, т.е. в 2-3 раза сократилось в 1992-1994 гг., но во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х гг. увеличилось и в 2005 г. составляло 116 шт., т.е. почти достигло уровня 1991 г. Более того, в отличие от данных, сообщаемых Статистическим комитетом СНГ, сведения, которые приводятся в статистическом ежегоднике Грузии для 2005 г. позволяют получить еще более высокую цифру – 117 шт. (см. табл. 4.60), полностью совпадающую с

аналогичным показателем 1991 г. Однако в дальнейшем эта тенденция вновь прерывается и по данным грузинской национальной статистики, производство яиц на душу населения колеблется на уровне 98-100 шт. и лишь в 2011 г. составляло 108 шт. на душу населения. Впрочем, этот уровень производства и потребления обеспечивался в основном увеличением импорта зерна и комбикормов.

Проанализируем производство и потребление зерновых на протяжении 1990-х и 2000-х гг. После резкого (обвального) спада производства зерновых в 1992-1994 гг. (см. табл. 4.36 и 4.37), в целом, наблюдалась отчетливая тенденция к росту этого важнейшего индикатора. В 2001-2005 гг. его величина достигала 150-170 кг (см. табл. 4.61), т.е. значительно превысила докризисный показатель 1990 г. (122 кг на душу населения). В дальнейшем зерновое производство в Грузии вновь резко сократилось, колеблясь при этом от года к году, но в 2006-2011 гг. оно не превышало в среднем 70-100 кг на душу населения. Одновременно импорт зерновых в Грузию неуклонно увеличивался. В статистике он представлен тремя показателями: ввоз пшеницы, пшеничной муки и риса (см. табл. 4.62). Импорт пшеницы и риса неуклонно возрастал, а муки – снижался. Если суммировать соответствующие индикаторы, то окажется, что общий импорт пшеницы, риса и муки (в 2000 г. он не превышал 80 кг на душу населения) в 2005 г. составил более 120 кг, а в 2011 г. достиг 143 кг в расчете на душу населения, т.е. увеличился за 11 лет в 1,8 раза. Неуклонно возраставший ввоз зерновых позволил не допустить слишком опасного сокращения потребления хлебных продуктов, уровень которого в 1990 г. достигал 183 кг, т.е. был существенно выше, чем в Армении и Азербайджане, и который в годы особенно острого кризиса снизился (в 1993 г. – до 114 кг), но в дальнейшем (в 1994-1997 гг.) составлял не менее 140-160 кг на душу населения. К сожалению, за более поздние годы не опубликовано полностью сопоставимых с этими показателями величин потребления хлеба и хлебобулочных изделий. Однако в нашем распоряжении имеются отдельные данные о потреблении хлеба,

кондитерских изделий, макаронных продуктов и иных аналогичных продуктов – с 2002 по 2009 гг. (см. табл. 4.63). Суммарная величина этих показателей колебалась в 2004-2009 гг. в пределах 140-156 кг, что позволяет сделать вывод: в конце 2000-х гг. потребление хлеба и хлебопродуктов в Грузии (включая кондитерские изделия, как это представлялось и в более ранней статистике) оставалось на уровне середины и второй половины 1990-х гг. За 2010-2011 гг. официальная статистика Грузии в соответствующих публикациях («Statistical yearbook of Georgia» и «Agriculture of Georgia») вообще не содержит такого рода данных. Но она даёт сведения о потреблении важнейших зерновых культур – пшеницы и кукурузы. В расчете на душу населения достигало в 2009 г. 142 кг, в 2010 г. – 126 кг, а в 2011 – 131 кг[1]. Таким образом, в 2009 г. потребление пшеницы и кукурузы (142 кг) лишь немногим уступало суммарному показателю потребления пяти категорий хлебных и кондитерский продуктов (145,7 кг). Это позволяет нам предположить, что в 2010-2011 гг. общее потребление хлеба и кондитерских продуктов не более чем на 5-10 кг превышало уровень потребления пшеницы и кукурузы; оно, по-видимому, таким образом, вряд ли превышало 135-141 кг на душу населения[2]. Все эти детализированные расчёты необходимы, чтобы получить значения рассматриваемого индикатора, сопоставимые с его величиной в 1990-1997 гг. Эти расчёты позволяют прийти к достаточно обоснованному выводу об общей динамике потребления хлеба и хлебных продуктов.

Если прибавить к показателю производства зернобобовых (на душу населения) в **2011** г. – 91 кг (см. табл. 4.61) – импорт пшеницы и муки (на душу населения) – 141 кг (см. табл. 4.62), получаем цифру 232 кг. Её можно сопоставить с примерным внутренним потребления хлеба, хлебобулочных и кондитерских изделий в 2011 г (около 140 кг). В итоге, довольно

[1] См., например, Agriculture of Georgia // National Statistics Office of Georgia. – Tbilisi, 2013. – P. 73–74.

[2] В 2008 г. суммарное потребление пшеницы и кукурузы достигало 143 кг, и практически не отличалось от аналогичного показателя по пяти индикаторам потребления хлеба и хлебобулочных и кондитерских изделий – 144,2 кг. – *Прим. авт.*

существенное превышение в 2011 г. суммарного показателя производства и импорта зернобобовых (включая муку) над их внутренним потреблением (около 92 кг) могло быть использовано как в качестве кормов в животноводстве и птицеводстве, так и для экспорта в другие страны. Именно этим можно объяснить тенденцию к повышению производства яиц, а также мяса и молока в условиях существенного снижения внутреннего производства мясо- и молочных продуктов (в расчете на душу населения) в 2001-2012 гг.: мяса – с 22 до 10 кг (см. табл. 4.56 и 4.57), а молока – со 152 до 131 литра (см. табл. 4.58 и 4.59) в расчете на душу населения. Таким образом, можно констатировать: что в 2001-2012 гг. в Грузии усилилась зависимость даже снизившихся (по сравнению с докризисным уровнем) показателей потребления хлеба и кондитерских изделий, мяса, молока и яиц от постоянно возраставшего на протяжении всех этих лет импорта зернобобовых. Увеличивавшийся импорт зерна и муки приходилось оплачивать из общих доходов от экспорта и/или от внешней помощи, а также на заимствованные средства, приводившие к возрастанию внешнего долга страны. Доходы от экспорта, а также размеры внешней помощи и внешних заимствований зависели от колебания экономической и внешнеполитической конъюнктуры – как в Грузии, так и за её пределами. Поэтому нельзя утверждать, что ситуация в сфере продовольственной безопасности страны в 1990-е и 2000-е гг. оставалась стабильной и не вызывала опасений.

4.3.3. Потребление продуктов питания в странах Центральной Азии (1991-2010 гг.)

Приступая к анализу динамики потребления продуктов питания в **Казахстане**, необходимо, хотя бы вкратце, напомнить о его своеобразном, можно сказать даже особом, положении среди других республик Центральной Азии и Южного Кавказа. Это положение определяется рядом очевидных обстоятельств.

Во-первых, территория Казахстана, в разы́ превышает площадь любой из других республик этих регионов и создаёт предпосылки для формирования диверсифицированной и конкурентоспособной экономики. Огромные природно-климатические различия между Севером и Югом, Западом и Востоком республики благоприятны для многоотраслевого растениеводства и животноводства.

Во-вторых, наличие в недрах республики широчайшей гаммы минеральных ресурсов, включая основные энергоносители, способствовует сельскохозяйственному прогрессу дополнительными финансовыми и материальными средствами и формирует значительный экспортный агропромышленный потенциал. Казахстан, наряду с Россией, обладает всеми возможностями для обеспечения продовольственной безопасности страны. На наш взгляд, при проведении оптимальной политики в области сельского хозяйства, оно может обеспечить страну практически всеми или почти всеми продуктами как земледелия, так и животноводства.

С точки зрения уровней потребления основных продуктов, Казахстан в конце существования СССР был ближе всего к России, а в каких-то отношениях даже и превосходил её. Рассмотрим динамику потребления и производства основной продукции животноводства.

В нашем распоряжении имеются данные, охватывающие весь «горизонт исследования» (т.е. период 1990-2010 гг.) только по показателям, рассчитанным на основе балансового метода. Поэтому они составят статистическую базу соответствующих расчётов[1].

Данные табл. 4.30 и 4.31 свидетельствуют: в 1990-2000 г. динамика производства мяса (в убойном весе) на душу населения неуклонно сокращалась и к 2000 г. составляла (округленно) лишь 42 кг или около 44 % от уровня 1990 г. Однако потребление мяса и мясопродуктов, также

[1] Помимо индикаторов потребления, полученных на основе балансового метода, имеются данные ФАО, а также бюджетных обследований, но они охватывают менее протяженный временной интервал. См. об этом подробнее Алиев Т.М. Динамика уровня жизни населения в Казахстане (потребление продуктов питания) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. — 2012. — № 2. — С. 16–33. – *Прим. авт.*

неуклонно сокращавшееся (см. табл. 4.64 и 4.65), тем не менее, на всём протяжении 1991-2000 гг. оставалось выше уровня внутреннего производства. Разрыв между индексами потребления и производства в первой половине 1990-х гг. был сравнительно невелик (в пользу потребления), но затем увеличивался и в 2000 г. достиг примерно 18 п.п.

Если перейти от индексов к абсолютным показателям потребления и производства мяса, то в 1990 г. на душу населения в Казахстане производилось 96 кг (см. табл. 4.27), а потреблялось 73 кг (см. табл. 4.28). Иными словами, республика обладала (или ей это предписывали союзные регулирующие органы) значительным «экспортным» потенциалом. Он использовался для перераспределения ресурсов в пользу других республик, в которых внутреннее производство не обеспечивало потребления мясных продуктов. В условиях экономического кризиса неуклонное снижение производства мяса в Казахстане в 1991-1996 гг. приводило к постепенному сокращению этого (теперь уже действительно экспортного) потенциала. Начиная с 1997 г. внутреннее производство (47 кг, т.е. сократившаяся почти вдвое, по сравнению с 1990 г. величина показателя) уже не обеспечивало внутреннего потребления мяса и мясопродуктов в самом Казахстане. Оно также резко снизилось, но всё же составляло 50 кг. В последующие годы наиболее глубокая точка кризиса (2000 г. – 42 кг) была пройдена, и внутреннее производство постепенно повышалось, достигнув в 2010 г. 57 кг. Однако одновременно увеличивался и разрыв между показателями производства и потребления (величина последнего в том же году составила уже 68 кг). Таким образом, Казахстан, который еще в первой половине 1990-х гг. был чистым экспортером мяса и мясопродуктов, превратился к началу второго десятилетия XXI века в чистого импортёра. Импорт мяса, по этим данным, эквивалентен примерно 11 кг или около 16 % всего подушевого потребления. Эти и аналогичные расчёты по другим продуктам не претендуют на точность, но они показывают примерные «размеры»

проблемы. Главное здесь – сам факт превращения страны-экспортёра важнейших продуктов питания в их вынужденного импортёра.

Ситуация в сфере потребления молока и молочных продуктов, в целом, аналогична таковой в мясном животноводстве. В 1990 г. в республике производилось на душу населения, в среднем, 337 кг, а потреблялось 311 кг молока. И хотя потенциальный «экспортный» ресурс в этой сфере был гораздо меньшим, всё же остаётся фактом, что Казахстан производил молока и молочных продуктов больше, чем потреблял. В дальнейшем, как показано в табл. 4.32 и 4.64, динамика потребления и производства в годы кризиса не обнаруживала столь больших расхождений, как это имело место в отношении мяса и мясных продуктов. После преодоления нижней точки кризиса производство и потребление молочных продуктов при незначительных колебаниях от года к году изменялись однонаправленно и примерно одинаковым темпом. В конце 2000-х гг., а точнее, в 2009-2010 гг., когда потребление молочных продуктов в Казахстане не только достигло докризисного уровня, но и превысило его на 1-2 % (табл. 4.65), производство молока оставалось ниже уровня 1990 г. на 4-5 % (см. табл. 4.33). Впрочем, учитывая меру точности (вернее, неточности) этих показателей, можно полагать, что на всём протяжении 1990-х – 2000-х гг., внутреннее производство, в общем, соответствовало уровню потребления населением молока и молочных продуктов.

В период кризиса (точнее, в годы крайнего его обострения) потребление яиц в Казахстане, как видно из табл. 4.64 и 4.65, сократилось не на 30-35 % (как потребление мяса и молока), а примерно в 3,3 раза (1997 г.). В той же пропорции сократилось и производство (см. табл. 4.34 и 4.35). Даже к концу 2000-х гг. потребление и производство яиц в расчёте на душу населения оставалось ниже максимального докризисного уровня. Резкое падение производства и потребления яиц в Казахстане и в других республиках Центральной Азии и Южного Кавказа объяснялось кризисом крупного производства, т.е. созданных здесь птицеводческих фабрик-

инкубаторов. В советское время они получали корма по заниженным ценам, поэтому в условиях рыночной экономики часто оказывались неконкурентоспособными.

В отличие от большинства других республик Центральной Азии и Южного Кавказа, Казахстан располагал ресурсами зерна, которые могли быть использованы в качестве кормов в птицеводстве и инкубаторном хозяйстве. Поэтому здесь, по-видимому, основную роль сыграл кризис крупного государственного производства, не сумевшего приспособиться к новым рыночным условиям, в том числе к новым (не субсидируемым) ценам комбикормов.

Анализ динамики потребления продуктов питания растительного происхождения выявил ряд новых тенденций, существенно отличающихся от изменения аналогичных показателей продукции животного происхождения. В этой связи наиболее показательны материалы, характеризующие потребление овощей, бахчевых культур, а также картофеля и хлебных продуктов (см. табл. 4.64 и 4.65). Потребление овощей и бахчевых сократилось в годы обострения общего экономического кризиса на 20-30%, но в отличие от динамики потребления мясных, молочных продуктов и, тем более, яиц, уже в 1999 г. вновь достигло докризисного уровня, а в дальнейшем резко увеличивалось от года к году. В 2010 г. оно **превысило докризисный уровень в 2,4 раза**. Иначе говоря, здесь можно констатировать не обычное количественное увеличение потребления на 20, 30 или 40 %, происходившее в прошлом (на протяжении пяти-десяти лет), а, скорее, **качественный сдвиг к лучшему**. Он означает, по-существу, приближение нормы потребления этих продуктов к показателям ряда стран Восточной и Центральной Европы.

Аналогичная тенденция проявилась в сфере потребления картофеля, где снижение в годы кризиса не превышало, в большинстве случаев, 10-20 %, но к концу 1990-х гг. (т.е. в период резкого повышения уровня потребления овощей и бахчевых культур), напротив, несколько снизилось. В результате в

1998-2000 гг. потребление картофеля не превышало 70-75 % докризисного уровня. Но в нулевые годы можно констатировать повышательную тенденцию в этой сфере – докризисный уровень потребления превышен в 2005-2010 гг. на 30-35 %.

Совершенно иная динамика характеризовала потребление плодов и ягод: проявилась тенденция к резкому сокращению их потребления в годы экономического кризиса. Это сокращение намного превышало аналогичные показатели по продуктам животноводства и растениеводства. Например, если в 1990 г., по данным продовольственных балансов, на душу населения в Казахстане потреблялось 23 кг плодов и ягод, то в 1997-1999 гг. – не более 7-9 кг. Здесь речь идёт о снижении потребления не на 20, 30 или 40 %, а в **2,5-3,3 раза**. В дальнейшем, однако, эта тенденция сменилась противоположной: к 2008 г. в республике на душу населения потреблялось уже 18, а в 2009 г. – даже 32 кг плодов и ягод.

Чтобы выяснить, в какой мере потребление картофеля, овощей, фруктов и бахчевых культур обеспечивалось их внутренним производством, проанализируем данные табл. 4.38, 4.39 и 4.64. Они свидетельствуют, что на всём протяжении этого периода урожай картофеля (на душу населения) существенно превосходил размеры его потребления. Например, в 2000 г. соответствующий показатель достигал 114 кг, а личное потребление не превышало 66 кг. В 2005 г. урожай картофеля (в подушевом выражении) достигал 166 кг, а его потребление не превышало 111 кг. Наконец, в 2009 г. расчёты по продовольственным балансам показывают, что потребление картофеля составляло 116 кг на душу населения, тогда как его производство достигало 171 кг. Таким образом, валовой сбор картофеля постоянно (и притом значительно) превосходил размеры его «личного потребления», и излишек мог использоваться для промышленных целей и экспорта.

Сопоставление данных о производстве и потреблении овощей и бахчевых культур свидетельствует о том, что здесь, как правило производство незначительно превосходило внутреннее потребление.

Рассмотрим динамику потребления хлеба и хлебопродуктов на всем протяжении 1990-х и 2000-х гг. Анализ соответствующих показателей, приведенных в табл. 4.65, свидетельствует: в 1990-1997 гг. уровень их потребления обнаруживает тенденцию к повышению. На всем протяжении этого периода в расчёте на душу населения их потреблялось значительно больше, чем в 1990 г.; в отдельные годы, например в 1994 и 1997 гг., соответствующие показатели достигали, соответственно, 200 и 203 кг. Это происходило в годы особого обострения общеэкономического кризиса, т.е. в период резкого снижения потребления практически всех других, в т.ч. наиболее ценных, «качественных», продуктов – мяса, молока, яиц. Как и в других республиках Центральной Азии и Южного Кавказа, хлеб и хлебопродукты, отчасти, замещали недостаток наиболее калорийных и столь необходимых человеческому организму продуктов животного происхождения. При этом особенно проявилось специфическое положение Казахстана, отличавшее его от всех других республик Центральной Азии и Южного Кавказа. После массовой распашки целинных и залежных земель в 1950-х и (отчасти) 1960-х гг. Казахстан превратился в один из крупнейших зерновых регионов СССР и обеспечивал не только собственные потребности в зерне, но и располагал, как правило, значительными ресурсами, перераспределявшимися в соседние и иные республики и регионы. Об этом можно судить по материалам о производстве зерновых в расчете на душу населения по странам-членам СНГ. Если сопоставить соответствующие данные (см. табл. 4.36), то окажется, что на всём протяжении 1990-2000 гг. показатели по РФ были ниже, чем в Казахстане, причем в большинстве случаев в 1,5-2 раза. При этом, в России и Казахстане общий уровень производства зерновых по-прежнему резко изменялся от года к году[1] и зависел от природно-климатических колебаний. Приведем соответствующие данные. В хорошие («нормальные») годы в Казахстане в расчете на душу

[1] См. например, 10 лет Содружества Независимых Государств (1991–2000): статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2000. – С. 56.

населения производилось, округленно, от 1000 кг (1994, 1999 г.) до 1800 кг (1992 г.); в России, соответственно, от 400 кг (1999 г.) до 550 кг (1994 г.) и несколько более 700 кг (1992 г.). Подобное положение сохранялось и в 2000-2011 гг. Например, в 2000 г. производство зерна на душу населения в Казахстане составляло – 777 кг[1], а в России 449 кг; в 2005 г., соответственно, 910 и 544 кг; в 2008 г. – 994 и 762 кг, в 2011 г. – 1628 и 659 кг.

Анализ материалов по хлебному балансу России в 2000-е гг. показывает, что начиная с 2002 г. (в т.ч. и в период 2002-2005 гг., когда производство зерновых на душу населения не превышало 600 кг) в России резко увеличился вывоз зерновых (11-22 млн. т[2]).

Все эти данные свидетельствуют о том, что даже при подушевом производстве зерна в 600 кг Россия формировала огромный экспортный потенциал. Но как было показано ранее, производство зерна в Казахстане в подушевом выражении в 1,5 и более раз превышало показатели по России и колебалось в эти годы в пределах 800-900-1000-1300 и даже 1800 кг. Таким образом, при всех колебаниях урожайности, Казахстан по-прежнему располагал экспортным зерновым потенциалом, а в отдельные годы и значительно его увеличивал. Что же означает тенденция к снижению в 2000-е гг. потребления хлеба и хлебопродуктов в Казахстане? На наш взгляд, когда по разным данным величина соответствующего показателя колебалась в пределах 100-110 кг, эта тенденция свидетельствовала о нормализации среднего пищевого рациона в республике. Если в указанный период потребление зерновых никак не ограничивалось размерами их производства в стране (при всех колебаниях сбора зерновых от года к году), то снижение уровня потребления хлеба и хлебопродуктов до 100-110 кг означало, по-видимому, оптимизацию уровня потребления. Оптимальные потребности в хлебе и хлебопродуктах, учитывавшие специфику Казахстана, традиции населения и т.п. соответствовали реальному их потреблению в 2000-е гг.

[1] Содружество Независимых Государств в 2011 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2012. – С.49.
[2] Единственно исключение – 2004 г., когда чистый экспорт зерновых резко сократился.

Здесь мы наблюдаем проявление, в условиях рыночной экономики, действия известного закона Энгеля. Некоторое снижение потребления хлеба, по сравнению и с кризисными годами и с 1990 г. , происходило в условиях действия тенденции к одновременному повышению уровней потребления мяса, молока, яиц, а также, и притом гораздо в большей степени, овощей и бахчевых культур. Таким образом, в данном случае снижение уровня потребления хлеба и повышение уровня потребления других продуктов отражают две стороны однонаправленного процесса: повышение общего уровня и улучшение структуры потребления продуктов питания.

При анализе динамики потребления продуктов питания в **Киргизии** следует учитывать особенности общеэкономического положения этой республики.

Во-первых, Киргизия лишена (в отличие от Казахстана, Азербайджана, Туркменистана и России) сколько-нибудь значительных месторождений нефти и газа, хотя она и располагает крупными потенциальными ресурсами гидроэлектроэнергии.

Во-вторых, Киргизия не имела (до начала массовой трудовой миграции в Россию) дополнительных источников валютных поступлений, кроме помощи.

В-третьих, Киргизия еще в советский период обеспечивала потребление населением почти всех продуктов питания (исключение – рыбопродукты и сахар) за счёт собственного производства.

В-четвертых, сельское хозяйство Киргизии во второй половине 2000-х гг. превратилось в важный источник доходов от внешней торговли продовольственными товарами. Так, например, в 2010 г. вывоз продовольствия составлял около 30 % всей стоимости экспорта, тогда как его ввоз не превышал 17 % всей стоимости импорта[1]. В абсолютном выражении экспорт и импорт продовольствия, в целом, уравновешивали друг друга. В

[1] World development indicators 2012 // The World Bank. – Washington, DC, 2012. – P. 227, 231.

это время Киргизия не была крупным чистым импортером продовольственных товаров, в отличие, например, от Армении и России. В России в 2010 г. импорт продовольствия по стоимости в четыре раза превышал размеры его экспорта[1]. Отметим, что Казахстан, который еще в начале 2000-х гг. оставался чистым экспортером, к концу первого десятилетия XXI в. превратился в чистого импортёра продовольствия[2].

Отмеченные черты и особенности экономического положения Киргизии определили динамику потребления продуктов питания в этой стране в период кризиса переходного типа и в годы восстановительного экономического роста. Общее падение потребления продуктов питания никогда не достигало таких масштабов, каким характеризовалось снижение в годы кризиса подушевого ВВП. Так, например, в 1995 г. последний индикатор снизился примерно вдвое по сравнению с 1990 г. В то же время (табл. 4.66 и 4.67), по сравнению с 1990 г. потребление мяса сократилось на 28 %, молока – на 31 %, овощей и бахчевых культур – на 38 %, а плодов и ягод на 32 %; потребление картофеля осталось на прежнем уровне. В отличие от предыдущих и последующих лет (ввиду плохого урожая зерновых) снизилось потребление хлеба и хлебопродуктов на 23 %. В 1994 г. оно достигало 96 %, а в 1996 г. даже 105 % от уровня 1990 г. На протяжении всех последующих лет потребление хлеба обычно было ниже уровня 1990 г. на 3-4-5 % и только в 1997-1998 гг. – на 10 и 20 %. Потребление всех перечисленных продуктов до и во время кризиса, как и в годы восстановительного роста, обеспечивалось внутренним производством и зависело, главным образом, от положения в сельском хозяйстве республики. В то же время, рыба и рыбопродукты, а также сахар в советский период почти полностью ввозились из других республик или покрывались импортными поставками. Поэтому, в период кризиса потребление сахара в

[1] Подсчитано по данным World development indicators 2012 // The World Bank. – Washington, DC, 2012. – P. 228, 232.
[2] Подсчитано по данным World development indicators 2012 // The World Bank. – Washington, DC, 2012. – P. 227, 231.

Киргизии сократилось почти на 65 %, а потребление рыбы и рыбопродуктов в 1995 г. оказалось столь незначительным, что соответствующие цифры вообще не отмечены в статистике.

До кризиса важным источником белков животного происхождения служило яйцо. Но крупные птицефабрики и инкубаторы в основном использовали зерно и комбикорма, поставлявшиеся по «общесоюзным» заниженным ценам. В годы кризиса производство яиц на этих предприятиях (в условиях резкого повышения цен на зерно), оказалось нерентабельным. Поэтому в 1995 г. потребление и производство яиц сократились в 5 раз.

В период восстановительного экономического роста уровень потребления важнейших продуктов питания животного и растительного происхождения по-прежнему определялся динамикой их внутреннего производства. Положение в мясном и молочном животноводстве страны изменялось по-разному. В отличие от Казахстана и некоторых других республик, Киргизии удалось сохранить поголовье коров. Поэтому (по мере улучшения положения с кормами) производство и потребление молочных продуктов к концу 2000-х гг., фактически, достигло докризисного уровня. В отличие от крупного рогатого скота, сокращение поголовья овец и коз оказалось весьма существенным (до 2,5 раз) [1], что отразилось на динамике потребления мясных продуктов во второй половине 1990-х и 2000-х гг. В 1996-2010 гг. общее потребление мяса и мясопродуктов оставалось на уровне (2003, 2004, 2009 гг.), либо ниже (2005-2008 гг.), либо незначительно (на 2-4 п.п.) превышало докризисный показатель (1996-2002 гг.).

Потребление яиц в основном зависело от кормовых ресурсов; оно постепенно увеличивалось, но даже к концу 2000-х гг. оставалось почти вдвое ниже докризисного уровня. Потребление рыбы и рыбопродуктов определялось возможностями их ввоза из-за границы. Поскольку валютных ресурсов у Киргизии было немного, соответствующий показатель хотя и

[1] См. 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2000: статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011. – С. 172–173.

увеличился, но по-прежнему оставался в 4-5 раз ниже, чем в 1990 г. Это относится и к динамике потребления сахара, которое во второй половине 2000-х гг. не достигало даже 60 % докризисного показателя.

Иное положение сложилось в картофелеводстве, овощеводстве и садоводстве. Здесь наблюдалась отчетливая повышательная тенденция, что сказывалось на динамике потребления соответствующих продуктов. В итоге, на протяжении второй половины 1990-х гг. потребление картофеля возросло в 1,5 раза, овощей и бахчевых – в 1,6 раза. В 2000-е гг. соответствующие показатели колебались в связи с погодными условиями и зависели от изменения структуры посевов. К концу первого десятилетия XXI века потребление картофеля оставалось на 40-50 % выше, а овощей и бахчевых увеличилось даже вдвое по сравнению с докризисным уровнем. Продукция садов и ягодников также увеличилась, но колебалась в зависимости от погодных условий. Однако в 2000-е гг. плодов и ягод в Киргизии производилось и потреблялось примерно вдвое больше, чем в 1990 г.

Анализ материалов о динамике потребления продуктов питания в **Таджикистане** в 1990-2010 гг. необходимо предварить следующими замечаниями.

Во-первых, официальная статистика СНГ о потреблении продуктов по Таджикистану охватывает только период 1990-1995 гг. (см. табл. 4.68 и 4.69).

Во-вторых, за 1996-2011 гг. цифры о подушевом потреблении продуктов, по данным выборочного обследования домашних хозяйств, содержатся в статистических ежегодниках Таджикистана за 2002[1] и 2007[2] гг., а также в сборнике «Таджикистан в цифрах 2012»[3].

Из-за разных способов расчётов данные Статкомитета СНГ и национальной статистики Таджикистана о потреблении продуктов питания за

[1] См. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе: Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, 2002. – С. 91.
[2] См. Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе: Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, 2007, С.118
[3] Таджикистан в цифрах: статистический сборник. – Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012. – С. 56 (электронная версия).

указанные периоды не вполне сопоставимы. В целом, можно полагать, что материалы полученные в ходе достаточно репрезентативных бюджетных обследований точнее отражают структуру и реальный уровень потребления продуктов питания. Тем не менее, при проведении анализа представляется целесообразным изучение данных обоих – Статкомитета СНГ и Национального агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан – источников, разумеется, с учётом отмеченных различий в методах получения данных.

Ранее отмечалось, что в годы экономического кризиса переходного типа, а отчасти и в период восстановительного экономического роста важнейшую роль в рационе питания играли хлебные продукты. С точки зрения уровня их подушевого потребления применительно к некоторым странам Центральной Азии и Южного Кавказа положение напоминало ситуацию довоенных и первых послевоенных лет (речь идёт о Великой Отечественной войне). Особое место в этом отношении занимал Таджикистан. Он находился на нижних ступенях шкалы экономического развития постсоветских республик. Весьма показательны следующие цифры (см. табл. 4.28). Уровень потребления хлебных продуктов в Таджикистане был в 1990 г. одним из самых высоких среди республик Средней Азии и достигал 167 кг в год. Потребление молока и молочных продуктов оценивалось в 161 кг, а сахара – 28 кг. Эти показатели соответствовали среднему уровню потребления продуктов питания в СССР в 1950[1] г.: мясо и сало (включая птицу и субпродукты) – 26 кг, хлебные продукты – 172 кг, молоко и молочные продукты – 172 кг, сахар – 12 кг. Только потребление сахара, а также картофеля и, возможно, яиц превосходило средний уровень СССР первых послевоенных лет. Мясомолочные и хлебные продукты потреблялись на уровне, типичном для средних показателей по СССР первых послевоенных лет.

[1] Цит. по Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? – М.: Изд-во полит. литературы, 1989. – С. 105.

В годы особого обострения продовольственного кризиса в Таджикистане (1996-2000 гг.) потребление мяса сократилось до 4-6 кг, т.е. в 6-4 раза, но даже в 2009-2011 гг. оставалось в 2-2,5 раза ниже уровня 1990 г. (см. табл. 4.28 и 4.70). Потребление молока (в 1990 г. оно оставалось на уровне средних показателей по СССР сорокалетней давности, т.е. 161 кг), в годы кризиса уменьшилось более чем втрое (47-55 кг) и даже в 2011 г. (54,5 кг) оставалось почти в три раза ниже, чем в 1990 г. Потребление сахара в годы кризиса снизилось до 4-7 кг, т.е. в 7-4 раза, но даже в 2011 г. оно оставалось на уровне 12,5 кг, что соответствовало среднему показателю по СССР в 1950 г. Потребление картофеля даже в 1990 г. (35 кг) было в 7 раз ниже среднего уровня по СССР в 1950 г.; в годы кризиса этот показатель снижался до 22,3 кг, но даже в 2011 г. он так и не достиг уровня 1990 г. и не превышал 34 кг.

Дефицит важнейших продуктов питания, по-крайней мере отчасти (если не качественно, то количественно), можно было бы компенсировать увеличением потребления овощей, бахчевых, фруктов, ягод. В действительности, положение и в этой области оказалось крайне противоречивым и не обнаружило сколько-нибудь существенных сдвигов к лучшему (см. табл. 4.70). Например, если в 1990 г. потребление овощей и бахчевых составляло 95 кг, то в 1996-1999 гг. оно резко колебалось (56, 72, 60 кг и только в 1999 г. – 92 кг). В период восстановительного роста показатели потребления овощей и бахчевых не превышали 70-80 кг и даже в 2011 г. (несмотря на некоторый рост в 2009 г.) оставались на уровне 73 кг.

Потребление фруктов и ягод (их производство в Таджикистане намного превосходило средний советский уровень) в 1990 г. достигало 30 кг. В период кризиса аналогичные данные изменялись в пределах 17-25 кг (см. табл. 4.70), во время восстановительного экономического роста – от 28 до 51 кг. В 2004-2011 гг. потребление находилось на уровне 38-48 кг, т.е. было выше показателя 1990 г. на 26-60 %. Однако урожайность плодов и ягод

практически полностью зависела от климатических колебаний и поэтому изменялась в очень широких пределах.

Не только в годы кризиса, но и в период восстановительного экономического роста наблюдалось общее обеднение продовольственного рациона, особенно остро проявившееся в годы кризиса, но не претерпевшее существенных изменений к лучшему даже в 2000-е гг., точнее, до 2007 г.

Здесь стоит сделать небольшое отступление, имеющее немалое значение для изучаемого вопроса. По официальным сведениям, до 11 %[1] граждан Таджикистана ежегодно находятся и работают за пределами страны. Суммарные (только официальные) переводы этих мигрантов в Таджикистан в 2009-2011 гг. составляли от 33 до 45% всего ВНД страны[2]. И хотя весьма значительная часть этих переводов использовалась для приобретения товаров длительного пользования, строительных материалов (предназначенных для возведения домов), а также инвестиций в средства производства для сельского хозяйства и других отраслей экономики, вряд ли можно сомневаться в том, что и нынешний – низкий по любым критериям – средний уровень потребления продуктов питания жителей Таджикистана мог поддерживаться только при постоянном притоке средств, переводимых в страну или привозимых трудовыми мигрантами, большинство которых зарабатывало их в России[3].

Особый интерес представляет динамика потребления хлебных продуктов, которые и в годы кризиса, и в восстановительный период, оставались важнейшей составляющей всего пищевого рациона. Как

[1] Migration and Remittances Factbook (Second edition). – Washington, DC: World Bank, 2011. – P. 238.

[2] По данным базы данных ВБ WDI-online (на 20.08.2013) и Migration and Remittances Factbook (Second edition). Washington, DC: World Bank, 2011. – P. 238.

[3] Этот фактор следует принимать во внимание при любой оценке характера, особенностей, последствий и возможной динамики российско-таджикских экономических и политических отношений. Как это видно из приведенных цифр, относительная стабильность или нестабильность экономической и политической ситуации в Таджикистане зависит от возможности поддержания, а тем более повышения нынешнего уровня потребления продуктов питания. Это, в свою очередь, связано с масштабами, динамикой и результатами трудовой деятельности мигрантов из этой республики в России.

показывают материалы табл. 4.70, на протяжении 19 лет лишь один раз, в 1999 г., хлебных продуктов потреблялось столько же, сколько накануне кризиса, а в остальные годы соответствующие цифры колебались в пределах 147-159 кг. В советское время и в годы независимого развития, производство зерна в Таджикистане не удовлетворяло потребности страны в хлебных продуктах, а также кормах. Руководство Таджикистана проводило курс, направленный на постепенное повышение уровня самообеспеченности зерном и добилось определенных успехов. Так, если в 1990 г. производство зерна на душу населения не превышало 57 кг (см. табл. 4.27), то в 2009-2011 гг. соответствующий показатель колебался в пределах 143-171[1] кг, т.е. увеличился почти втрое. Это было достигнуто в результате постепенного отхода от монокультуры хлопка, что позволило расширить площади под зерновыми, в том числе, частично, и на орошаемых землях, и несколько повысить их урожайность. Отход Таджикистана от хлопковой монокультуры отчетливо демонстрирует динамика валового сбора хлопка-сырца (см. табл. 4.48 и 4.49). Во второй половине 2000-х гг. этот показатель колебался в пределах 35-53 % от уровня 1990 г. Отчасти это, как и раньше, было связано с погодно-климатическими условиями, а также недостаточным снабжением крестьян ядохимикатами, удобрениями и т.п. Но в основе этого процесса лежала политика ослабления монокультурного характера земледелия и стремление к повышению уровня самообеспеченности зерном.

Необходимо констатировать, что современный Таджикистан гораздо в меньшей степени, чем раньше зависит от ввоза зерна из-за границы, но добиться полной самообеспеченности стране не удалось. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что в первой половине 2000-х гг. Таджикистан тратил на импорт зерна суммы, эквивалентные 40-50 млн долл. в год[2].

---

[1] Содружество Независимых Государств в 2011 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2012. – С. 49.

[2] Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития. Всемирный банк / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2008. – С. 365.

Проблема повышения уровня самообеспеченности зерном в 1991-2011 гг. оставалась актуальной не только для Таджикистана, но также для **Узбекистана** и **Туркменистана**. Достаточно показательны следующие цифры. Если в 1990 г. производство зерновых на душу населения в Узбекистане не превышало 93 кг (см. табл. 4.27), то в 2009-2011 гг. этот показатель колебался уже в пределах 243-266[1] кг, т.е. увеличился почти в 3 раза. Для Туркмении, статистика которой остаётся отрывочной и не вполне сопоставимой по годам, можно отметить, что подушевое производство зерновых по официальным данным возросло со 121 кг в 1990 г. (см. табл. 4.27) до 427-464 кг в 2002-2004 гг. (см. табл. 4.36 и 4.37). Таким образом, величина подушевого производства увеличилась здесь за указанные годы в 3,5-4 раза. Эти цифры показывают: в 2000-е гг., а точнее в 2002 – 2004 гг., Туркмении удалось добиться радикального сдвига в сторону обеспечения потребностей страны в зерновых. Имеется в виду как потребление продуктов населением, так и (по-крайней мере, частичная) обеспеченность животноводства кормами. Этот вывод будет подтвержден, если официальная статистика Туркмении сделает общедоступными сведения о производстве зерна в 2005-2011 гг., и они окажутся на уровне 2002-2004 гг. или превысят его.

Как и в Таджикистане, увеличение производства зерновых в Туркмении и Узбекистане связано с постепенным отходом от хлопковой монокультуры. Валовой сбор хлопка-сырца в Туркмении колебался в широких пределах (что, по-видимому, являлось результатом общего экономического кризиса), но именно в годы резкого увеличения производства зерновых он был на 40-50 % (см. табл. 4.48 и 4.49) ниже, чем в 1990 г. В Узбекистане сбор хлопка-сырца в 2000-е гг. оставался на 25-40 % ниже уровня 1990 г., тогда как подушевое производство зерна возросло за этот период со 159 кг в 2000 г. до 265 кг в 2010 г. (см. табл. 4.36). Тем не

[1] 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2000: статистический сборник. – М. 6 Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011. – С. 160.

менее, вопрос, удалось ли Узбекистану достичь полной самообеспеченности зерновыми, остаётся открытым, поскольку не удалось получить соответствующих данных внешнеторговой статистики.

Несмотря на отсутствие в официальной статистике СНГ данных о потреблении отдельных продуктов питания в Туркмении и Узбекистане за многие годы изучаемого периода, попытаемся оценить изменения в этой сфере. В нашем распоряжении имелись данные ФАО о запасах продуктов питания в изучаемых странах, полученные на основе «Таблиц продовольственного баланса» (Food balance sheets); они составляются на основе разных источников, а потому качество содержащихся в них данных различается для разных стран и товаров[1]. Эти таблицы, как следует из названия, организованы по балансовому методу. В них содержатся: а) сведения обо всех источниках, за счёт которых формируются совокупные запасы (supply) продовольствия (например, общий объем продукции животноводства и полеводства, величина импорта продуктов питания и пр.); б) *информация об* использовании (utilization) *запасов* продовольствия (например, какая их часть была отправлена на экспорт, какая на корм скоту, на семена, сколько было потеряно при хранении и транспортировке и т.п.). Среди «статей» использования есть данные о количестве продовольственных товаров, поступающих в розничную торговлю. Сведения такого рода за 1992-2009 гг. содержатся в базе данных ФАО[2]. На первый взгляд, наличие стандартизированных данных за почти весь период постсоветского развития позволяет рассмотреть динамику потребления аналогично тому, как это было сделано выше на основе сведений Статкомитета СНГ. Однако то, что соответствующие данные появляются только с 1992 г. (иначе и не могло быть, так как в самые первые годы последнего десятилетия XX века этих стран на политической карте попросту не существовало), ограничивает

[1] Подробнее см. Food balance sheets: a handbook / Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2001. – P. 4.
[2] База данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (ФАО) FAOSTAT (http://faostat.fao.org).

возможности анализа, поскольку ранее, в предыдущих разделах данной работы, во всех сравнениях для сопоставления итогов развития базовым брался 1990 г. Хотя по ряду макро- и социально-экономических показателей в это время уже появились признаки общеэкономического спада, 1990 г. был последним «полноценным» годом советского этапа развития союзных республик. В 1991 г. кризис переходного типа проявился с бóльшей силой, тогда как 1992 г. в ряде стран СНГ был одним из самых «худших» с момента обретения ими независимости до 2010 г.

Самым простым и очевидным решением проблемы «неполноты» данных ФАО может показаться «комбинирование» их со сведениями о динамике потребления продуктов соответствующих товарных групп в статистике СНГ. Однако это трудно осуществимо технически. Дело в том, что (несмотря на значительное совпадение названий и схожий во многом принцип классификации продуктов) основные товарные группы двух баз данных не идентичны. Поэтому такое объединение данных ФАО за 1992-2009 гг. с данными Статкомитета СНГ за 1990-1991 гг. не может быть осуществлено. Так, в статистике СНГ в «Молоко и молокопродукты» включаются и молоко и сливочное масло. В базе данных ФАО выделяется товарная группа «Молоко», однако уточняется, что это молоко, без учета масла. Масло, по-видимому, учитывается в отдельной группе «Животные жиры», эквивалента которой в публикуемых Статкомитетом СНГ изданиях нет.

Данные официальной статистики СНГ получают по схожим с таблицами продовольственного баланса ФАО принципам, а именно на основе различных форм статистического наблюдения предприятий перерабатывающей промышленности, сельского хозяйства, торговли, а также таможенной статистики, данных бюджетных обследований домашних хозяйств; кроме того, для уточнения широко применяются различные досчеты и экспертные оценки [1]. Принимая во внимание отмеченные

[1] Методические указания по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов

обстоятельства, на наш взгляд, «комбинирование» сведений двух баз данных имеет смысл. Однако для анализа полезнее данные ФАО о потреблении не отдельных товаров или групп товаров, а белков и жиров, а также сведения об общей калорийности пищи (см. табл. 4.75 и 4.76). Разумеется, простое сравнение показателей энергетической ценности пищи в 1992-2009 гг. не решает полностью основной задачи – выяснить итоги самостоятельного развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа в сфере потребления продуктов питания. Однако это позволит сделать выводы «качественного», «порядкового» характера (о какой-либо «количественной» точности в подобных условиях в принципе не может быть и речи).

Данные о потреблении основных групп продуктов питания в 1990-1992 гг., как следует из содержания табл. 4.71 и 4.73, имеются по обеим рассматриваемым странам. В Туркменистане (см. табл. 4.71 и 4.72) и Узбекистане (см. табл. 4.73 и 4.74) к 1992 г. сократилось потребление всех видов продуктов животноводства.

Продукты животного происхождения, как известно, являются важнейшими источниками белков и жиров. Помимо прочего, наличие в рационе последних в наибольшей степени определяет калорийность пищи. Кроме того, важно отметить, что «основными» продуктами животноводства в нашем анализе следует считать «мясо» и «молоко», приняв во внимание их абсолютное превосходство по «удельному весу» и сопоставимость по пищевой ценности с другими продуктами (рыбой и яйцом).

Для последующих рассуждений необходимо иметь в виду, что калорийность обеспечивается, главным образом, не фруктами, овощами или бахчевыми культурами, а продуктами животного происхождения, либо крупами, мучными и макаронными изделиями.

Источником жиров для населения Туркменистана и Узбекистана, принимая во внимание особенности структуры потребления и специфику

(постановление Госкомстата России от 7 июня 2001 года № 41) (http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_23851.html)

гастрономической культуры этих стран, являются преимущественно продукты животного происхождения [1]. Аналогично и белки содержатся, главным образом, в мясе, рыбе, молочных продуктах, яйцах, хотя высоко содержание протеина в бобовых и грибах. Традиционно именно количество в рационе продуктов животного происхождения «определяет» качество питания.

В Узбекистане ситуация в сфере питания к концу 2000-х гг. была заметно хуже, чем в 1990 г.: в 2009 г. потребление белков и жиров (мяса, молока, яиц), а также калорийность пищи были на уровне 1992 г. (даже несколько ниже), который, в целом, был намного хуже 1990 г. Так, потребления мяса, как следует из данных табл. 4.74, к 1992 г. сократилось на 15,6 %, молока и молочных продуктов – на 16,7 %, яиц – ровно на треть, рыбы – в 3,1 раза, а сахара – в 2,2 раза.

К 2009 г. в Туркменистане (по сравнению с 1992 г.) количество потребляемых калорий практически не изменилось (возросло на 3,3 %). Между тем белков и жиров за этот же период стали потреблять соответственно на 13,2 и 21,3 % больше. Принимая во внимание, что 1 грамм жира выделяет около 9,3 ккал, а белков и углеводов – по 4,1 ккал[2], логично предположить, что в рационе жителей страны стало меньше мучных изделий, картофеля, круп (являющихся основными источниками углеводов). Учитывая относительно небольшое с 1990 по 1992 гг. снижение потребления мяса (11,6 %) и молока (12,7 %), а также рост количества белков и жиров (основными источниками которых и являются мясо и молочные продукты) в рационе с 1992 по 2009 гг., можно предположить, что в Туркменистане к концу 2000-х гг. потребление продуктов питания было сопоставимо с уровнем 1990 г.

---

[1] Сделанные уточнения отнюдь не универсальны; например, структура потребления большой части населения Южной и Юго-Восточной Азии такова, что основным источником жиров здесь являются продукты питания растительного происхождения. – *Прим. авт.*

[2] Большая Советская Энциклопедия. В 30-ти т. – 3-е изд. Италия – Кваркуш / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская Энциклопедия 1973. – Т. 11. – С. 227.

Подчеркнём **многовариантный** характер оценок и выводов, полученных в условиях ограниченности надежных статистических данных. Даже если считать незначительными неточности, связанные с не вполне одинаковыми способами расчётов соответствующих данных Статкомитетом СНГ и ФАО, отмеченная ранее особенность «Таблиц продовольственного баланса», – а именно то, что они отражают потенциально возможный, без учёта разного рода потерь (например, в процессе транспортировки, хранения, термической и пр. обработки продуктов [1]), но не фактический уровень потребления, – скорее понижает сделанные оценки по Туркменистану и Узбекистану.

В то же время, в методологических разъяснениях к таблицам продовольственного баланса ФАО указывается, что продукты питания, движение которых на рынке не отражено в торговой статистике, сложно учитывать. Речь идёт о продукции приусадебных хозяйств, огородов, садов, добытой дичи, пойманной рыбе и пр., т.е. обо всём, что потреблялось непосредственно домашними хозяйствами либо поступало в товарный оборот, но не было учтено соответствующими службами. Принимая во внимание высокую долю сельского населения в некоторых странах Центральной Азии и Южного Кавказа, можно предположить, что удельный вес такой «неучтенной» продукции в отдельные годы был значительным, а следовательно, фактическое потребление, может оказаться выше, чем это следует из данных ФАО.

В базе данных ФАО содержатся и другие сведения, которые могут дополнить общую картину в сфере потребления населением основных продуктов питания. Речь идёт о численности тех, кто регулярно недоедает. Согласно принятой методике, индивид учитывается в величине данного показателя, если энергетическая ценность его рациона регулярно ниже величины минимальных пищевых потребностей в энергии (при расчёте

[1] Food balance sheets: a handbook, Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2001. – P. 5.

которой принимаются во внимание географические особенности структуры питания и потребностей в энергии, а также возраст, гендерная принадлежность и физиологические особенности – рост, вес, состояние здоровья и др., – людей). Анализ статистической информации такого рода улучшит наши представления об изменениях уровня жизни населения Центральной Азии и Южного Кавказа в изучаемый период.

Как видно из данных табл. 4.77, сведения о числе тех, кто регулярно недоедал, приводятся в среднем за трехлетний период[1]. Первые сведения для стран-членов СНГ появляются начиная с 1993 г. К этому времени, по сравнению с последними годами существования СССР, доступность многих, в т.ч. и основных продуктов питания, сократилась для большого числа граждан. То, что по сравнению с первым периодом (1993-1995 гг.), во второй половине 2000-х гг. наблюдалось заметное снижение численности регулярно недоедавших в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа, еще не свидетельствует о достижении докризисных значений, так как в нашем распоряжении нет аналогичных данных об изменении величины показателя с 1990 по 1993 гг. При этом есть все основания предполагать, что именно в первой половине 1990-х в странах Центральной Азии и Южного Кавказа существенно возросло число регулярно недоедавших.

Снижение численности недоедавших в южнокавказских республиках шло последовательно все четыре (см. табл. 4.77) периода, тогда как в Центральной Азии в начале 2000-х гг. эта доля была заметно больше (во всех странах, кроме Туркмении, где ничего не изменилось с 1993 по 2002 г.), чем во второй половине 1990-х гг.

Небезынтересны сведения ФАО о масштабах, а точнее о степени недоедания (depth of hunger). Данные табл. 4.78 рассчитаны как разница между средним (среди недоедающих) количеством потребляемой пищевой

[1] Такая форма представления связана с причинами методологического характера и была принята в ФАО в конце 1950-х гг.; подробнее об этом см., например: Food balance sheets: a handbook, Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2001. – P. 1–2.

энергии и величиной минимальных пищевых потребностей в энергии[1].

В соответствии с методикой ФАО, недоедание считается существенным, если калорийность рациона ниже минимальных пищевых потребностей (которые определяются с учётом половозрастной структуры и физиологических особенностей населения и рассчитываются исходя из предположения, что индивид не подвергается значительным физическим нагрузкам) на 300 и более ккал. Если же разница составляет 200 и менее ккал, она признаётся несущественной[2].

Как следует из данных табл. 4.78, только в Грузии (причём в «разгар» политического кризиса первой половины – середины 1990-х гг.) величина данного показателя достигала 300 ккал.

Таким образом, число тех, кто в странах Центральной Азии и Южного Кавказа был отнесен к регулярно недоедающим, в отдельные годы было значительным. Тем не менее, собственно степень недоедания, согласно методике ФАО, не могла считаться существенной.

[1] The State of Food Insecurity in the World 2000, Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2000. – P. 1–2.
[2] Там же. - P. 5.

Глава 5. Социальная сфера и условия жизни населения стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990-2010 гг.)

5.1. Жилищные условия

Жилищный вопрос был одной из острейших социально-экономических проблем СССР на протяжении всего периода его существования. Провозглашенная в 1986 г. на XXVII съезде КПСС цель – обеспечить собственной квартирой каждую советскую семью к 2000 г.[1], помимо прочего, наглядно демонстрировала понимание руководством страны того, что радикальное решение этой задачи – дело многих лет даже при сохранении высоких темпов строительства того периода. За годы самостоятельного развития в данной сфере в бывших союзных республиках происходили различные изменения, однако жилищная проблема остаётся одной из самых актуальных.

Существует ряд показателей, которые могут применяться при анализе состояния жилищной сферы. Одним из важнейших является **обеспеченность населения жильём**. Она выражается в единицах общей площади жилых помещений, приходящейся в среднем на 1 жителя страны, и рассчитывается делением величины всего жилищного фонда на количество жителей. Получаемое в результате соотношение имеет тот же недостаток, что и другие «средние» показатели: в его величине не отражена степень неравномерности обеспеченности граждан жильем. Между тем, очевидно, что значение этой характеристики может варьироваться от страны к стране. Так, несложно допустить существование в каком-нибудь гипотетическом микрогосударстве ситуации, когда правитель живёт в огромном дворце, а остальные немногочисленные жители ютятся в тесных хижинах. Показатель обеспеченности населения жильем (в расчете на 1 жителя) в этой стране

[1] См. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г. Стенографический отчет: в 3 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1986.

вполне может соответствовать международным санитарно-гигиеническим нормам и представлениям о достойном быте (или даже превосходить их). И только более детальный анализ позволит получить реалистичную картину о положении дел в жилищной сфере данной страны.

Впрочем, в СССР, в силу особенностей социально-экономического развития, неравенству такого рода, как в приведенном примере, не было места. Даже на этапе приватизации, когда многие государственные в прошлом предприятия стали принадлежать относительно небольшой группе собственников, большая часть жилищного фонда оказалась в распоряжении проживавших в них граждан. Поэтому применение показателя обеспеченности жильём при межстрановых сопоставлениях, в бывших союзных республиках, как представляется, оправдано.

Изменение величины показателя обеспеченности жильем, как следует из его содержания, происходит в результате изменения площади жилищного фонда или численности населения либо обоих показателей одновременно.

В свою очередь жилищный фонд увеличивается, если темпы строительства опережают скорость выбытия площадей по тем или иным причинам (ветхость, аварийность, разрушения в результате стихийных бедствий, боевые действия и т.п.). И наоборот, если жилья вводится меньше, чем выбывает, то площадь жилищного фонда сокращается. Принимая во внимание большой срок эксплуатации постоянных жилищ, второй вариант динамики наблюдался гораздо реже. С другой стороны, во многих регионах бывшего СССР (в силу особенностей планового хозяйства) гигантское по своим масштабам жилищное строительство осуществлялось в довольно краткие сроки, многие жилые районы вводились практически одновременно. Поэтому и ситуация, когда большое количество жилых домов (в частности, отжившие запланированный срок службы «хрущевки») почти одновременно оказываются непригодным для дальнейшего эксплуатирования, не столь уж маловероятна.

Индикаторами, характеризующими масштабы жилищного строительства, являются: **общая площадь введенного в действие жилья**, а также **площадь** и **количество построенных квартир** (на основе данных о величине последнего показателя, помимо прочего, можно получить представление о том, какое число семей потенциально могло бы улучшить свои жилищные условия в том или ином году). Разумеется, эти три количественные характеристики сферы жилищного строительства взаимосвязаны: величина общей площади нового жилья прямо пропорциональна площади построенных квартир и их количеству.

Средняя площадь строившихся квартир во многих странах-членах СНГ постепенно возрастала на протяжении постсоветского этапа их развития (см. табл. 5.5). Подобная тенденция, на первый взгляд, свидетельствует о позитивных изменениях и, в целом, ассоциируется с ростом уровня жизни. Между тем, в 1990–2000-х гг. увеличение средней площади нередко сопровождалось, а точнее, было связано с уменьшением количества построенных квартир (табл. 5.4). Из этого, на наш взгляд, следует простой вывод. По причине отказа и/или неспособности государств поддерживать за счёт бюджета объемы и структуру жилищного строительства, характерные для советского периода, из категории потребителей продукции первичного рынка недвижимости оказались исключены наименее обеспеченные слои населения. В новых условиях, когда застройщики не были связаны нормами, регулирующими среднюю площадь жилищ, а также плановым соотношением числа одно-, двух-, трехкомнатных и т.д. квартир (как это было во времена СССР), рынок удовлетворял только платежеспособный спрос, который могли предъявить только довольно состоятельные граждане.

Косвенным подтверждением верности сделанного предположения о причинах увеличения средней площади квартир, на наш взгляд, являются данные о динамике соответствующих показателей по России и Белоруссии. Так, в РФ с началом восстановительного этапа жилищного строительства увеличение средней площади новых квартир остановилось и в дальнейшем,

до конца 2000-х гг., изменялась в относительно небольших пределах (см. табл. 5.5). Аналогичная, но еще более выраженная тенденция наблюдалась в Беларуси. Меньше всего квартир тут было построено в 2002 г. (если не считать 1995 г.). В последующие годы их число непрерывно возрастало и практически одновременно (с 2003 г.) стала сокращаться возраставшая все предыдущие годы постсоветского развития площадь квартир.

После краткого описания показателей, можно перейти к рассмотрению их динамики в интересующих нас странах.

Количество квадратных метров жилья, приходящегося на одного жителя, в **Азербайджане** с 1990 по 2010 гг. изменилось незначительно: с 12,5 до 12,8 (табл. 5.2). По сравнению с другими странами Центральной Азии и Южного Кавказа (и в целом СНГ) величина этого показателя в Азербайджане, пожалуй, может быть охарактеризована как «наиболее статичная». Так, самое низкое значение – 11,9 м^2 – было достигнуто в 1996 г., и, следовательно, наибольшее снижение составило менее 5 % от уровня 1990 г. Поскольку численность населения к середине 1990-х гг. увеличилась на 7–8 % (табл. 3.3), а площадь построенного жилья сократилась, практически в 5 раз по сравнению с 1990 г. (табл. 5.3), можно предположить, что снижение показателя общей площади в расчете на 1 жителя до 11,9 м^2 связано как с демографическими сдвигами, так и с падением объемов жилищного строительства.

Несмотря на то, что объемы ввода нового жилья в Азербайджане в 2000-х гг. почти непрерывно возрастали, даже в 2010 г. величина этого показателя была в 1,4 ниже, чем в 1990 г. Здесь важно обратить внимание, что 2010 г. был самым лучшим для жилищного строительства за весь рассматриваемый период (больше было построено, видимо, «по инерции» только в 1990, 1991 и 1992 гг.), а если сравнивать с предшествовавшим ему 2009 г. (который примерно характеризует средние темпы за 2003–2010 гг.), то снижение будет ощутимым – 1,9 раза. Падение объемов жилищного строительства в худшие годы было почти семикратным (6,85 раза).

В отдельные периоды с 1990 по 2010 гг. количество строившихся квартир сокращалось очень существенно: до 8 раз в 1999 г. (табл. 5.4). С начала 2000-х их количество стало возрастать, однако и к 2010 квартир строилось в два раза меньше, чем в 1990 г.

Средний размер построенных в Азербайджане квартир постепенно (хотя и с колебаниями в отдельные периоды) возрастал и за 20 лет увеличился на 40 % (табл. 5.5). Это по сравнению с другими странами Центральной Азии и Южного Кавказа довольно «средний» показатель.

В **Армении**, как и в Азербайджане, обеспеченность населения жильём возрастала на протяжении 1990–2010 гг. практически непрерывно. В 2010 г. на 1 человека здесь приходилось более 27 $м^2$, что в 1,8 раза больше, чем в 1990 г. (табл. 5.2). Заметим, что население Армении за указанный период хоть и сократилось, но в гораздо меньших масштабах: с 3 млн. 515 тыс. в 1990 г. до 3 млн. 250 тыс. в 2010 г., т.е. немногим более 7,5 % (табл. 3.3). Следовательно, причины роста значений показателя обеспеченности жильем могут объясняться и увеличением площади жилищного фонда. Он, как следует из табл. 5.1, на протяжении 1990–2010 гг. увеличивался высокими темпами. Этот факт обращает на себя внимания, поскольку объемы жилищного строительства в Армении к этому времени снизились довольно существенно (табл. 5.3). Если в 1990 и 1991 гг. темпы роста данного показателя были заметно выше средних по СССР (проявление результатов усилий по восстановлению жилищ сотен тысяч людей, оставшихся без крова, после Спитакского землетрясения 1988 г.), то в 1992 г. в данной сфере произошел спад – более чем четырехкратный по сравнению с 1990 г. В отдельные периоды середины и конца 1990-х гг. абсолютное снижение объемов жилищного строительства в Армении было еще бóльшим. Например, в 1996 г. жилья в эксплуатацию было введено в 8,4 раза меньше, чем в 1990 г.

Резкое и масштабное сокращение жилищного строительства связано с необъявленной войной с Азербайджаном и общей социально-экономической

ситуацией в стране. Даже в самый лучший после 1991 г. для жилищного строительства Армении 2008 г. в стране было введено в 2,8 раза меньше площадей, чем в 1990 г.

Максимальное снижение количества построенных квартир – в 1996 г. – было колоссальным: более чем в 17 раз по сравнению с 1990 г. (табл. 5.4) Причем, хотя показатель 1996 г. является наименьшим, он отнюдь не радикально отличается от значений других лет. Сопоставимо низкие величины можно наблюдать на протяжении большей части двадцатилетнего периода независимого развития Армении.

Расчеты, произведенные на основе сведений об общей площади введенного в действие жилья и количестве построенных квартир, позволяют сделать вывод, что средние размеры последних в отдельные годы возрастали до 3,6 раз по сравнению с уровнем 1990 г. (табл. 5.5). По сравнению с другими странами Центральной Азии, Южного Кавказа и СНГ в целом эти изменения (как в абсолютном, так и в относительном выражении) – самые значительные.

По **Грузии** данные об обеспеченности населения жильём имеются только до 1998 г. включительно (табл. 5.2). По сравнению с 1990 г., величина показателя несколько сократилась только в 1991 г. (хотя масштабы этого снижения были незначительными – 2,1 %), а все последующие годы она была выше.

Объемы жилищного строительства в Грузии стали сокращаться, начиная с 1990 г., и к концу десятилетия достигли самых низких значений в СНГ (в расчете на 1000 жителей). Следовательно, рост показателя обеспеченности жильём надо связывать прежде всего с начавшимся в 1993 г. длительным и весьма значительным по масштабам снижением численности постоянного населения страны (табл. 3.3).

Тенденция сокращения количества строившихся квартир в Грузии чётко обозначилась уже в конце 1980-х гг., а в первой половине 1990-х приобрела невиданный размах (табл. 5.4). Как и в Армении, этот процесс сопровождался увеличением средней площади строившихся квартир (табл.

5.5). В первой половине 2000-х гг. по величине этого показателя Грузия обогнала большинство стран СНГ.

В **Казахстане** ситуация с обеспеченностью населения жильём во многом аналогична таковой в Грузии. Поскольку на протяжении 1990-х гг. (не считая 1999 г.) объемы жилищного строительства стремительно падали (табл. 5.3), тенденция увеличения общей площади жилых помещений, приходящейся на 1 жителя, наблюдавшаяся еще в 1980-х гг., сохранялась практически на всём протяжении последнего десятилетия XX в. По-видимому, это надо связывать с тем, что в 1993–2002 гг. в стране снизилась (в общей сложности на 9 %) численность постоянного населения (табл. 3.3).

Сокращение количества построенных квартир, начавшееся уже в 1989 г., продолжалось 10 лет, и к 1999 г. (по сравнению с 1990 г.) оно оказалось примерно двенадцатикратным (табл. 5.4). Вместе с тем, на протяжении почти 15 лет наблюдался непрерывный рост средней площади построенных квартир; только со второй половины 2000-х гг. довольно чётко обозначилась «стабилизация» динамики (табл. 5.5). Примерно в эти же годы объемы жилищного строительства больше всего приблизились к докризисным значениям.

Величина показателя обеспеченности населения жильём в **Киргизии** по сравнению с четырьмя рассмотренными странами, пожалуй, может быть охарактеризована как «статичная». На протяжении 1990–2007 гг. она незначительно колебалась около значения 12 м^2 (табл. 5.2), и только в последние три года первой декады XXI в. наметилась тенденция к повышению (13,4, 14,4 и 15,9 м^2 соответственно). Эта «стабильность» средних величин обеспеченности населения жильем обусловлена разной направленностью изменений определявших её показателей. Темпы ввода жилья в Киргизии существенно сократились, хотя и меньше, чем в Казахстане или Армении (табл. 5.3). Наибольшее снижение наблюдалось в 1995 г.; в дальнейшем шёл довольно последовательный рост. Имевшие место объемы жилищного строительства, по-видимому, оказались достаточными, чтобы «скомпенсировать» влияние высоких темпов роста населения (см.

табл. 3.3) на величину показателя обеспеченности жильём. Рост этого показателя в 2008–2010 гг. связан со значительно возросшими во второй половине 2000-х гг. объемами жилищного строительства (при почти неизменных темпах роста населения в этот период). В течение всего изучаемого периода площадь строившихся квартир стабильно увеличивалась и, как правило, не превышала средних по СНГ значений (табл. 5.5).

Единственная страна Центральной Азии и Южного Кавказа, на территории которой на протяжении рассматриваемых 20 лет сокращался показатель обеспеченности населения жильём – **Таджикистан**. Масштабы этого снижения в целом незначительны – площадь сократилась с 9,5 м^2 в 1991 г. до 8,5 м^2 в 2008 г. (в 2009 и 2010 гг. величина показателя несколько возросла). Однако сам факт и причины подобных изменений заслуживают внимания.

Численность населения с 1990 по 2010 гг. возросла более чем на 40 % (табл. 3.3). При этом объемы ввода нового жилья здесь, как и в других странах-членах СНГ, существенно сократились в 1990-х гг. С начала 2000-х гг. имел место рост жилищного строительства, причем довольно стремительный. На наш взгляд, это было связано с крупными суммами (от 33 до 45 % величины ВНД в 2009-2011 гг.) ежегодно переводившимся мигрантами из Таджикистана, трудившимися в России. Тем не менее даже в 2010 г. объемы вводимого жилья были в 1,7 раза меньше, чем в 1990 г. (табл. 5.3).

Для Таджикистана, на протяжении всего рассматриваемого периода, характерна самая низкая по сравнению с другими странами-членами СНГ средняя площадь строившихся квартир. При этом лишь в отдельные годы первого десятилетия XXI в. величина данного показателя превышала значения 1990 г. (табл. 5.5).

Количество строившихся квартир в середине 1990-х гг. снизилось более, чем в 11 раз (табл. 5.4). Это вполне объяснимо, если принять во внимание, что кризис переходного типа усугублялся тяжелейшей гражданской войной.

Анализ положения дел в жилищной сфере в **Туркменистане** осложняется отсутствием данных за целый ряд лет по всем необходимым нам показателям. Так, сведения об обеспеченности населения жильём имеются только за 1990–2003 гг. (при этом отсутствуют данные за 1999 г.), а данные о масштабах жилищного строительства, количестве и площади новых квартир – только за четыре года: 1990–1993 гг.

Обеспеченность жильем в Туркмении в соответствии с имеющимися данными возросла с 1990 по 2003 гг. в 1,75 раза (табл. 5.2). Причём существенное увеличение имело место только в начале 2000-х гг. (или 1999 г.), а до этого величина показателя колебалась на уровне 10-12 м^2.

Несмотря на то, что данные о масштабах жилищного строительства за большую часть рассматриваемого периода отсутствуют, можно сделать некоторые предположения относительно их возможных изменений. Население Туркменистана на протяжении всего периода постсоветского этапа развития росло (хотя масштабы приростов требуют уточнения). Если принять динамику показателя обеспеченности жильём как достоверную, то следует сделать вывод, что темпы увеличения жилищного фонда превышали темпы демографического роста. Из этого следует, что должно было иметь место довольно стремительное увеличение объемов жилищного строительства. Последнее, в принципе, представляется вполне вероятным. Именно в это время сложилась крайне благоприятная конъюнктура на рынке углеводородных энергоносителей, которые являются важнейшей статьёй экспорта Туркменистана. А потому могли появиться ресурсы и средства, необходимые для увеличения объемов жилищного строительства.

К сожалению, имеющиеся скудные данные не позволяют сделать достоверные выводы о «структурных особенностях» роста объемов жилищного строительства, а именно о средней площади жилищ, о том, как изменялось число строившихся квартир в отдельные годы и т.п. Наши предположения могут иметь научную ценность только при условии, что сведения официальной статистики (в том числе демографические показатели)

адекватно отражали реальное положение дел; последнее замечание, впрочем, справедливо по отношению к любой изучаемой стране.

В **Узбекистане** обеспеченность населения жильем на протяжении 1990-х гг. возрастала примерно теми же темпами, что и в 1980-х гг. Сведения о величине данного показателя в 2000-е гг. фрагментарны, однако, принимая во внимание его значения в 2004 и 2005 гг. (табл. 5.2), похоже, тенденция предыдущих десятилетий сохранялась.

Данные об объемах ввода жилья свидетельствуют о том, что в отличие от остальных стран Центральной Азии и Южного Кавказа, в Узбекистане в сфере строительства существенное снижение происходило дважды. Первый раз в середине 1990-х гг.; второй – в начале 2000-х гг. Масштабы первого спада оказались более значительными, хотя количество построенных в это время квартир было больше. Однако к первой половине 2000-х гг. (по сравнению с серединой 1990-х гг.) средняя площадь квартир возросла на треть[1].

Таким образом, можно констатировать следующее:

- во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа (кроме Таджикистана) возрастал показатель обеспеченности населения жильём. Происходило это по различным причинам. В ряде стран (например, Казахстане) решающее влияние на изменение величины данного индикатора оказало снижение численности населения, в других (например, в Армении) то, что площадь жилищного фонда возрастала;
- во всех без исключения странах-членах СНГ имел место спад в сфере жилищного строительства. Сокращение количества строившихся квартир происходило быстрее, чем падение общих объёмов жилищного строительства. Несмотря на то, что оба показателя демонстрировали весьма схожую динамику, масштабы этих изменений (глубина снижений и т.п.)

[1] Карамурзов Р.Б. Жилищные условия населения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. — 2013. — Т. 3, № 1. — СС. 104–111.

различаются, так как показатель площади построенных квартир вносит «корректировку»;

- неоднократно отмеченный факт увеличения средней площади построенных квартир происходил на фоне снижения их количества, т.е. за счёт сокращения «бюджетного», относительно недорого массового жилья для широких слоёв населения. Подобная ситуация (особенно в условиях современной городской действительности, когда на относительно небольшой территории сконцентрированы жилые районы различных по уровню доходов групп населения) не способствует социальной стабильности.

В заключение отметим существенное увеличение веса платы за услуги ЖКХ в совокупных расходах домашних хозяйств (см. табл. 5.6). Так, в Азербайджане только с 1994 по 2001 гг. доля расходов на ЖКХ возросла в 6,8 раза; в Армении только за 5 лет (с 1994 по 1999 гг.) этот показатель вырос в 10,6 раза. В Казахстане (с 1995 по 2010 гг.), Киргизии (с 1994 по 2010 гг.) и Таджикистане (с 1998 г. по 2010 гг.) увеличение было меньшим: 1,8, 1,9 и 2,3 раза, соответственно. Подобного рода изменения связаны прежде всего с удорожанием услуг ЖКХ, а не с увеличением объема их фактического потребления.

5.2. Образование

Анализ изменений, произошедших в сфере образования представляется целесообразным разделить на три блока, в соответствии с его уровнями.

Во всех странах СНГ, в том числе в Центральной Азии и на Южном Кавказе, с 1990 по 2010 гг. существенно сократились значения показателей, характеризующих положение дел в **дошкольном образовании** (см. табл. 5.7-5.10).

Сокращение числа постоянных дошкольных учреждений было наименьшим в Беларуси (на 23,4 %), наибольшим – в Киргизии (на 59,3 %). Численность детей обучавшихся в этих учреждениях снизилась меньше всего в Белоруссии (на 36 %), а больше всего в Казахстане (на 63,5 %). Уменьшение числа мест в дошкольных учреждениях также существенно варьировалось: от 25 % в Грузии (в 2005 г.) до 60 % в Казахстане. Напротив, сокращение численности педагогических работников в Грузии (в 2006 г.) оказалось наибольшим (67,8 %); меньше всего она снизилась в Белоруссии: «лишь» на 18,4 %.

Во всех странах-членах СНГ (кроме Украины) в 1990-2010 гг. численность детей в дошкольных учреждениях сокращалась быстрее, чем число имевшихся там мест. Без специального детального изучения динамики этих абсолютных показателей трудно сделать вывод о том, что послужило причиной таких изменений. Возможно они являются отражением протекавших демографических процессов.

Пожалуй, наиболее полно состояние дошкольного образования характеризует показатель **обеспеченности детей постоянными дошкольными учреждениями**. Он определяется как соотношение между количеством мест в дошкольных учреждениях и численностью детей от 1 до 6 лет (за вычетом учащихся общеобразовательных школ в возрасте 6 лет). Как следует из данных табл. 5.10, к концу 2000-х гг. (по сравнению с 1990 г.) во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа величина этого

показателя снизилась больше, чем на 12 %. В некоторых случаях сокращение оказалось особенно большим: в Казахстане на 63,4 %, в Киргизии – на 65 %, в Таджикистане – на 61,8 %. На территории СНГ величина данного индикатора возросла только в Белоруссии (на 13,5 %) и Молдове (на 10,8 %).

Количество **общеобразовательных школ** на протяжении 1990-2010 гг. возросло в Армении, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (см. табл. 5.11). При этом, только в Таджикистане увеличилась численность учеников этих заведений, а в во всех остальных странах – снизилась (см. табл. 5.12).

Увеличение количества школ шло довольно последовательно, тогда как численность учеников изменялась с течением времени: то уменьшаясь, то возрастая. По-видимому, основной причиной подобных колебаний (принимая во внимание рост числа общеобразовательных учреждений) были так называемые «демографические волны». При анализе стоит учитывать, что численность учеников в том или ином году отражает масштабы рождаемости в предыдущие 6-8 лет.

Численность учителей общеобразовательных школах изменялась с течением времени то уменьшаясь, то возрастая (см. табл. 5.13). В Азербайджане с 1990 по 2010 гг. она увеличилась на 30 %. В Армении (к 2010 г.) и Грузии (к 2005 г.) – снизилась на 26 и 25 %, соответственно. В Казахстане (к 2009 г.) учителей стало больше на 14 %, а в Киргизии (к 2010 г.) – меньше на 8,4 %. В Таджикистане численность педагогов в общеобразовательных школах, несмотря на колебания в отдельные периоды, за 20 лет изменилась несущественно: выросла на 3,3 %. В Беларуси величина данного показателя увеличивалась с 1990 г. до первых лет XXI века, затем несколько снизилась и снова возросла, так что к 2010 г. была немногим выше (на 7,8 %), чем в последние годы советского периода. Похожая динамика – рост в 1990-х гг. затем снижение на протяжении 2000-х гг. – имела место и в России, однако к 2010 г. абсолютная численность учителей здесь заметно (почти на 22,5 %) снизилась, по сравнению с 1990 г. На протяжении большей

части рассматриваемого периода абсолютная численность учителей в Молдове уменьшалась и концу 2000-х гг. величина показателя сократилась более чем на четверть. Несмотря на колебания численности учителей в отдельные годы на Украине к концу первого десятилетия третьего тысячелетия она была на уровне, вполне сопоставимом со значениями последней декады XX в.

Одной из характерных (хотя и не всеобщей) особенностей **послешкольного образования** в странах Центральной Азии, Южного Кавказа и СНГ в целом, было то, что количество вузов возросло гораздо в больших масштабах, чем количество ссузов (см. табл. 5.14, 5.18, 5.23).

Как следует из приведённых в табл. 5.14 данных, в ряде стран число ссузов вообще сократилась. Единственной страной, где ссузов стало больше, чем вузов был Узбекистан. Само по себе увеличение или уменьшение значений этого показателя едва ли однозначно свидетельствует об улучшении или ухудшении дел в сфере образования. Количество учебных заведений может изменяться не только путём учреждения новых или ликвидации существовавших ранее, но и в результате разного рода структурных преобразований. Так, в России, в рамках концепции создания федеральных университетов, новые вузы создавались на базе существовавших крупных региональных, путём присоединения к ним других (как правило, меньших) учебных заведений. Таким образом, происходили укрупнения, за счёт объедения нескольких университетов, колледжей и т.п. В подобном случае неправильно было бы считать, что номинальное уменьшение количества учебных заведений, повлечет за собой снижение качества образования. Аналогично, выделение из состава крупных вузов новых самостоятельных институтов, колледжей и пр. (что является довольно распространенной практикой), влекущее за собой увеличение номинального количества средних и/или высших учебных заведений, не следует интерпретировать однозначно как положительное или отрицательное явление.

Тем не менее, увеличение (если оно имело место) числа средних и, особенно, высших учебных заведений в изучаемый период в странах-членах СНГ происходило, преимущественно, за счёт появления новых коммерческих колледжей, университетов, академий, а также по причине открытия филиалов существовавших ранее вузов.

Имело место и увеличение количества студентов вузов по сравнению с численностью учащихся ссузов. Последнее требует разъяснения. Строго говоря, **рост** учащихся ссузов имел место только в Белоруссии, Казахстане, Киргизии и Узбекистане. Во всех остальных странах их число не только не росло, но и сокращалось.

Фактически, такое положение дел – развитие тенденции, наметившейся еще в 1980-х гг. (см. табл. 5.22). Так, в 1980 г. отношение численности студентов вузов и ссузов колебалось от 0,9 (т.е. число учащихся ссузов было большим) в Молдове, до 1,6 в Грузии. К 1990 г. «разброс» усилился: от 1,1 (т.е. в вузах училось больше) в Молдове до 2,4 в Грузии. К 2010 г. в странах-членах СНГ тех, кто обучался в университетах, институтах, академиях, консерваториях было больше, чем студентов колледжей, техникумов, училищ от 1,3 (в Казахстане) до 5,9 (в Украине) раз. Поскольку, по причине отсутствия соответствующих данных, в анализ не были включены Туркмения и Грузия, вполне возможно, что в действительности масштабы расхождений были еще большими. Только в Узбекистане, начиная с 1995 г., величина данного соотношения была меньше 1, т.е. на протяжении большей части изучаемого периода учащихся ссузов в стране было больше, чем учащихся вузов.

Количество студентов вузов возросло повсеместно, кроме Туркмении и Узбекистана. Причины сокращения значений этого показателя в данных странах – различны.

Снижение численности студентов вузов продолжалось на протяжении всего периода самостоятельного развития Туркменистана (см. табл. 5.19 и 5.20). К 2006 г. (последние имевшиеся в нашем распоряжении данные) в

стране на 10000 населения приходилось всего лишь 19 студентов, что в шесть раз меньше, чем в 1990 г.

Как следует из данных табл. 5.16, число учащихся ссузов с 1990 по 2003 гг. (последние имевшиеся на момент проведения исследования данные) сократилось еще больше: в 12 раз (с 92 до 6 на 10000 населения).

В Туркмении имело место радикальное снижение численности учащихся как ссузов, так и вузов. Можно предположить, что такие изменения связаны с политикой руководства страны, опасавшегося активного участия студентов в оппозиционном движении[1].

В Узбекистане снижение числа студентов вузов происходило по причине структурных особенностей системы национального послешкольного образования. Судя по всему, в отличие от других стран-членов СНГ, задачи по подготовке кадров для различных отраслей народного хозяйства были возложены не на университеты, институты и академии, а на техникумы, колледжи и училища. В пользу этого предположения свидетельствуют соответствующие цифры табл. 5.15, 5.16, 5.19 и 5.20. Узбекистан – единственная страна СНГ, где количество студентов вузов снижалось, тогда как численность учащихся ссузов, напротив, возрастала. Так, с 1990 по 2009 гг. первых стало меньше в 1,6 раза (со 165 до 102 человек на 10000 населения), а вторых – больше, примерно в 4,3 раза (со 126 до 538 человек на 10000).

Динамика численности студентов и ссузов и вузов в рассматриваемых странах в 1990-2010 гг. может быть охарактеризована следующим образом. Только в Казахстане (вдвое), Киргизии (примерно в полтора раза) и, особенно, в Узбекистане (в 5,8 раза) была существенно превышена докризисная численность учащихся средних учебных заведений. В Азербайджане и Таджикистане, несмотря на снижения 1990-х гг., к концу 2000-х гг. численность учащихся ссузов была примерно на том же уровне,

[1] См., напр.: Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. – М.: Гуманитарий, 2001. – С. 196.

что и в 1990 г: снижение составило 7,9 и 7,3 %, соответственно. В Армении за прошедшие двадцать лет произошло заметное сокращение численности учащихся ссузов: более чем в полтора раза. В Туркмении снижение величины показателя шло последовательно с 1990 г. до середины 2000-х гг.: к 2006 г. оно было почти девятикратным. В Грузии к 2007 г. в ссузах обучалось в 2,5 раза меньше, чем в 1990 г.

В большинстве стран-членов СНГ абсолютная численность студентов вузов возросла. Наиболее масштабным рост был в Киргизии. Здесь с 1990 по 2010 гг. абсолютное число студентов выросло почти в четыре раза (в отдельные годы оно было еще большим). В Армении учащихся вузов в 2010 г. (по сравнению с 1990 г.) стало больше в два раза, а в Казахстане и Таджикистане, соответственно в 2,4 и 2,7 раза.

В Туркмении, Узбекистане и Грузии в рассматриваемый период абсолютное число тех, кто обучался в вузах сократилось. В Узбекистане число студентов вузов, начиная с середины 1990-х гг. возрастало и, в 2008 г. было лишь на 13 % меньше, чем в 1990 г. Численность студентов в Туркмении последовательно снижалась с 1990 г. и к 2006 г. сократилась более, чем в три раза. В Грузии абсолютное число студентов вузов сокращалось с середины 2000-х гг. и к 2008 г. было меньше, чем в 1990 г. на 10 %. При рассмотрении динамики численности студентов в Грузии в расчете на 10000 населения получается, что к 2008 г. их число не только не снизилось, но напротив, возросло на 12,6 %. Этот факт стоит принять во внимание в виду значительного сокращения постоянной численности населения в стране.

В Белоруссии, России, Украине и Молдове наблюдалась довольно схожая тенденция по динамике и масштабам роста числа студентов вузов. В абсолютных значениях увеличение к 2010 г. составило 2,5 раза в каждой из этих стран.

Одним из важнейших показателей является численность преподавателей ссузов и вузов. О том как она изменялась можно понять из данных табл. 5.17 и 5.21.

В Азербайджане численность преподавателей ссузов росла со второй половины 1990-х гг. и к концу 2000-х гг. была больше примерно в 1,5 раза. В Армении величина показателя изменялась неодинаково – то возрастая, но сокращаясь в отдельные годы; к 2010 г. она снизилась на 11 % по сравнению с 1990 г. В Грузии число преподавателей последовательно снижалось с 2000 г. и к 2007 г. их число было меньше в 2,2 раза, чем в 1990 г. В Казахстане преподавателей ссузов за двадцать лет стало больше почти в два раза, а в Киргизии, за тот же период, – более чем на 20 %. В Таджикистане после значительного снижения в 1990-х гг., к 2010 г. численность преподавателей ссузов возросла почти на 40 %. В Молдове и Украине величина показателя снизилась на 20 и 25% соответственно. В Беларуси, напротив, преподавателей средних учебных заведений стало больше на треть; в России величина этого показателя увеличилась на четверть.

Несмотря на особенности динамики в отдельные годы, в большинстве стран СНГ абсолютное число преподавателей высших учебных заведений к концу 2000-х гг. увеличилось по сравнению с 1990 г. В Азербайджане рост показателя составил 74,6 %, в Армении – 64,7 %, в Белоруссии – 62,7 %, в Казахстане – 80,4 %, в Киргизии – 132,5 % (т.е. 2,3 раза), в Молдове – 52 %, в России – 62,4 %, в Таджикистане – 63 %, Украина – 108 % (т.е. 2,08 раза).

Данные по Туркмении о численности преподавателей вузов имеются только с 1990 по 1995 гг. (причем, не полностью), по Узбекистану – с 1990 по 2000 гг. В Туркмении к 1995 г. величина показателя возросла на 11,7 %. В Узбекистане к 2000 г. численность преподавателей вузов сократилась на 20,1 %.

Несмотря на важность изучения абсолютных изменений численности преподавателей, на наш взгляд, больший интерес представляет сравнение динамики этого индикатора с изменением численности учащихся (табл. 5.24).

Обобщающим показателем, позволяющим лучше понять к чему приводили изменения численности учащихся и педагогов, является количество студентов, приходившихся на 1 преподавателя. В табл. 5.25 и 5.26 приведены соответствующие расчёты для систем среднего профессионального и высшего образования. Из этих данных следует: во всех странах-членах СНГ (за исключением Узбекистана и Туркменистана, сведения по которым имеются менее, чем за 10 лет) число учащихся в расчёте на 1 преподавателя ссуза к концу (в Грузии – середине) 2000-х гг. оставалось либо сопоставимым, либо заметно ниже уровня 1990 г.

Напротив, количество студентов вузов в расчёте на 1 преподавателя (за исключением Туркмении и Узбекистана) возросло. Исключение – Азербайджан, который, таким образом, является единственной страной, где «нагрузка» на одного преподавателя, в среднем, снизилась в обоих направлениях послешкольного образования[1].

[1] О состоянии сферы высшего образования в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа см. также: Карамурзов Р.Б. О некоторых индикаторах образования в странах СНГ и Грузии в 1990-2010 гг. // Социально-гуманитарные знания. — 2014. — № 7 (спец.выпуск).

5.3. Состояние системы здравоохранения

Система здравоохранения, традиционно, является одним из самых приоритетных направлений социального-экономического развития. О важности стоящих перед ней задач говорит, в частности, тот факт, что три из восьми целей развития тысячелетия ООН [1] – «сокращение детской смертности», «улучшение охраны материнства», «борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями» – имеют прямое отношение к вопросам охраны здоровья населения.

Существует множество количественных показателей, позволяющих судить об успехах государств в данной области: основные причины смертности половозрастных групп населения, количество проведенных операций разного рода (ангиопластических, трансплантационных и т.п.), ожидаемая продолжительность жизни после 65 лет, среднее время пребывания пациентов в больницах, объём потребления населением лекарственных средств, инновационная активность в сфере здравоохранения, уровень вакцинации населения от различных инфекционных заболеваний, численность выпускников специализированных (медицинских) учебных заведений и факультетов, уровень технической оснащенности лечебных учреждений, доля расходов на здравоохранение в ВВП и пр.

Детальный анализ всех показателей едва ли возможен в рамках данной работы. Тем не менее, для получения общего представления о положении дел в изучаемой сфере можно ограничиться изучением нескольких понятных и содержательных индикаторов. Их, в свою очередь, целесообразно разделить, на две группы. К первой относятся показатели, дающие представление о величине и структуре разного рода расходов на охрану и улучшение здоровья граждан[2]. Ко второй – индикаторы, на основе которых можно делать выводы

[1] Подробнее см.: http://www.un.org/millenniumgoals

[2] О динамике показателей этой группы в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении изучаемого периода см. также: Карамурзов Р.Б. О некоторых аспектах состояния системы здравоохранения в странах СНГ и Грузии в 1990-2010 гг. //

о результативности осуществляемых мер и эффективности произведенных затрат, а именно, статистика отдельных заболеваний.

Одной из наиболее интегральных количественных характеристик первой группы показателей, являются расходы на здравоохранение в расчёте на душу населения. Информация о них содержится в изданиях Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) и ВБ. Усилиями специалистов ВОЗ в 1999 г., на основе сведений Национальных счетов здравоохранения[1](National health accounts), было начато создание «Всемирной базы данных по расходам на здравоохранение» («Global health expenditures database»). Первые данные по единой методике были собраны за 1997 г., однако впоследствии они были ретрополированы на несколько лет назад, так что данные о величине показателей имеются начиная с 1995[2] г. В свою очередь, на основании этих сведений (которые государства предоставляют ВОЗ выраженными в своих национальных валютах) и результатов раунда ПМС 2005 г. эксперты ВБ осуществляют оценку величины показателя в долларах, в постоянных ценах 2005 г. по ППС валют. Такая форма представления данных делает их пригодными для межстрановых сопоставлений.

С 1995 по 2010 гг. величина расходов на здравоохранение в расчёте на душу населения последовательно увеличивалась во всех государствах Центральной Азии, Южного Кавказа и СНГ в целом (см. табл. 5.27). Однако масштабы этого роста различались от страны к стране весьма существенно.

Как следует из данных табл. 5.27, на протяжении пятнадцати лет подушевые расходы на здравоохранение (в долларах по ППС валют в постоянных ценах 2005 г.) в Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане были самыми низкими на постсоветском пространстве (включая страны Балтии). В Казахстане величина данного показателя была заметно выше, чем в других центральноазиатских республиках и по своим размерам и

Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). — 2014. — № 8.

[1] Подробнее см.: www.who.org/nha/en

[2] General statistical procedures used to construct WHO health expenditure database, May 14th 2012. – P. 4. http://www.who.int/entity/nha/expenditure_database/estimation.pdf

динамике была ближе к аналогичным индикаторам Азербайджана и Грузии. В Армении, начиная с середины 2000-х гг., абсолютные значения подушевых расходов на здравоохранение были заметно ниже (от полутора и более раз), чем в двух других южнокавказских республиках.

Как и в случае со многими другими индикаторами социально-экономического развития, лидерами по абсолютным значениям и темпам роста расходов на здравоохранение в расчете на душу населения в СНГ являются Россия и Беларусь.

Важно отметить, рассматриваемая здесь величина расходов на здравоохранение зависит как от объёма (и количества) медицинских услуг, так и от их стоимости. Поэтому на основании данных о динамике этого показателя нельзя делать однозначные выводы: возможно, что реально могло иметь место удорожание или удешевление медицинского обслуживания, тогда как фактически услуг было оказано столько же, сколько в предыдущем периоде.

Принимая во внимание динамику ряда рассмотренных в других разделах данной работы показателей, можно предположить, что рост расходов на здравоохранение на протяжении нескольких лет в 1990-х – первой половине 2000-х гг. имел «восстановительный» характер. Впрочем, подобная тенденция наблюдалась и во многих странах, относящихся к группе с высокими доходами (см. табл. 5.27). Заметим, что абсолютные значения рассматриваемого показателя в этих государствах были во много раз выше, чем в России, не говоря о других странах-членах СНГ.

Относительно различий в абсолютных величинах подушевых расходов на здравоохранение, следует подчеркнуть, что данные табл. 5.27 являются **оценками** специалистов ВБ. Эти оценки получены на основе сведений о величине показателя в национальных денежных единицах, данных о ППС валют по данным раунда 2005 г. и индексе дефлятора доллара США. Как отмечалось ранее, использование этого принципа – экстра- и ретрополяции данных – оправдано на относительно небольших временных интервалах. Чем

больше с течением времени в экономике происходит структурных изменений, тем к более существенным искажениям реального положения дел может привести применение данного метода. Эта специфика методики ВБ имеет важнейшую роль, если исследование претендует на точные количественные выводы. Но если цель анализа – выявление основных тенденций динамики и порядков различий величин, как в данном случае, то сведения подобного рода, на наш взгляд, могут быть использованы.

Другими показателями, частично характеризующими структуру общих материальных затрат на здравоохранение, являются численность медицинского персонала, а также мощности стационарных и амбулаторно-поликлинических учреждений.

Численность всего медицинского персонала определяется суммарным числом специалистов разной степени квалификации (докторов, фельдшеров, медицинских сестер). В официальной статистике СНГ имеются данные об общей численности врачей и среднего медицинского персонала за несколько десятков лет.

В сведения об ***общей численности врачей*** включается информация о работниках с высшим медицинским образованием, занятых на конец года в лечебных, санитарных организациях, учреждениях социального обеспечения, медицинских научно-исследовательских институтах, а также учреждениях по подготовке кадров, в аппарате органов здравоохранения и др. Следует иметь в виду, что в данном показателе учитываются все врачи-стоматологи, имеющие как высшее, так и среднее специальное образование[1]. Важно отметить, что статистика данного показателя ведется путём подсчёта физических лиц с высшим медицинским образованием, работающих в соответствующих организациях, а не числа должностных позиций, занимаемых врачами[2].

Подсчёт ***общей численности среднего медицинского персонала***

[1] 20 лет Содружеству Независимых Государств (1991–2000): статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (CD-ROM).
[2] Там же.

производится на основе сведений о лицах со средним медицинским образованием (кроме зубных врачей), занятых на конец года в лечебных и санитарных организациях, учреждениях социального обеспечения, дошкольных учреждениях, школах, домах ребенка и др.[1]

В официальной статистике СНГ данные об ***общей численности врачей*** и ***среднего медицинского персонала*** представлены абсолютными значениями и в расчёте на 10000 тыс. населения. Для анализа были использована вторая форма представления данных, так как она характеризует обеспеченность населения медицинской помощью и весьма удобна для межстрановых сопоставлений.

Пожалуй, наиболее яркой чертой динамики численности медицинских кадров в рассматриваемых странах (кроме Узбекистана) было то, что число врачей сокращалось по отношению к 1990 г. медленнее (или вообще, возрастало), чем численность работников со средним медицинским образованием (см. табл. 5.28 и 5.29). В целом же, динамика данного показателя варьировала на протяжении интересующего нас периода от страны к стране довольно существенно.

В Азербайджане с начала 1990-х гг. численность врачей постепенно снижалась на протяжении десяти лет; в дальнейшем этот процесс замедлился и с начала 2000-х гг. величина показателя оставалась примерно на одном уровне. В некотором смысле схожая картина наблюдалась в Таджикистане, но с 1990 по 2000 гг. снижение было бóльшим; затем, с 2000 по 2009 гг., значения колебались в небольшом диапазоне: с 21 до 19,3 врачей на 10000 населения. В Киргизии, Туркмении, Узбекистане (насколько позволяют судить имеющиеся данные) наблюдалось последовательное снижение показателя на протяжении 1990-2010 гг. В Армении, Грузии и Казахстане численность врачей в расчёте на 10000 населения сокращалась на протяжении 1990-х гг.; в 2000-х гг. снижение прекратилось и начался восстановительный рост. В итоге, к 2010 г. в Казахстане были практически

[1] Там же.

достигнуты, а в Армении даже превышены значения показателя 1990 г. (имеющихся данных по Грузии недостаточно для обоснованных выводов). В Беларуси, России и Украине на протяжении всего изучаемого периода численность врачей в расчёте на 10000 населения возрастала практически непрерывно. Динамика рассматриваемого показателя в Молдове схожа с той, что наблюдалась в Азербайджане и Таджикистане, а именно: на протяжении 1990-х гг. имело место снижение, которое приостановилось к началу 2000-х гг.; в дальнейшем (вплоть до 2010 г.) численность врачей (в расчёте на 10000 населения) изменялась незначительно.

Снижение численности среднего медицинского персонала в странах СНГ (см. табл. 5.29) практически повсеместно началось в начале 1990-х гг. Поэтому логично предположить связь между этим сокращением и кризисом переходного типа. Беларусь единственная в СНГ страна, где на протяжении всего изучаемого периода величина этого показателя, главным образом, возрастала. Только в Казахстане (с начала 2000-х гг.) наблюдалась тенденция, которую можно назвать восстановительным этапом. Динамика численности работников со средним медицинским образованием в остальных странах СНГ на протяжении 1990-х – 2000-х гг. может быть описана как последовательное и практически непрерывное снижение.

Масштабы итоговых изменений численности и структуры медицинских кадров в странах Центральной Азии и Южного Кавказа за годы их самостоятельного развития различались довольно существенно.

Как следует за данных табл. 5.28, снижение относительной численности врачей в Азербайджане (к 2010 г.) и Грузии (к 2008 г.), по сравнению со значениями 1990 г., составило 5,4 и 14,9 %, соответственно. В Армении с 1990 г. по 2010 г. число врачей в расчёте на 10000 жителей, напротив, возросло на 3 %. При этом, несмотря на большую величину относительного снижения, число врачей в Грузии в расчёте на 10000 населения и в 1980-х, 1990-х и 2000-х гг. было выше чем в Армении и Азербайджане.

К 2010 г. в Киргизии численность врачей (в расчёте на 10000 населения) сократилась почти на треть по сравнению с 1990 г. В Таджикистане (к 2009 г.) и Узбекистане (к 2008 г.) снижение было несколько меньшим: 28,8 и 27,7 %, соответственно.

Самые поздние данные по Туркмении, как следует из содержания табл. 5.28, имеются только на 2003 г. К этому времени численность врачей по сравнению с 1990 г. сократилась примерно на 1/5 часть (19,4 %).

Наименьшим в Центральной Азии снижение численности врачей (в расчёте на 10000 населения) было в Казахстане: 7,8 %.

В трёх из четырех европейских стран СНГ – Беларуси, России и Украине – численность врачей в расчёте на 10000 населения возросла (на 37,8, 6,8 и 12 %, соответственно). Поскольку этот показатель рассчитывается путём соотнесения общей численности врачей и среднеговой численности населения страны, в случае России и Украины подобную тенденцию можно связать с весьма значительным по величине процессом депопуляции [1]. Однако в Беларуси, где численность врачей в расчёте на 10000 населения увеличилась более чем на треть, главной причиной роста показателя надо считать увеличение числа выпускников медицинских факультетов и вузов, а не снижение численности населения (которое было гораздо меньшим, см. табл. 3.3).

Если во второй половине 2000-х гг. по сравнению со значениями 1990 г. врачей стало больше в четырёх странах СНГ-членах (в т.ч. в Армении), то численность среднего медицинского персонала возросла только в Беларуси, а во всех остальных странах снизилась. Масштабы этого снижения оказались гораздо большими (исключение – Узбекистан: сокращение численности врачей тут было большим).

Как следует из данных табл. 5.29, в конце 2000-х гг. работников со средним медицинским образованием в Армении стало меньше на 41 %, в

[1] С другой стороны, логично предположить, что процесс депопуляции должен был протекать «равномерно» и затрагивать все (социальные, гендерные, возрастные и т.п.) группы населения, в т.ч. и «по профессиональному признаку». – *Прим. авт.*

Киргизии – на 48 %, в Таджикистане – на 46 %, а в Азербайджане и Казахстане – примерно на 30 %. Сведения о численности среднего медицинского персонала в Туркмении и Грузии имеются только для первой половины 2000-х гг. В соответствии с этими данными, к 2003 г. в Туркмении величина рассматриваемого показателя снизилась на треть, а в Грузии (к 2004 г.) – в 2,3 раза.

В Узбекистане численность среднего медицинского персонала на 10000 населения снизилась со 110,7 в 1990 г. до 103 в 2005 г. (последние имевшиеся в нашем распоряжении данные). Относительное снижение здесь оказалось меньше, чем даже в России и Украине. К середине 2000-х в Узбекистане численность медработников со средним медицинским образованием была выше, чем в других странах-членах СНГ, за исключением Беларуси и России.

Другими показателями, характеризующими структуру расходов на здравоохранение, как уже отмечалось, являются мощности медицинских стационарных и амбулаторно-поликлинических учреждений.

Общей для всех стран-членов СНГ особенностью является то, что ко второй половине 2000-х гг. повсеместно сократилось количество больничных коек (см. табл. 5.30). В странах Центральной Азии и Южного Кавказа масштабы снижения (в 2008 г. по сравнению с уровнем 1990 г.) варьировали от 25 % в Азербайджане до 70,3 % в Грузии. Поскольку данные о количестве койко-мест «скорректированы» на динамику численности населения (т.е. демонстрируют обеспеченность населения медицинской помощью), произошедшие изменения однозначно свидетельствуют о значительном сокращении потенциала лечебных учреждений стационарного типа.

Сведения о «пропускных» мощностях амбулаторно-поликлинических учреждений для большинства стран ограничены временным периодом 1990-2002 гг. В соответствии с имевшимися данными, значения рассматриваемого показателя в первой половине 2000-х гг. (по сравнению 1990 г.) в большинстве стран-членов СНГ снизились несущественно, а в некоторых из них даже возросли (см. табл. 5.31). Несмотря на то, что представленные в

соответствующих таблицах данные недостаточно полные, можно заметить, что во всех странах-членах СНГ снижение числа больничных коек в расчёте на 10000 населения было гораздо большим, чем аналогичные изменения мощности амбулаторно-поликлинических учреждений (которые в ряде стран вернулись к уровню 1990 г. или даже превысили его).

Для того, чтобы с определенностью назвать факторы, оказавшие решающее влияние на изменение численности медицинских кадров и потенциала лечебных учреждений, необходимо изучение различных программ, стратегий и проектов в области здравоохранения, принятых в странах после 1991 г., проведение детального анализа соответствующих разделов государственных бюджетов стран в интересующие нас годы, применение методов регрессионного анализа и т.п. Тем не менее, принимая во внимание направления и масштабы произошедших структурных сдвигов, на основе данных официальной статистики, можно сделать предположения относительно причин, которыми они вызваны. Так, изменения можно связать с общими тенденциями, имевшими место в экономической жизни бывших союзных республик. В новых рыночных условиях реальные доходы лиц, работавших по найму (к которым относятся медицинские работники) снижались на протяжении нескольких лет. В Центральной Азии и на Южном Кавказе только в Азербайджане (по **всем** имевшимся вариантам расчетов) к концу 2000-х гг. были превышены докризисные значения (см. табл. 4.8). В подобных обстоятельствах, у медиков мотивация продолжать профессиональную деятельность не была высокой. У врачей (имевших по сравнению с фельдшерами и медицинскими сёстрами более высокую заработную плату) оставалась возможность получения дополнительного дохода «по специальности» в поликлиниках и других лечебных учреждениях. Подобного рода альтернатив было меньше у сотрудников со средним медицинским образованием, подавляющее большинство которых составляли медицинские сестры (заработная плата которых была ниже, чем у врачей). Следовательно, они имели больше причин искать заработок в других сферах

экономики. Поскольку под «больничной койкой» понимается не только наличие физического места в больнице, но и определенный уровень надзора за больными, сокращение числа медицинских работников в стационарных лечебных учреждениях и, особенно, масштабное снижение численности медсестёр, могло привести к сокращению мест в больницах, по причине отсутствия возможности надлежащего ухода за больными. В условиях сократившихся мощностей больниц население вынуждено было чаще обращаться за медицинской помощью в амбулаторно-поликлинические учреждения; возможности последних могли расшириться из-за увеличения численности врачей.

Другим объяснением произошедших изменений может быть то, что правительства стран реализовывали политику, направленную на сокращение расходов на здравоохранение. В условиях последовательного сокращения государственного участия в различных сферах народного хозяйства, шагом, продиктованным стремлением к экономии и/или повышения эффективности расходов, могло стать сокращение стационарных лечебных учреждений (относительно более дорогих в обслуживании). При этом почти неизбежным было повышение (в качестве «компенсации») мощностей, сравнительно «менее затратных», поликлиник. Уменьшение числа койко-мест, вероятно, должно было приводить к снижению численности медицинских сестер (к обязанностям которых относится наблюдение и уход за пациентами) в большей степени, чем врачей.

Вероятные причины и последовательность изменений в структуре медицинских кадров и потенциале лечебных учреждений стран СНГ в 1990-2010 гг. не исчерпываются теми, что были описаны выше. Скорее всего, на итоговые результаты повлияло действие различных механизмов и факторов, в том числе, возможно, и предположенных выше.

Затраты на здравоохранение, как и вся система социально-экономических и медицинских мероприятий, имеют целью сохранение и улучшение здоровья населения. О том, насколько в этом преуспевают

отдельные страны можно судить на основе данных статистики тех или иных заболеваний. Наиболее полное представление о результативности предпринимаемых мер даст изучение всех имеющихся сведений. Однако, поскольку подобный анализ в рамках данной работы невозможен, ниже рассмотрены количественные показатели лишь по нескольким заболеваниям. Сведения подобного рода зачастую имеют свою специфику и далеко не всегда могут быть истолкованы однозначно. Рост, сокращение или неизменное число всех зарегистрированных случаев той или иной болезни еще не означает фактического ухудшения, улучшения или нулевой динамики соответственно.

Некоторые особенности сбора соответствующей информации нередко накладывают ограничения на возможности последующего анализа. Например, в ежегодном издании «Pocket World in Figures» компании «The Economist Newspaper Ltd.» прямо указывается, что статистические данные по отдельным странам могут оказаться заниженными, поскольку число диагностированных случаев во многом зависит от качества медицинского обслуживания и ведения больных [1]. Тем не менее, принимая в расчёт специфику тех или иных заболеваний и рассматривая итоговые данные в комплексе, на основании официальных сведений медицинской статистики можно делать определенные заключения.

Одним из важнейших показателей эффективности работы системы здравоохранения является число болеющих активным туберкулёзом. Особенность этого тяжелого заболевания – его «социальный» характер. Основная причина этого заболевания не попадание туберкулезных палочек (возбудителей болезни) в организм, а его неспособность с ними бороться вследствие ослабленного иммунитета. На снижение иммунитета непосредственное влияние оказывают социальные и бытовые условия жизни, работы. Недостаток в рационе таких продуктов животного происхождения

[1] Мир в цифрах – 2012: карманный справочник / пер. с англ. Д. Журавлёва, Н. Кононовой. – М.: Олимп–Бизнес, 2012. – С. 74.

как мясо, жир, молоко, сливочное масло существенно повышает риск заболевания[1]. Кроме того, в случае изучаемых стран было бы неправильно совершенно исключать влияния на эпидемиологическую ситуацию (на её ухудшение) стресса, которому оказалось подверженным население в результате коренной ломки социально-политических устоев и привычного образа жизни.

При анализе статистики заболеваний туберкулёзом необходимо обращать внимание на особенности, отмечавшиеся выше: рост или снижение зарегистрированных случаев заболеваний в том или ином году не обязательно означает, что фактическое число больных, соответственно, увеличивается или уменьшается. Реальное положение дел в значительной степени зависит от состояния системы профилактики и выявления. Например, из факта, что согласно официальной статистики в расчёте на 10000 населения в 2010 г. в России заболевших было больше, чем в Азербайджане (тогда как в 1990 г. по этому показателю страны были в равных условиях) не следует, что азербайджанская система предупреждения и лечения туберкулёза стала лучше российской. Напротив, логичней предположить, что «плохая» статистика туберкулёза в странах, которые больше преуспели в сохранении кадрового и материального потенциала системы здравоохранения, объясняется высокой эффективностью мер по выявлению заболевания.

Существует несколько индикаторов, характеризующих эпидемическую ситуации по туберкулёзу; ниже рассмотрены три из них.

Из данных табл. 5.32 следует, что к концу 2000-х гг. число **впервые зарегистрированных** (в специальной литературе этот термин часто называют «заболеваемостью») случаев заболевания возросло во всех странах СНГ.

В Азербайджане, начиная с 1990 г. число заболевших постепенно

[1] В странах Центральной Азии и Южного Кавказа потребление этих видов пищи существенно снизилось в период кризиса переходного типа (см. раздел 4.3 настоящей работы).

возрастало и к 2000 г. достигло 64,5, что почти в два раза (1,89) выше, чем в 1990 г. Отметим резкий рост этого показателя с 1994 на 1995 гг. Можно предположить, что причиной этого явилось не столько масштабное изменение числа заболевших за один год (хотя это и не исключено), сколько возврат к относительно нормальной жизни после череды политических неурядиц конца 1980-х – начала 1990-х гг. и, следовательно, появление возможностей диагностирования болезни, диспансеризации и лечения населения. До второй половины 2000-х гг. количество ежегодно зарегистрированных случаев сокращалось, однако, с 2007 до 2010 гг. она снова стала расти, хотя и не достигла уровня предыдущего максимума.

Наибольшее число случаев заболевания активным туберкулезом в Армении зарегистрировано в 2005 г. – 62,3 на 100000 населения. Это в 3,75 раза больше, чем в 1990 г. Последовательный рост заболеваемости наблюдался начиная с 1994 г.

Данные о числе случаев заболевания активным туберкулезом в Грузии ограничены сведениями за 1997 г. и 1999-2002 гг. В отдельные годы значения показателя возрастали до 3-3,5 раз (по сравнению с уровнем 1990 г.). На рубеже тысячелетий, по-видимому, наметилась тенденция к снижению, однако в первые годы 2000-х гг. снова стало расти число заболевших.

В Казахстане число случаев заболевания активным туберкулезом стало заметно возрастать с середины 1990-х гг. Снижение в 1991-1994 гг. (относительно уровня 1990 г.) было «компенсировано» резким ростом показателя в 1995-2002 гг. В 2002 г. (по сравнению с уровнем 1990 г.) число заболевших возросло почти в 2,5 раза. Начиная с 2003 г. наблюдалось довольно последовательное снижение заболеваемости, однако и к 2010 не был достигнут докризисный уровень.

Схожая динамика случаев заболевания активным туберкулезом наблюдается в Киргизии. Отличия только в том, что по сравнению с соседним Казахстаном число заболевших с начала 1990-х гг. сокращалось более быстрыми темпами.

С начала 1980-х и до середины 1990-х гг. в Таджикистане ежегодно сокращалось число заболевших активным туберкулезом. Поскольку в большинстве стран на постсоветском пространстве рост заболеваемости шел уже в первые годы 1990-х гг., можно предположить, что до 1996 г. в Таджикистане статистика просто недоучитывала впервые заболевших активным туберкулёзом. С 1997 г. наблюдается рост показателя, что, по-видимому, помимо прочего, было связано с устранением последствий гражданской войны начала-середины 1990-х гг.

Сведения о случаях заболевания активным туберкулезом в Туркмении и Узбекистане имеются только до 1997 г. С середины 1990-х гг. в обеих странах наметилось повышение числа зарегистрированных случаев этой болезни.

С 1990 по 2010 гг. число лиц с впервые в жизни установленным диагнозом активного туберкулёза существенно возросло во всех изучаемых странах Центральной Азии и Южного Кавказа. Например, в Казахстане, где указанный показатель увеличился меньше, чем в остальных странах рассматриваемых регионов, число заболевших на 42 % превысило уровень 1990 г.

Напротив, численность **состоявших на учете больных активным туберкулезом** снизилась в большинстве стран-членов СНГ (см. табл. 5.33). В рассматриваемый период только в Армении, Таджикистане и Грузии значения показателя возрастали. Впрочем, эти исключения лишь подчеркивают тенденцию, являющуюся правилом.

Заболеваемость и число лиц состоящих на учёте напрямую влияют на величину третьего индикатора – **распространённости** болезни. Под распространенностью туберкулёза понимается общее число всех случаев заболевания за определенный период[1] (как правило, год), без учёта различий между известными ранее и впервые зафиксированными. В большинстве

[1] Tuberculosis prevalence surveys: a handbook (The lime book) // World Health Organization. – Geneva, 2011. – P. 3.

стран Центральной Азии и Южного Кавказа распространенность туберкулёза снизилась по сравнению с уровнем 1990 г. или, по-крайней мере, вернулась примерно к нему (см. табл. 5.34). Отметим, что величина показателя увеличилась в Армении и Таджикистане, т.е. тех странах, где возросло число состоявших на учёте.

Заболеваниями, статистика которых позволяет делать некоторые обобщенные выводы относительно качества медицинского обслуживания являются злокачественные новообразования. Особенностью этого класса болезней состоит в том, что подозрение на них, как правило, происходят не на приёме собственно у онколога, а у пульмонолога, хирурга, невролога и врачей другого профиля, к которым пациенты обращаются с жалобами, соответственно, на кашель, резь в животе, боли спине и т.п. Диагностировать онкологическое заболевание (а значит, своевременно направить человека на лечение к специалисту) врач может только при наличии у него необходимых знаний и при условии, что медучреждение оснащено соответствующим оборудованием (например, новой рентгеновской установкой или аппаратом магнитно-резонансной томографии). Поэтому статистика болезней данного класса, в определенной мере, может рассматриваться как характеристика уровня квалификации кадров, технической вооруженности и (опосредовано) общего состояния системы медицинского обслуживания.

Рассмотрим тенденции динамики впервые зафиксированных случаев онкологических заболеваний. Как следует из данных табл. 5.35, в начале 1990-х гг. число заболевших сокращалось во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа. В последующие годы в одних из них величина показателя продолжала уменьшаться, тогда как в других стала расти.

Если отнестись к этим данным формально, можно заключить следующее. В Беларуси, России и Украине число онкологических заболеваний росло на протяжении всего рассматриваемого периода; в Армении, Грузии и Молдове к концу 2000-х гг. (после снижения в начале 1990-х гг.) показатель тоже превысил докризисные значения. В

Азербайджане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане и, возможно (так как отсутствуют необходимые данные за 1998-2010 гг.), в Узбекистане и Туркмении, число заболевших снизилось. Однако наблюдавшееся в ряде стран радикальное, по сравнению с уровнем 1990 г., сокращение (например в Киргизии в 1994 г. (на 32 %), или Таджикистане (в 3 раза) и Грузии (3,3 раза) в 1995 г.) величины показателя всего за несколько лет, крайне маловероятно в силу особенностей онкологических болезней.

Возникновение заболеваний этого класса связывают с влиянием множества факторов. В соответствии с двумя из нескольких базовых теорий – вирусной и иммунной, – основной причиной злокачественных новообразований является ослабление и снижение защитных свойств организма. Предпосылки для подобного рода негативных изменений имели место в новейшей истории изучаемых стран. Так, отрицательное влияние на физическое здоровье граждан мог иметь психологический стресс, связанный с сотрясавшими страны Центральной Азии и Южного Кавказа социальными катаклизмами (внутренними и внешними вооруженными конфликтами, крушением существовавшего политического и экономического порядка, масштабная криминализация и т.п.). Отрицательные последствия могли иметь изменения в составе продуктов питания. К моменту начала распада СССР на массовом рынке появилось множество иностранных продуктов, занявших со временем значительное место в пищевом рационе населения. В условиях жёсткого дефицита сельскохозяйственной продукции собственного производства, когда в некоторых странах вполне реальной была угроза голода, требования к импортируемым продовольственным товарам могли не всегда соответствовать советским ГОСТам. Последнее обстоятельство давало широкие возможности недобросовестным производителям. Кроме того, в 1990-х гг. приобрели широкое распространение «снэки» – целый класс продуктов для утоления голода между основными приёмами пищи (таких как шоколадные батончики, картофельные чипсы, энергетические напитки), – ставшие на короткое время символом материального процветания и

«благополучной» жизни, а впоследствии – синонимом некачественной и нездоровой еды (отчего, заметим, их популярность не снизилась).

Наконец, направление и масштабы изменений ряда важных показателей системы здравоохранения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (в частности, снижение мощностей лечебных учреждений и численности их персонала), не могут ассоциироваться с улучшением здоровья граждан.

Таким образом, для сокращения числа злокачественных образований в ходе реформ 1990-х гг. не было веских оснований (скорее, наоборот). Отметим, что именно в конце 1990-х – начале 2000-х гг. стали широко внедряться УЗИ, компьютерная рентгеновская и магнитно-резонансная томография, открытие онкомаркеров и другие методы диагностики. Следовательно, даже при условии, что фактическое число вновь заболевших сохранялось на уровне 1990 г. (вопреки тому, что имелись предпосылки для его роста), благодаря техническим и технологическим усовершенствованиям можно было ожидать роста статистики зарегистрированных случаев болезни.

Наиболее реалистичными объяснениями отрицательной динамики показателя заболеваемости здесь представляются: 1) недостаточное оснащение лечебных учреждений медицинской техникой и/или отсутствие нужного числа специалистов, способных с этой техникой работать; 2) низкая обращаемость населения за медицинской помощью.

Сокращение по сравнению с 1980-ми гг., числа зарегистрированных случаев заболевания гриппом и острыми инфекциями верхних дыхательных путей (см. табл. 5.36) во всех странах-членах СНГ (кроме Беларуси), как представляется, не может рассматриваться однозначно как улучшение эпидемиологической ситуации. Напротив, на фоне ужесточившихся пандемий (две из которых случились в 2000-х гг.), учитывая рост потоков трудовых миграций и снижение многих показателей социально-экономического развития, число заболевших, скорее, должно было увеличиться. Подобный характер заболеваемости проще всего объяснить

тем, что далеко не все больные обращались за медицинской помощью.

Приведенная статистика по трём – туберкулёзу, злокачественным новообразованиям, а также гриппу и ОРВИ – группам заболеваний и её возможные интерпретации, на наш взгляд, не свидетельствует о высокой эффективности национальных систем здравоохранения государств Центральной Азии и Южного Кавказа в период их самостоятельного развития.

5.4. Положение науки

В условиях экономики информационно-инновационного типа наука – как вид деятельности, направленной на производство и применение новых знаний – является одной из важнейших отраслей народного хозяйства. Качественные характеристики научного потенциала страны в значительной мере определяют ее место в экономической картине мира и роль в международном разделении труда. В данном разделе проанализированы основные тенденции развития науки в странах-членах СНГ и Грузии с момента их появления на политической карте.

Адекватное представление о состоянии научной сферы имеет исключительное значение. Только на его основе может быть осуществлено наиболее эффективное распределение ресурсов и сформирована долгосрочная стратегия развития национальной системы научных исследований. Для решения задачи правильной оценки научного потенциала необходимо ответить на вопрос: на основании анализа каких индикаторов можно делать выводы о состоянии науки в стране? Международные организации предоставляют разнообразные статистические данные наукометрического характера. Так, Институт статистики Организации объединенных наций по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) дает сведения о размерах валовых внутренних затрат на научно-исследовательские работы, секторах выполнения исследований, гендерной структуре научного и технического персонала; Всемирная организация интеллектуальной собственности – информацию о количестве заполненных заявок на регистрацию патентов, платежах за авторизированное использование нематериальных активов и прав собственности (патентов, авторских прав); База данных КОМТРЭЙД департамента статистики ООН – данные о товарных потоках продукции наукоемких производств; Национальный научный фонд (США) – сведения об источниках финансирования научных исследований, числе научных статей, написанных

в соавторстве гражданами разных стран. Список этот далеко не полный. Поскольку в рамках данной работы проведение всестороннего и глубокого анализа с применением количественных методов трудноосуществимо, задача сведена к оценке текущего состояния науки в странах-членах СНГ и Грузии на основе нескольких интегральных показателей. Они в свою очередь разбиты на две группы.

К первой группе отнесены показатели, позволяющие дать количественные оценки научного потенциала: численность специалистов-исследователей и объем выполненных научно-технических работ (далее, НТР); ко второй, характеризующей результативность научно-исследовательской деятельности, – количество зарегистрированных патентов, число ежегодно публикуемых статей в научных журналах [1]. Высокие результаты по совокупности четырех индикаторов позволят сделать вывод о значительных успехах страны в области научных исследований, низкие – напротив, будут свидетельствовать о недостаточных усилиях в этой сфере. На основе величин данных характеристик можно судить о результатах развития науки в странах-членах СНГ и Грузии за последние двадцать лет.

Перед тем как перейти к рассмотрению выбранных индикаторов состояния научной сферы, отметим некоторые затруднения технического характера, возникающие при их изучении. Отдельными международными организациями – в частности, ОЭСР – уже разработан ряд специальных руководств и рекомендаций по организации сбора и представлению статистических сведений об индикаторах науки. Тем не менее, процесс стандартизации наукометрических показателей и совершенствования методологической базы не завершен и на сегодняшний день нет унифицированной, принятой всеми странами методики. Одна из сложностей при проведении актуального наукометрического анализа состоит в том, что

[1] О динамике этих показателей в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа в 1990-2010 гг. см., напр.: Карамурзов Р.Б. Библиометрические показатели и патентная активность в странах СНГ и Грузии // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). — 2014. — № 14.

сведения о соответствующих индикаторах за позднейшие годы предоставляются национальными статистическими службами не синхронно. Нередко разница между новейшими данными (по одному и тому же показателю) для разных стран составляет несколько лет. Поэтому прямые сравнения за последние периоды зачастую оказываются невозможными.

В некоторых случаях из-за применения разных способов подсчета данные о величине одного и того же показателя для разных стран оказываются неоднородными, что делает невозможными их сопоставления даже за один и тот же временной отрезок. Примером могут служить сведения о численности занятых научными исследованиями и разработками. Существует два основных метода оценки этого показателя. Первый – эквивалент полной занятости (ЭПЗ; full-time equivalent) – применяется в тех случаях, когда необходимо оценить объем трудозатрат в научной сфере. Подсчет производится в человеко-годах, в соответствии с усилиями, затраченными непосредственно на научную работу. Так, например, если в течение года сотрудник вуза ежедневно занят научными исследованиями 6 часов – при восьмичасовом рабочем дне, – а остальные 2 часа тратит там же на педагогическую и административную работу, то при подсчете количества научных работников по методу ЭПЗ он должен быть посчитан не как один отдельный исследователь, а с коэффициентом 0,75. Аналогично, если работник занят исключительно научной деятельностью, но лишь в течение академического полугодия, то при расчете численности занятых исследованиями и разработками в стране в течение года он должен быть учтен с коэффициентом 0,5[1]. Подобная практика весьма распространена и используется авторитетными международными организациями, в том числе ООН и ОЭСР. В то же время, многие государства (в их числе страны-члены СНГ), предоставляя информацию о научных кадрах, дают сведения почти исключительно о количестве всех занятых в науке и научном обслуживании

[1] Подробнее о способах подсчёта занятых научными исследованиями и разработками см. «Frascati manual 2002». – P. 98–100; «Canberra Manual». – P. 38–39.

независимо от затрат их рабочего времени непосредственно на исследовательскую деятельность. Значения, исчисленные обоими методами, иногда сопоставимы, но не могут быть использованы как эквивалентные. Таким образом, на практике по причинам объективного характера, получение однородной первичной статистической информации для всех стран проблематично.

Еще одним важным отличием статистики научной деятельности стран-членов СНГ является то, что в качестве интегрального показателя финансовых результатов развития науки используется объем выполненных НТР, тогда как в международной практике бóльшую популярность приобрел другой индикатор – валовые расходы на научные исследования и разработки (gross expenditures for research and development; далее, GERD). Практические сопоставления выявляют высокую корреляцию между динамикой объемов НТР и GERD, однако, это не позволяет считать показатели взаимозаменяемыми при анализе. Так, совокупный объем выполненных НТР в России в 2010 г. составлял 578,3 млрд. руб.[1], в то время как валовые расходы на научные исследования и разработки (GERD) – 523,4 млрд. руб.[2]

В завершение рассуждений об особенностях различных наукометрических показателей следует отметить, что некоторые обстоятельства (о чем будет сказано далее) искажают истинное положение дел с количеством научных статей, опубликованных гражданами стран-членов СНГ и Грузии; так же, особенности учета и представления статистических данных в сфере интеллектуальной собственности приводят к необходимости приведения результатов за отдельные периоды к среднему значению.

[1] По данным «Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2011–16» (CD-ROM).
[2] По данным Институт статистики ЮНЕСКО http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=2655

Цель сделанных замечаний – подчеркнуть, что непосредственные сравнения индикаторов науки полезны в большей степени для выявлении общих тенденций, чем для точных количественных заключений.

Анализ выбранных индикаторов состояния научной сферы в странах-членах СНГ приведен ниже.

Как уже отмечалось, важным показателем первой группы является объем выполненных НТР. Общей чертой его динамики в рассматриваемых странах было то, что снижение происходило быстрее и в бóльших масштабах, чем сокращение всего ВВП, а восстановление – шло медленней и оказалось гораздо меньшим по величине. В большинстве стран-членов СНГ во второй половине 2000-х гг. был превышен докризисный уровень ВВП; в 2010 году (по отношению к уровню 1990 года) он составлял: в Азербайджане – 237 %, Армении – 146 %, Беларуси – 181 %, Казахстане – 154 %, Российской Федерации – 108 %, Туркменистане – 165 %[1], Узбекистане – 192 %. При этом, объем выполненных НТР (в постоянных ценах 1990 г.) в 2010 г. был всё еще ниже уровня 1990 г.: в Армении – в 10,2 раза, Азербайджане – в 1,8 раза, Беларуси – 1,6 раза, Казахстане – в 2,4 раза, Киргизии – в 4,7 раза, Молдове – 5,8 раза, России – 2,1 раза, Таджикистане – почти в 10 раз, Украине – в 3,8 раза (см. табл. 5.37 гистограмму на рис. 5.1).

[1] По сведениям базы данных ВБ «World development indicators» (на 2013.12.21)

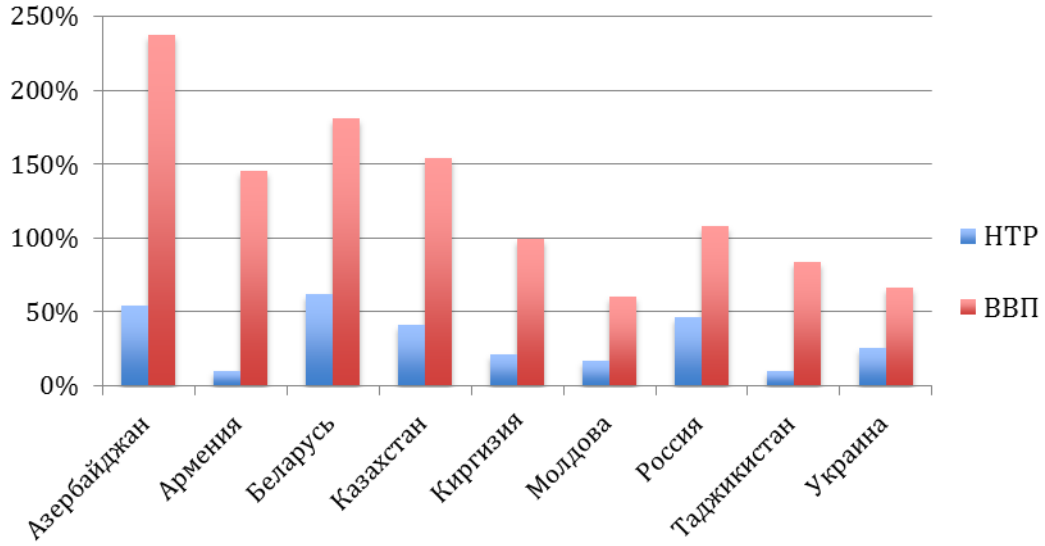

Рис. 5.1. Величина ВВП и объем выполненных НТР в некоторых странах СНГ в 2010 г., в процентах к величине аналогичных показателей в 1990 г. (1990 г.=100%).

Стоит особо отметить, что сокращение объемов НТР в худшие годы кризиса переходного типа в ряде стран Центральной Азии и Южного Кавказа достигало катастрофических масштабов (см. табл. 5.38). По нашим расчетам, объем НТР был меньше значений 1990 г.: в 58 раз в Армении (1995 г.), в 365 раз (!) в Грузии (1994 г.), в 64 раза в Азербайджане (1995 г.), в 60 раз в Таджикистане (1997 г.).

В период кризиса значительно сократилось и число специалистов-исследователей (см. табл. 5.39). В годы наибольшего снижения занятости в сфере науки, относительно уровня 1990 г., оно составляло от 36 % (в Азербайджане, в 2001 г.) до 85 % (в Армении в 1995 г.). Но и к 2010 г. в рассматриваемых странах не был преодолен даже пятидесятипроцентный (относительно уровня занятых научными исследованиями в 1990 г.) рубеж. Единственное исключение – Азербайджан, где величина данного показателя составила 69% от докризисного значения. Во всех странах рассматриваемых регионов сокращение числа специалистов-исследователей было большим, по сравнению с сокращением занятых в целом по экономике (рис. 5.2) и практически со всеми основными отраслями народного хозяйства, такими как промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля, транспорт и связь.

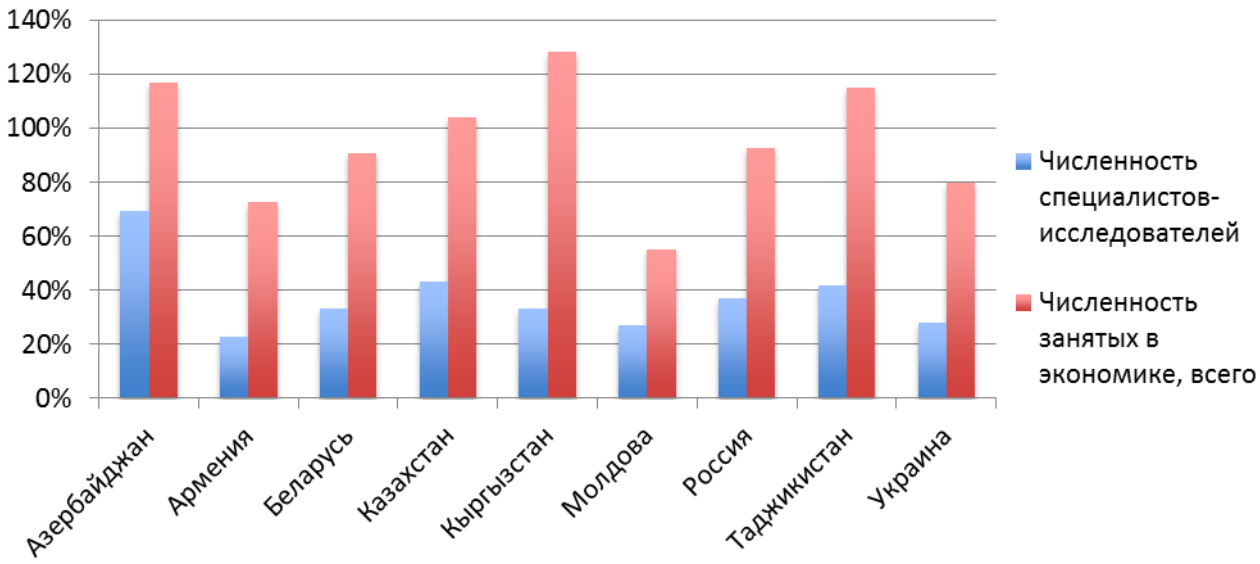

Рис. 5.2. Численность занятых в экономике и численность специалистов-исследователей в странах СНГ в 2010 г., в процентах к 1990 г. (1990 г.=100%)

Необходимо особо сказать об абсолютных масштабах снижения численности специалистов-исследователей. Как следует из данных табл. 5.39 в России величина этого показателя сократилась более чем на 600 тыс. человек, что, заметим, вполне сопоставимо с численностью всего населения такой страны как Черногория. Общее снижение по СНГ составило около 1 млн человек; эта цифра, в свою очередь, абсолютно сопоставима с кадровым научным потенциалом Китая начала 2000-х гг. или США середины 1990-х гг.

Ни по объемам НТР, ни по числу занятых в сфере науки, в странах СНГ не был достигнут докризисный уровень. Отчасти это можно объяснить устранением существовавших структурных диспропорций в народном хозяйстве, связанных с особой ролью военно-промышленного комплекса СССР («обслуживание» которого концентрировало значительную часть всего научно-технического потенциала страны). Впрочем, само по себе, устранение диспропорций не гарантирует автоматического достижения оптимальных показателей как числа занятых в науке, так и максимально возможного объема НТР. Очевидно, что значительную роль в снижении значений указанных индикаторов сыграл распад СССР. Поскольку многие высокотехнологичные производства по экономическим причинам (а также в

оборонных целях) были в значительной степени децентрализованы и часто располагались в разных союзных республиках, распад страны на полтора десятка независимых государств привёл к значительному ослаблению и даже разрыву хозяйственных связей. В результате, нередко целые отрасли прекращали своё существование, а производственные мощности и кадровый потенциал входивших в их структуру организаций оказывались невостребованными. Небольшой части научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро военно-промышленного комплекса удалось приспособиться к новым условиям и выжить, тогда как многие другие перестали функционировать и исчезли, а десятки тысяч их сотрудников вынуждены были искать применение своим знаниям и профессиональным навыкам в других сферах.

Упоминавшиеся выше показатели второй группы позволяют дать некоторые «качественные» характеристики состоянию научной сферы. Анализ количества научных и технических статей, представляется целесообразным, поскольку опосредовано характеризует число и масштабы исследований, опытов и экспериментов. В издании Национального научного фонда США «Science and Engineering Indicators» приводятся сведения об общем количестве статей, опубликованных учеными разных стран; подсчет производится на основе индексов цитирования научных статей Science Citation Index (далее, SCI) и Social Sciences Citation Index (далее, SSCI) базы данных ISI Web of Knowledge института научной информации компании Thomson Reuters (США). В анализ, проводимый указанным изданием, включены как журналы естественнонаучной направленности, так и посвященные исследованиям в области общественных наук, общим числом 5085 (на 2010 г.)[1]. В табл. 5.39 приведены данные об абсолютном количестве статей, опубликованных гражданами СНГ в изданиях, охваченных SCI и SSCI.

[1] National Science Board. 2012. Science and Engineering Indicators 2012. Arlington VA: National Science Foundation (NSB 12-01). Ch. 5. – P. 33 (5–33).

Поскольку различия в экономических потенциалах стран, абсолютных объемах НТР и числе занятых научно-исследовательской деятельностью усложняют прямые сопоставления, данные о количестве научных публикаций приводятся в расчете на 1000 специалистов-исследователей. Величина среднегодового количества статей за период 1995-2009 гг. (в расчете на 1000 ученых) составляла в России 38, Армении – 36, Беларуси и Молдове – по 26, Украине – 23, Таджикистане – 11, Казахстане – 10, Азербайджане – 9, Киргизии – 7. Для сравнения, в Великобритании и Италии величина рассматриваемого показателя за аналогичный период (с применением сведений о численности специалистов-исследователей, полученных по методу эквивалента полной занятости) составляла соответственно 235 и 304 статьи на 1000 ученых (рис. 5.3).

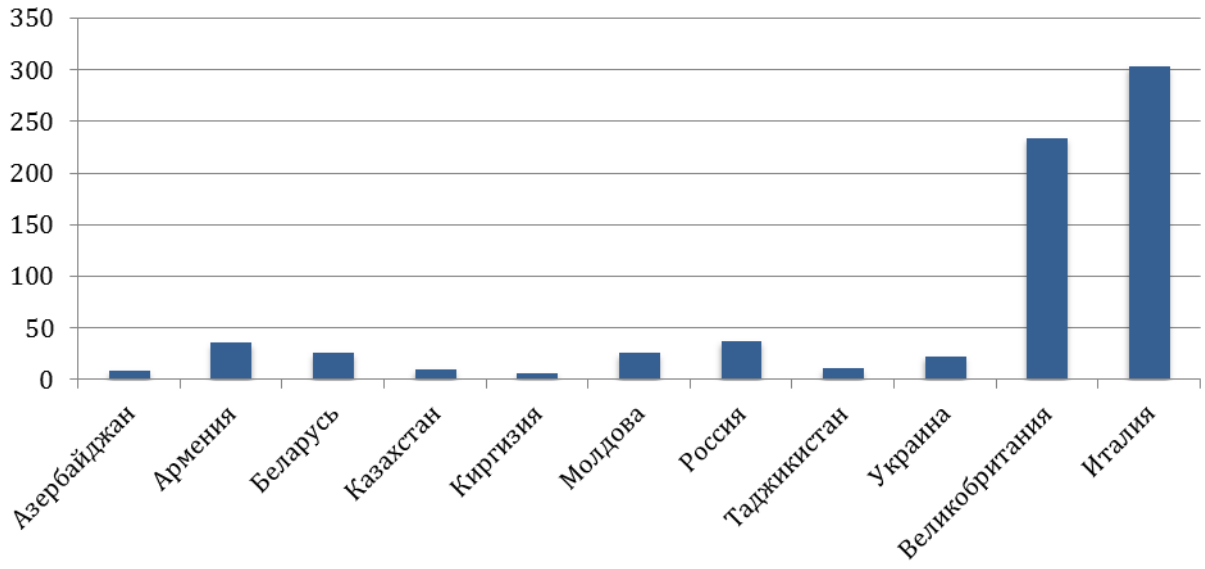

Рис. 5.3. Среднегодовое количество статей опубликованных (в расчете на 1000 специалистов-исследователей) в 1996-2009 гг. в странах СНГ, Великобритании и Италии в изданиях, индексированных системами цитирования SCI и SSCI

Низкие библиометрические показатели стран СНГ, представленные в таблице 5.41 и на диаграмме рис. 5.3, частично могут быть объяснены малым числом публикаций в журналах, охваченных международными системами цитирования. Например, по состоянию на 2010 г. лишь 153 из более чем

2000[1] изданий (т.е. около 8 %) Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации – страны с самым высоким относительным количеством статей в СНГ – учитывались базой данных «Journal citation reports» (JCR) медиакомпании «Thomson Reuters». Как следует из названия, в «Journal citation reports» содержится разнообразная статистическая информация о цитировании, полученная на основе анализа соответствующих сведений из более чем 9000 журналов, многие из которых охвачены упомянутыми выше SCI and SSCI. Доля остальных стран-членов СНГ в изданиях SCI и SSCI – существенно меньше российской. Многие исследователи рассматриваемых стран-членов СНГ публикуют свои работы, прежде всего в отечественных и российских журналах[2].

Таким образом, бóльшая часть научных публикаций ученых СНГ попросту не учитывается в качестве таковых международными системами цитирования. Заметим, однако, что большое число научных статей не всегда связано с высоким удельным весом национальных изданий в системах цитирования. Так, если большее число статей ученых Великобритании можно объяснить значительной долей английских, шотландских и североирландских[3] журналов в базе индексируемых JCR изданий (21,5 %), то успехи Италии (ее доля – менее 1,25 %[4]), по-видимому, стоит связывать, прежде всего, с эффективностью национальной системы научных публикаций.

---

[1] См., например, http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/2011/enumeration/per-25-02-2011.doc

[2] Так, например, на официальном сайте казахстанского Комитета по контролю в сфере образования и науки в Перечне изданий для публикации основных научных результатов диссертаций отдельно рекомендованы «ведущие научные журналы и издания Российской Федерации», источник: http://www.educontrol.kz/ru/oficialnye_dokumenty/perechen_nauchnykh_izdanii/

[3] В JCR данные по Великобритании представлены не в целом, а отдельно по Англии, Шотландии и Северной Ирландии.

[4] Подсчитано по сведениям базы данных «Journal citation reports» (http://wokinfo.com/products_tools/analytical/jcr)

Следует иметь в виду, что анализ относительных (в расчёте на 1000 специалистов-исследователей) показателей, в том виде как это сделано выше, может привести к определенным искажениям при межстрановых сопоставлениях по причине упоминавшихся различий в способах подсчета научных кадров. Соответственно, применение единообразных, однородных сведений (например, данных о численности всего научного персонала, вне зависимости от времени, затрачиваемого на собственно научные исследования) для определения количества статей в расчёте на 1000 специалистов-исследователей, вероятно, существенно сократит разрыв между Италией и Великобританией с одной стороны и странами-членами СНГ, – с другой.

Анализ цитирования позволяет делать некоторые заключения относительно качественных характеристик научных публикаций. В базе данных Essential Science Indicators (ESI) медиакомпании Thomson Reuters содержатся регулярно обновляемые сведения о количестве цитирований в целом и в расчёте на 1 статью[1]. Второй показатель больше подходит для межстрановых сопоставлений, поскольку даёт усредненное представление о «значимости» статей и ограничивает влияние упомянутых выше искажений «в пользу» отдельных англоязычных государств и территорий.

В табл. 5.42 приведены сведения о количестве цитирований в расчёте на одну статью по данным базы данных ESI для 147 стран и территорий (по состоянию на сентябрь 2011 г.)[2]. Страны разделены на 4 квартиля.

В верхнем квартиле находятся многие из тех стран, которые по классификации ВБ относят к числу государств с высокими доходами. Все страны СНГ (точнее, те из них, данные по которым были в нашем распоряжении) расположились в первых двух квартилях; более того, во втором оказались только Молдова и Армения. Количество цитирований молдавских исследователей в расчёте на одну статью едва превысило

[1] http://82.179.249.32:3900/help//h_whatis.htm

[2] Данные охватывают десятилетний (плюс шесть месяцев) период с 1 января 2001 г. по 30 июня 2011 г.

границу первого квартиля, и только величина показателя Армении приблизилась к медианному значению списка.

Необходимо упомянуть о специфике «репрезентативности» российских изданий, анализируемых JCR. Так, в 2010 г. 147 из 153 журналов, относилось к естественнонаучным, и только 6 были посвящены общественным дисциплинам. Для советского периода, когда практически каждая из социальных наук имела так называемую «идеологическую составляющую», подобный перекос в пользу естественных (как «менее догматичных») наук, пожалуй, можно было счесть оправданным. Однако ныне подобное положение дел приводит к существенным искажениям при анализе «производительности» специалистов-исследователей из РФ и других стран-членов СНГ (к её недооценке).

По сравнению с естественнонаучными дисциплинами, в тематике исследований социальных наук в гораздо большей степени проявляются культурно-исторические особенности отдельных государств и регионов. На практике это часто ведет к определенным искажениям в структуре исследований в пользу тех областей, сфер и тем, которые имеют особенное, «национальное» значение для той или иной страны. Поэтому нет ничего удивительного в том, что (по сравнению с другими странами) в США публикуется больше статей и монографий, посвященных гражданской войне в США (1861-1865 гг.), а в Российской Федерации проводится большее число научных конференций, посвященных поэзии Серебряного века. Между тем, большинство рецензируемых научных журналов далеко не в такой же степени уделяют внимание отдельным темам. По этим причинам в области общественных наук в различных странах мира публикуется **намного больше** работ (статей, книг) на родных языках. Таким образом, имеются основания полагать, что реальное число научных работ исследователей из неанглоязычных стран в значительной мере недоучитывается.

Несмотря на сделанные замечания и комментарии, существенное снижение количества научных публикаций на протяжении второй половины

1990-х гг. и в первом десятилетии XXI в., по данным международных систем цитирования, по-видимому, в целом верно характеризует основные изменения, происходившие в странах-членах СНГ в данной сфере. Приведенных нами сведений недостаточно для прямых сопоставлений. Более конкретные выводы позволит сделать специальный библиометрический анализ научных публикаций СНГ.

Важным индикатором «эффективности» науки в странах СНГ является активность в сфере интеллектуальной собственности, а именно количество зарегистрированных прав на изобретения, открытия и разного рода усовершенствования, сделанные гражданами рассматриваемых стран (упрощенно – патенты). Основным источником статистических сведений такого рода являются данные ВОИС.

«Патентная» статистика весьма специфична. Несмотря на то, что её методология непрерывно совершенствуется, в области стандартизации здесь остаётся немало нерешенных задач. Разница в патентном законодательстве и практике существенно ограничивает сопоставимость статистических сведений различных регионов мира. Так, крупнейшие организации в данной сфере – Европейский патентный офис (ЕПО), Японский патентный офис, Бюро по регистрации патентов и торговых марок США – применяют не вполне одинаковые патентные классификации, хотя и базирующиеся на общепринятой Международной патентной классификации (МПК). Например, Европейская система классификации, которая применяется ЕПО, является расширенной версией МПК: она включает 140000 подкатегорий (МПК – лишь 40000). Бюро по регистрации патентов и торговых марок США использует патентную классификацию США, которая состоит из 160000 подразделов. В практике ЯПО, помимо системы классификации, основанной на МПК, используется еще одна, более детализированная[1].

[1] OECD Patent Statistics Manual. - 2009. - P. 86-87.

Очевидно, что отсутствие унифицированной, общей для всех классификации (как и неодинаковые по «глубине» спецификации региональных систем) не способствует получению наиболее точных данных.

Различия в применяемых классификациях, существенно осложняются тем фактом, что изобретатели часто подают заявки на патент сразу в несколько национальных или региональных офисов. В результате, при подсчёте поданных заявок на патенты – путём суммирования данных различных патентных офисов со всего мира – нередко имеет место «двойной счёт». Поэтому в специальной литературе имеются прямые рекомендации не производить сопоставление показателей, полученных от разных патентных офисов[1].

Необходимо отметить, что широкое использование в научном обороте данных о количестве поданных патентных заявок в качестве основного показателя результативности в сфере «патентной деятельности», не только не способствует правильному пониманию, но, наоборот, нередко существенно искажает истинное положение дел. На наш взгляд, более адекватное представление об успехах страны в рассматриваемой сфере дают собственно выданные ее гражданам патенты, т.е. **результативные** заявки на изобретения и открытия, права на которые подтверждены ВОИС.

Число поданных патентных заявок и количество патентов, выданных офисами ВОИС, могут существенно различаться. Например, отношение общего числа патентных заявок, поданных гражданами США по всему миру к числу зарегистрированных патентов за период с 1995 по 2008 гг. равнялось 2,2, т.е. успешной оказывалась почти каждая вторая заявка. В Китае это соотношение составляет 3,5 (т.е. примерно каждая четвертая заявка стала патентом), а в Бразилии – 7,7 (только одна из восьми поданных заявок была поддержана ВОИС)[2]. В СНГ данное соотношение превышало величину

[1] Там же. - P.60.

[2] Карамурзов Р.Б. Положение науки в странах Содружества Независимых Государств в период кризиса переходного типа, восстановительного и поствосстановительного экономического роста (1991–2008 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л.

аналогичного показателя по США: в среднем две из трех заполненных заявок становились патентом.

Среднегодовое число патентов в странах-членах СНГ за период с 1996 по 2009 гг. (в расчете на 1000 исследователей) было следующим: в Молдове – 73, Казахстане – 57, России – 47, Украине – 49, Таджикистане – 12, Киргизии и Армении – 25 и Азербайджане – 2[1]. Проведение расчетов по Грузии, Узбекистану и Туркменистану невозможно из-за ограниченности и эпизодичности соответствующих данных. Для сравнения приведены сведения о количестве зарегистрированных патентов в некоторых странах мира (рис. 5.4)[2].

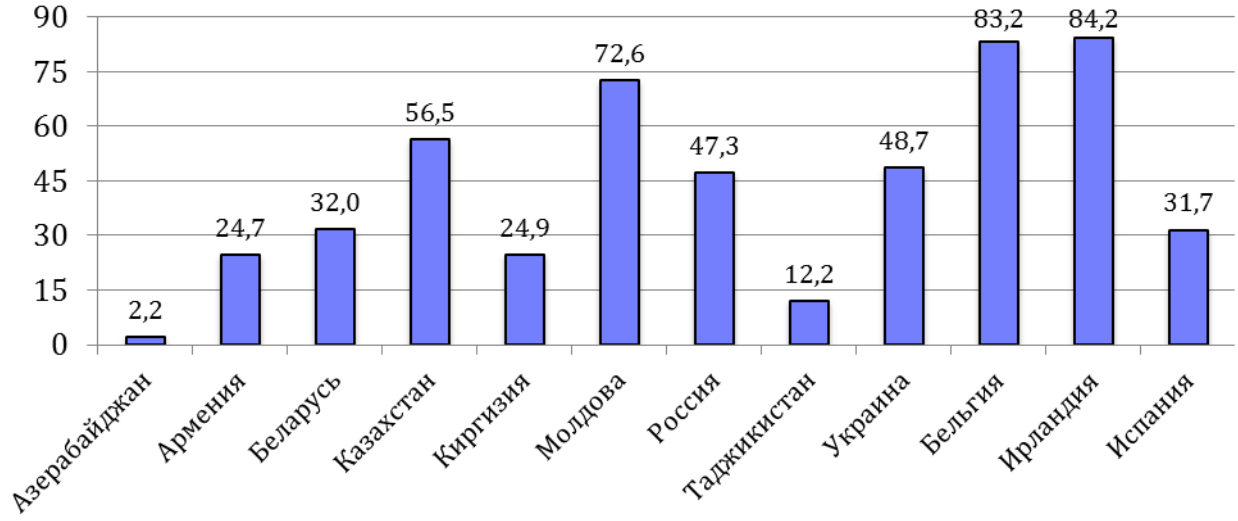

Рис. 5.4. Среднегодовое количество патентов, зарегистрированных по всему миру гражданами стран СНГ в 1995-2009 гг. (в расчете на 1000 специалистов-исследователей)

Значения, полученные для многих стран-членов СНГ сопоставимы с аналогичными показателями некоторых развитых европейских государств. Как и в случае с относительным числом научных публикаций, использование здесь данных о численности всех специалистов-исследователей – вне

Хетагурова. – Т. 1 (Общественные науки). – Владикавказ, 2010. – С. 229

[1] Karamourzov R. The development trends of science in the cis countries on the basis of some scientometric indicators // Scientometrics. — 2012. — Vol. 91, no. 1. — P. 9.

[2] Подсчитано по данным официального интернет-сайта Всемирной организации интеллектуальной собственности (World intellectual property organization), www.wipo.org, «Official statistics of the Countries of the Commonwealth of Independent States, 2008-13» CD-ROM, «Содружество Независимых Государств в 2008 году. Статистический ежегодник», электронная версия (CD-ROM).

зависимости от количества времени, затрачиваемого ими на собственно научную деятельность – приведет к сокращению разрыва между показателями Бельгии, Ирландии, Испании, с одной стороны, и странами-членами СНГ, с другой.

Анализ показателей, характеризующих масштабы национальной системы научных исследований и индикаторов результативности науки не позволяют делать серьезные выводы о ситуации в этой сфере.

Оценка состояния науки в странах-членах СНГ, безусловно, заслуживает большого внимания и требует изучения других, упомянутых, но не рассмотренных здесь показателей. Тем не менее, можно заключить, что несмотря на завершение кризиса переходного типа, восстановительный (а в Азербайджане, Армении, Беларуси, Казахстане, России и Туркменистане – поствосстановительный) экономический рост, за последние 20 лет ни одной из стран СНГ не удалось достичь впечатляющей динамики наукометрических показателей относительно собственных докризисных значений или занять лидирующие позиции в научной сфере относительно других стран мира.

В странах-членах СНГ в ходе политических и экономических преобразований девяностых годов двадцатого столетия (во многом определивших место и роль стран СНГ в современной мировой экономике) наука претерпела серьезные структурные и количественные изменения.

Модернизация народного хозяйства, которую провозглашают и пытаются осуществлять страны-члены СНГ и Грузия – сложный и противоречивый процесс, который не всегда напрямую коррелирует с развитием собственных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Но, как показывает, например, опыт малых и средних стран Западной Европы, современный экономический рост неизменно сопровождается (а иногда и предваряется) созданием национального научно-технического потенциала. На наш взгляд, в странах

СНГ, процесс социально-экономической модернизации вряд ли окажется возможным без развития сферы НИОКР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная методика международных экономических сопоставлений основана на элементах теории ППС валют. Предсказания этой теории относительно поведения обменных курсов валют (для чего она и разрабатывалась шведским экономистом Г. Касселем в начале XX в.) не получили статистического подтверждения. Тем не менее в самой формулировке ППС валют содержалась идея, приобретающая особую значимость в контексте международных сопоставлений. Имеется в виду принцип расчета переводных коэффициентов валют на основе сравнения цен соответствующих товаров.

С конца 1960-х гг. под эгидой ООН и ее специализированных организаций разработана и реализуется ПМС, в рамках которой с различной регулярностью производится подсчёт ППС валют.

Как правило, при появлении данных очередного раунда ПМС эксперты ВБ и МВФ принимают новые сведения, не внося в них никаких изменений. В то же время специалисты некоторых научных центров предпочитают дополнять и корректировать первичные данные, собранные в ходе ПМС. Наконец, отдельные исследователи лишь продлевают результаты, полученные в ходе того или иного (лучшего, на их взгляд) раунда ПМС. В результате имеют место различные расчеты и оценки ВВП не только по десяткам небольших государств Азии, Африки и Латинской Америки, но и по таким демографическим и экономическим гигантам, как Китай и Индия, иным многонаселенным странам Азии и Африки, а также России и другим странам-членам СНГ.

Результаты глобального раунда ПМС 2005 г. по ряду стран вызвали бурную дискуссию в научных кругах. По мнению некоторых исследователей (среди них особое место занимает выдающийся специалист по вопросам мировой экономической истории Э. Мэддисон), имеются серьезные

основания для сомнений относительно целесообразности применения некоторых методов обработки результатов, использовавшихся в ходе раунда ПМС 2005 г. Но эксперты ВБ и МВФ, как и раньше, практически полностью и без изменений приняли новые данные, по-видимому, посчитав критические высказывания в адрес методики подсчёта ППС валют недостаточно убедительными. Поэтому в диссертационном исследовании особое внимание уделено доводам обеих сторон; анализу результатов, полученных в ходе реализации раунда ПМС 2005 г.; расчетам Э. Мэддисона по Китаю, Индии, а также России и странам-членам СНГ (и Грузии), некоторым развитым и десяткам развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Сведения о величине ВВП по ППС валют многих развивающихся стран, имевшиеся до раунда ПМС 2005 г., в лучшем случае основывались на данных прежних раундов, «продлённых» на основе темпов роста ВВП, т.е. без учета или при недостаточном и субъективном учете возможных структурных сдвигов и изменения цен и ценовых пропорций в различных странах. Последнее особенно важно для оценки экономического развития Китая, Индии, Индонезии и ряда других азиатских государств, а также стран с экономикой переходного типа. В этих странах структурные сдвиги и изменения ценовых пропорций в 1990-х – 2000-х гг. оказались особенно значительными по масштабам и происходили с гораздо большей скоростью, чем в развитых и в большинстве развивающихся стран (одно из исключений – «нефтегазовые» государства Азии и Африки). Таким образом, имевшиеся до проведения раунда ПМС 2005 г. оценки ВВП по ППС валют развивающихся стран не могут претендовать на точность. Более того, во многих случаях они оказались просто ошибочными.

В диссертационной работе сделан вывод, что некоторые оценки Э. Мэддисона в свете имевшихся ранее и полученных в ходе раунда ПМС 2005 г. новых данных о величине ВВП Китая, стран-членов СНГ и других вышеупомянутых государств ошибочны. Оценки величины ВВП полученные в ходе раунда ПМС 2005 г., ближе к действительности, чем рассчитанные Э.

Мэддисоном данные по Китаю, Индии, России и некоторым другим странам. Вопрос о размерах ВВП Китая приобретает не только научно-теоретическое значение, но и определенную политическую окраску, поскольку затрагивает проблему сравнительной оценки реальной экономической мощи ключевых игроков в мировом экономическом и политическом пространстве современности – Китая, США, Индии, Японии и России.

Критический анализ количественной оценки Э. Мэддисоном «абсолютного минимума средств существования» и связанных с этой величиной попыток определения уровня экономического развития различных сообществ ранних этапов истории человечества (в том числе Римской и Китайской империй в I в. н.э.) позволил дать иную количественную оценку уровня развития как наименее развитых человеческих сообществ (на примере коренного населения Австралии), так и упомянутых империй Древнего мира;

Установлен следующий фундаментальный факт: использование в практике крупнейших международных организаций и исследовательских центров темпов экономического роста для оценки величины ВВП (а также его модификаций – ВНП и ВНД) по ППС валют не может дать полностью адекватную картину экономического потенциала и общего уровня экономического развития страны в межраундовые годы. При продлении данных отдельных раундов ПМС, экстра- или ретрополируются структурные и ценовые пропорции, типичные для той или иной страны непосредственно в год проведения раунда сопоставлений. Указанные выше характеристики изменяются ежегодно (и даже ежедневно). Для получения наиболее полной картины о соотношении цен, а также о структуре ВВП (в широком смысле, всей экономики) и организована ПМС. Использование методов экстра- и ретрополяции оправдано лишь на относительно небольших временных интервалах. Чем больше с течением времени происходит структурных и ценовых изменений в экономике, тем менее целесообразно применение подобного подхода. Иначе говоря, расхождения значений экстра- или ретрополированных (на основе сведений о темпах роста ВВП) оценок ПМС с

результатами последующих (или предыдущих) раундов обнаруживают четкую тенденцию к росту по мере увеличения временных расстояний между расчётами. Если бы международные экономические сопоставления проводились ежегодно, полученные результаты могли бы рассматриваться как достаточно точно характеризующие реальные изменения геоэкономической структуры мира. Организация ПМС требует значительных финансовых затрат, привлечения значительных человеческих и технических ресурсов, поэтому столь частое проведение раундов едва ли возможно в принципе. Кроме того, в силу особенностей некоторых процедур ПМС, с момента проведения раунда сопоставлений до появления его результатов проходит немало времени. Так, окончательные результаты глобального раунда ПМС 1985 г. опубликованы лишь спустя 9 лет, т.е. в 1994 г., а предварительные данные раунда 2005 г. появились только в декабре 2007 г., тогда как предварительные итоги раунда 2011 г. – в конце апреля 2014 г. Даже при ежегодном проведении раундов ПМС сделанные на их основе выводы (которые могли бы стать базой для принятия решений правительствами отдельных государств и международными организациями) постоянно отставали бы во времени. Это резко снизит их научно-теоретическую и практическую ценность либо приведёт к принятию ошибочных и даже контрпродуктивных решений. Из-за сложности, дороговизны и длительности процедур сбора ценовых сведений и подсчёта ППС валют на протяжении десяти лет (с 1980 по 1990 гг.) раунды ПМС проводились с промежутком в 5 лет, с 1990 по 2005 гг. – с трехгодичной периодичностью, а последний мировой по охвату раунд – через 6 лет после 2005 г.

Реальная статистико-экономическая практика реализации ПМС (точнее, ее результаты), показывает: более или менее точные итоговые индикаторы, позволяющие адекватно характеризовать ВВП стран-участниц каждого раунда, появлялись с разной периодичностью (в 5, 3 и даже в 6 лет). Данные по «межраундовым» годам, по определению, нельзя рассматривать

как столь же точные, эквивалентные по достоверности результатам соответствующих раундов ПМС.

Важной спецификой ПМС является то, что все её этапы (раунды) характеризовались различиями в составах стран-участниц; отстуствует четкая однонаправленная тенденция к постоянному увеличению их числа. Многие государства участвовали в одних раундах, но не участвовали в последующих. Однако затем они могли вновь оказаться в числе стран-участниц. Подобные особенности практики международных экономических сравнений дают дополнительные основания считать, что результаты раундов ПМС неодинаково точны.

Наиболее правильно реальную практику международных экономических сопоставлений ВВП по ППС валют, осуществляемую в рамках ПМС, а также отдельными исследователями, их группами и различными международными организациями отражает термин «многовариантность».

Международное экономическое сообщество, национальные государственные организации и международные организации стремятся преодолевать охарактеризованные выше проблемы или противоречия. Однако результаты этой практики, по определению, не могут претендовать на точность. Отсюда следует: публикуемые ВБ или МВФ (а также отдельными исследователями или их группами) данные о величине всего и подушевого ВВП отдельных стран, регионов и всего мира с мнимой точностью до 1 долл. не столько позволяют точнее определить сравнительный показатели экономических размеров и (в первом приближении) уровней экономического развития отдельных стран сколько, явно преувеличивают реальные возможности современного экономического анализа даже с учетом непрерывно возрастающих мощностей, скоростей обработки данных и развития телекоммуникационных сетей. В данном диссертационном исследовании воспроизводятся соответствующие данные из официальных публикаций с той же мнимой точностью. Это связано с тем,

что в противном случае эти материалы неизбежно подвергались бы критике ввиду некорректного отношения к данным соответствующих источников.

Подводя итог заключительному разделу работы, посвященному проблемам экономического развития и соответствующим расчетам, проводимым по методике ППС валют, а также условиям жизни населения России, регионов Центральной Азии и Южного Кавказа, целесообразно сделать следующие выводы.Результаты, полученные по данным национальных статистических ведомств и межгосударственного комитета СНГ, а также собственных расчетов и оценок автора по некоторым странам, за весь период с 1989 по 2012 гг. показывают: ВВП в Азербайджане, Армении, Казахстане, Туркменистане и Узбекистане увеличился в более существенных размерах, чем в России. В этих странах показатель увеличился в 1,5–2 (и более) раза; в РФ в 2012 г. ВВП составлял 112% от величины этого индикатора 1989 г. Аналогичный показатель по Грузии (по официальным данным) не превышал 65–70 %; в Таджикистане достиг 94 %, а в Киргизии составлял 105–109 % от уровня 1989 г. Таковы общие результаты интегрального показателя, характеризующего «экономические размеры» той или иной страны. Считаем подобный вывод недостаточным, поскольку уровень экономического развития определяется (в первом приближении), не абсолютной величиной ВВП, а иным индикатором – ВВП на душу населения. Его величина, по определению, непосредственно связана с численностью населения. Между тем, динамика численности населения в различных странах Центральной Азии и Южного Кавказа, в рассматриваемый период, оказалась прямо противоположной. Если в странах с преобладанием «славяно-христианского» населения (Россия, Армения, Грузия) его численность на протяжении 1990-2012 гг. постепенно сокращалась, то в «мусульманских» республиках СНГ (Азербайджане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане) она значительно увеличивалась. Казахстан в этом отношении занимает промежуточное положение. В 1990-х гг. ввиду эмиграции преимущественно славяно-

немецкого населения численность жителей этой страны сокращалась. В последние годы начался процесс его естественного и механического роста. Таким образом, динамика подушевого ВВП в тех странах, где население сокращалось, оказывалась выше индекса всего ВВП; в странах где население увеличивалось, индекс подушевого ВВП, особенно, в нулевые годы, был ниже (порою значительно ниже) динамики всего ВВП. По этой причине величины индексов подушевого ВВП Азербайджана и Армении к 2012 г. изменились практически одинаково по сравнению с уровнем 1989 г., хотя индекс всего ВВП в Азербайджане увеличился в существенно бóльших масштабах, чем в Армении. Индексы подушевого ВВП Азербайджана, Армении, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана (160–170% от 1989 г.) существенно превышали величину соответствующего индикатора в России (115 % от уровня 1989 г.), где она мало отличалась от динамики всего ВВП (112% от уровня 1989 г.). В Грузии подушевой ВВП в 2012 г. (около 80 % от уровня 1989 г.) существенно превысил показатель по всему ВВП (около 60% от уровня 1989 г.). В Казахстане индексы всего и подушевого ВВП оказались почти одинаковыми (172 и 167 % соответственно) тогда как в Кыргызстане (108 и 83 %), Таджикистане (94 и 61 %), Узбекистане (223 и 160 %), в Туркменистане (220 и 160%) индексы подушевого ВВП по причине быстрого роста численности их населения были значительно ниже динамики всего ВВП.

Обнаружены серьезные расхождения между результатами экономического развития стран Центральной Азии и Южного Кавказа, полученными на основе анализа данных о темпах экономического роста (источником которых является национальная статистика) и сведений о величине ВВП по ППС валют (полученных в ходе ПМС). Так, индекс подушевого ВВП Армении в 2011 г. составил 164 % от уровня 1990 г. Это значительно больше величины аналогичного индикатора в России (116 %). Однако при прямом сопоставлении размеров подушевого ВВП обнаруживается следующее: если в 1990 г. (по результатам расчетов

статистиков межгосударственного статистического комитета СНГ) подушевой ВВП Армении составлял 65 % от величины аналогичного показателя РФ, то в 2011 г. (по данным раунда ПМС 2011 г.) он не превышал 30 %. Аналогично индекс подушевого ВВП Азербайджана составил в 2011 году 186 % от уровня 1990 г. При этом, по данным раунда ПМС 2011 г., подушевой ВВП Азербайджана к 2011 г. значительно превысил свой уровень 1990 г. относительно величины российского показателя (47 %), так как составил около 71 %. Таким образом, темпы роста подушевого ВВП (по сведениям национальной статистики) Азербайджана и Армении были существенно выше, чем в РФ (в 1,6 и 1,4 раза соответственно). Однако результаты, полученные на основе ППС валют, оказались совершенно разными. В Армении в 2011 г. величина подушевого ВВП (относительно российского показателя) оказалась вдвое ниже, чем в 1990 г. В Азербайджане, напротив, в 2011 г. величина подушевого ВВП (относительно соответствующего показателя РФ) существенно выросла и составила – около 70 % от российского индикатора.

На наш взгляд, при сравнении индикаторов экономической динамики стран за достаточно длительный временной период, применение методики ПМС более объективно отражает итоги их экономического развития. Уровни цен и ценовые пропорции в разных странах изменяются неодинаково, нередко разнонаправленно. Небольшие различия в динамике подобных структурных сдвигов постепенно накапливаются и могут приводить к результатам, не соответствующим темпам роста ВВП, сообщаемым национальной статистикой.

В диссертации опровергнут тезис о крайне неудачных итогах развития для РФ на протяжении XX в., распространенный в научных и околонаучных кругах, а также в экономической и политической публицистике. По-мнению его сторонников (в частности, известного экономиста А.Н. Илларионова), если в 1913 г. подушевой ВВП России составлял 28 % от величины аналогичного показателя США и 96–97 % от среднемирового уровня, то в 1998 г. это

соотношение снизилось до 14,4 % (от уровня США) и 66,1 % (от среднемирового уровня). Выбор 1913 г. представляется удачным по ряду причин, в частности потому, что тогда в России был достигнут максимальный уровень производства товаров и услуг за весь период со второй половины XIX и начала XX века. Однако выбор второй даты (1998 г.) для подведения итогов развития страны на протяжении XX в., с нашей точки зрения, неудачен, т.к. это был год максимального обострения экономического кризиса переходного типа, когда весь и подушевой ВВП оказались наихудшими показателями 1990-х гг. Кроме того, использование 1998 г. в качестве итогового некорректно по формальным причинам: этот год отстоял от 1913 г. лишь на 85 лет. Более уместен для подведения итогов развития (на протяжении столетия) 2013 г. После десятилетия крайне болезненного и тяжелого периода перехода экономики и всей социально-экономической системы страны от командно-административных к рыночным методам хозяйствования соотношение подушевых ВВП РФ и США, по данным раунда ПМС, проведенного в 1999 г., не превышало 18 %. Однако, дальнейший период – 1999–2013 гг. – ознаменовался завершением восстановительного экономического роста, краткосрочным кризисом 2008–2009 гг., новым восстановительным и поствосстановительным ростом. В итоге к 2013 г. соотношение подушевых ВВП РФ и США, базирующееся на результатах глобального раунда ПМС 2011 г. и последующей экономической динамики обеих стран, достигло уже 45,4 %. Это означает: за 14 лет, прошедших после 1999 г., соотношение подушевых ВВП (в первом приближении – уровней экономического развития обеих стран) увеличилось в 2,5 раза (!). Аналогично в 2013 г. подушевой ВВП России был в 1,7 раза выше среднемирового уровня этого показателя (тогда как в 1913 г. он был меньше на 3-4 %).

Своеобразной объективной оценкой итогов экономического развития России в 1999–2012 гг. стало, появившееся в июле 2013 г., сообщение ВБ о переводе РФ из группы государств с «верхнесредними» в группу стран с

высокими доходами. Таким образом, Россия впервые перешла условную нижнюю границу, отделяющую так называемый «золотой миллиард» от остального населения Земли. Приведенные выше данные, тем не менее, не должны скрывать важного факта – и в 2012 – 2013 гг. экономика России, как и в 1913 г., остается преимущественно сырьевой.

Полученные в диссертационном исследовании результаты позволяют выдвинуть предложения для получения новых выводов и идей, положительная оценка которых соответствующими государственными институтами может обусловить создание более адекватного и привлекательного представления об итогах экономического развития России за период с начала XX в. (1913 г.) до 2000-х гг. (2013 г.).

Тезис о многовариантности оценок различных экономических показателей при межстрановых сопоставлениях обоснован и произведенным нами расчётом динамики реальной зарплаты в странах Центральной Азии и Южного Кавказа. По каждой из изучаемых стран были получены как минимум две оценки динамики реальной заработной платы (базовый год – 1990), рассчитанные на основе дефлятора ВВП и ИПЦ. Для большинства государств Центральной Азии и Южного Кавказа получение точных заключений количественного характера осложнено тем, что в их статистической практике имели место корректировки показателей роста цен (особенно ИПЦ). Поэтому целесообразнее вести речь об общих тенденциях и направлениях, но не о масштабах изменений трудовых доходов. Наши расчёты позволяют констатировать значительное снижение заработной платы **во всех** государствах рассматриваемых регионов в период кризиса переходного типа. На основе полученных индексов реальной зарплаты не удалось однозначно установить были ли к 2010 г. в РФ, странах Центральной Азии и Южного Кавказа превышены докризисные значения. По одним расчётам величина реальной заработной платы превысила уровень 1990 г., по другим данным – была ниже. В отдельных случаях, реальные темпы роста трудовых доходов населения противоречили динамике, связанных с ними

макроэкономических и макросоциальных показателей.

Одна из характеристик, дополняющая представление об изменении благосостояния населения, – структура потребительских расходов домашних хозяйств. Из анализа соответствующих показателей следует: к концу первого десятилетия XXI в. во многих государствах, возникших на месте бывшего СССР, величина расходов на продукты питания после существенного их увеличения в середине 1990-х – первой половине 2000-х гг. вернулась к докризисному уровню. При этом ни в одной из изучаемых стран Центральной Азии и Южного Кавказа (для которых имелись соответствующие данные) доля расходов на непродовольственные товары не вернулась к докризисному уровню. Последнее в значительной мере было связано с возросшей (по сравнению с советским периодом) долей расходов на различные услуги. Указанное структурное изменение объясняется, с одной стороны, появлением новых услуг (в частности, телекоммуникационных), а с другой стороны, тем, что субсидировавшиеся ранее государством услуги (в частности, услуги ЖКХ) стали оказываться населению по рыночным ценам.

Важное место среди показателей уровня жизни населения России, стран Центральной Азии и Южного Кавказа занимает потребление продуктов питания, т.е. размеры и содержание типичного среднедушевого продовольственного рациона. Анализ показателей потребления различных продуктов питания базы данных Статкомитета СНГ и национальных статистических служб отдельных стран, рассчитанных по методу продовольственных (продуктовых) балансов, а также на основе материалов продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) на протяжении всего рассматриваемого периода (охватывающего как годы глубокого экономического кризиса, так и восстановительного и поствосстановительного экономического роста) показал: в годы кризиса резко снижалось потребление мяса, рыбы, молока и молочных продуктов, яиц (т.е. наиболее ценных продуктов, содержащих белки животного

происхождения), а также сахара и, в ряде стран, овощей и фруктов. В отдельных странах Центральной Азии и Южного Кавказа потребление этих продуктов в годы экономического кризиса снижалось в 2, 3 и более раз. Но одновременно, по данным тех же материалов, потребление хлебобулочных изделий (а в некоторых республиках также овощей и фруктов) либо сокращалось незначительно, либо сохранялось на докризисном уровне, а в отдельных странах даже превышало его.

На протяжении восстановительного и посвосстановительного периодов наблюдалась противоположная динамика: потребление перечисленных продуктов животного происхождения (а также сахара, фруктов и овощей) увеличивалось. Но это происходило в разных масштабах и различалось в каждой из рассматриваемых стран. Общая энергетическая ценность пищевого рациона сокращалась менее значительно, чем потребление наиболее качественных (дорогих) продуктов питания. Более дорогие продукты завещались менее дорогими и менее качественными. Таким образом, можно констатировать, что на протяжении всего изучаемого периода сокращение количественных показателей рациона питания (например, общей калорийности) было менее значительным, чем снижение его качественных характеристик. Отсюда следует: в годы углубления кризиса массовый характер приняло постоянное недоедание, характерное для значительной части или даже большинства населения стран Центральной Азии и Южного Кавказа. Но не была перейдена черта, отделяющая недоедание от массового голода, подобного тому, который наблюдался на Украине, в ряде регионов Южной России, Поволжья, а также на территории современного Казахстана в 1932 – 1933 гг. Это является одной из причин того, что в период глубокого экономического кризиса 1990-х гг. и в первые годы восстановительного экономического роста, ни в одном из новых независимых государств не было голодных бунтов и связанных с ними социально-политических «взрывов» .

Другие составляющие социального блока, характеризующие условия

жизни населения, – жилищное хозяйство, образование и здравоохранение. Эти отрасли экономики в 1990-х и 2000-х гг. развивались по-разному.

Индикатор жилой площади, приходящейся в среднем на душу населения, в подавляющем большинстве стран-членов СНГ на протяжении 1990-х и 2000-х гг. (т.е. и во время глубокого кризиса, и в период восстановительного роста) колебался в сравнительно незначительных интервалах, не идущих ни в какое сравнение с показателями снижения потребления важнейших и наиболее ценных в качественном отношении продуктов питания. Однако за этим благополучным фасадом скрывалась неприглядная действительность, связанная с увеличением площади ветхого и непригодного к жизни жилья и повышением его удельного веса в общей жилой площади каждой из этих стран. Это во многом объяснялось тем, что в годы кризиса и поствосстановительного периода масштабы жилищного строительства резко сократились. Сокращение строительства нового жилья сопровождалось ухудшением старого жилищного фонда и постепенным уменьшением масштабов ремонтных работ (особенно капитального ремонта, в котором нуждалась все бóльшая часть старых жилых помещений). При этом сокращалось не только новое жилищное строительство, но и масштабы газификации, электрификации, водоснабжения и современной канализации. В последние годы во многих странах Центральной Азии и Южного Кавказа строительные работы, охватывающие весь жилищный комплекс, постепенно расширялись, но они не смогли компенсировать «потери» постепенно накапливавшиеся на протяжении 1990-х и 2000-х гг.

Почти во всех странах Центральной Азии и Южного Кавказа удалось сохранить на более или менее приемлемом уровне систему начального и среднего образования (имеется в виду число начальных и средних школ, а также учеников и преподавателей этих учебных заведений). При этом резко уменьшилось число детских садов, что привело к выпадению целого поколения детей из системы дошкольного образования и отрицательно сказалось на качестве подготовки учащихся в начальной и средней школе.

В годы кризиса в промышленности, строительстве, жилищном хозяйстве, а также сельском хозяйстве резко сократилась потребность в специалистах средней квалификации. Это привело к уменьшению численности учебных заведений соответствующего профиля и уровня, а также числа студентов и преподавателей ссузов. В последние годы однако, проявилась тенденция к расширению сферы среднего профессионального образования.

В отличие от среднего образования, в России и в большинстве стран Центральной Азии и Южного Кавказа (исключение составляют Туркменистан и Узбекистан) даже в годы кризиса, тем более, в период восстановительного, а в отдельных странах в период поствосстановительного роста сфера высшего профессионального образования (в ее внешних проявлениях) продемонстрировала отчетливую положительную динамику. В 1990-х и в 2000-х гг. число вузов и общая численность обучавшихся в них студентов увеличивались. Этот процесс характеризовался показателями увеличения числа студентов в 2,3 раза, а в Киргизии почти 4.

Но рост числа вузов и численности студентов, к сожалению, не сопровождался адекватным увеличением числа учебных и лабораторных корпусов, общежитий, поставок оборудования для обеспечения обучения на современном уровне. Еще более серьезная проблема – недостаток профессорско-преподавательских кадров. Все это привело к снижению качества подготовки специалистов высокой квалификации, что в дальнейшем скажется на функционировании всей социально-экономической и политической системы каждой из изучаемых странах.

В системе здравоохранения сложилась аналогичная ситуация, поскольку общие ассигнования на систему здравоохранения значительно отставали от таковых по развитым и некоторым развивающимся странам. Стремление к оптимизации всех звеньев системы здравоохранения привело: к уменьшению числа больниц (что особенно тяжело сказывалось на сельском населении); возрастанию нагрузки на работу поликлиник, амбулаторий и

фельдшерских пунктов. Тем не менее, несмотря на отдельные вспышки инфекционных заболеваний, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, а также в России удалось избежать распространения массовых эпидемий. Специфической особенностью официальной статистики отдельных заболеваний в изучаемых регионах было то, что она не всегда адекватно отражала реальную динамику соответствующего процесса. В частности, во многих странах Центральной Азии и Южного Кавказа имел место недостаточный учет вновь заболевших теми или иными заболеваниям в годы глубокого кризиса и после его окончания.

Анализ основных количественных индикаторов, характеризующих состояние науки в России, странах Центральной Азии и Южного Кавказа на протяжении двадцати лет после распада СССР показал: снижение объема выполненных научно-технических работ в годы кризиса происходило быстрее и в бóльших масштабах, чем сокращение всего ВВП, тогда как восстановление объема научно-технических работ (НТР) шло медленнее роста ВВП. Так, в большинстве стран-членов СНГ к концу 2000-х гг. превышен докризисный уровень ВВП. Но при этом объем выполненных НТР был все еще в разы ниже уровня 1990 г.: в Армении – в 7 раз; в Азербайджане – в 2,5 раза; в Грузии – в 12–13 раз (данные на 2005 г.); в России – вдвое, а в Таджикистане почти в 10 раз. Сокращение объемов НТР в худшие годы кризиса переходного типа в ряде стран Центральной Азии и Южного Кавказа достигало катастрофических масштабов. Объем НТР был меньше значений 1990 года: в Армении в 1995 г. – в 58 раз; в Грузии в 1994 г. – в 365 раз (!); в Азербайджане в 1994 г. – в 64 раза; в Таджикистане в 1997 г. – в 60 раз. Все эти данные рассчитаны по материалам национальной статистики указанных выше государств. Однако, учитывая ее неудовлетворительное состояние в годы кризиса, они могут быть преувеличенными. Но это не может изменить общую тенденцию снижения и масштаб выполненных НТР.

В годы кризиса и даже после его завершения показатели занятости в

сфере науки. Так, масштабы сокращения численности специалистов-исследователей относительно уровня 1990 г. составили от 36 % (в Азербайджане в 2001 г.) до 85 % (в Армении в 1995 г.). Даже к концу 2000-х гг. в странах Центральной Азии и Южного Кавказа не был преодолен даже пятидесятипроцентный рубеж относительно численности занятых научными исследованиями и разработками в 1990 г. (исключение – Азерабайджан). Во всех этих государствах относительное сокращение числа занятых научными исследованиями было бóльшим, чем снижение числа занятых в экономике.

Важный показатель, характеризующий сравнительную эффективность сферы науки – количество научных публикаций в расчете на 1000 специалистов-исследователей. В период с 1995 по 2007 гг. значения соответствующих показателей, по данным международной статистики, в России и других странах-членах СНГ оказались в несколько раз ниже, чем в странах Западной Европы. Низкие библиометрические показатели стран-членов СНГ отчасти объясняются малым числом публикаций в журналах, охваченных международными индексами цитирования. Например, из более чем полутора тысяч изданий Перечня ведущих рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации лишь 114 (т.е. меньше 8 % от всех рекомендованных ВАК МОН РФ) учитывались системами SCI и SSCI. Не все российские журналы, входящие в этот Перечень, характеризуются высоким научным уровнем публикуемых в них статей. Однако в отдельные годы даже некоторые ведущие российские экономические журналы не входили в число изданий, охваченных SSCI. Возможно, это объяснялось недостатком специалистов, свободно владеющих русским языком среди ответственных за составление списка изданий, охваченных указанным индексом. Не исключено, что эти специалисты могли руководствоваться своими предпочтениями, симпатиями и антипатиями, не всегда объективно отражавшими научный уровень публикаций в российских журналах.

Другой важный индикатор меры эффективности научной сферы – данные о количестве зарегистрированных прав на изобретения, открытия и разного рода усовершенствования (патенты), сделанные гражданами изучаемых стран. Широкое использование в международной статистике данных о количестве поданных патентных заявок не способствует и нередко существенно искажает истинное положение дел. Более адекватное представление об успехах той или иной страны в рассматриваемой сфере дают не заявки, а выданные ее гражданам патенты, т.е. результативные заявки на изобретения и открытия, права на которые подтверждены Всемирной организацией интеллектуальной собственности. Например, в США за период с 1995 по 2008 гг. успешной оказалась почти каждая вторая заявка; в Китае каждая четвертая заявка стала патентом. В России данное соотношение может считаться высоким: две из трех поданных заявок становились патентами, что превышает аналогичный показатель США. Наконец, число патентов в расчете на каждую тысячу исследователей в Казахстане и России оказалось вполне сопоставимым с аналогичным показателем в Германии, а также значительно превышало соответствующие данные в Португалии и Китае.

Несмотря на завершение кризиса переходного типа, восстановительный (а в Азербайджане, Армении, Казахстане, России и возможно, в Туркменистане – поствосстановительный) экономический рост, за последние 20 лет ни одной из стран-членов СНГ не удалось достичь впечатляющей динамики наукометрических индикаторов. Модернизация всей экономики, а также социальной системы и политической сферы, которую стремятся осуществлять многие стран-члены СНГ – сложный процесс, не всегда напрямую связанный с развитием сферы НИОКР. Опыт стран Западной Европы и Северной Америки показывает, что современный экономический рост неизменно сопровождается созданием национального научно-технического комплекса. Поэтому в странах-членах СНГ, в первую очередь, в России, процесс социально-экономической модернизации вряд ли

возможен без ускоренного развития сферы науки.

БИБЛИОГРАФИЯ

Статистические сборники

1. 10 лет Содружества Независимых Государств (1991-2000): Статистический сборник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2001. – 800 с.
2. 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005): Статистический сборник. М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2006. – 484 с.
3. 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2000: Статистический сборник / Межгосударственный статистический комитет СНГ. – М., 2011. – 516 с.
4. 20 лет Содружеству Независимых Государств 1991–2000: статистический сборник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (CD-ROM).
5. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 1999-2000 и 2002 годы: Стат. сб./ Росстат. – М., 2005. – 153 с.
6. Международные сопоставления валового внутреннего продукта за 2005 год: Стат. сб./ Росстат. – М., 2008. – 237 с.
7. Мир в цифрах – 2012: карманный справочник / пер. с англ. Д. Журавлёва, Н. Кононовой. – М.: Олимп–Бизнес, 2012. – 272 с.
8. Мир в цифрах: статистический сборник. Статкомитет СНГ. – М.: Финстатинформ, 1993. – 352 с.
9. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
10. Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 1998-3. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1998 (CD-ROM).

11. Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2008-13. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2008 (CD-ROM).
12. Официальная статистика стран Содружества независимых государств, 2010-15. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2010 (CD-ROM).
13. Официальная статистика стран Содружества Независимых Государств, 2011-16. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2011 (CD-ROM).
14. Россия и страны мира. 1998: статистический сборник. Госкомстат России. – М., 1998.
15. Россия и страны мира. 2002: статистический сборник. Госкомстат России. – М., 2002.
16. Россия и страны мира. 2010: статистический сборник. – М.: Росстат, 2010.
17. Сельское, лесное и рыбное хозяйство Казахстана. 2005–2009 гг.: статистический сборник. – Астана: Агентство Республики Казахстан по статистике 2010. – 238 с.
18. Содружество Независимых Государств в 1996 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 1997.
19. Содружество Независимых Государств в 2008 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2009 (CD-ROM).
20. Содружество Независимых Государств в 2010 г.: краткий справочник. – М.: Статкомитет СНГ, 2011.
21. Содружество Независимых Государств в 2011 году: статистический ежегодник. – М.: Межгосударственный статистический комитет СНГ, 2012.

22. Статистический ежегодник Республики Таджикистан – 2002. – Душанбе: Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, 2002.
23. Статистический ежегодник Республики Таджикистан – 2007. – Душанбе: Государственный комитет статистики Республики Таджикистан, 2007.
24. Таджикистан в цифрах 2012: статистический сборник. – Душанбе Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, 2012 (электронная версия).
25. Экономика Содружества Независимых Государств: краткий справочник. Статкомитет СНГ. – М.: Финстатинформ, 1993. – 166 с.
26. Agriculture of Georgia 2009. – Tbilisi: National Statistics Office of Georgia, 2010.
27. Agriculture of Georgia 2012. – Tbilisi: National Statistics Office of Georgia, 2013.
28. Global Purchasing Power Parities and Real Expenditures: 2005 International Comparison Program / World bank. – Washington: DC, 2008.
29. Migration and Remittances Factbook 2011 (Second edition) / World Bank. – Washington: DC, 2011.
30. National Science Board. 2012. Science and Engineering Indicators 2012. – Arlington VA: National Science Foundation (NSB 12-01).
31. National Science Board. 2014. Science and Engineering Indicators 2014. – Arlington VA: National Science Foundation (NSB 14-01).
32. Purchasing Power Parities and Real Expenditures / The Asian Development Bank. – Manila, 2007.
33. Statistical Yearbook of Georgia: 2008/ Department of Statistics under Ministry of Economic Development of Georgia – Tbilisi, 2008.
34. World development indicators 2007. The World Bank. – Washington: DC, 2007.

35. World development indicators 2007 / The World Bank. – Washington, DC, 2007 (CD-ROM).
36. World development indicators 2010. The World Bank. – Washington: DC, 2010.
37. World development indicators 2012. The World Bank. – Washington: DC, 2012.

Словари и энциклопедии

38. Большая Советская Энциклопедия. В 30-ти т. / гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия. – Т. 11. Италия – Кваркуш. 1973.
39. Онлайн-словарь «ABBYY Lingvo», режим доступа: http://lingvo.abbyyonline.com.
40. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 494 с.
41. Словарь современной экономической теории Макмиллана. – М.: ИНФРА-М, 1997. – 608 с.
42. The New Palgrave: A Dictionary of Economics. First Edition. Eds. John Eatwell, Murray Milgate and Peter Newman. Palgrave Macmillan, 1987. The New Palgrave Dictionary of Economics Online. Palgrave Macmillan. 28 August 2012 <http://www.dictionaryofeconomics.com/article?id=pde1987_X000706> doi:10.1057/9780230226203.2472.
43. The New Palgrave Dictionary of Economics. Second Edition. Eds. Steven N. Durlauf and Lawrence E. Blume. Palgrave Macmillan, 2008. The New Palgrave Dictionary of Economics Online. Palgrave Macmillan. 21 June 2012. http://82.179.249.32:3058/article?id=pde2008_E000086> doi:10.1057/9780230226203.0475.

Методические руководства и справочники

44. Consumer price index manual: Theory and practice / International Labour Office. – Geneva, 2004.

45. Food balance sheets: a handbook / Food and Agriculture Organization of the United Nations. – Rome, 2001.
46. General statistical procedures used to construct WHO health expenditure database, May 14th 2012. (электронный документ; режим доступа: http://apps.who.int/nha/expenditure_database/estimation.pdf).
47. ICP 2003-2006 Handbook (электронный документ; режим доступа: http://go.worldbank.org/MW520NNFK0).
48. Indexing with CPI: problems and alternatives. U.S. G.P.O. – Washington: D.C., 1981.
49. Indicators of sustainable development: guidelines and methodologies / United Nations. – New York, 2001 (электронный документ; режим доступа: http://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/indisd-mg2001.pdf).
50. Manual on the Measurement of Human Resources Devoted to S&T, (the Canberra Manual) / Eurostat/OECD. – Paris, 1995.
51. Methodological Manual on Purchasing Power Parities / OECD. – Paris, 2006.
52. OECD Patent Statistics Manual / OECD. – Paris, 2009.
53. Proposed Standard Practice for Surveys on Research and Experimental Development (the Frascati Manual), 6th edition / OECD. – Paris, 2002.
54. Tuberculosis prevalence surveys: a handbook (The lime book) / World Health Organization. – Geneva, 2011.
55. What is new in PWT 6.3?, (электронный документ; режим доступа: http://pwt.econ.upenn.edu/Documentation/PWT_63webac_final.doc) .

Монографии

56. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. – 552 с.

57. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное / М.: Издательство «Весь Мир», 2007. – 592 с.
58. Буассонад П. От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе / Пер. с англ. И.А. Петровской. – М.: ЗАО Издательство Центр-полиграф, 2010. – 383 с.
59. Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. – М.: Астрель, 2007. – 988, [3] с.
60. Вардомский Л.Б. Российское порубежье в условиях глобализации / Рос. акад. наук, Ин-т экономики. – М.: URSS, 2009. – 212 с.
56. Вардомский Л.Б., Пылин А.Г., Соколова Т.В. Страны Южного Кавказа: особенности развития и регионального взаимодействия – М.: Институт экономики РАН, 2014. – 72 с.
57. Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – 2-е изд., доп. и испр. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 656 с. (Серия «Книга света»).
58. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. – 3-е изд. – М.: Дело, 2005. – 656 с.
59. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? – М.: Изд-во полит. литературы, 1989 г.
60. Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX–начало XX в.): Новые подсчёты и оценки / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 256 с.
61. Даймонд Д. Ружья, микробы и сталь: судьбы человеческих сообществ / Пер. с англ. М. Колопотина. – М.: АСТ Москва: CORPUS, 2010. – 752 с.
62. Жуков С.В., Келимбетов К.Н. Казахстан. Нефть – новые возможности для развития. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 178 с.
63. Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 180 с.

64. Истерли В. В поисках роста: Приключения и злоключения экономистов в тропиках / Пер. с англ. – М.: Институт комплексных стратегических исследований, 2006. – 352 с.
65. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Международные экономические сопоставления на основе паритетов покупательной способности валют: теория, практика и актуальные проблемы: монография. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2014. – 6,5 п.л. (в том числе автора – 4,0 п.л.).
66. Карамурзов Р.Б. Социально-экономическое развитие стран Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.): монография. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки Москва, 2014. – 13,1 п.л.
67. Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Катон. Земледелие. – Рязань: Александрия, 2009. – 624 с.
68. Кларк Г. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира / пер. с англ. Н. Эдельмана. – М. : Издательство Института Гайдара, 2012. – 544 с.
69. Крил Х.Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / Пер. с англ. Котенко Р.В. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001.
70. Кузьмина Е.М. Россия и страны Центральной Азии: взаимодействие на рубеже тысячелетий. – М., «Наука», 2006,
71. Кузьмина Е.М. Экономическое развитие стран Центральной Азии. Динамика роста и проблемы модернизации. М.: ИЭ РАН, 2010. – 54 с.
72. Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы, 10-е изд., стереотип. Т.1-2 – Челябинск: Социум, 2008, Т.1
73. Кульпин Э.С. Восток: природа – технология – ментальность на Дальнем Востоке. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 272 с.

74. Кэмерон Р. Краткая экономическая история мира. От палеолита до наших дней / Пер. с англ. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 544 с.
75. Ле Гофф Ж. Рождение Европы / Серия «Становление Европы». / Пер. с фр. А.И. Поповой. Предисл. А.О. Чубарьяна. – СПб.: «Александрия», 2008. – 398 с.
76. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Пер. с франц. М.Ю. Некрасова. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. – 224 с.
77. Лукас Р.Э. Лекции по кономическому росту. М.: Издательство Института Гайдара, 2013.
78. Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе / Серия «Становление Европы». / СПб.: «Александрия», 2009. – 279 с.
79. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 304 с.
80. Мельянцев В.А. Россия и окружающий мир: контуры развития. – М.: Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, 1996.
81. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 576 с., илл.
82. Мировой финансовый кризис в постсоветских странах: национальные особенности и экономические последствия / Под общей редакцией доктора экономических наук, профессора Л.Б. Вардомского – М.: ИЭ РАН, 2009. – 385 с.
83. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XIX века. – М. : Новый хронограф, 2010. – 911 с.
84. Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний [Текст] / пер. с англ. Н. Эдельмана; под ред. М. Ивановой. – М.: Изд. Института Гайдара, 2012. – 408 с.
85. Начала политической экономии и налогового обложения. Избранное /

Д.Рикардо; [Пер. с англ.: предисл. П.Н. Клюкина]. – М.: Эксмо, 2007 (Антология экономической мысли). – 960 с.

86. Нефедов С.А. История России. Факторный анализ. Т. I. С древнейших времен до Великой Смуты. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2010. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). – 376 с.
87. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений [Тест] / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана; Гос. ун-т – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 256 с.
88. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное / Дж.М.Кейнс; вступ. Статья Н.А. Макашевой. – М.: Эксмо, 2008 (Антология экономической мысли). – 960 с.
89. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России. 1795-2007. / Российская академия наук. Институт востоковедения. М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
90. Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской империи (в 2-х томах). Т. I / Российская академия наук. СПб.: Наука, 2000. – 400 с.
91. Студенский П. Доход наций (теория, измерение и анализ: прошлое и настоящее). – М: Статистика, 1968. – 710 с.
92. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Й.А. Шумпетер. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с. ((Антология экономической мысли).
93. Фридман Л.А. Очерки экономического и социального развития стран Центральной Азии после распада СССР. – М.: Гуманитарий, 2001.
94. Фридман Л.А. Россия, Центральная Азия и Южный Кавказ в геоэкономической структуре современного мира. – М.: Гуманитарий, 2008.
95. Фридман Л.А., Бельчук А.И. Россия в окружающем мире. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2006.

96. Хелпман Э. Загадка экономического роста. М.: Издательство Института Гайдара, 2012.
97. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914 – 1991). – М.: Издательство Независимая Газета, 2004. – 632 с., ил. – (Серия «История великих цивилизаций»).
98. Юм Д. Малые произведения: Эссе; Естественная история религии; Диалоги о естественной религии / Пер. с англ. М.А. Абрамова, М.О. Гершензона, Е.С. Лагутина, С.М. Роговина, С.И. Церетели. Примечания И.С. Нарского, Б.В. Мееровского, М.А. Абрамова. – М.: «Канон», 1996. – 464 с.
99. Cassel G. The World's Monetary Problems / Constable and Company. – London, 1921.
100. Clark C. The Conditions of Economic Progress, London, Macmillan, 1957.
101. Cohn E., Bergendal K., Heckscher E., Keilhau W., Thorsteinsson T. Sweden, Norway, Denmark and Iceland in the World War / Yale University Press. – New Haven, 1930.
102. De Roover R. Money, Banking and Credit in Medieval Bruges / Mediaevel academy of America. Routledge. – Cambridge (Massachusetts), 1948
103. Gilbert M., Kravis I. An international comparison of national products and the purchasing power of currencies / OEEC. – Paris, 1954.
104. Grice-Hutchinson M. The School of Salamanca. Readings in Spanish Monetary Theory 1544-1605 / Clarendon Press. – Oxford, 1952.
105. Halm G. Monetary Theory / The Blakiston Company. – Philadelphia, 1942
106. Jevons W. The Theory of Political Economy / Macmillan and Co. – London and New York, 1888, 3rd ed.
107. Kravis I., Heston A., Summers R. World product and income: international Comparisons of Real Gross Product / The John Hopkins University Press (Published for World Bank). – Baltimore and London, 1982.
108. Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run / OECD. – Paris, 1998.

109. Maddison A. Chinese Economic Performance in the Long Run (Second ed., revised and udpdated): 960-2030 AD / OECD. – Paris, 2007.
110. Maddison A. Contours of the world economy, 1-2030 AD: essays in macro-economic history / Oxford University Press. – New York, 2007.
111. Maddison A. Monitoring the world economy / OECD. – Paris, 1995.
112. Maddison A. The World Economy, Volume 1: A MILLENNIAL PERSPECTIVE, Volume 2: HISTORICAL STATISTICS / OECD. – Paris, 2006.
113. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective / OECD. – Paris, 2001.
114. Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. – Paris, 2003.
115. Mises L. The Theory of Money and Credit / Yale University Press. – New Haven, 1953.
116. Ren Rouen. China's economic performance in international perspective / OECD development centre. – Paris, 1997.
117. Rothbard M. Economic Thought Before Adam Smith. An Austrian Perspective on the History of Economic Thought, Vol.I. / Ludwig von Mises Institute. – Auburn (Alabama), 2006.
118. The Logic of Action One: Method, Money, and the Austrian School / Edward Elgar. – Cheltenham, UK, 1997.
119. Wheatley J. Remarks on currency and commerce / Burton. – London, 1803.
120. Wu Chi-Yuen. An Outline of International Price Theories / George Routledge & Sons. – London, 1939.

Публикации в периодических научных (а) и информационных (б) изданиях

а)

121. Алиев Т. Динамика уровня жизни населения в Казахстане (потребление

продуктов питания) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2012. – № 2. – СС. 16–33.

122. Афанасьев, А.А. Экономическая мысль в Испании XVI века – саламанкская школа // Экономика и математические методы, 2004, том 40, 4, СС.26-58.
123. Вардомский Л.Б. Независимая Армения в поисках модели экономического развития // Российский экономический журнал. – 2013. – № 2 – СС.54-69.
124. Дерлугьян Г.М. Исламский не-фактор на Северном Кавказе // Прогнозис: Журнал о будущем; N. 4-, (16-), 2008, СС.147-164.
125. Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономическое взаимодействие на постсоветском пространстве // Кавказ и глобализация. – 2006. - №8 – СС.109-123.
126. Жуков С.В., Резникова О.Б. Экономические взаимосвязи на постсоветском пространстве // Вопросы экономики. – 2007. - №8 – СС.93-103.
127. Илларионов А. Как Россия потеряла XX столетие // Вопросы экономики. – 2000 . – № 1. – СС. 4–26.
128. Карамурзов Р.Б. Библиометрические показатели и патентная активность в странах СНГ и Грузии // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). – 2014. – № 14. – 0,5 п.л.
129. Карамурзов Р.Б. Жилищные условия населения в странах Центральной Азии и Южного Кавказа (1990–2010 гг.) // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2013. – Т. 3, № 1. – С. 104–111. – 0,8 п.л.
130. Карамурзов Р.Б. Из истории развития теории паритета покупательной способности валют // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 11. – С. 320–327 – 0,5 п.л.
131. Карамурзов Р.Б. Изменения в структуре потребительских расходов домашних хозяйств в странах Центральной Азии и Южного Кавказа в

1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 8. – 0,7 п.л.

132. Карамурзов Р.Б. О концепции паритета покупательной способности валют // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 3. – С. 97–106 – 1 п.л.
133. Карамурзов Р.Б. О некоторых аспектах состояния системы здравоохранения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 8. – 0,9 п.л.
134. Карамурзов Р.Б. О некоторых индикаторах образования в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 7 (спец.выпуск). – 0,4 п.л.
135. Карамурзов Р.Б. О некоторых итогах раунда 2011 года Программы международных сопоставлений // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2014. – Т. 4, № 2. – С. 56–58. – 0,2 п.л.
136. Карамурзов Р.Б. О раунде 2005 года Программы международных экономических сопоставлений // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 7. – С. 470–478. – 1 п.л.
137. Карамурзов Р.Б. О реальной заработной плате населения в странах СНГ и Грузии в 1990–2010 гг. // Управление экономическими системами: (электронный научный журнал). – 2014. – № 9. – 0,8 п.л.
138. Карамурзов Р.Б. Положение науки в странах Содружества Независимых Государств в период кризиса переходного типа, восстановительного и поствосстановительного экономического роста (1991–2008 гг.) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2010. – № 1. – С. 225–231 – 0,8 п.л.
139. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (о некоторых спорных вопросах и расчетах) // Россия XXI. – 2011. – № 3. – С. 54–85 – 1,5 п.л. (в том числе автора – 0,8 п.л.).

140. Карамурзов Р.Б., Фридман Л.А. Проблемы международных экономических сопоставлений (Китай, Россия и другие страны в геоэкономической картине мира) // Россия XXI. – 2011. – № 4. – С. 20–57. –1,5 п.л. (в том числе автора – 0,8 п.л.).
141. Кузьмина Е.М. Геоэкономические интересы России в Центральной Азии // Безопасность Евразии. – 2006 – № 1 – СС. 356-371.
142. Кузьмина Е.М. Социально-экономическая динамика постсоветского Казахстана // Российский экономический журнал. – 2013 – №5 – СС. 77-89.
143. Кузьмина Е. М. Экономические позиции Европейского союза в Центральной Азии на фоне кризиса в ЕС // Белорусский экономический журнал. – 2014 – №3 – СС.4-14
144. Фридман Л.А., Карамурзов Р.Б. Содружество Независимых Государств в окружающем мире // Россия XXI. – 2013. – № 1. – С. 24–43. – 0,9 п.л. (в том числе автора – 0,5 п.л.).
145. Balassa B. The purchasing power parity doctrine: a reappraisal // The Journal of Political Economy, Vol. 72, No. 6 1964 (Dec.), PP.584-596.
146. Bhagwati J. Why are services cheaper in the poor countries? // The Economic Journal, Vol. 94, No. 374, 1984 (June), PP.279-286.
147. Boskin M., Dulberger E., Gordon R., Griliches Z., Jorgenson D. Consumer Prices, the Consumer Price Index, and the Cost of Living // J. of Economic Perspectives. – 1998. – Vol. 12, № 1. – P. 3–26.
148. Cassel G. Abnormal Deviations in International Exchanges // The Economic Journal, Vol. 28, No. 112 (Dec., 1918), PP.413-415.
149. Cassel G. The present Situation on the Foreign Exchanges // The Economic Journal, Vol. 26, No.101 (Mar., 1916), PP.62-65.
150. Clark G. The Price History of English Agriculture, 1209-1914 // Research in Economic History, 22, 2004, pp. 41-124
151. Deaton A., Heston A. Understanding PPPs and PPP-based national accounts // 2008 (November), NBER Working Paper No.14499.

152. Engel E. «Die Productions- und Consumtionsverhaltnisse des Königreichs Sachsen» in Zeitschrift des Statistischen Bureaus des Königlich-Sächsischen, Ministerium des Innern. – 1857. – № 8 und 9. – P. 1–54.
153. Frenkel J. Purchasing Power Parity: Doctrinal Perspective and Evidence from the 1920s // Journal of International Economics, Vol. 8, No. 2, 1978, (May), PP.169-191.
154. Frenkel J. The Collapse of Purchasing Power Parity During the 1970s. // European Economic Review. 16:1, 1981. – PP.145–65.
155. Goldsmith R.W. An Estimate of the Size and Structure of the National Product of the Early Roman Empire // Review of Income and Wealth, 30, 1984, pp. 263-88.
156. Holmes J. The purchasing-power-parity theory: in defense of Gustav Cassel as a modern theorist // The Journal of Political Economy, Vol. 75, No 5 (Oct., 1967), PP.686-695.
157. Holz C. China's reform period economic growth: how reliable are Angus Maddison's estimates? // Review of income and wealth, Series 52, No 1, March 2006, PP.85-119.
158. Hopkins K. Taxes and Trade in the Roman Empire (200 B.C.-A.D. 400) // Journal of Roman Studies, LXX, 1980, pp. 101-25.
159. Karamourzov R. The development trends of science in the CIS countries on the basis of some scientometric indicators // Scientometrics. – 2012. – Vol. 91, № 1. – pp. 1–14. – 0,8 п.л.
160. Maddison A., Wu X. Measuring China's Economic Performance // World Economics. – 2008. – Vol. 9 (2), pp. 13-44, April.
161. Malanima P. Measuring the Italian Economy 1300-1861 // Rivista di Storia Economica, XIX, 2003, pp. 265-295.
162. Milanovic B. An Estimate of Average Income and Inequality in Byzantium around Year 1000 // Review of Income and Wealth, 52, 2006, PP. 449-470.
163. Pigou A. The Foreign Exchange // The Quarterly Journal of Economics, Vol. 37, No. 1 (Nov., 1922), PP.52-74.

164. Ren Rouen, Chen Kai. An Expenditure-Based Bilateral Comparison of Gross Domestic Product between China and the United States // Review of Income and Wealth, Volume 40, Issue 4, December 1994, PP.377-394.
165. Rogoff K. The Purchasing Power Parity Puzzle // Journal of Economic Literature, Vol. XXXIV, 1996 (June), PP.647-668.
166. Samuelson P. Facets of Balassa-Samuelson Thirty Years Later // Review of international economics, Vol. 2, Issue 3, 1995, PP.201-226.
167. Samuelson P. Theoretical notes on trade problems // The Review of Economics and Statistics, Vol. 46, No. 2, 1964 (May), PP.145-154.
168. Taylor A., Taylor M. The purchasing power parity debate // Journal of Economic Perspektives, Vol. 18, No. 4, 2004 (Fall), PP.135-158.
169. Wahl R. Is the Consumer Price Index a Fair Measure of Inflation? // Journal of Policy Analysis and Management. – 1982. – Vol. 1, No. 4. – P. 496–511.
170. Xu Xianchun. Zhongguo jingji zengzhang jiujing shi duoshao? (How high is China's economic growth rate actually?) // Guoqing guoli luntan, No. 2, 1999 (February), PP.10-12.

б)

171. Касымбекова В. Пересмотра итогов приватизации в Таджикистане требуют прокуратура и оппозиция в Голос свободы Центральной Азии // Информационно-аналитический правозащитный бюллетень. – 2008. – № 6 (16). http://vof.kg/?p=4023.

Сборники статей

171. Economic Essays in Honour of Gustav Cassel / Frank Cass and Co. Ltd. – London and Edinburgh, 1967.
172. Quantifying the Roman Economy: Methods and Problems / Oxford University Press. – New York, 2009
173. The Ancient Economy (Edited by W. Scheidel and S. von Reden) / Routledge. – New York, 2002

174. The Elgar Companion to Austrian Economics / Hartnolls Ltd. – Bodmin, Cornwall, 1994.

Электронные препринты

175. Chakrabarty M., Hildenbrand W. Engel's Law Reconsidered // Bonn Econ Discussion Papers. – 2009. – № 22. University of Bonn, Germany (http://www.bgse.uni-bonn.de/bgse-profile-1/discussion-papers/2009/manisha-chakrabarty-and-werner-hildenbrand-engel2019s-law-reconsidered-no.-22-2009).
176. Chakrabarty M., Hildenbrand W. How Should Engel's Law be Formulated? (http://www.isid.ac.in/~pu/conference/dec_10_conf/Papers/ManishaChakrabarty.doc).
177. Havrylyshyn O., Wolf T., Izvorski I. and Van Rooden R. Growth Experience in Transition Countries 1990–1998 (IMF Occasional Paper #184) / International Monetary Fund. – Washington: DC, 1999.
178. Holz C. China's Reform Period Economic Growth: Why Angus Maddison Got It Wrong and What That Means / Hong Kong University of Science and Technology, Department of Social Science working paper, December 2004.

Аналитические сборники

179. Доклад о мировом развитии 2008. Сельское хозяйство на службе развития / пер. с англ. – М.: Весь мир, 2008. – 424 с.
180. World Development Report 2008: Agriculture for Development / The World Bank. – Washington: DC, 2007.
181. World Economic Outlook: Asset Prices and the Business Cycle // International Monetary Fund. – Washington: DC, 2000.

Законодательные акты, нормативные документы и стенографические отчёты

182. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет: В 3-х т. – М.: Политиздат, 1986. – Т. 2.
183. Методические указания по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов (постановление Госкомстата России от 7 июня 2001 года № 41) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Dum/DocumShow_DocumID_23851.html).
184. Федеральный закон от 24 октября 1997 г. N 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), http://base.garant.ru/172780

Ресурсы сети Интернет

185. База данных «Journal citation report» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wokinfo.com/products_tools/analytical/jcr.
186. База данных Всемирного банка «PovcalNet», режим доступа: http://iresearch.worldbank.org/PovcalNet/index.htm
187. База данных Всемирного банка «World developmen tindicators [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://databank.worldbank.org/data/views/variableselection/selectvariables.aspx?source=world-development-indicators.
188. База данных Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных наций (ФАО) FAOSTAT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://faostat.fao.org.
189. Институт статистики ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stats.uis.unesco.org/unesco/TableViewer/tableView.aspx?ReportId=2655.
190. Официальный сайт Всемирного банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldbank.org.

191. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wipo.org
192. Официальный сайт Всемирной организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа:www.who.org
193. Официальный сайт Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vak.ed.gov.ru.
194. Официальный сайт Европейской экономической комиссии ООН [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.unece.org/stat/platform/display/Statgloss/Consumer+price+index.
195. Официальный сайт казахстанского Комитета по контролю в сфере образования и науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.educontrol.kz/ru/oficialnye_dokumenty/perechen_nauchnykh_izdanii/
196. Официальный сайт межгосударственного статистического комитета СНГ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cisstat.com.
197. Официальный сайт Международного валютного фонда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.imf.org.
198. Официальный сайт Национального научного фонда США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.nsf.gov
199. Официальный сайт Организации объединенных наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org.
200. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.oecd.org
201. Официальный сайт статистической службы Европейского союза (Евростат) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://epp.eurostat.ec.europa.eu.
202. Официальный сайт Центра международных сопоставлений Пенсильванского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pwt.sas.upenn.edu.

203. Периодическое электронное издание Программы международных сопоставлений «ICP bulletin» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.worldbank.org/ICP.
204. Персональный сайт Э. Мэддисона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ggdc.net/MADDISON.